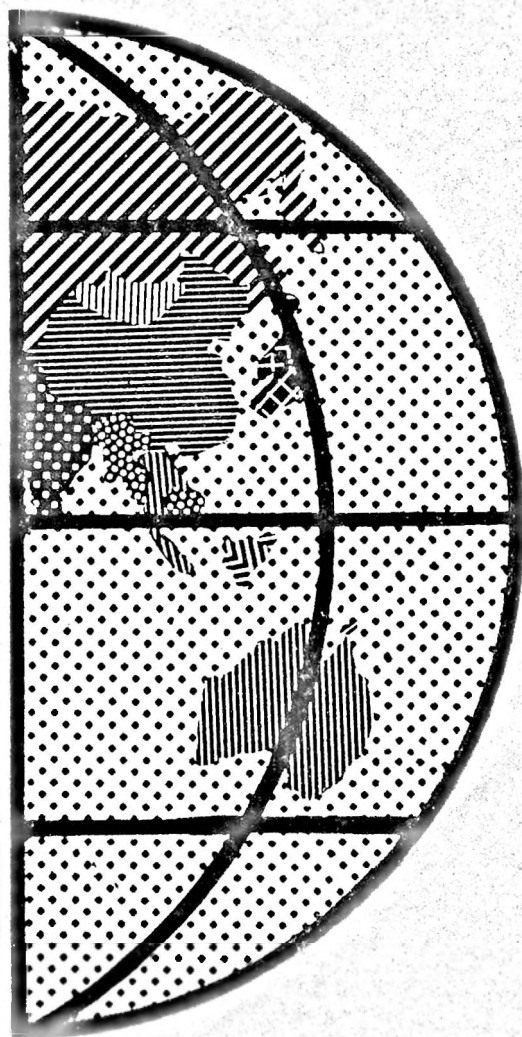

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131—2812

Экономика Китая

Внешнеполитическая
концепция КНР

Профсоюзное движение
Японии

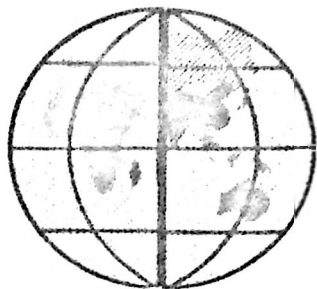
Важная дата
в истории КПК

Китайские авторы
о культуре личности

Легендарный монастырь

ИНСТИТУТ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
АН СССР

4/88

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/88

4 [70] 1988

Издается с 1972 г.

Научный, общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском, английском, японском и испанском языках

СИНХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

- *В. Я. ПОРТЯКОВ, С. В. СТЕПАНОВ.* Экономика КНР в 1987 г. 9
- С. Н. ГОНЧАРОВ, А. О. ВИНОГРАДОВ.* К вопросу об эволюции внешнеполитической концепции КНР 26
- А. Ю. МАНСУРОВ, В. В. МИХЕЕВ.* Финансово-промышленные группы в экономике Южной Кореи 39
- В. Т. ФЕДЯИНОВ.* Профсоюзное движение Японии перед выбором пути 54

ИДЕОЛОГИЯ

- В. Н. УСОВ.* Китайские авторы о проблеме культуры личности 65

Китайские авторы о вопросах теории

- ЛИ ПЭН.* Реализовать научно-технический потенциал, чтобы внести больший вклад в экономическое строительство 75
- СИН БЭНЬСИ.* Некоторые теоретические вопросы общественных реформ в Китае 80
- ЧЖЭН БИЦЗЯНЬ.* Основа нашей концепции 89
- ЮИ ГУАНЬЮАНЬ.* В процессе нового познания социализма 96
- ЧЖАН ШИХУН.* Навстречу вызову эпохи 102

КОММЕНТАРИЙ

- С. Э. КУДАСОВ.* КНДР: 40 лет со дня образования республики 106

ИСТОРИЯ

- А. М. ГРИГОРЬЕВ, К. В. ШЕВЕЛЕВ.* К 60-летию VI съезда Компартии Китая 108
- А. А. ВОЛОХОВА.* Чжоу Эньлай и дипломатия КНР 117
- П. П. КОРОВЯКОВСКИЙ, Н. П. РУСАНОВ.* Чжан Тайлэй: из когорты первых 128

Портрет ученого

- В. С. МЯСНИКОВ, А. С. ИПАТОВА.* Видный советский ученый, дипломат, общественный деятель (к 70-летию академика АН СССР С. Л. Тихвинского) 135

Из истории отечественного востоковедения	<i>В. С. МЯСНИКОВ.</i> Пекинские письма доктора Кирри-лова (окончание)	146
Историография	<i>С. Р. БЕЛОУСОВ.</i> Китайская историография: заполнение «белых пятен»	156
Исторические эскизы	<i>Н. ЗАДОРНОВ.</i> Глава из нового романа	162
КУЛЬТУРА	<i>Д. И. БЕЛКИН.</i> Грандиозный замысел (Горький и издательство «Всемирная литература»)	172
СООБЩЕНИЯ. ОБЗОРЫ. СПРАВКИ	<i>В. И. АНТОНОВ.</i> Особенности формирования высших органов КПК <i>С. П. ХАРНИ.</i> Под лозунгом дружбы (юбилей Общества «СССР — Япония»)	183 188
СТРАНЫ. ОБЫЧАИ. ТРАДИЦИИ	<i>В. И. ОСИПОВ.</i> Южная Корея: «экономическое чудо» и продолжающаяся политическая конфронтация <i>Л. И. КУЗЬМЕНКО.</i> Китайская народная картина няньхуа <i>А. А. ДОЛИН.</i> Легендарный монастырь, или традиции ушу	194 201 206
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	<i>И. А. БАЛЮК.</i> Изучение экономической теории социализма в Китае <i>М. Е. ТРИГУБЕНКО.</i> Трудный путь преобразований <i>Р. С. БЕЛОУСОВ.</i> Книга поэтических шедевров <i>А. И. САМСИН.</i> Культура Японии: традиции и современность <i>С. Г. ДЕМЕНТЬЕВ.</i> Вопросы экономической эффективности производства в КНР <i>Н. П. ПЕТРОВИЧЕВ.</i> Два курса, две политики	217 220 222 224 228 232
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	XIII съезд КПК и строительство социализма в Китае Научная дискуссия в ИДВ по проблемам экономической реформы в Китае	235 246
НОВОСТИ ВАКИТ	Создание Украинского отделения Всесоюзной ассоциации китаеведов <i>А. М. ШАРКОВ.</i> Памяти Ясу Катаямы	251 252

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© Проблемы
Дальнего Востока
1988

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. С. МЯСНИКОВ,
В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, О. Б. РАХМАНИН,
И. А. РОГАЧЕВ, А. И. СЕНАТОРОВ, В. М. СОЛНЦЕВ,
М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Н. Т. ФЕДО-
РЕНКО

Владивостокская программа: импульс нового мышления

Речь М. С. Горбачева во Владивостоке 28 июня 1986 г. продемонстрировала новый подход Советского Союза к острым военно-политическим и международным проблемам азиатско-тихоокеанского региона. И до этой речи, конечно, в Москве уделяли немало внимания процессам, развивающимся в АТР. Но именно из Владивостока прозвучал авторитетный голос, способствовавший крушению оставшихся в наследство от времен «холодной войны» мифов о «советской угрозе», подчеркнувший значение общечеловеческих усилий по предотвращению ядерной катастрофы и в деле решения иных глобальных проблем.

За два года, отделяющих нас от того дня, когда была провозглашена Владивостокская программа, произошли события, которые подтвердили своевременность и жизненную значимость программы, выдвинутой Советским Союзом во Владивостоке, принципов, изложенных в Делийской декларации, в ответах на вопросы индонезийской газеты «Мердека».

«Мы видим,— говорил на встрече с представителями международной общественности 2 июня с. г. М. С. Горбачев,— что цивилизация в своем развитии смещается к Тихому океану. На арену выходят там крупнейшие государства, ассоциации, и, естественно, там много проблем. Это очень сложный мир. Мы вовсе не думаем, что нужно механически переносить туда опыт Европы, но многое из него можно было бы осмыслить и использовать применительно к конкретным условиям. Надо и тут начинать действовать»¹. В азиатско-тихоокеанском регионе горят и тлеют, в отличие от Европы, очаги вооруженных конфликтов. Сегодня реализация потенциала всестороннего сотрудничества в АТР в значительной мере зависит от степени снижения уровня напряженности в регионе и прежде всего в зонах конфликтных ситуаций. Если для Хельсинкского процесса в Европе применима, пожалуй, полюбившаяся президенту США поговорка «родился — не торопился», то для оценки военно-политической ситуации в АТР, достигнутых здесь компромиссов в различных сферах международно-политической жизни использование подобной поговорки могло, наверно, говорить больше о желаемом, нежели о действительном положении дел. В то же время реалистический анализ ситуации в АТР, где, в отличие от Европы, проявляет себя гораздо более сложный комплекс военно-политического противостояния, не может не учитывать и развития позитивных тенденций, получивших важный импульс от нового мышления в мировой политике.

Советская сторона, подтверждая приверженность Владивостокским инициативам, согласилась в рамках Договора между СССР и США от 8 декабря 1987 г. по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД) ликвидировать РСД, размещенные в азиатской части СССР. Иные обозреватели на Западе увидели в подписании Договора по РСМД убедительный, с их точки зрения, результат «политики с позиции силы».

Советский Союз, его друзья в различных странах мира Договор по РСМД рассматривают в иной плоскости — как победу нового, нестандартного, про-

диктованного интересами всеобщего мира политического мышления, которое привело в конце концов к первым практическим шагам на пути к созданию комплексной системы безопасности в АТР. Сомневающиеся в искренности советских инициатив обычно ссылались на невозможность ликвидации РСМД в Азии в связи с американским ядерным присутствием в Южной Корее, на Филиппинах и острове Диего-Гарсия в Индийском океане. Но советская сторона не связала свою инициативу по РСМД с вопросом об американском ядерном присутствии на чужих территориях в АТР и решительными мерами полностью развеяла подобные сомнения.

Договор по РСМД способствовал созданию более благоприятных условий для развития Советским Союзом своих отношений с соседними государствами, которые не скрывали своих опасений по поводу размещения РСД в Азии. Это смелое решение содействовало оздоровлению международно-политического климата в регионе, подрывая сложившиеся стереотипы восприятия врага, «советской военной угрозы», лишило сторонников поддержки военного превосходства их излюбленных аргументов, призванных оправдать гонку ядерного оружия, ядерное сотрудничество на глобальном и региональном уровнях.

Во внешней политике государств АТР усиливается тенденция к ядерному разминированию региона. Широкие круги индийской общественности приветствовали ратификацию Договора по РСМД. Китай, положительно реагируя на РСМД, указал и на свою долю ответственности в деле достижения разоружения².

В КНР, конечно, не могли остаться вне поля зрения шаги Москвы, подтверждающие практическую значимость выдвинутого в речи М. С. Горбачева предложения, касающегося снижения уровня военного присутствия на границе между СССР и КНР. В то время как иные политологи продолжают оценивать взаимоотношения СССР — США — КНР с позиций традиционной геостратегической антисоветской игры³, советская сторона ликвидирует РСД в Азии, сокращает свое военное присутствие в близлежащих к границам Китая регионах (Афганистан, МНР).

Советская сторона постаралась не только внести свой непосредственный вклад в строительство преграды на пути дальнейшего распространения и наращивания ядерного оружия в АТР, но и выступила (в отличие от ряда ядерных держав Запада) с активной поддержкой участия в этом строительстве и других государств региона.

Подписание на весенней встрече в верхах в Москве (1988) Соглашения о проведении совместного эксперимента по контролю за соблюдением Договора 1974 г. об ограничении подземных испытаний ядерного оружия — важная ступень на пути создания устойчивого механизма для ограничения и прекращения ядерных испытаний. Сегодня вряд ли можно оспаривать актуальность такого рода проблемы для АТР. Известно, например, какой ущерб экологической безопасности нанесли ядерные испытания США, Англии, а затем и Франции в районе Тихого океана.

Важное значение — в свете интересов безопасности в АТР — имеет подписанное в Москве соглашение об уведомлении о пусках межконтинентальных и баллистических ракет с подводных лодок. Высокий уровень военного противостояния в АТР, особенно в зонах, где не затухают очаги военных конфликтов, настоятельно диктует необходимость претворения здесь на практике мер доверия. И это особенно важно, поскольку морские вооружения, прежде всего ядерный потенциал подводных лодок, таят в себе одну из наиболее серьезных угроз несанкционированного нападения. А ведь именно в бассейне Тихого и Индийского океанов США расположили

крупнейшую группировку ВМС. Значительными силами располагает в этих районах и СССР. Достигнутое в Москве соглашение позволит исключить возможность неверного толкования действий той или иной стороны (что могло бы привести к непредсказуемым последствиям), будет содействовать таким образом осуществлению мер по снижению уровня напряженности в АТР и в иных районах мира.

«Будет ли советская политика в отношении Азии при М. С. Горбачеве более гибкой и разносторонней?» Этот вопрос поднял в одной из своих работ известный американский азиатолог профессор Роберт Сколапино. Отвечая на него, профессор ссылается на новую картину межгосударственных отношений, которая еще сильнее даст о себе знать в XXI в., на развитие, независимо от воли великих держав, процесса «азиатизации», связей, как на субрегиональном уровне (Северо-Восточная и Южная Азия), так и в АТР в целом. Вряд ли можно отрицать, что возрастание роли в АТР Китая и Японии не повлияет на политику СССР — и на это указывает Р. Сколапино¹. Но стоит ли объяснять, как это делает профессор, «открытие более обещающей эры международного согласия» желанием советского лидера «оставить свой след в истории»²?

Владивостокская программа продиктована отнюдь не личными амбициями советского руководства, а отражает прежде всего осознание им своей ответственности перед историей, перед памятью о погибших в годы второй мировой войны, о жертвах атомной трагедии Хиросимы и Нагасаки. Она отражает объективные потребности конструктивного решения назревших проблем. Ведь перестройка охватывает все сферы деятельности, в том числе и внешнеполитическую. Анализ внешнеполитического опыта показывает серьезные просчеты и в этой области, что нашло отражение в документах XIX Всесоюзной партийной конференции. Инициаторы гонки вооружений на Западе, стремясь втянуть нас — и как можно глубже — в военное соперничество и таким образом возложить еще большее бремя на советскую экономику, активно пользовались нашим нежеланием идти на компромиссы, а иногда и просто недальновидностью во внешней политике. Решительный отход от привычных стереотипов привел в конце концов к идеям разумной достаточности в подходе к вопросам военного противостояния, оборонительную растерянность во влиятельных кругах на Западе. Японские ученые из Токийского центра проблем мира и безопасности, возглавляемого весьма авторитетным специалистом профессором М. Иноки, поделились с читателями примечательными, на наш взгляд, оценками выдержанного в духе нового мышления политического стиля и метода советского руководства. «В дополнение к своей важной речи во Владивостоке, — отмечено в ежегоднике токийского центра, — Горбачев был также чрезвычайно активен в сфере контроля над вооружениями, овладевая инициативой по ряду предложений, зачастую неожиданных, и идя на уступки, казавшиеся ранее невероятными. Запад иногда испытывал трудности при ответе на них»³. Во Владивостокской программе и последующих шагах советского руководства проявилась со всей очевидностью политика (как искусство возможного), нацеленная на создание предпосылок мира и безопасности.

Усилия, направленные на ограничение гонки ядерных вооружений, не могут не сочетаться с другими мерами по укреплению и обеспечению гарантий международной и региональной безопасности.

У каждой конфликтной ситуации в АТР свои недуги, собственные источники заболевания, различная степень воздействия инационального элемента. Общим слагаемым, однако, для каждой из них является то, что они не

могут не испытывать на себе влияния взаимодействия противоположных общественно-политических систем. Гонка вооружений на глобальном уровне оказывает — и это вполне очевидно — непосредственное воздействие на развитие военно-политической обстановки в отдельных регионах, ограничивая возможности политического урегулирования конфликтов. Но в то же время региональные конфликты, в которых принимают участие (зачастую основное) и небольшие государства, подрывают доверие между державами, принадлежащими к противоположным общественно-политическим системам, прежде всего между самыми могущественными в военном отношении — США и СССР. Все эти процессы, несмотря на их различия, тесно взаимодействуют друг с другом. Гонка ракетно-ядерных вооружений на глобальном уровне подталкивает, например, гонку подобного типа вооружений на региональном уровне, и в первую очередь в странах, вовлеченных в региональные конфликты.

В центре дискуссий за столом переговоров официальных государственных деятелей и представителей общественности на различном уровне остаются проблемы ликвидации существующих очагов напряженности, где соприкасаются вооруженные силы различных сторон. Только путем развязывания тугих «узлов» региональной политики можно обеспечить баланс интересов различных сторон в многонациональных усилиях по созданию системы азиатской безопасности. А время торопит. Важно не упустить шанс — ведь сегодня появились гораздо более благоприятные, нежели несколько лет назад, возможности, открывающие пути политического решения региональных конфликтов. И в данном случае уместно, видимо, использовать поговорку, приведенную Далем: «родить — нельзя годить».

В центре внимания мирового общественного мнения оказалась политика «национального примирения», которая взята на вооружение национальным руководством в Афганистане и Кампучии. Эта политика, хотя и поныне наталкивается на серьезные трудности, все же внесла свой вклад в дело снижения в регионе уровня напряженности.

На Западе не раз оспаривалась возможность реализации провозглашенного во Владивостоке намерения вывести советские войска из Афганистана. Ужасительное решение советской стороны по этому вопросу в немалой степени разочаровало «скептиков», делавших все для ослабления внешнеполитических позиций Советского Союза, оказания дестабилизирующего воздействия на его экономическое и политическое развитие.

В 1987 г. наметились признаки возможного урегулирования кампучийской проблемы. Утверждается понимание необходимости решить этот вопрос политическими средствами, назван конкретный срок вывода из Кампучии вьетнамских войск. Советская общественность выражает готовность содействовать успеху политики национального примирения в Кампучии, активно поддерживает заявления Советского правительства по этому поводу от 17 октября 1987 г. и 30 мая 1988 г.

В Советском Союзе поддерживаются инициативы КНДР, нацеленные на оздоровление обстановки на Корейском полуострове, включая предложение о превращении его в безъядерную зону, на поэтапное сокращение вооруженных сил КНДР и Южной Кореи, усилия в направлении снижения напряженности в регионе посредством диалога между Севером и Югом Кореи.

Владивостокская программа нацеливает на поиск резервов нашей стороны в развитии как двустороннего так и многостороннего сотрудничества со всеми, как большими, так и малыми, государствами АТР. За прошедшие два года после Владивостока значительно оживились связи нашей страны с зарубежными партнерами в АТР. Состоялись встречи и переговоры представителей совет-

ского руководства с представителями Индии, Китая, Японии, США, Австралии, стран АСЕАН.

До последнего времени Западная Европа была в большей степени вовлечена в процесс интернационализации мирового хозяйства, нежели азиатско-тихоокеанский регион. В современном мировом хозяйстве и обмене возрастает удельный вес социалистических и развивающихся стран, а также Японии. В то же время удельный вес экономики США уменьшается. Как показал европейский опыт, политические акции, вступающие в противоречие с этой объективной тенденцией, могут затормозить, но не заблокировать развитие общеевропейского сотрудничества, которое зиждется на основе взаимодополняемости экономик государств, принадлежащих к различным социальным системам. Растет и взаимозависимость экономик государств азиатско-тихоокеанского региона. Правда, западноевропейские государства, в отличие от Японии, меньше считаются с вводимыми по указке извне эмбарго, санкциями и другими ограничениями. Но естественно складывающиеся связи и контакты в азиатско-тихоокеанском регионе подтачивают, хотя и с большим трудом, искусственно воздвигнутые барьеры.

В Европе — ЕЭС, в ЮВА — АСЕАН в тех или иных случаях выступают как отдельные «политические единицы». Налаживается, хотя и медленно, экономическое и политическое сотрудничество в СААР. И если в Европе есть объективная основа для поиска точек соприкосновения в рамках общеевропейских интересов, то нельзя не замечать наличия объективных предпосылок для сотрудничества и в рамках общих интересов безопасности народов Азии. Известны примеры делового сотрудничества между социалистическими странами и АСЕАН. Государства АСЕАН фрахтуют советские суда, СССР помогает странам ассоциации в создании судоходных компаний, в подготовке квалифицированных кадров для флота и т. д. Логика регионального и мирового развития ведет к более тесному взаимодействию между СААР и АСЕАН, а в дальнейшей перспективе и к сотрудничеству этих стран с ЕЭС и СЭВ.

Развитие процесса экономического сближения, имеющее объективный характер, диктует настоятельную необходимость создания справедливого экономического порядка. С этой точки зрения идея «тихоокеанского сотрудничества» не может не привлечь внимания. Советская сторона выразила готовность присоединиться к размышлениям о возможных основах такого рода сотрудничества.

Весьма широк диапазон сотрудничества государств АТР: безопасность мореплавания, сохранение природных и биологических ресурсов, защита окружающей среды от отрицательных последствий эксплуатации этих ресурсов, торгово-экономические связи, контакты в сфере науки, техники, культуры, обмен информацией и т. д. Эксперты называют десятки областей знаний и деятельности, где возможно развитие подобного сотрудничества.

Внешнеэкономические связи нашей страны в АТР находятся под воздействием весьма противоречивых, нередко противостоящих друг другу факторов. С одной стороны, позитивным в этом смысле фактором выступает взаимодополняемость экономик зоны Сибири, Советского Дальнего Востока и капиталистических соседей, емкость советского рынка. Но, с другой стороны, действуют и ограничения, определяемые как политическими барьерами со стороны Запада, так и, увы, нашей неповоротливостью и бесхозяйственностью. И действительно, не пристало нам гордиться мировым первенством в экспорте природного сырья — нефти, газа, леса. И вряд ли следует удивляться ничтожному объему советско-американской торговли, который без наших закупок зерна не составит и 1 млрд. долл. в год. А советские закупки в Японии? Они превышают японские в СССР в двенадцать раз! Наша экономическая дея-

тельность, возможно, в большей мере, нежели иная, испытывает на себе груз застойного периода. Субъективные факторы, во многом определившие серьезную изоляцию от внешнего мира, в значительной мере сказывались на отсталости экспортной базы нашей страны.

Потепление международного политического климата, чему содействует реализация в политике нового мышления, не может, как показывает опыт, не отразиться на всей системе мировых экономических отношений, в том числе и на сотрудничестве в АТР.

Как известно, во Владивостоке говорилось об идее созыва тихоокеанской, по принципу Хельсинкской конференции, как о рабочей гипотезе, как о приглашении к обсуждению всеми тяготеющими к океану странами возможности созыва подобного форума.

М. С. Горбачев, выступая перед представителями международной общественности 2 июня с. г., подчеркнул: «...наша политика, о которой я сказал во владивостокской речи,— это адресованное всем государствам, народам, правительствам этого региона приглашение — приглашение к осмыслению, к поиску, взаимодействию и к тому, чтобы начать делать первые шаги»⁸.

¹ «Правда», 4.VI.1988.

² См.: «Известия», 10.III.1988; «Правда», 31.V.1988.

³ In: *Asia — Pacific Security: Emerging Challenges and Responses*. Rienner, 1986.

⁴ In: *Pacific — Asian Issues: American and China Views*. Berkeley, 1986, p. 21.

⁵ Ibid., p. 17.

⁶ *Asian Security 1987—1988*, Research Institute for Peace and Security. Tokyo, 1988, p. 59.

⁷ См.: «Известия», 9.VI.1988; 26.V.1988.

⁸ «Правда», 4.VI.1988.

В. Я. ПОРТЯКОВ,
кандидат исторических наук
С. В. СТЕПАНОВ,
кандидат экономических наук

Прошедший год отмечен важным событием в жизни Китая — с 25 октября по 11 ноября проходил очередной XIII съезд Коммунистической партии Китая. В Отчетном докладе съезду отмечались немалые достижения в экономическом строительстве за годы осуществления линии 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), которые изменили облик страны.

За этот период удвоились национальный доход и средние доходы населения. Впервые за всю историю Китая его теперь уже миллиардное население в основном обеспечено питанием и одеждой. 70 миллионов горожан получили работу, а более 80 миллионов крестьян, в большинстве высвободившихся в последние годы из земледелия, ныне заняты на появившихся во множестве сельских предприятиях. Намного улучшилось рыночное снабжение, ослабли некоторые народнохозяйственные диспропорции. На этой основе оздоровилась политическая и социальная обстановка в стране.

На съезде подчеркивалось, что все эти достижения неотделимы от проведения всесторонней реформы, прежде всего хозяйственной, и расширения внешних сношений, которые, во многом разрушив прежнюю «окаменевшую хозяйственную систему», оживили экономику.

При этом констатировалось наличие еще многих серьезных проблем. По словам Генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна, перед страной «лежит еще длительный путь, стоят еще более трудные, чем прежде, задачи. Мы упустили слишком много времени, да и сейчас порядком отстаем. Стремительное развитие новой технической революции, растущая изо дня в день рыночная конкуренция и изменчивость международной политической ситуации в современном мире бросают нам серьезный и суровый вызов»¹.

Съезд выдвинул ряд важных положений, которые имеют большое значение для развития КНР. Признано, что страна находится на «начальном этапе социализма», который продлится как минимум до середины следующего столетия. Из этого следует долгосрочная линия на сохранение различных хозяйственных укладов и использование многообразных форм организации производства.

Подтвердив правильность курса на углубление хозяйственной реформы, съезд принял решение о необходимости дополнить ее реформой политической системы. Центральное звено последней — разделение функций партийных, правительственных и хозяйственных органов. Партия определяет стратегию развития страны и осуществляет политическое руководство, а правительственным и местным органам власти, производственным единицам должны быть созданы условия для полноценного выполнения свойственных им функций.

Наряду с продолжением хозяйственной реформы выявившиеся в последние годы трудности и диспропорции определили главную установку на 1987 г. —

«увеличение производства и соблюдение режима экономии, увеличение доходов и сокращение расходов».

В прошедшем году продолжалось достаточно успешное развитие народного хозяйства КНР. Валовой национальный продукт возрос на 9,4 %, промышленное производство — на 16,5, сельскохозяйственное — на 4,7 %. Улучшились и некоторые качественные показатели: на 10 % повысились финансовые доходы государства, на 7,6 — производительность труда на государственных предприятиях. Увеличилось производство большинства важнейших видов продукции.

Таблица

Производство некоторых важнейших промышленных
и сельскохозяйственных товаров в КНР

	Ед. изм.	1985 г.	1986 г.	1987 г.	прирост 1987 г. к 1986 г. (%)
Уголь	млн. т	827	894	920	2,9
Нефть	—>—	125	131	134	2,6
Сталь	—>—	47	52	56	7,3
Электроэнергия	млрд. кВт. ч	411	450	496	10,3
Цемент	млн. т	146	166	180	8,4
Автомобили	тыс. шт	437	369	472	27,7
Мелкие тракторы	—>—	822	773		
Химические удобрения	млн. т	13,2	14,0	17	22,0
Зерно	—>—	379	391	402	2,8
Хлопок	—>—	4,1	3,5	4,2	18,4
Мясо	—>—	17,6	19,2	19,2	0
Масличные культуры	—>—	15,8	14,7	15,2	3,5
Сахар	—>—	4,5	5,2	5,1	-2,6
Ткани	млрд. м	14,7	16,5	16,7	1,4

Источники: Чжунго тунци чжайяо — 1987, Пекин, 1987; «Цзинци жибао», 24. II. 1988.

Истекший год отличался высокими и довольно устойчивыми темпами развития промышленности. В целом сохранялось равновесие между ростом производства тяжелой и легкой индустрии.

Отмечен рост добычи дефицитных для Китая видов топлива и заметно опережающий прирост выработки электроэнергии.

Необходимо отметить продолжение бурного развития электронной промышленности, где достигнуто 30-процентное увеличение производства (среднегодовой рост за последние 9 лет — около 20 %). После спада в 1986 г. рекордного уровня достиг выпуск телевизоров — 19,4 млн. штук (6,7 млн. из них — цветные), произведено 18,6 млн. кассетных магнитофонов.

Возрос выпуск многих видов машин, оборудования, в частности автомобилей и небольших тракторов (более 1 млн. единиц).

Продолжали стремительно развиваться сельские несельскохозяйственные предприятия, их продукция увеличилась почти на 30 %. Они превратились в крупный самостоятельный сектор народного хозяйства Китая (объем их производства превышает валовую стоимость сельскохозяйственной продукции), который оказывает заметное влияние на динамику всей экономики страны.

Высокие темпы развития промышленности, однако, имеют и обратную сторону, что вызывает в Китае обоснованную тревогу. Уже несколько лет не удается преодолеть определенный «перегрев» этой отрасли экономики. В прошедшем году темпы роста промышленного производства вновь намного (вдвое)

превысили план (7 %). Они повысились и по сравнению с 1986 г. (11 %).

С одной стороны, это отражает сохранение несоответствия между совокупным общественным спросом и предложением, состояния общей дефицитности. Эти проблемы остро стоят уже несколько лет.

С другой — высокие темпы роста препятствуют решению важнейшей задачи — повышению эффективности производства и качества продукции (спрос есть почти на любые изделия), ликвидации диспропорций, подхлестывают рост цен в условиях расширения сферы применения договорных и рыночных цен. По словам Чжао Цзыяна, темпы важны, но важнее экономические результаты и прогресс в науке и технике, а здесь достижения пока явно недостаточны².

Как видно из таблицы, прирост основных видов топлива, материалов и электроэнергии отстает от прироста всего промышленного производства и, стало быть, обрабатывающих отраслей. В некоторых районах потребности в электроэнергии не удовлетворяются на 25—30 %, не хватает в целом 10—15 % установленных мощностей в электроэнергетике.

При нехватке многих товаров растет производство изделий, которыми рынок уже перенасыщен, например часов, радиоприемников, автомобильных покрывал, некоторых видов станков, алкогольных напитков и др.

Продолжается произвольное повышение цен на дефицитную продукцию. В китайской прессе приводились примеры миллионных и растущих в последние годы незаконных прибылей, получаемых некоторыми предприятиями. Принимавшиеся меры по контролю над рыночными и договорными ценами оказались недостаточно эффективными.

С произвольным повышением цен связана более широкая проблема — неотработанность механизма контроля над финансовой деятельностью предприятий в условиях расширения их хозяйственной самостоятельности. Помимо нарушений в ценообразовании, предприятия не делают положенных отчислений в бюджет, оставляют часть плановой продукции (ее надо реализовывать по государственным ценам) и сбывают ее затем по повышенным ценам. Снабженческо-сбытовые и транспортные органы устанавливают незаконные поборы типа «управленческих сборов», «наценок за реализацию продукции в других провинциях».

Для выправления положения Госсовет КНР вынужден был развернуть широкую проверку состояния финансов, налоговых поступлений и цен. За 11 месяцев 1987 г. было выявлено различных финансовых нарушений на общую сумму 3,9 млрд. юаней (вдвое больше, чем годом ранее), из которых 2,4 млрд. юаней удалось вернуть в бюджет³.

В капитальном строительстве в 1987 г. был взят курс на так называемые «три обеспечения и три ограничения», то есть на обеспечение строительства плановых, ключевых и производственных объектов и на максимальное ограничение строительства внеплановых, рядовых и непроизводственных объектов.

Попытки вновь решать проблемы сдерживания масштабов капитального строительства за счет преимущественно административных мер в очередной раз дали не вполне удовлетворительные результаты. Так, при плане инвестиций в капитальное строительство в 114 млрд. юаней (на 1,2 млрд. юаней меньше фактического уровня 1986 г.) они составили за год в целом 132,4 млрд. юаней, то есть выросли на 12,6 % (речь идет об объектах общенародной собственности). Вложения в техническую реконструкцию в государственном секторе выросли на 19,5 % и достигли 74 млрд. юаней. Совокупные вложения в основные фонды по стране в целом выросли на 16,5 %, в том числе в государственном секторе на 14,4 %.

В то же время в области капитального строительства произошли и некоторые положительные сдвиги. Возросла доля вложений в производственную сферу. Темпы роста инвестиций в энергетику и сырьевые отрасли были существенно выше, чем в обрабатывающую промышленность. Для страны принципиально важно, что в строй введены электроэнергетические мощности на 8,1 млн. кВт против 5,5—6 млн. кВт по плану⁴.

В прошедшем году в Китае не отмечалось серьезных стихийных бедствий.

Сельское хозяйство в целом достигло планировавшегося прироста производства. При этом валовой общественный продукт сельской местности (включая несельскохозяйственную деятельность в деревне) возрос на 12,7 % (в 1986 г. — 11,6 %). Урожай зерновых увеличился на 11 млн. т (на 2,8 %), но был ниже планового рубежа (405 млн. т). Уже третий год в Китае не могут достичь рекордного уровня 1984 г. (407 млн. т.). Главной причиной этого остается недостаточная заинтересованность крестьян в возделывании зерновых культур, так как другие виды деятельности приносят им заметно большие доходы⁵. Попытки стимулировать крестьян встречными продажами дефицитных видов продукции (удобрения, дизельное топливо) по льготным ценам дают пока ограниченный эффект. Приходится усиливать административный контроль, из-за чего введенная закупка государством зерна по контрактам зачастую мало чем отличается от прежней системы обязательных госзакупок.

В 1987 г. за исключением немногих видов возросли сборы урожаев большинства продуктов земледелия. Приостановлено продолжавшееся два года падение производства хлопка, но оно еще в 1,5 раза ниже, чем в рекордном 1984 г. На примере хлопка хорошо видны несовершенство политики закупочных цен и незрелость рыночного механизма в КНР. После рекордного урожая образовался избыток хлопка (при существовавших уровне платежеспособного спроса, возможностях транспортировки, переработки и экспорта). Закупочные цены были снижены, что привело к падению производства. Образовавшийся дефицит хлопка побудил вновь повысить закупочные цены, и в 1987 г. это дало некоторый результат.

Нерешенность проблемы роста зернового производства в конечном счете предопределила повышение цен на корма, которые крестьяне вынуждены закупать на рынке. Это сказалось на животноводстве. Соотношение цен на зерно и мясо с прежних 1:5—6 уменьшилось до 1:3,7. Поставки свиней на рынок (главная подотрасль) сократились на 4,1 %, а производство мяса не возросло.

Чтобы правильно оценить результаты развития сельского хозяйства КНР, надо иметь в виду, что высокие темпы роста первой половины 80-х гг. (в 1981—1985 гг. в среднем 8 % в год) замедлились в последние годы: 1985 г. — 3 %, 1986 г. — 3,5. Практически, по единодушному мнению китайских специалистов, с которыми вполне можно согласиться, это явилось следствием исчерпания резервов расширения производства за счет интенсификации и повышения качества труда, обеспеченных переходом на семейный подряд.

С этих позиций рост аграрного производства в 1987 г. можно оценить как неплохой и свидетельствующий о том, что поиск новых дополнительных стимулов развития в русле подрядной системы дает определенные результаты.

Общие доходы деревни от несельскохозяйственной деятельности увеличились на 11 % и уже второй год превышают валовую стоимость продукции аграрного сектора. Часть этих средств идет на укрепление материальной базы сельского хозяйства.

Расширяется его кредитование. Объем кредитов, предоставленных крестьянам сельскохозяйственным банком и кредитными кооперативами, в прошедшем году возрос на 1/3 и составил в расчете на душу сельского населения

почти 700 юаней. Как следствие, продажа средств производства крестьянам увеличилась на 22 %.

В то же время ясно, что после бурного роста сельское хозяйство Китая оказалось и продолжает оставаться на более трудном этапе своего развития. Семейный подряд сам по себе не в состоянии решить всех проблем, а рыночный механизм регулирования, на который возлагаются основные надежды, еще далек от совершенства. Возможности государственного финансирования сельского хозяйства в сопоставлении с масштабами отрасли по-прежнему весьма ограничены.

Выявились такие на сегодня слабые места сельского хозяйства, сдерживающие рост производства, как слабость материальной базы, плохое использование имеющейся техники, в частности из-за нехватки топлива, недостаток химических удобрений, инсектицидов, полиэтиленовой пленки. Спрос на зерно, хлопок, свинину, сахар опережает предложение. В Китае серьезно обеспокоены и такой стратегически опасной тенденцией: при росте населения ежегодно более чем на 10 млн. человек посевные площади сокращаются на 0,56 млн. га⁶.

Проведенные в Китае обследования выявили неравномерное по ряду параметров развитие сельского хозяйства: в последние годы растет разрыв в доходах между наиболее зажиточной и самой бедной группами крестьянских дворов, между районами страны, расположенными в более и менее благоприятных экономико-географических условиях, между различными подотраслями сельской экономики⁷.

В Китае продолжается политика поощрения развития различных форм собственности. Расширяются как кооперативный, так и индивидуальный секторы. В конце 1987 г. в стране насчитывалось 13 млн. индивидуальных предприятий, на которых было занято 20 млн. человек (около 3,5 % трудоспособного населения).

В прошедшем году произошла определенная легализация существовавших и прежде частных предприятий, то есть имеющих больше разрешаемых индивидуальному предприятию 2 помощников и 5 учеников. По данным газеты «Цзинцзи жибао», в стране насчитывается 280 тыс. частных предприятий с числом занятых около 3,5 млн. человек (в среднем по 12 человек на одном предприятии). Вместе с незарегистрированными количество занятых в индивидуальном и частном секторах оценивается примерно в 30 млн. человек⁸.

В китайской прессе и научной литературе в последние годы уже встречались упоминания о предприятиях, где заняты десятки и даже сотни наемных рабочих. На XIII съезде КПК впервые было официально объявлено о наличии таких предприятий и о допустимости их существования на «начальном этапе социализма», поскольку они способствуют развитию производительных сил.

По словам заместителя председателя Комитета по реформе хозяйственной системы Гао Шанцюаня, необходимы дополнительные исследования по проблеме количества допустимого числа наемных рабочих и другим вопросам деятельности частных предприятий. В настоящее время готовятся законодательные положения о частных предприятиях⁹.

Индивидуальный сектор по-прежнему действует в основном в сфере обслуживания. В 1986 г. на него пришлась половина занятых в этой отрасли экономики и 16 % розничного товарооборота и услуг.

Значительно более весомые позиции в народном хозяйстве КНР сохраняет кооперативный сектор. В 1986 г. он обеспечил выпуск 29 % всей промышленной продукции и более 36 % розничного товарооборота и услуг.

В прошедшем году в КНР осложнилась обстановка в социальной сфере. В первые годы проведения реформы улучшились условия жизни практически всех слоев населения страны, что было особенно заметно на фоне полной стагнации предшествовавших двух десятилетий. Это обеспечило благоприятную социальную атмосферу в обществе. Теперь положение меняется.

Заметный рост розничных цен в последние годы в значительной степени обесценил даже опережающее увеличение доходов населения. Более того, по данным ГСУ КНР, в 1985—1986 гг. у примерно 20 % жителей городов и поселков реальные доходы даже сократились¹⁰.

Эта тенденция продолжалась и в 1987 г. Розничные цены возросли на 7,3 %. В результате валовые доходы горожан увеличились на 10,6 %, а реальные — только на 1,7 %, при этом реальные доходы 21 % городского населения снизились.

Среднедушевые доходы крестьян в прошедшем году повысились на 9,2 % (составили 38 юаней в месяц), но реальные, в силу инфляции, — только на 5,3 %.

Отмеченные выше трудности в развитии сельского хозяйства КНР привели к нехватке в государственной торговле ряда продовольственных товаров, прежде всего животноводческих. В крупных городах вновь были введены отмененные несколько лет назад карточки на свинину, яйца, сахар¹¹. Правда, это не имеет ничего общего с системой нормирования десятилетней давности: другие виды мяса свободно продаются в государственных магазинах, к тому же существуют рынки.

Внешнеэкономические связи КНР в 1987 г. получили дальнейшее развитие. Внешняя торговля достигла 82,7 млрд. долл. — на 12 % больше, чем в 1986 г.

Для сокращения возникшего в последние годы большого внешнеторгового дефицита в Китае проводили активную политику расширения экспорта и сокращения импорта. В результате в 1987 г. дефицит внешней торговли уменьшился до 3,7 млрд. долл. против 14,2 млрд. долл. годом ранее.

Основными торговыми партнерами Китая остаются капиталистические страны, в первую очередь Япония, Сянган (Гонконг), США, западноевропейские государства. Несмотря на отсутствие прямых контактов, в число крупнейших торговых партнеров КНР выдвигаются Тайвань и Южная Корея, торговля с которыми ведется через посредников (в основном Сянган) и, по оценке, составила в прошлом году соответственно 1,5 и 1,2 млрд. долл.

Следует подчеркнуть определенные сдвиги, происходящие в товарной структуре внешней торговли КНР. В группе товаров легкой промышленности, которые остаются крупнейшей позицией в экспорте страны, заметно увеличился в прошлом году вывоз изделий из натурального шелка (до 1,2 млрд. долл.) и обуви. Среди сырьевых товаров растет экспорт угля (до 13—14 млн. т), цветных металлов, хлопка.

Появились и некоторые новые крупные группы экспортных товаров, в частности медицинское сырье, медикаменты и электронные изделия. Вывоз и той, и другой продукции превысил 0,5 млрд. долл. Экспорт телевизоров, например, по оценке, приблизился к 1 млн. аппаратов.

Как отмечал на сессии ВСНП в марте 1987 г. Чжао Цзыян, главным направлением расширения внешнеэкономических связей является привлечение в различных формах иностранного капитала. Для реализации этой установки в конце 1986 г. были приняты важные «Положения по поощрению иностранных инвестиций», нацеленные на создание еще более благоприятных условий для зарубежных партнеров. В конце 1987 г. была создана Китайская ассоциация предприятий с иностранным капиталом.

В последние годы процесс создания предприятий с участием в различных формах иностранного капитала ускорился. В 1987 г. было утверждено создание 2230 таких предприятий с объемом иностранных инвестиций (по соглашениям) 3,68 млрд. долл., из которых фактически использовано 1,9 млрд. долл.¹². Это несколько выше показателей предыдущего года, когда было утверждено создание 1460 предприятий, объем иностранных инвестиций по соглашениям составил 2,8 млрд. долл., а их фактическое использование — 1,8 млрд. долл.¹³. В общей сложности на конец 1987 г. в КНР было утверждено создание более 10 тыс. предприятий с участием иностранного капитала с объемом иностранных инвестиций по соглашениям около 22 млрд. долл., из которых фактически использовано 8,47 млрд. долл.

Предприятия с участием иностранного капитала стали вносить более весомый вклад в наращивание китайского экспорта: прямой экспорт их продукции возрос с 480 млн. долл. в 1986 г. до 1 млрд. долл. в 1987 г.¹⁴

По утверждению китайской печати, 1987 г. стал наилучшим годом в развитии специальных экономических зон со времени их образования. Объем промышленного производства в зонах Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь вырос на 52 %, а вывоз товаров из зон увеличился вдвое и достиг 2,74 млрд. долл.

Принято решение о превращении всего острова Хайнань в специальную экономическую зону, в которой будут созданы еще более благоприятные условия для привлечения иностранного капитала по сравнению с существующими. Территориально расширен «открытый район» в дельте реки Чжуцзян.

Как и в предыдущие годы, важное место в экономической жизни страны в 1987 г. занимали проблемы хозяйственной реформы. На наш взгляд, как теоретические дискуссии вокруг реформы, так и ее практический ход в истекшем году свидетельствуют об углублении понимания руководством и значительной частью китайского общества долговременности и постепенности процесса реформы, возможности лишь «шаг за шагом» приближаться к реализации конечных целей реформы по мере повышения степени зрелости условий для «товаризации» экономики и обобществления производства, вслед за налаживанием и совершенствованием системы единого социалистического рынка, а также с учетом финансовых ресурсов государства и способности населения принимать и «усваивать» нововведения. Важно также, что осознание всей масштабности и сложности задачи замены старого хозяйственного механизма новым ведет не к пассивности перед лицом трудностей, а к активному поиску дополнительных теоретических аргументов в пользу реформы, к практической отработке новых вариантов преобразования, апробированию различных промежуточных, переходных форм для достижения конечных целей реформы.

Главная задача хозяйственной реформы в 1987 г., сформулированная Чжао Цзяняном в докладе о работе правительства на пятой сессии ВСНП шестого созыва 25 марта 1987 г., состояла в том, чтобы, «поставив в центр внимания усиление жизнедеятельности предприятий, особенно крупных и средних предприятий общенародной собственности, сделать упор на перестройку их хозяйственного механизма и структуры внутреннего руководства, обеспечить дальнейшее развитие горизонтальных хозяйственных объединений, надлежащее ускорение реформы финансово-банковской системы, дальнейшее расширение рынка средств производства, постепенное изменение и усовершенствование системы оплаты труда на предприятиях и методов управления вложениями в их основные фонды»¹⁵.

Углубление реформы на предприятиях, постепенное превращение их в самостоятельно отвечающих за прибыли и убытки социалистических товаро-

производителей является, как известно, одной из трех главных целей реформы хозяйственного механизма в КНР, наряду с задачами формирования единого социалистического рынка и созданием системы косвенного макроконтроля с опорой не на административные, а главным образом на экономические и юридические рычаги. В то же время, несмотря на некоторые сдвиги в деле расширения хозяйственной самостоятельности предприятий, в целом положение в данном звене реформы, призванном быть ключевым, оставалось далеко не удовлетворительным. Хотя формально в распоряжении предприятий в 1986 г. было оставлено 42,4 % прибыли по сравнению с 3,7 % в 1978 г.¹⁶, фактически вследствие многочисленных поборов вышестоящих ведомств и местных органов власти эта доля нередко не превышала 15 %. Производственные, финансовые, кадровые права предприятий и их руководства на деле были существенно меньше предусмотренных соответствующими государственными нормативными документами, оперативная деятельность предприятий по-прежнему весьма жестко регламентировалась, они волей-неволей «в полтора глаза смотрели вверх и лишь вполовину — на рынок»¹⁷. Необходимо отметить, что тенденция к административному зажиму, мелочной опеке над предприятиями породилась не только нежеланием вышестоящих ведомств поступаться своими правами, но и вполне реальными опасениями таких негативных последствий бесконтрольной деятельности предприятий, как дальнейшее разбухание фронта капитального строительства, обострение проблемы дефицита топлива и сырья, нарастание разрыва между совокупным общественным спросом и предложением, неустойчивость притока отчислений в государственный бюджет. Нередко повод для подобных опасений давали сами предприятия, сплошь и рядом «сбивавшиеся» на краткосрочные действия в ущерб долговременной структурной политике. Повсеместным явлением стало нарушение установленных пропорций распределения остающейся у предприятий части прибыли: ее большая часть шла подчас не в фонд развития производства, а на премирование рабочих и служащих, при этом порядок уплаты налога на сверхлимитные объемы премирования не соблюдался¹⁸. Принцип самостоятельной ответственности предприятий за прибыли и убытки реализовывался не в полной мере, по сути дела, растущий вслед за ухудшением внешних условий хозяйствования объем убытков¹⁹ ложился дополнительным бременем не на предприятия, а на государственный бюджет.

В связи с этим в принятом Госсоветом КНР 5 декабря 1986 г. документе «Некоторые установки по углублению реформы на предприятиях и укреплению жизнедеятельности предприятий»²⁰ были определены направления конкретных мероприятий. Этот документ, в частности, декларировал необходимость исправить ситуацию, когда права предприятий «оседают» в промежуточных звеньях. Предусматривалось внедрение многообразной по формам подрядной системы ответственности за результаты хозяйствования, причем допускалась передача мелких государственных предприятий, в том числе в промышленности, в аренду. Был провозглашен курс на ускорение реформы системы руководства предприятиями с внедрением системы целевой ответственности хозяйствующего (директора), доходы которого могли бы в 2—4 раза превышать средний доход рабочих и служащих предприятий. Намечалось осуществить в 1987 г. снижение налогообложения предприятий легкой и текстильной промышленности и ввести принцип ускоренной амортизации в новых техникоемких отраслях. С 1 июля 1987 г. промышленность и транспорт страны были полностью переведены на потиповую амортизацию основных фондов (взамен прежней единообразной нормы амортизации), в результате чего средняя норма амортизации на государственных пред-

приятиях промышленности и транспорта должна была возрасти, по оценке, с 4,3 до 5,3 %²¹. Намечалось также продолжить работу по совершенствованию системы заработной платы и премирования. В частности, предусматривались снижение нормы налогообложения премий, а также переход к самостоятельному определению предприятиями конкретных форм зарплаты и премирования в рамках установленного государством фонда заработной платы. Намечалось продолжить сокращение директивного плана для предприятий по номенклатуре продукции и объему производства. Декларировалась необходимость завершить в ограниченные сроки — до середины года — упорядочение компаний административного характера с ориентацией на преобразование их в самостоятельно отвечающие за прибыли и убытки организации хозяйственного и обслуживающего типа с передачей административных функций этих компаний правительственным ведомств на местах. Важное значение придавалось формированию групп и блоков предприятий на базе развития горизонтальных хозяйственных связей, в том числе в виде паевых обществ. При этом предписывалось избежать создания в отраслях монополии предприятий, что призвано обеспечить внутриотраслевую конкуренцию и содействие техническому прогрессу.

Отдельные аспекты функционирования предприятий были уточнены в серии более конкретных документов — в положениях Госсовета КНР о работе директора промышленного предприятия общенародной собственности, о работе низовых организаций КПК и о собрании представителей рабочих и служащих на аналогичных предприятиях (15 сентября 1986 г.), о контроле за оборудованием (28 июля 1987 г.) и о разрешении трудовых споров (31 июля 1987 г.) на государственных предприятиях.

Важное практическое значение для упорядочения проводимых предприятиями экспериментов по выпуску ценных бумаг имели «Временное положение Госсовета КНР о контроле за выпуском облигаций предприятиями (27 марта 1987 г.)» и «Уведомление об усилении контроля на местах за выпуском акций и облигаций»²². Эти документы ограничивают сферу экспериментального выпуска акций небольшим количеством предприятий коллективной собственности и запрещают в принципе их выпуск предприятиями общенародной собственности (за исключением тех, где акции уже выпущены)²³. При создании горизонтальных хозяйственных объединений на паевых началах допускается выпуск акций кооперантами, но только у себя, а не для привлечения средств посторонних организаций. Что касается разрешаемого выпуска облигаций предприятиями общенародной собственности, то их общая сумма не должна превышать чистой стоимости имущества предприятия, а процент по облигациям не должен более чем на 40 % превышать процент по срочным вкладам населения (с августа 1985 г. — 7,2 % годовых при вкладе не менее чем на год). Право выпуска облигаций санкционирует Народный банк Китая после предоставления предприятием соответствующей просьбы и ряда документов, в том числе разрешения плановых ведомств на осуществление данным предприятием инвестиций в основные фонды.

Целенаправленная работа по совершенствованию политико-юридической базы углубления реформы на предприятиях дала первые результаты. К середине октября 1987 г. система ответственности директора была внедрена на 64 % государственных предприятий по сравнению с 43 % на конец 1986 г.²⁴ Продолжала распространяться реформа системы заработной платы в виде ее увязки с экономической эффективностью предприятий. К концу года ею было охвачено 3050 крупных и средних промышленных предприятий с 12,9 млн. человек занятых, то есть четверть от общего числа подобных предприятий страны (всего их ныне насчитывается

СИНОПТИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАНИЕ АН СССР

12 398) и третья часть их работников²⁵. До 6 млн. человек против 5,18 млн. на начало года возросло общее количество контрактных рабочих.

Был продолжен эксперимент с банкротством предприятий, диапазон которого возрос с 11 предприятий до 28 (7 — в Шэньяне, 3 — в Ухани, 4 — в Чунцине, 1 — в Наньчане и 13 — в провинции Шаньси). 15 из них — предприятия общенародной собственности и 13 — коллективной. 22 предприятия после получения предупреждения о банкротстве приняли меры к упорядочению своей деятельности, остальные находятся в процессе упорядочения²⁶.

Наиболее знаменательным явлением 1987 г. в области реформы на промышленных предприятиях стало внедрение разнообразных систем ответственности за результаты хозяйствования, прежде всего различных форм подряда. По данным 22 провинций, к концу года подрядным хозяйствованием было охвачено 75 % госбюджетных промышленных предприятий, в том числе 76 % крупных и средних²⁷. Внедряется подрядная хозяйственная ответственность и в других сферах городской экономики. В частности, в торговле к концу 1987 г. на нее перешли 8600 крупных и средних предприятий, или 42 % их общего количества²⁸.

К концу года насчитывалось до 30 вариантов подрядной системы хозяйственной ответственности²⁹. Наиболее распространены следующие:

а) «два обеспечения и одна увязка», когда предприятие обязано обеспечить отчисление установленного контрактом объема прибыли государству и выполнение заданий по технической реконструкции, предусмотренных седьмым пятилетним планом. При невыполнении обязательств по отчислению прибыли разница покрывается из собственных фондов предприятия. Одновременно осуществляется увязка прироста фонда заработной платы с объемом отчисляемой прибыли и уплачиваемых налогов (то есть фактически с доналоговой прибылью), коэффициент которой различен от предприятия к предприятию, но в среднем близок к показателю 0,7 % прироста фонда заработной платы за 1 % прироста отчисляемой прибыли;

б) различные виды подряда на отчисление определенного объема прибыли или на ежегодный прирост объема отчисляемой прибыли по сравнению с базовым уровнем (фактический уровень 1986 г. или средний за 1984—1986 гг.), при этом сверхподрядная прибыль целиком оставляется предприятию или распределяется между ним и бюджетом в оговоренной пропорции. Как правило, данные виды подряда применяются на хорошо работающих, обладающих значительными резервами для наращивания производства крупных и средних предприятиях;

в) подряд на снижение убыточности на убыточных предприятиях;

г) прием в подряд мелкого, плохо работающего предприятия однотипным по производственному профилю крупным, хорошо работающим предприятием. Взятые в подряд предприятие сохраняет статус юридического лица, название, собственную печать, а права пользования его ресурсами и ведения производственно-хозяйственной деятельности переходят на срок подряда к предприятию, взявшему его в подряд;

д) система целевой ответственности директора (управляющего) на определенный срок. Между «хозяйствующим» лицом, то есть директором или управляющим, и соответствующими ведомствами местных правительств, представляющими «собственника» средств производства, заключается подрядный контракт на 3—5 лет (фактически — на срок полномочий директора), где оговариваются основные цели, которые предстоит реализовать директору за этот период, например, в сфере технико-экономических показателей деятельности предприятия (валовая продукция, производство важнейших видов продукции в натуре, реализованная и отчисляемая в бюджет прибыль,

качество, себестоимость, уровень затрат исходных материалов), в освоении новых видов продукции, обновлении оборудования, повышении благосостояния рабочих и служащих и т. п. Оговариваются и методы поощрения или штрафных санкций в отношении директора в зависимости от результатов его работы, которая проверяется вышестоящим ведомством ежегодно с проведением полной ревизии по истечении срока подряда. На предприятиях с недостаточно надежным уровнем хозяйствования и без постоянного производственного профиля практикуется «переходящая» система целевой ответственности директора, при которой в контракте, перезаключаемом ежегодно, оговариваются главным образом показатели прибыли. Несомненным достоинством данного вида подряда является введение в хозяйственную практику отчетливого элемента риска, побуждающее директора предприятия к поискам путей максимально эффективного хозяйствования. Например, в городе Сиань практикуется следующий метод оплаты директоров предприятий: при выполнении условий контракта и перевыполнении показателя отчисляемой прибыли в размере до 5 % личный доход директора может быть вдвое выше среднего дохода рабочих и служащих, при перевыполнении в пределах от 5 до 10 % и более чем на 10 % — соответственно втрое и вчетверо выше. Если же показатель по отчисляемой прибыли недовыполнен, то директор лишается всей годовой премии и недополучает базовую зарплату за 1—4 месяца в зависимости от размеров недовыполнения. Если оно составляет более 10 %, то директор в принципе должен уйти со своей должности. Поощрение и «наказание» секретаря парткома и заместителей директора составляет 50—80 % от уровня повышения или снижения доходов директора³⁰;

е) в восьми отраслях — нефтедобыче и нефтехимии, черной и цветной металлургии, угледобыче, железнодорожном транспорте, гражданской авиации, связи — применяется отраслевой подряд «затраты — выпуск» (иногда он доводится и до предприятий). Объектом подряда служит отчисляемая в бюджет прибыль и выполнение контрактов по поставкам директивно планируемой продукции. Фактически одновременно отрасль отвечает и за осуществление инвестиций в капитальное строительство и техническую реконструкцию;

ж) собственно система хозяйственной ответственности предприятий³¹, осуществляемая в экспериментальном порядке в городах Шинцзячжуан, Шэньян, Сыпин, Уси, Ухань, Чунцин³². Конкретный метод таков: базовый объем прибыли облагается 55-процентным подоходным налогом, а сверхбазовая часть прибыли — только 30-процентным. Подчас предусматривается ежегодный прирост «базы» по сравнению с исходным уровнем;

з) на примерно ста предприятиях 20 городов страны проводится эксперимент по системе ответственности за имущество предприятий. Суть его состоит в выборе методом торгов или конкурса хозяйствующего лица, заключающего договор на определенное «приращение» имущества предприятия в установленный срок. Стоимость имущества предприятий определяет специальная оценочная комиссия, стремящаяся учесть и особенности внешних условий их деятельности. Оговаривается величина имущественного или денежного залога подрядчика. Государство прекращает финансирование капитальных вложений для данных предприятий, а возврат используемых ими кредитов осуществляется из части прибыли, остающейся после уплаты налогов. Размер премирования хозяйствующего лица увязывается с величиной отчисляемой прибыли. Принципы системы ответственности за имущество были разработаны сначала теоретически и лишь затем они стали внедряться в практику. Считается, что это — одна из наиболее эффективных форм пресечения «погоны» предприятий за инвестициями и сокращения их спроса на кредиты.

Получение права на подряд через торги, внедрение принципа конкуренции в определение условий подрядного договора находят все более широкое применение и в других формах подрядной системы хозяйственной ответственности. Метод торгов позволяет подчас существенно поднять обязательства по получению предприятиями прибыли.

Внедряются в практику и другие формы хозяйственной ответственности, выходящие за рамки обычной системы подряда. Это прежде всего аренда предприятий, как правило мелких и плохо хозяйствующих, отдельными лицами, компаньонами и даже другими предприятиями, а также паевая система хозяйствования.

Подрядная и иные системы хозяйственной ответственности оцениваются в Китае как магистральное направление реформы государственной собственности по принципу разделения права собственности и права хозяйствования (включая права владения, распоряжения, использования). Эта реформа призвана, как подчеркивал Чжао Цзыян, содействовать усилению хозяйственных прав предприятий, но не усилению права собственности на находящееся в их распоряжении имущество. В отношении последнего государство по-прежнему сохраняет права контроля и управления³³.

В переживающей этап становления подрядной системе хозяйственной ответственности еще много неотлаженного, неустоявшегося, противоречивого. Так, нередко через подряд увеличивается объем доводимых до предприятия директивных плановых заданий, расширяется число фактически планируемых сверху директивных показателей. Остро стоит проблема надежности подрядных контрактов в ситуации вполне реального ухудшения внешних условий хозяйствования (например, роста цен на средства производства), оценки той степени неблагоприятных изменений, с которой по силам справиться подрядчикам без пересмотра контракта. По-видимому, переход к системе хозяйственной ответственности во многом деформировал разработанные в 1983—1984 гг. принципы налогообложения предприятий (столь явными стали исключения и отступления от них) и требует дальнейшего отлаживания системы налогообложения в целом.

На наш взгляд, пока подрядная система хозяйственной ответственности носит во многом промежуточный, переходный характер, сочетая в себе одновременно и административные, и экономические, и юридические рычаги и тем самым являясь продуктом действующего хозяйственного механизма, эволюционирующего от старых принципов функционирования к новым.

Ее совершенствованию будет способствовать вступление в силу «Временного положения о подрядной системе хозяйственной ответственности на промышленных предприятиях общенародной собственности», разработанного Госэкономкомитетом, министерством финансов и другими органами КНР и в принципе одобренных Госсоветом КНР³⁴. Этот документ призван дать ответ на такие вопросы, как принципы и формы подряда, определение базы, выбор хозяйствующего лица и его полномочия, обязанности и интересы, подписание контрактов и управление ими, финансовый учет на подрядных предприятиях и т. п. Намечены и пути развития и совершенствования подрядной системы хозяйственной ответственности на ближайшее будущее. Это активное использование механизма конкуренции, открытых торгов для выбора хозяйствующего лица, внедрение системы хозяйственной ответственности внутри предприятий, соединение подряда с системой ответственности директора.

1987 г. отмечен дальнейшей активизацией усилий по формированию в стране системы единого социалистического рынка, играющей, как справедливо считают китайские ученые-экономисты и хозяйственники, роль «узла связи»

между микро- и макроуровнем народного хозяйства, то есть между функционированием низовых хозяйственных единиц и деятельностью системы макрорегуляторов, таких, как планирование, материально-техническое снабжение, налогообложение и т. п. Ускорить развитие рынка призвано уже начавшееся создание нового типа организаций товарного обращения внешней торговли, финансово-банковского дела, сети технических, информационных и сервисных организаций, функционирующих на началах самостоятельного хозяйствования и самокупаемости.

В целях содействия ускорению реформы системы государственной торговли, преодоления все еще присущих ей недостаточной гибкости, приверженности к уравниловке Госсовет КНР 10 июня 1987 г. утвердил подготовленные рядом ведомств «Мнения об углублении реформы системы государственной торговли», предусматривавшие широкое внедрение в государственной торговле подрядных и арендных форм хозяйствования, преобразование части мелких государственных предприятий сферы торговли и обслуживания в предприятия коллективной собственности, продажу в индивидуальное хозяйство оставшихся долгое время убыточными торговых точек, дальнейшее развитие горизонтальных хозяйственных связей, в том числе в сфере оптовой торговли³⁵.

Объем розничного товарооборота в 1987 г. возрос в текущих ценах на 17,6 % (в физическом выражении на 9,6 %) и достиг 582 млрд. юаней³⁶. Наиболее быстро росла продажа крестьянам средств производства, используемых в сельском хозяйстве (она включается китайской статистикой в общий показатель розничного товарооборота), 22,4 % до 70,5 млрд. юаней³⁷. Продажа потребительских товаров составила 511,5 млрд. юаней, в том числе продовольствия — 276,3 млрд. юаней (прирост на 18,1 %), одежды — 88 млрд. юаней (прирост 13,9 %) и потребительских товаров длительного пользования — 147,2 млрд. юаней (прирост 16,7 %)³⁸. Вместе с тем ситуация некоторого застоя в производстве продукции сельского хозяйства отрицательно сказалась на рынке потребительских товаров в целом. Прирост индекса розничных цен в 1987 г. составил 7,3 % и превысил плановый показатель 6-процентного роста³⁹. Обострилась и проблема нарастания неудовлетворенного платежеспособного спроса населения⁴⁰: остаток сберегательных вкладов городских и сельских жителей на конец 1987 г. достиг 307,5 млрд. юаней, что на 83,8 млрд. юаней больше, чем годом ранее⁴¹. Кроме того, по оценкам китайской печати, еще 120 млрд. юаней наличных денег имеется на руках у населения⁴². Хотя прирост выпуска денег в обращение с помощью жестких ограничительных мер удалось удержать на уровне предшествующего года (он вырос на 24 млрд. юаней, или на 19,4 %⁴³), тем не менее проблемы сдерживания инфляции, существенно более полного удовлетворения платежеспособного спроса населения остаются для КНР крайне острыми. Принципиальное их решение лежит на путях дальнейшего наращивания пользующихся спросом потребительских товаров и услуг, рационализации структуры и сдерживании общих масштабов капитального строительства. Все это задачи долгосрочного характера. Однако в ситуации, когда уровень розничных цен⁴⁴ и темпы их роста стали вызывать все большее недовольство населения и в какой-то степени сказываться на его отношении к реформе в целом, китайское руководство предприняло ряд мер, по сути дела, административного характера, призванных усилить контроль за ценами, несколько стабилизировать их. Была развернута крупномасштабная проверка правильности установления цен на многие виды товаров, разрешено введение в крупных и средних городах ограничений на рыночные цены на важнейшие виды продовольствия⁴⁵. Содействовать сдерживанию роста цен призвано принятие новых

нормативных актов по вопросам ценообразования и управления ценами, таких, как «Положение КНР об управлении ценами» от 11 сентября 1987 г. (взамен прежнего от 7 июля 1982 г.) и Временных положений Госсовета КНР от 11 января 1988 г. об управлении ценами на важные виды средств производства и транспортные перевозки и о единых верхних лимитах цен на внеплановые средства производства.

Необходимо вместе с тем отметить, что ныне в Китае речь идет о совершенствовании, лучшей контролируемости рыночного ценообразования на потребительские товары, но отнюдь не об отказе от него. Видимо, такой отказ был бы уже и практически невозможен: ведь в общем объеме продажи потребительских товаров доля, реализуемая по ценам, установленным государством, снизилась с 97 % в 1978 г. до 47 % в 1986 г., а доля, реализуемая по направляющим и рыночным ценам, возросла соответственно с 3 до 53 %⁴⁶.

Дальнейшее развитие в 1987 г. получил рынок средств производства. К концу года в КНР насчитывалось 386 городских центров торговли материальными ресурсами, объем сделок которых за год оценивался в 27 млрд. юаней, или около 20 % общего объема продаж материальных ресурсов в стране⁴⁷. Наибольшего размаха достигла рыночная реализация стального проката: в середине года в 51 городе 24 провинций КНР функционировало 182 рынка стального проката⁴⁸. Крупномасштабные эксперименты по формированию рынков средств производства проводились в 13 городах страны: Шицзячжуан, Шэньян, Наньцзин, Чанчжоу, Уси, Сучжоу, Ханчжоу, Вэйфан, Ухань, Чанша, Гуанчжоу, Чунцин, Ланьчжоу⁴⁹. Наибольшее одобрение получил опыт города Шицзячжуан, рекомендованный к широкому распространению по стране с 1988 г. Суть его в установлении на 10 видов материальных ресурсов (прокат черных и цветных металлов, чугун, древесина, цемент и т. п.) единой рыночной цены реализации. При этом разница между плановой и внеплановой (рыночной) ценой на материальные ресурсы компенсируется потребителю органами материально-технического снабжения из специального фонда, образуемого из части доходов от реализации централизованно распределяемых ресурсов по рыночным ценам. В 1988 г. и в последующий период намечается усилить комплексное балансирование по важнейшим видам материальных ресурсов, продолжить работу по созданию «организованного и руководимого» рынка средств производства. В этих целях предусматривается усиление роли и полномочий специализированных организаций материально-технического снабжения, в том числе путем передачи им снабженческо-сбытовых подразделений центральных и местных хозяйственных ведомств, превращения их в самостоятельно отвечающие за прибыль и убытки комплексные хозяйственные организации, управляющие оборотом средств производства. Намечено проведение в ряде городов эксперимента по организации единого снабжения материальными ресурсами низовых хозяйственных единиц города через ведомства материально-технического снабжения. Предусматривается более четкое разделение материальных ресурсов на несколько групп: распределяемые по директивному плану, закупаемые по контрактам, поставляемые по принципу увязки производства и потребностей, свободно закупаемые и сбываемые ресурсы. Сбыт внеплановой части важнейших видов материальных ресурсов (уголь, нефть, бензин, керосин, мазут, природный газ, электроэнергия, стальной прокат, чугун, медь, алюминий, цинк, серная кислота, каучук, сода кальцинированная и каустическая, мочеви́на, древесина северных районов и некоторые другие) должен осуществляться, как правило, через утвержденные государством центры торговли материальными ресурсами⁵⁰.

Существенно продвинулось вперед и, по сути дела, вышло за рамки

экспериментов создание **краткосрочного фондового рынка**, функционирующего в виде взаимного межбанковского кредитования на срок от нескольких месяцев до года. Суммарный объем такого кредитования на конец 1987 г. достиг 200 млрд. юаней⁵¹, увеличившись прямо-таки скачкообразно по сравнению с 1986 г. Резкому возрастанию спроса на краткосрочные межбанковские кредиты, по-видимому, косвенно способствовало общее ужесточение кредитной политики в стране, призванное сдерживать подпитывающий инфляционные тенденции чрезмерный рост совокупного объема банковского кредитования. Хотя эта цель и была более или менее достигнута — прирост государственного банковского кредитования составил 140 млрд. юаней (18,7%), что на 26 млрд. юаней меньше его прироста в 1986 г.⁵², — однако имел место и нежелательный побочный эффект: краткосрочные межбанковские кредиты начали нередко использоваться не по назначению, вплоть до их направления на кредитование инвестиций в основные фонды⁵³.

Заметно вырос и выпуск облигаций и акций, объем которого достиг к концу года 64,6 млрд. юаней по сравнению с примерно 7,2 млрд. юаней на середину 1986 г.⁵⁴. Пока акции и облигации используются в КНР главным образом как способ аккумуляции временно свободных денежных средств населения и предприятий. Поступление же их в свободное обращение, то есть формирование долгосрочного фондового рынка в виде рынка ценных бумаг, имеет все еще весьма скромные масштабы: суммарный объем сделок на «биржах» ценных бумаг 40 с лишним городов страны составил 100 млн. юаней.

Все большее значение для последовательной реализации задач хозяйственной реформы приобретает **совершенствование системы макроэкономического управления**. Оно предполагает осуществление ряда комплексных взаимосвязанных преобразований в планировании, финансово-кредитной системе, инвестиционной деятельности, организационной структуре хозяйственного управления.

Ряд шагов в этом направлении был предпринят в 1987 г. Решением Госплана КНР от 20 марта 1987 г. крупным промышленным объединениям предоставлен статус плановых единиц, что должно способствовать освобождению предприятий от излишней опеки со стороны местных органов и ведомств, уменьшению промежуточных звеньев управления. Места и ведомства не должны давать этим объединениям каких-либо директивных заданий, помимо установленных Госпланом⁵⁵.

Контуры реформы системы макроуправления были заметно конкретизированы на состоявшемся в сентябре 1987 г. Всекитайском совещании по работе в области планирования и хозяйственной реформы.

Намечено переместить центр тяжести планового управления на разработку структурной политики, на исследование и выработку стратегии социально-экономического развития, регулирование крупных народнохозяйственных пропорций, техническую политику.

Принципиальный интерес представляют наметки реформы системы управления инвестициями, в том числе создание системы фондов капитального строительства, специальной общегосударственной и местных инвестиционных компаний, всестороннее введение с 1988 г. системы конкурсов и торгов на строительство.

Крупные нововведения ожидаются в системе внешней торговли. Это проведение эксперимента по внедрению самокупаемости предприятий-экспортеров легкой и швейной промышленности и кустарно-художественных промыслов, совершенствование системы валютных отчислений за экспорт с повышением доли отчислений по мере углубления степени переработки про-

дукции, создание ряда ассоциаций экспортеров с целью координации действий на внешнем рынке.

Сформулирована главная задача хозяйственной реформы в 1988 г. Она состоит в том, чтобы, «тесно соединяя реформу хозяйственной системы с реформой политической системы и с экономическим строительством, сосредоточить усилия на преобразовании хозяйственного механизма предприятий, системы инвестиций, материально-технического снабжения, внешней торговли. Одновременно осуществить дальнейшее совершенствование и развитие различных видов рынков, усилить и улучшить макроуправление. В целом надлежит стимулировать поворот в хозяйственном механизме на микроуровне, содействовать усилению действенности макроконтроля с тем, чтобы способствовать увеличению предложения и сдерживанию спроса, урегулированию структуры, повышению эффективности, стабилизации цен, улучшению экономической среды, продолжительному стабильному росту народного хозяйства»⁵⁶.

Таким образом, в КНР взят курс на известное ускорение хозяйственной реформы и на ее более тесную увязку с общими задачами экономического развития.

¹ «Коммунист», 1988, № 1, с. 111.

² In: "Beijing Review", 1970, № 50.

³ См.: «Цзинцзи жибао», 22.XII.1987.

⁴ In: "Beijing Review", 1987, № 51; «Жэньминь жибао», 14.IV.1987.

⁵ Обследования, проведенные в провинции Хунань, показали, что доход крестьян с единицы площади от выращивания хлопка или табака был на 60 % выше, чем от возделывания зерновых. — См.: «Цзинцзи жибао», 29.XII.1987.

⁶ См. там же, 6.XI; 31.XII.1987.

⁷ См.: «Нуньминь жибао», 9; 11.I.1988.

⁸ См.: «Цзинцзи жибао», 5.XII.1987.

⁹ In: "Beijing Review", 1987, № 46.

¹⁰ См.: «Жэньминь жибао», 17.X.1987.

¹¹ Например, в Пекине норма — 1 кг свинины в месяц на человека. — См.: "Beijing Review", 1987, № 50.

¹² См.: «Цзинцзи жибао», 25.I.1988.

¹³ In: "Beijing Review", 1987, № 5—6, с. 38.

¹⁴ См.: «Цзинцзи жибао», 25.I.1988.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 13.IV.1987.

¹⁶ См.: «Цзинцзи жибао», 4.VI.1987.

¹⁷ «Шицзе цзинцзи даобао», 10.XI.1986.

¹⁸ Например, в первом квартале 1987 г. выплата премий рабочим и служащим государственных предприятий на 42,6 % превысила аналогичный показатель за тот же период 1986 г. — См.: «Цзинцзи жибао», 6.V.1987.

¹⁹ Так, в первом квартале 1987 г. объем убытков находящихся на самостоятельном балансе государственных промышленных предприятий достиг 1,5 млрд. юаней — на 42 % больше, чем за аналогичный период 1986 г. — См.: «Цзинцзи жибао», 9.V.1987.

²⁰ Реформа хозяйственной системы в Китае. Пекин, 1987, с. 59—69 (на кит. яз.).

²¹ См.: «Цзинцзи жибао», 8.V.1987.

²² «Жэньминь жибао», 5; 7.IV.1987.

²³ В частности, право выпуска внутренних акций, то есть предназначенных для распространения среди работников данного предприятия, было в середине 1984 г. предоставлено предприятиям городов Ухань, Гуанчжоу, Шэньян, Чунцин, Чанчжоу.

²⁴ См.: «Жэньминь жибао», 15.X.1987.

²⁵ См. там же, 10.XII.1987.

²⁶ См. там же, 6.XI.1987.

²⁷ См. там же, 28.I.1988.

²⁸ См.: «Цзинцзи жибао», 30.XII.1987.

²⁹ См.: «Жэньминь жибао», 29.XII.1987. Некоторые из них охарактеризованы в статье председателя Госэкономкомитета КНР Люй Дуна «Подрядное хозяйствование — эффективный способ оживления крупных и средних предприятий» («Хунци», 1987, № 9, с. 21—24), а также в статье Юй Чжаньминя и других авторов «16 видов системы подрядной хозяйственной ответственности» («Цзинцзи жибао», 3.VIII.1987).

³⁰ См.: «Жэньминь жибао», 3.I.1988.

³¹ Можно определить ее как систему хозяйственной ответственности в узком смысле слова в отличие от таковой в широком смысле слова, объединяющей все подрядные и неподрядные формы хозяйственной ответственности. В дальнейшем, вероятно, эта терминологическая нечеткость будет устранена.

³² См.: «Чжунго цзинцзи тичжи гайгэ», 1987, № 3, с. 52.

³³ См.: «Жэньминь жибао», 19.XII.1987.

³⁴ См. там же, 23.I.1988.

³⁵ См. там же, 26.VI.1987. К концу 1987 г. разного рода преобразования — сдача в аренду, перевод в коллективную собственность, передача в подряд коллективу и т. п. — затронули 80 % мелких государственных торговых предприятий. Возникло 6792 горизонтальных хозяйственных объединения с участием предприятий торговли («Жэньминь жибао», 24.II.1988).

³⁶ См.: «Цзинцзи жибао», 30.XII.1987.

³⁷ См. там же, 30.I.1988.

³⁸ In: "Beijing Review", 1988, № 4, с. 26.

³⁹ См.: «Цзинцзи жибао», 3.II.1988.

⁴⁰ Нереализованная покупательная способность населения КНР в 1986 г. достигла 330,9 млрд. юаней. — См.: Ежегодник статистики Китая — 1987. Пекин, 1987, с. 554 (на кит. яз.).

⁴¹ См.: «Цзинцзи жибао», 23.I.1988.

⁴² См.: «Жэньминь жибао», 18.I.1988.

⁴³ См.: «Цзинцзи жибао», 14.I.1988.

⁴⁴ Здесь уместно сравнить некоторые абсолютные показатели уровня цен. Если в конце 1980 г. средняя по стране рыночная цена (за 1 кг) кукурузы составляла 0,35 юаня, то в конце 1987 г. она колебалась от 0,46 до 0,80 юаня, свинины соответственно 2,24 юаня и от 3,7 до 6,6 юаня, куриных яиц — 2,69 юаня и от 3,7 до 5 юаней. — См.: «Гунжэнь жибао», 13.I.1981; «Нунминь жибао», 2.I.1988.

⁴⁵ См.: «Жэньминь жибао», 24.VIII.1987.

⁴⁶ См.: «Ляован», 1987, № 39, с. 29.

⁴⁷ См.: «Жэньминь жибао», 24.II.1988.

⁴⁸ См.: «Цзинцзи жибао», 15.VIII.1987.

⁴⁹ См.: «Чжунго цзинцзи тичжи гайгэ», 1987, № 3, с. 52.

⁵⁰ См.: «Цзинцзи жибао», 26.IX.1987.

⁵¹ См. там же, 26.I.1988.

⁵² См. там же, 14.I.1988.

⁵³ См. там же, 26.I.1988.

⁵⁴ См.: «Жэньминь жибао», 6.IV.1987; «Цзинцзи жибао», 26.I.1988.

⁵⁵ См.: «Цзинцзи жибао», 16.IV.1987.

⁵⁶ Там же, 24.IX.1987.

К вопросу об эволюции внешнеполитической концепции КНР*

*С. Н. ГОНЧАРОВ,
кандидат исторических наук
А. О. ВИНОГРАДОВ,
кандидат исторических наук*

Материалы XIII съезда КПК, проходившего в октябре 1987 г. в Пекине, продолжают вызывать большой интерес. Отчетный доклад Генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяна съезду, как известно, не содержал специального раздела, посвященного изложению вопросов внешней политики. Тем не менее анализ содержания этого доклада позволяет говорить о том, что в нем были закреплены некоторые основополагающие выводы, явившиеся итогом эволюции внешнеполитической доктрины Китая, и одновременно намечены общие направления дальнейшего развития этой доктрины. В данной статье делается попытка проследить эволюцию основных теоретических концепций КНР по проблемам международных отношений и то новое в этих концепциях, что нашло отражение на съезде; проанализировать, каким образом новые подходы влияют на современную позицию КНР по некоторым конкретным проблемам международной политики.

Об эволюции теоретических основ внешнеполитической стратегии КНР

На протяжении всего периода 50—70-х гг. конкретное содержание внешней политики КНР претерпевало кардинальные изменения. Можно выделить три основных этапа этого процесса: 1) 1949 г.— начал 60-х гг.— борьба против США и мирового империализма при опоре на СССР и другие социалистические страны; 2) середина 60-х — начало 70-х гг.— борьба против «сверхдержав»; 3) начиная с середины 70-х гг.— курс на сближение с США и создание «единого фронта» «противостояния советскому гегемонизму».

При всех различиях, реально существующих в этих курсах, можно выделить в них один общий момент, определявший цели внешней политики КНР на протяжении всего указанного периода,— ориентированность всех вышеперечисленных направлений внешней политики на использование, а на определенном этапе и обострение международных противоречий, представление о том, что противоречия, антагонизмы составляют суть, основное содержание обстановки в мире. Такой подход особенно ярко прослеживался в решениях IX, X и XI съез-

* Публикуя эту статью, редакция принимает во внимание, что авторы в ряде случаев высказывают дискуссионные суждения. Мы надеемся, что обсуждение этой темы получит дальнейшее развитие на страницах нашего журнала.

дов КПК¹. На уровне практической политики этот подход, который, как нам кажется можно условно назвать «конфронтационным», выразался в стремлении утвердить свое место в мире и обеспечить осуществление своих интересов прежде всего за счет ослабления и подрыва позиций противников, в ориентации на конфронтацию.

«Конфронтационный» подход, как представляется, имел определенные исторические основания и объяснялся как особенностями объективной обстановки, так и ее субъективным восприятием китайскими руководителями.

Прежде всего следует отметить тот факт, что и до, и после 1949 г. КПК постоянно приходилось осуществлять свою деятельность в обстановке острой внутривнутриполитической борьбы, искусство ее ведения стало одним из важных направлений деятельности партии и в определенной степени способствовало победе народной революции в Китае. Формированию и закреплению взглядов о том, что противоречия, их использование, а иногда и нагнетание — ядро марксистско-ленинских взглядов на общественное развитие, способствовали и определенные особенности международной обстановки, действительно наполненной антагонизмами и подверженной резким изменениям. Представления о ведущем месте политики по сравнению с экономикой, взгляды на политику как на «командную силу» во многом также объясняются практикой работы КПК, спецификой китайских условий. В результате одной из особенностей политического мышления руководства КПК стало представление о том, что посредством правильно сформулированных лозунгов, мобилизации и сплочения на их основе трудящихся масс как внутри страны, так и за ее пределами можно в предельно короткие сроки решить любые задачи социалистического строительства или революционного преобразования мира. Соответственно при принятии наиболее важных, кардинальных внешнеполитических решений интересы экономического развития страны, как правило, рассматривались как второстепенные, обслуживающие внешнюю политику, а при анализе расстановки сил в мире оперировали в основном категориями политики, ставя экономические факторы в подчиненное положение.

Образование Китайской Народной Республики явилось событием огромной важности в многовековой истории китайской нации. Для самых широких масс китайцев это означало, что страна наконец-то «пробудилась, встала на ноги», что положен конец третированию Китая со стороны других держав, начавшемуся еще в середине XIX в. В силу этого для руководителей КНР одним из непреложных императивов было стремление любой ценой, пусть даже путем нагнетания противоречий на международной арене, обеспечить независимость и самостоятельность Китая, обостренное и даже болезненное отношение к любым реальным или мнимым попыткам поставить политику Китая под контроль или недооценивать его роль в мире. Одним из постоянных элементов во внешнеполитических теориях, разрабатываемых в Китае, было поэтому стремление подчеркнуть особое, самобытное, не зависящее ни от какой из великих держав место КНР в мировой политике.

Все эти особенности политического мышления ряда руководителей КНР воплотились в теории «промежуточных зон», а затем в выросшей из нее теории «трех миров». Согласно последней теории, страны «третьего мира» должны были в союзе со странами «второго мира» (то есть с европейскими странами и Японией) развернуть борьбу против «гегемонизма сверхдержав». В этом контексте любая внешнеполитическая акция КНР должна была интерпретироваться как в конечном счете имеющая целью противостояние «сверхдержавам».

Разумеется, внешнеполитическая стратегия КНР 50—70-х гг. не может быть полностью определена в категориях «антагонизмов» и «борьбы»; широко

известен, например, вклад Китая в формулирование принципов мирного сосуществования. Характерно, что акцент на сосуществование делался именно тогда, когда в качестве центральных перед китайским обществом ставились задачи экономического и социального развития страны. Когда же во главу угла внутри страны выдвигались принципы «политика — командная сила» и «классовая борьба — основа», то и во внешней политике начинали доминировать анализ мира как политического противостояния антагонистических сил и стремление укрепить роль Китая за счет использования и нагнетания противоречий. После ареста «банды четырех» в 1976 г. начался процесс переосмысления исторического опыта КНР со всеми его несомненными достижениями и промахами, который определялся необходимостью преодолевать катастрофические последствия «десятилетия великих смут». В это время курс на гипертрофирование роли политики, классовой борьбы был раскритикован и отвергнут как «левацкий уклон».

В связи с вышесказанным нельзя не согласиться с высокой оценкой китайскими коммунистами 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.). Этапное, переломное значение этого пленума состоит, очевидно, не только в конкретных планах социально-экономического развития страны, которые были им приняты, но и в принципиально ином, чем ранее, подходе к разработке стратегии развития Китая, в качестве ключевых моментов которого были определены курс на перенесение центра тяжести в работе партии на проблемы экономики и «реалистический подход», то есть необходимость видеть мир таким, каким он является на самом деле, без излишней идеологизации и догматических шор². Именно 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, как подчеркивают в Китае, положил начало нынешней эволюции внешнеполитического курса КНР³.

Новый подход, вытекавший из решений пленума, предполагал внесение основательных изменений во внешнюю политику страны, суть которых заключалась бы, с одной стороны, в подчинении внешней политики интересам социально-экономического развития КНР, а с другой — в формировании такой внешнеполитической концепции, которая бы адекватно отражала реалии современного мира.

Прежде всего эти изменения определялись тем, что курс на «стратегическое сотрудничество» с США грозил обернуться серьезными ущемлениями независимости и самостоятельности Китая. В КНР стали также задумываться над тем, соответствует ли потребностям экономического развития страны «стратегия единого фронта», предполагающая поддержание на высоком уровне конфронтации с СССР и в значительной степени подчиняющая этой цели другие направления внешней политики. Состоявшийся в сентябре 1982 г. XII съезд КПК имел важное значение для эволюции внешней политики КНР, поскольку он закрепил и развил происшедшие в ней изменения. Внешнеполитические установки съезда подчеркивали: во-первых, независимость и самостоятельность внешней политики Китая, принципиальный отказ КНР от установления союзнических отношений или «стратегического сотрудничества» с какой-либо из «сверхдержав»; во-вторых, курс на улучшение и развитие взаимовыгодных связей со всеми странами мира (включая СССР и США) на основе пяти принципов мирного сосуществования; в-третьих, принадлежность Китая к «третьему миру» и провозглашение в качестве основной задачи совместной со странами «третьего мира» «борьбы против гегемонизма, за мир во всем мире»⁴. Одновременно в этом внешнеполитическом курсе сочетались как элементы прежнего подхода, так и некоторые новые моменты.

Прежде всего здесь нужно отметить утверждение курса на «независимость и самостоятельность» и улучшение отношений и с США, и с СССР. Как

известно, в 60-е гг. в Китае практически исключали возможность налаживания отношений со «сверхдержавами» — тогда в КНР утверждали, что для этого необходимы коренные изменения как во внутренней, так и во внешней политике «сверхдержав».

На XII съезде КПК было уже признано, что критика «гегемонизма» в политике «сверхдержав» отнюдь не исключает возможность улучшения отношений с ними. Таким образом, в этой области, имеющей важное значение для китайской внешней политики, XII съезд закрепил отход от «конфронтации» в двусторонних отношениях и принял курс на «конфронтацию и сосуществование». Новый подход позволял КНР, сохраняя «независимость и самостоятельность», широко развивать экономические, научно-технические, культурные и иные связи как с США, так и с СССР.

Необходимо также отметить, что в материалах XII съезда теория «трех миров» предстает уже в трансформированном виде: без упоминания о «втором мире»⁵.

Как позитивный момент решений XII съезда можно отметить также выдвижение «борьбы за мир» в качестве одной из приоритетных задач. Однако одновременно с этим накануне XII съезда и сразу же после него в КНР продолжали утверждать, что война может быть предотвращена исключительно «борьбой против гегемонизма сверхдержав», любые действия которых рассматривались как направленные на «обретение военного превосходства».

Если суммировать вышесказанное, то можно сделать вывод о том, что в результате корректировок, внесенных XII съездом КПК во внешнюю политику КНР, сфера «конфронтационного» подхода в ней существенно сузилась, хотя в отношении к ряду важнейших мировых проблем он продолжал присутствовать.

Процесс внесения дальнейших корректировок во внешнеполитический курс КНР продолжался и после XII съезда КПК. Как представляется, они определялись следующими основными соображениями.

Прежде всего следует сказать об изменениях в Китае представлений о последствиях ядерной войны и необходимости ее предотвращения. Как известно, в начале 80-х гг. была разработана теория «ядерной зимы», оказавшая существенное влияние на представления и взгляды политических деятелей во всем мире, в том числе, очевидно, и в Китае. Китайские руководители стали подчеркивать, что ядерная война в случае ее возникновения может нанести огромный урон Китаю⁶. Кроме того, в КНР было сделано еще несколько серьезных выводов: а) «сверхдержавы», так же как и другие страны мира, осознают губительность ядерной войны и поэтому заинтересованы в ее предотвращении; б) сама по себе чудовищная разрушительная сила накопленных ядерных арсеналов в значительной степени исключает возможность их применения для достижения определенных политических целей; в) нагнетание напряженности и крайнее обострение отношений между СССР и США не отвечает интересам КНР, так как чреват в конечном счете вспышкой мирового ядерного конфликта⁷.

Кроме того, в Китае возрастало понимание важности учета процессов и тенденций, происходящих в международной экономике, для оценки ситуации в мире и выработки на этой основе внешнеполитического курса страны. И ранее проблемы международных экономических связей не ускользали от внимания китайских специалистов (достаточно назвать здесь таких ученых, как Хуань Сян и Цянь Цзюньжуй), однако внимание к экономическим проблемам было явно недостаточным⁸, и внешнеполитический анализ велся в основном в политической и военно-стратегической плоскостях.

Постановка экономических проблем в центр работы КПК и необходимость максимально эффективного использования общемировых хозяйственных связей

привели к тому, что именно проблемы экономики стали во все большей степени утверждаться в КНР в качестве одного из исходных пунктов комплексного анализа международных проблем. Это не могло не привести к существенным корректировкам оценок положения в мире.

Прежде всего в КНР был сделан вывод о том, что одним из важнейших факторов, радикально изменяющих положение в мире, является НТР и что в грядущем XXI в. статус того или иного государства будет определяться не столько военной мощью, сколько его научно-техническим и технологическим уровнем⁹.

Позднее, в 1985—1986 гг., из этого были сделаны выводы о том, что в мире происходит смещение центра тяжести «борьбы и соперничества» из сферы гонки вооружений в область «комплексной мощи государств», решающими элементами которой являются экономика, наука и техника. Из этого вытекает, что и «сверхдержавы» должны стремиться ограничить гонку вооружений определенными рамками, дабы не проиграть экономическое и технологическое соревнование.

Другим важнейшим заключением стал вывод о том, что появляются и активно развиваются «новые центры силы». При этом для современного мира характерны не только противоречия, но и все более возрастающая экономическая взаимозависимость, в том числе между государствами, являющимися членами противостоящих военных группировок¹⁰.

Наконец, произошло углубление понимания долгосрочных стратегических перспектив реформ в Китае. Более адекватное представление о тенденциях развития мировой экономики привело к уточнению задач, которые призван решить Китай для того, чтобы «занять подходящее место в мире». Усилилось внимание к качественным характеристикам китайской реформы, которые должны определяться уровнем науки и технологии, что в свою очередь диктовало необходимость обеспечения максимально возможной концентрации сил и средств на развитии именно этой сферы, не в последнюю очередь за счет средств, расходуемых на оборону. Кроме того, был сделан вывод о том, что опережающие темпы экономического и научно-технического развития могут быть достигнуты только за счет максимально возможного расширения контактов со всеми странами мира и при общем благоприятном состоянии мировой экономики. Оба названных фактора диктовали необходимость снижения международной напряженности. В КНР пришли также к пониманию того, что проводимые реформы являются чрезвычайно сложным и длительным процессом (уже в силу задач, которые они должны решить), а отсюда вытекает, что и задача создания для них «благоприятной международной обстановки» также является долгосрочной¹¹.

Все вышеперечисленные соображения нашли свое выражение в комплексе новых подходов к важнейшим проблемам внешней политики КНР, изложенных в Докладе о работе правительства на 2-й сессии ВСНП 6-го созыва, состоявшейся в мае 1984 г., где подчеркивалось, что Китай надеется на смягчение отношений между СССР и США и будет приветствовать любые усилия, направленные на ядерное разоружение и ликвидацию региональных конфликтов. Тем самым было фактически признано, что «сверхдержавы», исходя из своих собственных интересов, могут внести существенный конструктивный вклад в дело мира и стабильности во всем мире как на глобальном, так и на региональном уровне¹².

Из подобного подхода вытекает и тезис о том, что Китай за развитие любой из стран «третьего мира» отношений со всеми государствами, в том числе и со «сверхдержавами», в то время как ранее в КНР подчеркивали неприемлемость, опасность такого рода политики.

В общем, в отличие от прежнего, «конфронтационного», данный подход

к вышеупомянутым проблемам ориентируется на учет интересов всех стран и поиски путей для оптимальных, приемлемых форм сосуществования с ними. Подобный подход, который с нашей точки зрения можно назвать «конструктивным», ярко проявился и в сформулированном на сессии ВСНП новом взгляде Китая на пути урегулирования проблем с соседними странами¹³, стержневым элементом которого был упор на достижение взаимопонимания, взаимовыгодности и взаимоприемлемости.

В выступлении Чжао Цзыяна на данной сессии, в параллельных с ним заявлениях Дэн Сяопина упор делался на неразрывную взаимозависимость между промышленно развитым Севером и развивающимся Югом, на необходимость находить взаимоприемлемые решения острых экономических проблем путем конструктивного диалога. Как видим, и во взглядах на этот важнейший комплекс проблем «конфронтационный» подход был заменен на «конструктивный».

В концентрированной форме этот подход к международным делам выразился в том, что китайские руководители стали усиленно подчеркивать, что «мир и развитие являются двумя основными проблемами современного мира», причем проблему «мира» рассматривали в основном в контексте взаимоотношений между Востоком и Западом, а проблему «развития» — в рамках отношений Север — Юг¹⁴. К этому времени изменилась и трактовка понятия «гегемонизм» — его перестали связывать исключительно с действиями «сверхдержав» и стали определять как «политику диктата и насилия», проводимую любой страной мира¹⁵.

Одновременно с выработкой концепции «мира и развития как основных проблем современного мира» в Китае формировалось и новое видение мира, выразившееся в том, что в КНР стали активно развивать теорию «многополюсности» современного мира, точнее, ослабления его «биполярной структуры».

Тенденция перехода от «биполярности» к «многополюсности», как подчеркивают китайские теоретики, ярко проявляет себя в экономической сфере, где она определяется развитием экономических и научно-технических связей между различными странами (в том числе между членами противостоящих военно-политических группировок), а также ростом значения НТР как нового фактора, определяющего расстановку сил в мире и перспективы его эволюции, и связанным с этим появлением на мировой арене «новых центров силы».

В политической области тенденция к «многополюсности» выражается в стремлении всех государств мира вне зависимости от их места в «биполярной» структуре к проведению «независимой и самостоятельной» политики, имеющей своей целью решение взаимосвязанных задач обеспечения мира и стимулирования собственного экономического развития, с чем, по мнению ряда китайских специалистов, связан процесс «демократизации международных отношений».

Одним из существенных компонентов представлений китайских специалистов о проблеме «многополюсности» являлась давно проводимая в КНР идея о том, что отношения между государствами определяются не сходством или различием в их идеологии, общественном строе, а степенью совпадения или расхождения их национально-государственных интересов.

Концепция «многополюсности» являлась продолжением и развитием теории «трех миров», которая и поныне продолжает пользоваться определенной популярностью в Китае. Следует, однако, отметить, что в отличие от прежних времен ученые, которые придерживаются этой теории, акцентируют ныне не только антагонизмы между «тремя мирами», но и существующую между ними взаимозависимость, необходимость их сосуществования друг с другом¹⁶.

С нашей точки зрения, утверждение концепций «мира и развития» на уровне

постановки политической задачи и «многополюсности» на уровне видения мира означает фактически замену «конфронтационного» подхода к международным делам на подход «конструктивный», в основе которого лежит стремление добиться взаимоприемлемых форм сосуществования с партнерами, дабы обеспечить наилучшие условия для социально-экономического развития своей страны. Соответственно престиж КНР мыслится уже не как основополагающийся на чисто политических категориях, и достигнуть его стремятся прежде всего не за счет подрыва, ослабления позиций других держав, а за счет укрепления собственного экономического, технологического, научного потенциала. При этом развитие широчайшего международного сотрудничества, «врастание» Китая в систему международно-экономических связей являются, как подчеркивают руководители КНР, лучшей гарантией того, что в будущем усилившийся и процветающий Китай будет «фактором мира и стабильности» во всем мире¹⁷.

Новые подходы ко внешней политике КНР были в систематической форме изложены в докладе о седьмом пятилетнем плане КНР, который был сделан Чжао Цзяном на четвертой сессии ВСНП шестого созыва 25 марта 1986 г. в виде «10 основных принципов» внешней политики страны¹⁸.

* * *

Приведенный анализ, как представляется, позволяет понять, почему в докладе на XIII съезде КПК следующим образом обобщались итоги развития современной внешнеполитической концепции КНР: «В ответ на требования международной обстановки и модернизации страны мы провели вокруг двух таких проблем, как мир и развитие, упорядочение дипломатической архитектуры и внешних партийных сношений, обеспечили развитие внешней политики независимости и самостоятельности, борьбы против гегемонизма, защиты мира во всем мире. У нас за рубежом стало еще больше друзей»¹⁹.

Отражение новых теоретических подходов в позиции КНР по некоторым основным проблемам международной политики

Представляется несомненным, что именно на основе новых теоретических подходов, достаточно адекватно отражавших реалии современного мира, в Китае были сделаны выводы, имеющие важное значение для практической политики. Попробуем кратко суммировать эти выводы по основным группам проблем.

1. **По проблемам войны и мира.** Учитывая, что «сверхдержавы», осознавая колоссальную мощь своих ядерных вооружений, будут «всячески стремиться избежать прямых столкновений» между собой, а также из усиления «независимости и самостоятельности» в политике различных «полюсов» на международной арене, выступающих за сохранение мира, в Китае было признано, что «рост сил мира опережает рост сил войны» и что мировой ядерной войны можно избежать. Это в корне отличалось от прежнего подхода, подчеркивавшего неизбежность такой войны²⁰.

2. По проблемам военной стратегии и военного строительства.

Исходя из вывода о возможности избежать мировой войны, к середине 80-х гг. в КНР были сформулированы новые подходы к военному строительству и военной стратегии. Ранее в Китае исходили из того, что армия должна быть способна в самом ближайшем будущем вести крупномасштабную ядерную войну, которая может вспыхнуть в любой момент. Подобная перманентная ситуация «кануна войны» не давала возможности реорганизовать войска, упорядочить их штаты, всерьез заняться совершенствованием их материально-технической базы. В середине 1985 г. НОАК перешла к курсу на «военное

строительство в условиях мирного времени», основной целью которого является создание армии, соответствующей и в техническом, и в кадровом, и в организационном отношении требованиям, предъявляемым современным уровнем развития военного искусства. Существенными элементами такого курса явились: а) объявленное в середине 1985 г. сокращение личного состава НОАК на 1 млн. человек; б) сдерживание темпов роста военных расходов, стремление проводить модернизацию вооружений по мере экономического развития, а не за счет него; в) передача ряда военных объектов в гражданское пользование и переход некоторых военных предприятий на производство мирной продукции; г) концентрация усилий на развитии и освоении наиболее передовых, высокотехнологичных видов вооружений²¹.

3. По проблемам разоружения. После XII съезда КПК активизировалась деятельность КНР по выдвижению собственных предложений в области разоружения. Важнейшим результатом этой деятельности стала программа из девяти пунктов, обнародованная Чжао Цзяньном 21 марта 1986 г. на антивоенном митинге в Пекине²².

4. По проблемам региональных конфликтов. Исходя из необходимости общего снижения напряженности в мире, Китай стал всячески воздерживаться от прямой вовлеченности в региональные конфликты и перешел в большинстве случаев от односторонней ориентации на поддержку сил, выступающих против одной из «сверхдержав», к акценту на политическое урегулирование, приемлемое для большинства стран данного региона. Критикуя и СССР, и США за «вмешательство в региональные конфликты и использование их в своих интересах», Китай в некоторых случаях стал признавать и конструктивный вклад «сверхдержав» в их урегулирование²³.

5. По проблемам международных экономических связей. Официально сформулировано новое, более широкое толкование «открытой политики» КНР. Согласно ему, Китай будет стремиться к максимально широкому и интенсивному развитию торгово-экономических связей не только с промышленно развитыми капиталистическими странами, но и с государствами «третьего мира», с Советским Союзом и социалистическими странами Восточной Европы²⁴.

6. По проблеме определения места и роли Китая в мире. В рамках концепции «многополюсности» стало все больше утверждаться представление о том, что Китай не просто одно из государств «третьего мира», но и «самостоятельный полюс», «центр силы». Особое внимание при этом китайские специалисты уделяют «большому треугольнику», то есть отношениям в системе СССР — США — Китай. При этом некоторые китайские ученые подчеркивают, что Китай, последовательно проводя курс «независимости и самостоятельности», не позволяет ни одной из «сверхдержав» изменить баланс сил в свою пользу и тем самым играет важную роль в стабилизации ситуации в мире²⁵.

Кроме вышеназванных изменений, в подходе Китая к основным международным проблемам есть еще два вопроса, заслуживающих более подробного рассмотрения. Первый из них — тенденция к относительному возрастанию роли экономических факторов в формировании внешнеполитического курса КНР и, соответственно, к относительному понижению роли факторов военно-стратегических.

На XII съезде КПК отмечалось, что международная обстановка, в которой находится Китай, является «сложной», безопасность страны «под серьезной угрозой».

Начиная с 1985 г. (и особенно после советско-американской встречи в верхах в Женеве), в Китае стали говорить о «благоприятных тенденциях» в международной обстановке. Еще более определенно об этом было заявлено

на XIII съезде КПК, где отмечалось, что «международная обстановка благоприятна» для реформ внутри страны²⁶.

Как известно, 3-й пленум ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.) закрепил концепцию плановой товарной экономики в качестве целевой модели экономической реформы и важнейшей составной части «социализма с китайской спецификой». Одновременно в качестве важного компонента плановой товарной экономики была выделена «открытая политика» в сфере внешнеэкономических связей и подчеркнут ее долгосрочный характер. Стратегическая роль «открытой политики» была развита и закреплена XIII съездом КПК²⁷.

В том же направлении эволюционировали и конкретные внешнеполитические установки: так, в середине 80-х гг. получили широкое распространение утверждения о том, что «Китай — самая большая развивающаяся страна, а США — самая большая развитая страна». Именно это выдвигалось в качестве основы для развития отношений во всех прочих областях. Экономическое сотрудничество стали выделять как приоритетную сферу отношений; военное сотрудничество, как следует из китайских публикаций последнего времени, является важным, но не определяющим компонентом двусторонних связей. Фактор экономической взаимодополняемости постоянно акцентируется и в отношениях со странами Западной и Восточной Европы (при этом, как правило, добавляют, что у Китая отсутствуют с ними какие-либо политические противоречия). И в развитии контактов со странами «третьего мира» все больший акцент делается на сотрудничество по линии Юг — Юг и урегулирование отношений по линии Юг — Север. Стоит отметить, что китайские политики и экономисты стали уделять большое внимание и взаимодополняемости экономик Китая и Советского Союза, подчеркивая широкие перспективы, имеющиеся в этой области.

Такое перенесение акцента с военно-стратегических факторов как основы для отношений на факторы экономические, как представляется, вполне вписывается в общий переход от «конфронтационного» подхода к международным проблемам к подходу «конструктивному» и в целом позитивно сказывается на оздоровлении ситуации в мире.

Далее необходимо хотя бы вскользь остановиться на подходе Китая к улучшению отношений между СССР и США, разрядке напряженности между ними.

На XIII съезде КПК получили одобрение наметившаяся разрядка напряженности между СССР и США, между Востоком и Западом, принципиальная договоренность о ликвидации ракет средней и меньшей дальности²⁸. Однако многочисленные публикации по этой проблеме свидетельствуют, что, по мнению китайских специалистов, улучшение отношений между СССР и США будет носить лишь «ограниченный» характер. Конкретно это может выразиться в том, что будет достигнут определенный прогресс в деле разоружения, ликвидированы некоторые «горячие точки» региональных конфликтов, получат развитие экономические связи, культурные обмены и контакты между людьми. Одновременно сохранится противостояние между странами на глобальном и региональном уровнях и соперничество в политике, экономике, идеологии. При этом может резко снизиться возможность перерастания противостояния и противоборства в мировую войну. Такая ситуация, в общем, как следует из публикаций, представляется китайским специалистам вполне приемлемой²⁹.

Современные представления китайских ученых о роли и месте КНР в процессе всемирно-исторического развития

На XII съезде вопрос о месте Китая в процессе всемирно-исторического развития ставился в самой общей форме. Там говорилось, например, о том,

что «мы как марксисты-ленинцы уверены в том, что коммунизм в конечном счете восторжествует во всем мире»³⁰. В Общей программе Устава КПК, принятого съездом, подчеркивалось, что «ход мировой истории и особенно становление и развитие социалистического строя в ряде стран за последние полвека подтвердили правильность теории научного социализма... Дело социализма идет вперед и постепенно придет к победе во всем мире теми путями, которые народы избирают по своей воле с учетом особенностей своих стран»³¹. Не говорилось, однако, о том, какую, собственно, роль должен сыграть Китай в этом глобальном процессе перехода от старого общественного устройства к новому. Руководители КПК ограничились лишь формулировками о «вкладе в дело человечества»³². Значительно более четко раскрыл эту проблему XIII съезд КПК. В докладе съезду были закреплены фундаментальные особенности «первоначального этапа социализма», такие, например, как многоукладность в экономике, «открытая политика», курс на ускоренное развитие некоторых районов страны и на «первоочередное обогащение» некоторых групп людей. Все эти положения, вытекавшие из особенностей обстановки в КНР, прошли ко времени проведения XIII съезда КПК определенную проверку практикой. Опыт, накопленный в Китае при проведении этих положений в жизнь, показал, что возникают проблемы двойного рода: с одной стороны, распространяются буржуазная идеология и неверие в перспективы социалистического пути развития, а с другой (в определенной степени как реакция на вышеупомянутые явления) — появляется стремление затормозить реформы, вернуться к традиционной экономической модели. Отсюда вытекает, как подчеркивалось в докладе Чжао Цзыяна, необходимость постоянно бороться как с «левацкими» взглядами, доказывая насущную необходимость реформ, так и с «правыми» воззрениями, отстаивая необходимость и единственность социалистического пути развития страны. Снять возможные негативные последствия реформ в социальной и идеологической сферах должна умелая и действенная идеологическая работа, направленная, с одной стороны, на доказательство объективных преимуществ социализма, а с другой — на то, что реализовать эти преимущества можно только через реформу³³.

Интересы подобной идеологической работы вызвали, в частности, и стремление подкрепить опыт социалистического строительства в КНР ссылками на практику других социалистических стран, в том числе и Советского Союза. Представляется, что признание в Китае СССР социалистической страной, официально сделанное в марте 1985 г., в определенной степени вытекало и из этих соображений. После развертывания в Советском Союзе перестройки и постепенного признания и в СССР, и в КНР качественной общности задач, решаемых в ходе преобразований³⁴, получил весомое подтверждение и пропагандируемый КПК тезис о том, что социализм может реализовать свои преимущества только через реформы и что поэтому «реформы стали основной тенденцией развития стран социализма».

В печати КНР появился ряд статей, конкретизирующих и развивающих эти идеи³⁵, со следующими основными положениями: после появления в мире социалистических государств (здесь, как правило, выделяются СССР и КНР) империализм пытался уничтожить их военным путем или задушить экономически, однако эти попытки закончились поражением. В то же время империализм ныне, несмотря на то что он является последней стадией капитализма, обладает значительной жизненной силой и способностью к совершенствованию. В результате современный этап характеризуется длительным сосуществованием капитализма и социализма, их соревнованием и одновременно развитием связей между ними, взаимодополнением. Задача социализма состоит в том, чтобы в ходе этого соревнования превзойти капитализм по уровню развития произ-

водительных сил. Именно экономическое и научно-техническое развитие определяют успех соревнования в «комплексной мощи государств». Верх в этом соревновании могут обеспечить только радикальные реформы, ставшие основной тенденцией развития социалистических стран. Задача же Китая в этом процессе состоит в том, чтобы путем построения «социализма с китайской спецификой» доказать действенность идей научного социализма³⁶.

Как мы пытались показать в данной статье, «стержнем» эволюции внешней политики КНР с конца 70-х гг. был процесс перехода от «конфронтационного» подхода к «конструктивному». Это в свою очередь позволяло все более и более полно воплощать в жизнь основные методологические установки 3-го пленума 11-го созыва о постановке в центр тяжести работы партии вопросов экономики и реалистическом взгляде на все проблемы. В целом подобный процесс в немалой степени способствовал стабилизации положения как в Азии, так и во всем мире.

Представляется, что эволюция внешнеполитических концепций КНР имеет важное значение и для развития советско-китайских отношений.

Прежде всего необходимо отметить тот факт, что нынешний «конструктивный» подход Китая к международным делам, предполагающий, в частности, необходимость считаться с интересами и позициями партнеров на международной арене, предоставляет больше возможностей для нахождения взаимоприемлемых развязок самых острых проблем. Как отмечала газета «Правда», «в настоящее время в подходе к ряду важных международных проблем между СССР и КНР сохраняются различия. Обе державы имеют свои цели и международные обязательства, свою структуру внешнеполитических приоритетов. Наличие несовпадений в позициях не должно препятствовать развитию сотрудничества, полной нормализации двусторонних отношений... Важно вести дело к созданию атмосферы взаимного доверия, помогающей достигать политических решений без ущерба для интересов СССР, КНР, других государств»³⁷.

Возможность создания подобной атмосферы увеличивается из-за того, что в силу сходности многих задач социально-экономического развития СССР и КНР на современном этапе имеется тенденция к сближению общетеоретических подходов к важным международным проблемам — и этот факт признается китайскими специалистами³⁸.

Новое политическое мышление, развиваемое руководством КПСС, и «конструктивный» подход к международным делам, проводимый руководством КПК, в принципе открывают возможности для сотрудничества в самых различных областях (в экономике, науке, технике, культуре и т. п.) на основе равенства и взаимной выгоды.

¹ См.: IX съезд КПК. Пекин, 1969, с. 76—77 (на рус. яз.); X съезд КПК. Пекин, 1973, с. 23—24 (на рус. яз.); XI съезд КПК. Пекин, 1977, с. 63—64 (на рус. яз.).

² См.: «Жэньминь жибао», 25.XII.1978.

³ См., например: заявление Хуань Сяна (директора Центра по изучению международных проблем Госсовета КНР). — «Шицзе чжиши», 1984, № 19, с. 2.

⁴ См.: XII съезд КПК. Пекин, 1982, с. 59—70 (на рус. яз.).

⁵ См.: XII съезд КПК, с. 62—69.

⁶ 29 мая 1984 г. Дэн Сяопин в беседе с президентом Бразилии Фигерейду заявил: «Сейчас есть ядерное оружие, и в случае войны оно нанесет человечеству колоссальный урон»; 15 мая 1984 г. Чжао Цзяян, выступая с «Докладом о работе правительства» на второй сессии ВСНП шестого созыва, в частности, заявил: «...Мы отнюдь не хотим, чтобы добытые нами ценой самоотверженного и упорного труда плоды строительства были разрушены войной, отнюдь не хотим, чтобы война принесла массовую гибель и огромные материальные потери нашим соотечественникам, и нет у нас желания вновь видеть человечество ввергнутым в катастрофу мировой войны...» («Жэньминь жибао», 2.VI.1984).

⁷ См.: Хуань Сян. Мир вдоль и поперек. Пекин, 1984, с. 78—79, 101—103, 320—321, 346 (на кит. яз.).

⁸ См.: напр.: Цянь Цзюньжуй. *Мировая экономика и наука о мировой экономике*. Пекин, 1982, с. 4—7 (на кит. яз.). Необходимо отметить и тот факт, что к началу 80-х гг. значительно изменилась система подготовки и принятия в Китае внешнеполитических решений. Ранее (особенно в период «культурной революции») решения эти принимались узким кругом высших руководителей, одновременно являвшихся ведущими идеологами страны. К началу 80-х гг. была воссоздана и развита сеть исследовательских центров, которые играют важную роль если не в принятии решений, то по меньшей мере в формировании представленный политического руководства о ситуации в мире. Это также не могло не сказаться на повышении внимания к проблемам мировой экономики, большей научности и комплексности анализа.

⁹ Подробное изложение современных взглядов китайских специалистов на эту проблему см.: Го Чжэньюань. *Новая технологическая революция и международные отношения ныне и в будущем*. — «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1987, № 1; Сун Иминь. *Рассматривать международную ситуацию через мировые веяния*. — «Гоцзи вэньти яньцзю», 1987, № 1.

¹⁰ См.: Сун Иминь. *Указ. соч.*

¹¹ Дэн Сяопин начиная с середины 1984 г. неоднократно подчеркивал, что Китаю для приближения к уровню промышленно развитых государств необходим период, продолжающийся примерно до середины XXI в. (см.: Дэн Сяопин. *Основные вопросы современного Китая*. Пекин, 1987, с. 54, 105—106, 118, на кит. яз.). В докладе Чжао Цзыяна XIII съезду КПК подчеркивалось, что «первоначальная стадия социализма» продлится в Китае примерно до середины XXI в. (см.: «Жэньминь жибао», 4.XI.1987).

¹² Чжао Цзыян заявил тогда: «Мы надеемся на смягчение отношений между США и СССР и не хотим обострения их конфронтации, ибо это усугубит опасность войны. Мы также за улучшение отношений между странами Восточной и Западной Европы и за ликвидацию серьезного противостояния двух военных блоков. Мы от души желаем смягчения международной обстановки в целом, а также региональных вооруженных столкновений и напряженности. Все усилия, прилагаемые в этом направлении, получат поддержку со стороны Китая» («Жэньминь жибао», 2.VI.1984).

¹³ «...С теми странами, которые живут с нашей страной в мире и согласии, мы стараемся укреплять отношения дружбы и сотрудничества. С теми странами, которые имеют те или иные разногласия с нашей страной, мы стараемся разрешить разногласия путем дружеских консультаций, чтобы наши взаимоотношения постепенно улучшились. Если эти разногласия не могут быть сразу же разрешены, мы готовы терпеливо ждать...» (там же).

¹⁴ См.: Дэн Сяопин. *Указ. соч.*, с. 52, 95—96, 109—110.

¹⁵ «...Мы решительно против гегемонизма независимо от того, кто, где и в каком виде его насаждает. Мы никогда не изменим эту позицию» («Жэньминь жибао», 2.VI.1984).

¹⁶ Активная разработка теории «многополюсности» велась китайскими учеными в 1980—1981 гг., однако тогда в нее вкладывался совершенно иной смысл: она увязывалась с закреплённой XI съездом КПК трактовкой теории «трех миров». Характерен тот факт, что Хуань Сян, например, в работе 1978 г. отстаивал теорию «трех миров» (см.: Хуань Сян. *Мир вдоль и поперек*, с. 17—42), а в 1984 г. он уже определенно заявил о том, что мир является «многополюсным» (см.: «Шинце чжиши», 1984, № 19, с. 2). Подробнее о содержании концепции «многополюсности» см., напр.: Вань Гуан. *Тенденции развития многополюсности мира*. — «Ляован», 1987, № 11; Тан Пин. *Мир развивается в сторону многополюсности*. — «Баньюэ тань», 1987, № 5; Ду Сяоцян. *Биполярность или многополюсность*. — «Шинце чжиши», 1987, № 14.

Можно говорить о том, что теория «многополюсности» является в настоящее время безусловно преобладающей, но не единственной концепцией. Некоторые авторы продолжают придерживаться концепции «трех миров» (см.: Чэнь Чжунцзин. *Современная международная стратегическая обстановка*. — «Сяньдай гоцзи гуаньси», 1986, № 2, с. 6—8; Ван Хуайнин. *Попытка суждения об особенностях современного империализма и эпохи, в которой мы находимся*. — «Шинце цзинцзи», 1987, № 7, с. 8; Се Исянь. *Расстановка в мире и суждения о «биполярности», «многополюсности»*. — «Шинце чжиши», 1987, № 19, с. 16—17).

¹⁷ См.: Дэн Сяопин. *Указ. соч.*, с. 76—78, 86—88, 105—106, 109—110.

¹⁸ См.: «Жэньминь жибао», 14.IV.1986.

¹⁹ Там же, 4.XI.1987.

²⁰ См. там же, 24.IV.1986; Дэн Сяопин. *Указ. соч.*, с. 108; Чэнь Цимао. *Изменения в послевоенных международных отношениях и возможность достижения длительного мира во всем мире*. — «Хунци», 1986, № 13, с. 20—26.

²¹ См.: Дэн Сяопин. *Указ. соч.*, с. 84, 98—102, 126—127; «Ляован», 1987, № 30, с. 11—13.

²² Подробнее см.: В. Н. Федотов. *Китай и проблемы разоружения*. — «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 3.

²³ См., напр.: «Beijing Review», 1986, № 45, p. 14—16.

²⁴ См.: Дэн Сяопин. *Указ. соч.*, с. 95, 99—100.

²⁵ См., напр.: «Шинце чжиши», 1984, № 19, с. 2; «Баньюэ тань», 1987, № 18, с. 54.

²⁶ См.: «Жэньминь жибао», 4.XI.1987.

²⁷ См. там же.

²⁸ См. там же.

²⁹ См., напр.: «Сяньдай гоэзи гуаньси», 1986, № 4, с. 25—28; «Шицзе чжиши», 1987, № 9, с. 2—12.

³⁰ XII съезд КПК, с. 61.

³¹ Там же, с. 99—100.

³² См. там же, с. 20, 70.

³³ См.: «Жэньминь жибао», 4.XI.1987.

³⁴ Как известно, в выступлении во Владивостоке 28 июня 1986 г. М. С. Горбачев отметил сходность приоритетов социально-экономического развития СССР и КНР. Такая же идея достаточно четко проводится, например, и в статье Чжэн Хунцина «Теория и практика реформы экономической структуры в Советском Союзе и восточноевропейских странах». — «Хунци», 1986, № 22.

³⁵ См., напр.: Цянь Дичэнь. О трех великих прогрессивных потоках, которые в современную эпоху двигают вперед дело социализма. — «Гуанмин жибао», 27.IV.1987; Лю Лютан. Исходя из внешнеполитического окружения нашей страны, говорим о правильности линии партии на современном этапе. — «Ляован», 1987, № 30, с. 19—21.

³⁶ Совершенно ясно, что реформа стала необратимой тенденцией в социалистических странах. Если победа Октябрьской революции считается вызвавшей новую эпоху для социализма, то современная реформа, если она будет продолжаться вплоть до конечного успеха, проложит путь к новой эре, на протяжении которой производительные силы социализма превзойдут те, которые имеются в капиталистических странах. В те времена истории, возможно, будут рассматривать реформу как вторую «Октябрьскую революцию». — «Beijing Review», 1987, № 46, р. 21—22; «...можно предвидеть, что реформа в политической и экономической системе Китая достигнет огромных успехов, социализм с китайской спецификой непременно еще больше укрепит веру в победоносное движение вперед у народов социалистических стран и народов всего мира, непременно в огромной степени укрепит притягательную силу социализма во всем мире, стимулирует развитие прогрессивного дела человечества». — «Гуанмин жибао», 9.XI.1987.

³⁷ «Правда», 1.X.1987.

³⁸ Китайские авторы уделяют серьезное внимание анализу концепции «нового мышления» во внешней политике нашей страны (см., напр.: Чэнь Цзэцзюнь. «Новое мышление» во внешней политике СССР. — «Шицзе цзинци даобао», 22.IX.1986; Хуан Тинвэй. «Новое мышление» Советского Союза. — «Шицзе чжиши», 1986, № 24, с. 10—11).

Финансово- промышленные группы в экономике Южной Кореи

*А. Ю. МАНСУРОВ,
В. В. МИХЕЕВ*

В 80-е гг. повышенное внимание советских ученых привлекают «новые индустриальные страны» (НИС), в том числе Южная Корея. Проблемы южнокорейской экономики рассматриваются во многих монографиях и журнальных статьях. Во главу угла исследований ставятся главным образом три аспекта народного хозяйства Южной Кореи: экспортная направленность индустриализации, роль иностранного капитала, государственная экономическая политика. Такой выбор, конечно, не случаен. Он позволяет выделить ряд существенных черт южнокорейской модели развития. Вместе с тем исследовательский интерес заставляет искать новые ракурсы, иные отправные точки экономического анализа.

В данной статье авторы предлагают взглянуть на южнокорейскую экономику через деятельность финансово-промышленных групп (ФПГ). ФПГ являются основными субъектами хозяйственной жизни в Южной Корее. Они выступают активными носителями экономической и технологической инициативы, причем в последние годы не только в национальном, но и региональном и даже мировом масштабе. Четыре ФПГ входят в число 100 крупнейших транснациональных корпораций (ТНК) мира. Возникнув при посредничестве иностранного капитала и поддержке правительства, ФПГ в настоящее время во все большей степени влияют на государственную политику, в том числе в сфере привлечения инвестиций извне. В их деятельности сконцентрированы основные проблемы и противоречия экономики Южной Кореи. От них во многом зависит народнохозяйственное и технологическое будущее Юга Корейского полуострова.

Место ФПГ в сфере общественного производства

Процесс монополизации южнокорейской экономики развивается в двух направлениях: по пути создания государственных монополий, занятых преимущественно в нерентабельных отраслях внутреннего производства, и частных ФПГ, «оседлавших» экспортные отрасли. Государственные корпорации действуют в основном в сфере социальной и производственной инфраструктуры; по объему производства они играют заметно меньшую роль, чем частные. Так, в начале 80-х гг. 24 крупнейшие государственные монополии производили около 10 % ВВП Южной Кореи, тогда как 10 ведущих частных ФПГ — 64 % ВВП и 70 % экспорта¹.

В Южной Корее существуют около 50 ФПГ. Они контролируют машиностроение, приборостроение, текстильную, электротехническую, судостроительную, автомобилестроительную отрасли промышленности, капитальное строительство и т. д. Однако концентрация капитала идет неравномер-

но. Исключительная роль принадлежит «большой четверке» — группам «Хёндэ», «Самсон», «Лаки голд стар» и «Дэву». На их долю приходится 40 % ВВП и 50 % экспорта, 4 % занятых в промышленности Южной Кореи. Еще 6 крупнейших ФПГ входят в число 500 ведущих мировых ТНК².

Монопольное положение ФПГ в экономике оказывает воздействие и на формирование духовного климата в обществе. В сознание трудящихся настойчиво внедряется мысль, что процветание страны и их личное благополучие связаны с экономической деятельностью правительства и финансово-промышленных групп. Многие действительно верят в знакомую по мировой практике пропагандистскую «истину»: «что хорошо для «Хёндэ» (или «Самсон»), то хорошо для всей Южной Кореи». Подобная манипуляция общественным мнением вписывается в общегосударственную политику «умиротворения» населения и создания «общества-корпорации». Таким образом, Сеул возлагает на ФПГ «обязанности» не только экономические, но и социально-политические.

Все 4 крупнейшие ФПГ имеют довольно давнюю историю. Так, «Самсон» была образована еще в 1938 г. как торговая компания, осуществляющая связи колониальной Кореи с Китаем и Маньчжурией. «Лаки голд

Таблица
Десятка крупнейших ФПГ Южной Кореи (1984 г.)

Название ФПГ	Основные виды продукции	Место в мире по объему продаж	Объем годовых продаж, млрд. долл.	Чистая прибыль, млн. долл.	Активы, млрд. долл.	Собственные инвестиции, млрд. долл.	Число занятых, тыс. человек
1. «Хёндэ»	Суда, автомобили, электроника, строительные услуги	69	10,3(13,0)*	107	82,6	1,2	155,0
2. «Самсон»	Электроника, суда, текстиль, приборы, строительные услуги	89	7,2(17,0)*	82	5,5	0,8	102,0
3. «Лаки голд стар»	Электроника, нефтепродукты, химические товары, инженерно-строительные работы	90	5,2(12,0)*	70	4,1	0,7	53,0
4. «Дэву»	Суда, автомобили, электротехническое и промышленное оборудование, текстиль	100	7,0(15,0)*	60	7,9	0,8	89,0
5. «Санкён»	Нефтепродукты, химические товары, текстиль	110	6,2	41	2,4	0,4	19,0
6. «Ссанён»	Нефтепродукты, строительные материалы	242	3,3(5,5)*	3	2,8	0,5	14,7
7. «Кориа Иксплозив»	Нефтепродукты	329	2,4	47	2,0	0,5	15,5
8. «Пхохан айрон энд стил»	Сталь, чугун	356	2,3	67	3,7	1,7	14,6
9. «Хёсун»	Ткани, оборудов.	379	2,2	10	2,0	0,3	23,0
10. «Кикьё»	Сталь, резинотехнические изделия	392	2,0	8	1,6	0,1	43,0

* Данные за 1987 г.

Составлено по: Крупнейшие промышленные и торговые монополии. М., 1986, с. 72--74, 139, 159, 171, 182, 261, 268; «Тон-А-Ильбо», 27.XII.1987.

стар» начала функционировать с 1949 г. в текстильной промышленности. Сразу после корейской войны были созданы «Хёндэ» и «Дэву».

Однако только с середины 70-х гг. эти объединения при активном участии правительства стали превращаться в монополии. В 1975 г. правительственным декретом был введен статус Генеральной торговой компании (ГТК), обладатели которого получали крупные экспортные льготы и привилегии. Чтобы добиться статуса ГТК, необходимо было отвечать трем условиям: объем экспорта корпораций должен составлять не менее 2 % от общего экспорта Южной Кореи, она должна быть зарегистрирована на Сеульской фондовой бирже и иметь не менее 20 представительств за рубежом³.

Государственное поощрение деятельности «большой четверки» фактически означало перераспределение национального дохода страны в пользу ведущих монополий, что способствовало заметному расширению их деятельности. В настоящее время «Самсон» имеет 110 представительств в 40 странах мира, «Лаки» поддерживает связи с 90 странами, пятая по размеру ФПГ «Санкьён» — с 32 и т. д.⁴

Положение ФПГ в ключевых отраслях национальной экономики можно охарактеризовать следующим образом.

В текстильной промышленности ведущие позиции у «Дэву текстайл компани». На ее долю приходится около 65 % южнокорейского экспорта текстиля (7 млрд. долл. в середине 80-х гг.)⁵. В последние годы компания вынуждена менять экономическую политику: ориентация на покрытие издержек производства за счет дешевой рабочей силы сменяется курсом на вывоз капитала в места сбыта продукции. Причин тому две: усиление протекционистских мер со стороны основных покупателей южнокорейского текстиля (США и стран Западной Европы) и возрастающая конкуренция представителей «второй волны» НИС (Малайзии, Таиланда), а также КНР. В результате экспорта капитала были созданы совместные предприятия «Дэву» с компаниями Шри-Ланки, Гондураса, других развивающихся стран. Еще одно направление новой стратегии фирмы — инвестиции в автоматизацию производства на основе внедрения контрольно-компьютерных систем, активизация работ по разработкам «идей» одежды, ее фасонов и т. п.

Важную роль в текстильной индустрии занимает также «Чейл Вул Текстайл компани» из ФПГ «Самсон». Фирма становится одной из ведущих в мире по выпуску шерстяных костюмов и платьев. Особенностью политики этой фирмы является создание своих филиалов в странах — поставщиках сырья (например, в Австралии).

В электротехнической промышленности, производстве бытовой электроники и средств связи первенствуют компании из ФПГ «Лаки голд стар» — «Голд стар кейбл», «Голд стар телеэлектрик» и из ФПГ «Самсон» — «Самсон электроник компани», «Самсон электроник девайсис», а также из ФПГ «Дэву» и «Хёндэ». Практически все производство микроэлектроники, средств информатики, телевизоров, видеомагнитофонов находится в руках «большой четверки». В 1986 г. на долю компаний «Самсон» и «Лаки» приходилось около 10 % мирового рынка видеомагнитофонов, около 20 % американского рынка цветных телевизоров⁶.

Электротехнические фирмы, контролируемые финансово-промышленными группами Южной Кореи, работают в тесной кооперации с зарубежными, главным образом японскими, партнерами. Так, 42 % деталей для производства южнокорейских видеомагнитофонов составляют импортные компоненты. Развитие специализации и кооперации производства в японо — южнокорейских отношениях наряду с крупными обоюдными дивидендами создает и нема-

ло проблем, прежде всего проблем сбыта. Южнокорейские модели видеоманитофонов не столь известны на мировом рынке и имеют меньший спрос несмотря на то, что их цена на 20 % ниже аналогичных японских (менее 200 долл. за штуку)⁷. Поэтому южнокорейская продукция нередко сбывается под японскими торговыми марками. Такое положение не может считаться нормальным с точки зрения перспектив экспорта и вызывает «ответные меры». В конце 80-х гг. южнокорейские ФПГ начали наступление на японский и американский рынки под «своими флагами», в том числе приступив к созданию широкоохватных сетей обслуживания и ремонта в Японии и США и увеличивая ассигнования на рекламу. Большие надежды в этой связи возлагают на XXIV Олимпийские игры в Сеуле, которые, по мнению южнокорейских предпринимателей, помогут «поднять марку» их продукции.

Большое внимание ФПГ уделяют новым отраслям электроники — производству персональных компьютеров («Самсон», «Лаки»), телекоммуникационного оборудования («Дэву»), новых микросхем и т. д. Так, «Лаки» предполагает в 1988—1991 гг. завершить разработку телекоммуникационных систем на 100 тыс. линий⁸. Деятельность фирм «Самсон» и «Хёндэ» позволила Южной Корее стать третьей, после США и Японии, страной в мире, производящей чипы 64 КД — RAM для ЭВМ. В середине 80-х гг. южнокорейская «большая четверка» контролировала 9 % мирового рынка микросхем. К 1991 г. предполагается увеличить их долю на мировом рынке электронного оборудования в целом до 7 %⁹.

В автомобилестроении ситуацию контролируют «Хёндэ моторс» (47 % производства автомобилей в Южной Корее), «Дэву моторс» (18 %) и «Киа индустриал». Производство автомобилей также осуществляется в тесной кооперации с японскими и американскими фирмами. Так, «Мицубиси моторс» контролирует 10 % акций компании «Хёндэ моторс»; «Крайслер» и «Дженерал моторс» участвуют в совместных с южнокорейскими фирмами проектах, владея 50 % капитала¹⁰.

Автомобильное производство также носит четко выраженную экспортную направленность. К 1990 г. предполагается довести объем экспорта до 1,3 млн. штук (в 1987 г. несколько сот тыс.), в том числе 0,6 млн. штук — в США, Японию, Канаду, Великобританию. В основе высокой конкурентоспособности южнокорейских автомобильных компаний лежит высочайшая степень эксплуатации рабочих и персонала. Часовые затраты на рабочую силу в автомобильной промышленности Южной Кореи составляют 3 долл. против 18 долл. в Японии и 24 долл. в США¹¹.

В судостроении 90 % всех имеющихся мощностей приходится на 4 судоверфи, принадлежащие ФПГ «Хёндэ», «Дэву», «Самсон», а также государственной компании «Кориа шипбилдинг энд инжиниринг». В середине 80-х гг. эти компании контролировали около 20 % всех мировых заказов в судостроении (Япония — 56 %, Западная Европа — 10 %)¹². Однако во второй половине 80-х гг. южнокорейское судостроение оказалось в тяжелом положении из-за сокращения зарубежных заказов. Производственные мощности используются ныне лишь на 70—80 %. Компании пытаются найти выход в освоении новой продукции — судов-контейнеров с асимметричной кормой, морских нефтяных платформ (для Индии и Малайзии), систем управления портовыми сооружениями (для США), а также в модернизации южнокорейских доков на основе использования новейшей технологии.

Строительная индустрия Южной Кореи монополизирована в относительно меньшей степени. Здесь действует более 40 крупных компаний. В основном это специализированные подрядчики, предлагающие услуги полного цикла —

от проектирования до завершения строительства. Однако и здесь тон задают фирмы «большой четверки». Так, «Самсон» стала первой корпорацией, вырвавшейся в середине 70-х гг. на рынки строительных услуг Ливии, Ирана, Ирака, а в 80-е гг. — на рынки практически всего Ближнего Востока, Южной Америки, Юго-Восточной Азии и Африки. В последнее время строительный бизнес, так же, как и судостроение, переживает определенный спад в основном вследствие сужения рынков стран — экспортеров нефти.

В химической и машиностроительной промышленности ведущие позиции занимают соответственно ФПГ «Лаки», «Самсон» и «Дэву», «Хёндэ». Однако в этих отраслях экспортная деятельность монополий не столь активна и результативна. Процесс освоения мировых рынков химической и машиностроительной продукции южнокорейскими ФПГ только начинается. Приоритет отдается медикаментам и медицинскому оборудованию, оптическому, лабораторному оборудованию и т. п.

Структура власти и «философские» концепции ФПГ

Контроль за деятельностью ФПГ осуществляют, как правило, семейные кланы. Глава клана обычно сам назначает президента, высших руководителей корпорации, даже если это и оформляется в виде выборов руководящих органов акционерами. Вокруг главы создается ореол непогрешимости. Зачастую от его личных качеств и взглядов фактически зависит кадровая и технологическая политика корпорации. На выбор целей и путей их достижения нередко влияют характер, уровень образования (гуманитарного или технического) «вождя» клана, стиль общения с подчиненными (консервативный — «азнатско-почтительный» или новаторский — «аналитически-демократический»), его ценностные ориентации.

В ФПГ отсутствует механизм контроля власти главы клана, который действует как настоящий диктатор. Схема принятия решений выглядит следующим образом: комитет по управлению собирает информацию и готовит предложения, а принятие решений — уже дело владельца корпорации. В условиях недостаточной компетентности управленческих кадров такая система позволяла наиболее способным владельцам ФПГ уменьшить «процент брака» при выработке решений. Однако возросший в 80-е гг. уровень компетентности профессиональных управленцев среднего и высшего уровня мог бы, наоборот, снизить вероятность личной ошибки главы клана. Однако методы остаются прежними, что негативно сказывается на деятельности корпораций. Проблемы реформы отношений собственности становятся все более значимыми с точки зрения успешной деятельности ФПГ. Вероятным путем их решения может стать дальнейшее развитие акционерной собственности при отделении от нее функций управления и передачи этих функций в руки высококвалифицированных управленцев-профессионалов.

Структура крупнейших ФПГ в целом идентична. Они представляют собой объединения на холдинговой основе различных компаний с достаточно большой самостоятельностью. Наибольшая степень автономности фирм просматривается в деятельности ФПГ «Лаки голд стар», а наименьшая — в ФПГ «Дэву». Планирование и управление осуществляются советом директоров, возглавляемым основателем ФПГ (или крупнейшим акционером) и формируемым обычно на основе семейных связей. Так, до начала 1987 г. председателем совета директоров ФПГ «Хёндэ» был ее основатель Чон Ю Ен (71 год); в 1987 г. Чон стал «почетным председателем», уступив свое место

младшему брату Чон Се Ену (58 лет), возглавлявшему в течение 20 лет одну из крупнейших компаний ФПГ «Хёндэ» — «Хёндэ моторс»¹³. Принцип наследования власти характерен для деятельности других ФПГ: семейство Ли контролирует ФПГ «Самсон», Ким — «Дэву», кланы Ку и Ха — «Лаки голд стар». Элементы «демократизма» допускаются только в тех случаях, когда, скажем, возникает необходимость избрать президента из нескольких родственников и глава клана не может сам осуществить выбор.

Правительство Южной Кореи в 80-е гг. предпринимало попытки расшатать модель управления ФПГ, сложившуюся на основе конфуцианских принципов «гармоничного руководства сверху». Так, были введены запреты на владение одним лицом более чем 8 % акций корпорации, на «перекрестную» скупку акций родственными фирмами и др. Однако эти меры не дают результатов: владельцы ФПГ находят способы обойти такого рода ограничения. Тем не менее идеи «распыления» собственности ФПГ среди независимых акционеров становятся определяющими в правительственной политике регулирования отношений собственности в Южной Корее.

Материально-техническое снабжение компаний внутри одной ФПГ происходит на основе хозяйственных договоров в соответствии с планом развития группы. Поставки осуществляются по внутренним (в рамках ФПГ) ценам, на которые в большей мере влияет ценовая политика группы, чем уровень цен на национальном рынке.

Компании одной ФПГ могут осуществлять взаимное кредитование, причем под более низкие проценты, чем на рынке капитала. Однако такое положение снижает уровень конкурентной борьбы, негативно сказывается на деловой активности фирм. Некоторые группы, например «Лаки голд стар», стремятся изменить этот архаичный и нединамичный порядок и ликвидировать привилегии «внутреннего» кредитования, повысить инвестиционную ответственность, ускорить принятие технологических решений фирм.

Наибольший централизм характерен для политики ФПГ в области определения заработной платы. По всей видимости, это объясняется тем, что фактор более низких издержек рабочей силы остается основным в обеспечении конкурентоспособности южнокорейской продукции на мировых рынках.

В области распределения прибылей сохраняется большая самостоятельность фирм. Вместе с тем здесь отработан механизм восполнения потерь нерентабельных компаний за счет прибылей наиболее рентабельных корпораций одной и той же группы. В случае банкротства одной из компаний ФПГ берет на себя погашение ее долгов и восстановление работоспособности.

С конца 80-х гг. прослеживается стремление ФПГ повысить эффективность работы за счет реорганизации структуры управления путем усиления централизма в стратегических вопросах и развития «низовой» демократической инициативы. Проблема в том, что семейная собственность на «вершине» ФПГ способствует воспроизводству полуфеодалных отношений почитания главы клана — президента и на нижних этажах ФПГ. В результате сдерживается творческая инициатива, бюрократизируется процесс управления.

Дальше всех в реорганизации структуры управления продвинулась ФПГ «Самсон». Ее структура выглядит теперь следующим образом. Совет директоров (руководит председатель) имеет в своем ведении комитет по управлению и ревизионный орган. Комитет по управлению в свою очередь подотчетен ревизионному органу и контролирует деятельность комитетов экспертов (технического и коммерческого) и всех отделов ФПГ (планирования, развития, производственно-технического, сбыта, исследований и разработок, финансового, международного, снабжения, маркетинга, учета, кадров, вспомогательных служб).

В результате реорганизации ФПГ «Самсон» удалось диверсифицировать

позовые источники экономической и технологической инициативы, обладающие стратегической информацией. Раньше такой информацией располагали только члены семейного клана, навязывавшие «сверху» свое понимание проблем, нередко вне пределов собственной компетентности.

В принципе представленная структура «Самсон» в общем виде становится характерной и для других ФПГ. Совпадает и система планирования. Отделы планирования и развития разрабатывают краткосрочные (на 1—2 года) и среднесрочные (на 3—5 лет) планы, которые затем утверждаются комитетом по управлению и советом директоров. В зависимости от номенклатуры изделий и состояния рынка планы носят прогнозный либо детализированный характер. Основные параметры планирования — инвестиции в расширение производства и модернизацию, в сферу НИОКР, степень сокращения издержек производства, показатели качества. Принимаются также специальные программы по выпуску новой продукции. Практикуется составление ежемесячных, квартальных и годовых отчетов, оперативных справок и сводок о состоянии дел в ФПГ. Наряду с положительным эффектом это приводит к разбуханию административного аппарата и росту непроизводительных расходов. В этой связи принимаются меры по сокращению управленческого аппарата. Однако они дают слабый результат, поскольку встречают серьезное противодействие управленческой бюрократии, попавшей на свои места в большинстве случаев по семейной протекции, а не благодаря способностям. Некоторым исключением становится «Самсон», предпринимая попытки ввести конкурсную систему избрания на должность¹⁴.

В деятельности ФПГ Южной Кореи можно выделить две основные «философские» концепции, на которых строятся отношения нанимателей и трудящихся. Первая рассматривает ФПГ как экономическую ассоциацию, а ее персонал — как «винтик» в хорошо отлаженной машине («Хёндэ», «Дэву»). Вторая исходит из идеи «одной семьи»: ФПГ представляется как организация наподобие «общины», а ее персонал — как «равноправные» сотрудники («Лаки голд стар»). Исходя из этого, а также из ценностных ориентаций высшего руководства, ФПГ формулируют свою линию поведения в отношении рабочих. «Философия» каждой ФПГ выражается, как правило в немногих емких лозунгах, которые можно встретить повсюду — на предприятиях, в штаб-квартирах, в магазинах сетей сбыта группы. Задача такой целенаправленной обработки трудящихся состоит в формировании у них корпоративной психологической модели поведения, с которой руководство ФПГ связывает расчеты на сглаживание трудовых конфликтов и более интенсивное использование человеческого фактора.

Для «Хёндэ» характерен лозунг: «Труд никогда не позорит человека», для «Самсон» — «Продвижение талантливых людей». «Лаки голд стар» проповедует идею «человеческой гармонии». Пятой по величине ФПГ «Санкьён» принадлежит лозунг: «Опора на собственные силы ведет к техническому прогрессу и росту». В «Дэву» «философия» взаимоотношений руководителей и подчиненных строится на жестких и силовых методах, запрещены любые упоминания о правах рабочих и профсоюзах¹⁵. «Лаки» характерны патерналистские отношения с системой пожизненного найма, известные льготы для персонала, коллегиальность при принятии решений (действует принцип консенсуса). Немаловажное значение для внедрения такой модели поведения сыграло тесное сотрудничество «Лаки» с японскими фирмами. В «Хёндэ» и «Дэву», напротив, работник — колесико в общем конвейере группы. Такая ситуация приводит к частым трудовым конфликтам. Не случайно, что именно на предприятиях этих ФПГ летом 1987 г. состоялись активные выступления рабочих в защиту своих прав, тогда как на предприятиях «Лаки» сохранялось спокойствие.

Для «философской» концепции «Самсон» характерна ориентация на ценности западной цивилизации. Здесь делается ставка на развитие творческой индивидуальности служащих, на систему «оценок по заслугам», создание атмосферы внутрифирменной конкуренции в поиске технологических идей и решений. Такой подход позволил группе «Самсон» выйти в конце 80-х гг. на первое место в «большой четверке» по объему продаж (в 1987 г. — 17 млрд. долл.) и по расходам на НИОКР¹⁶.

Идеологический аппарат «Санкьён», вплотную приблизившейся к четырем ведущим ФПГ, предпринимает попытки совместить традиционное «восточное начало» (опора на собственные силы, трудолюбие, чинпочитание) с модернизацией производства по последним западным образцам.

Общим в идеологических концепциях ФПГ является стремление развить и утвердить в сознании трудящихся идеи лояльности руководству, смягчить классовое восприятие хозяйственных и политических проблем и тем самым направить их усилия на всемерное увеличение объемов производства и прибылей корпораций. Политика, защищающая «сначала интересы корпорации, а потом трудящихся», воздвигла труднопреодолимый барьер между управленцами и рабочими. В этой связи становится понятным, почему в Южной Корее пока не получили развитие такие производственные формы, как «кружки качества» (Япония), бригадное самоуправление (США, Западная Европа) и т. п.

Экономическая и технологическая политика

В своей хозяйственной стратегии ФПГ Южной Кореи делают ставку на увеличение объема продаж и освоение новых рынков. Показатели прибыли (размер, норма, доход в расчете на одну акцию и т. д.) отходят на второй план. Планируются прежде всего номенклатура продукции и определение стран-импортеров. Внутренний рынок рассматривается как вспомогательный в деятельности ФПГ, а задачи товарной и географической диверсификации экспорта становятся наиглавнейшими.

Первоначально многие ФПГ были «монотоварными» компаниями. Так, «Самсон» специализировалась на экспорте шерсти и изделий из нее, «Дэву» и «Санкьён» — текстильной продукции, «Голд стар» — вакуумных трубок и т. д. В 70-е гг. при поддержке правительства, даже нажиме с его стороны, инвестиции ФПГ стали направляться в тяжелую, энергетическую и химическую промышленность. «Монотоварная» модель стала трансформироваться в новую модель развития — «с доминирующим продуктом» при добавлении к нему новых видов товаров, связанных между собой либо технологией, либо сбытом.

Однако подобная политика привела к противоречиям в деятельности ФПГ. Возникла проблема совмещения курса на диверсификацию производства с поддержанием высокого уровня специализации корпораций, необходимого для обеспечения внешней конкурентоспособности. Поиск решения проблем, обостривших отношения между центром ФПГ и «периферийными» корпорациями, велся путем либо поглощения более мелких компаний, либо создания совместных предприятий¹⁷.

ФПГ применяют различную стратегию поглощений и слияний. Например, для машиностроительных фирм «Хёндэ» характерна интеграция «сверху вниз» на основе субподрядных отношений, при которой десятки субподрядчиков производят компоненты, узлы, детали для головной организации. ФПГ «Санкьён» использует иную схему — «снизу вверх». Ее особенность в том, что головная организация вкладывает капиталы (например, в химической промышленности) в производство промежуточных продуктов, сосредоточенное в руках других ФПГ. «Дэву» чаще практикует такую модель: консолидация на долговременной основе крупных корпораций, входящих в различные ФПГ. Это под-

разумеает подписание стратегических долгосрочных соглашений, согласование плановой деятельности, в том числе в инвестиционной сфере и в сфере подготовки кадров.

Вертикальная интеграция позволяет ФПГ добиться экономии за счет снижения издержек производства, улучшить качество, обеспечить стабильность деловых связей. Вместе с тем возникают серьезные трудности, например, при столкновении различных «философских» основ поведения ФПГ, стереотипов мышления, не унифицированных на настоящий момент механизмов выработки экономической и технологической стратегий.

В 80-е гг. ФПГ Южной Кореи вышли на уровень транснациональной вертикальной интеграции. За рубежом были созданы центры производства компонентов, узлов, добычи сырья, центры сбыта. Так, для «Лаки голд стар» отношение зарубежных активов к общим составило в 1987 г. 15 % (613 млн. долл.)¹⁸. Вывоз капитала и включение в «большую игру», где соперниками южнокорейских ФПГ выступают американские и японские концерны, а ареной борьбы — значительная часть мира, повышают требования к инновационной деятельности ФПГ, от которых требуется переход от традиционной модели «продукт — рынок» к более современной, в основе которой лежат технологические аспекты производственной деятельности.

На разработку технологической политики южнокорейских ФПГ решающее воздействие оказывают три фактора.

Первый — потребности рынка. Так, в связи с курсом правительства на переход к легким видам топлива и «денефтизацию» экономики, «Санкьён» (в кооперации с американской «Атлантик рисерч корпорейшн») развернула работы по созданию альтернативных источников энергии, в частности угольноводяной смеси, которая, как предполагается, заменит современные виды топлива. ФПГ «Лаки голд стар» сосредоточила усилия на НИОКР в электронике, поставив задачу войти в 90-е гг. в десятку мировых электронных гигантов.

Второй — возможности южнокорейской науки и технологии. Этот фактор особенно заметно влияет на технологическую политику ФПГ «Самсон». Группа намерена в начале 90-х гг. осуществить прорыв на мировой авиационный рынок. К 1990 г. «Самсон» стремится стать одним из основных мировых поставщиков деталей самолетов, а затем в кооперации с фирмами США перейти к производству вертолетов и самолетов. Начиная с 2000 г. планируется — на базе накопленного технологического опыта в самолетостроении — приступить к развитию аэрокосмической промышленности. В этих целях создан специальный Центр аэрокосмических исследований «Самсон».

Третий фактор — возможности импорта технологий из-за рубежа. Ставку на закупку лицензий и патентов сделали прежде всего «Хёндэ» и «Дэву». Этот фактор, как показывает сравнительный анализ НИОКР ФПГ, примерно на 20 % определяет технологическую политику южнокорейских ФПГ, тогда как первый — более чем на 50, а второй — на 25 %¹⁹. Активная технологическая политика ФПГ поддерживается южнокорейским правительством, стремящимся уменьшить технологическое отставание от развитых стран мира. А такого рода разрыв еще весьма велик. По южнокорейским оценкам, технологический уровень национальной экономики составляет 1,2 % от уровня США и 3,5 % от уровня Японии²⁰.

Среди приоритетных направлений технологической политики ФПГ — электронизация и роботизация производства, развитие биотехнологии и генной инженерии, освоение новых видов энергии (атомной и солнечной), осуществление национальной космической программы.

Электронизация предусматривает дальнейшее развитие полупроводниковой промышленности, производства ЭВМ, внедрение АСУ, создание компьютерной

сети по обслуживанию процессов производства, компьютеризацию банковского дела (начата в 1984 г.), увеличение производства видеоманитофонов, цветных телевизоров, микроволновых электропечей. Для реализации этих программ широко используется лицензионное и кооперационное сотрудничество с американскими и японскими фирмами. В то же время активно ведутся и собственные НИОКР. Например, «Дэву» приступила к производству и экспорту многоцелевого робота «Нова-10».

В биотехнологии впереди других ФПГ идут «Лаки» и «Самсон». Последняя в 1985 г. осуществляет массовое производство интерферона и вакцин против гепатита. В США при участии капитала «Самсон» создан НИИ генной инженерии (штат Нью-Джерси), занимающийся освоением новых технологий при участии американских ученых и по заказам ФПГ «Самсон».

В реализации программы развития атомной энергетики наиболее активное участие принимает ФПГ «Хёндэ». Осуществление этой программы предполагает повысить к 2000 г. долю АЭС в общем производстве электроэнергии до 70 % по сравнению с 50 % в 1987 г. Со второй половины 90-х гг. «Хёндэ» предполагает начать экспорт ядерной технологии²¹.

В разработке и реализации программы развития космической техники до 2000 г. наиболее активно участвует ФПГ «Самсон». На первом этапе предполагается осуществить запуск ракеты-носителя и вывести на орбиту спутник, предназначенный для научных экспериментов. Вместе с тем космическая программа Южной Кореи рассматривается правящими кругами в контексте американо — южнокорейского военного сотрудничества и предполагает подключение национальных ФПГ к осуществлению программы СОИ.

Структурная перестройка южнокорейской экономики, точнее ее экспортного сектора, вносит существенные изменения в структуру финансирования научных исследований и разработок. До 80-х гг. финансовые расходы по развитию фундаментальных и прикладных научных исследований несло в основном государство, а частные компании подключались лишь на стадии внедрения. В 80-е гг. ФПГ заметно увеличили расходы на НИОКР (кроме ряда сфер — атомной энергетики, космических исследований и т. п., носящих стратегический характер). Так, «большая четверка» направила на НИОКР в 1970 г. около 3 млн. долл., в 1980 г. — около 120 млн. долл., а в середине 80-х гг. — более 2,3 млрд. долл., что составило соответственно 23 %, 48 и около 60 % всех национальных инвестиций в НИОКР. ФПГ выделяют на сферу НИОКР до 7 % общего объема доходов от своих продаж²².

Однако несмотря на увеличившееся финансирование, низкий уровень собственных фундаментальных, а в новейших отраслях науки (например, биотехнология, новые материалы) и прикладных исследований, остается пока главным препятствием в реализации планов технологического выравнивания с более передовыми странами мира.

Финансовое положение ФПГ

На первых этапах индустриализации ФПГ получали средства для инвестиций из двух основных источников — иностранных займов и правительственных кредитов. В результате большая часть прибыли ФПГ на погашение кредитов шла в госбюджет или за границу, что значительно сужало возможности самофинансирования. Низкая доля собственного капитала в активах ФПГ характерна и для их нынешнего финансового положения. У «Хёндэ» она составляет около 1,5 %, «Дэву» — около 10, у «Самсон» и «Лаки» — около 15 %²³.

Основными источниками финансирования ФПГ выступают средства от сбыта

продукции, кредиты Центрального банка и коммерческих банков, кредиты филиалов иностранных банков в Сеуле и Пусане, краткосрочные ссуды под высокий процент на рынке «горячих денег», средства от операций с ценными бумагами на сеульской фондовой бирже, а также на крупнейших мировых биржах.

Для контроля за финансовой сферой деятельности ФПГ в их составе имеется развитая сеть коммерческих банков, во главе которых находится головной банк группы. Эти банки работают в тесном контакте с государственными учреждениями — Корейским банком развития и Экспортно-импортным банком.

Финансовое положение южнокорейских ФПГ, несмотря на большие обязательства по долгам, остается достаточно устойчивым. Отношение долга к общей стоимости акций в среднем по «большой черверке» составляет 1:3,5. Особое внимание в деятельности ФПГ уделяется выполнению обязательств в свободно конвертируемой валюте. Так, «Лаки» имеет обязательства в иностранной валюте в размере 50 млн. долл. (30 % общей задолженности). В то же время 30 % ее доходов также поступают в валюте. Это позволяет стабильно выполнять долговые обязательства и сохранять «лицо» в глазах зарубежных партнеров. Долг внутренним кредиторам составляет около 20 % собственных активов, что свидетельствует об осторожной политике ФПГ на внутреннем рынке инвестиций.

ФПГ «Дэву» в большей степени, чем другие корпорации, пользуется выпуском акций для привлечения дополнительных инвестиционных средств. «Дэву» — первая из южнокорейских ФПГ, которая стала проводить политику «размывания» капитала, т. е. распродажи акций мелким держателям и иностранцам. ФПГ воспользовалась директивой правительства от 1983 г., разрешавшей продажу акций корпораций в размере до 10 % общего капитала иностранным представителям. Однако доля иностранцев невелика — им принадлежит только около 1 % акций «Дэву»²⁴.

Политику «размывания» капитала вслед за «Дэву» стали проводить и другие ФПГ. Ряд корпораций «Лаки» продал до 5 % акций японским и гонконгским фирмам. Однако южнокорейские монополии проявляют здесь большую осторожность, постоянно оказываясь перед дилеммой: привлекать дополнительные источники финансирования за счет иностранцев, потенциально ослабляя тем самым клановый контроль над ФПГ, или сохранять семейную монополию на власть, теряя потенциальные источники новых капиталовложений. При этом правительство Южной Кореи подталкивает ФПГ к дальнейшей либерализации и наращиванию инвестиций, а семейно-бюрократическое руководство проявляет сдержанность и не спешит «разделить» власть.

Большой проблемой для ФПГ является большая доля задолженности по краткосрочным обязательствам. Так, у «Дэву» она составляет 64 % общего долга. Такая ситуация время от времени — при ухудшении хозяйственной деятельности — создает финансовую напряженность. Иногда дело доходит до экономических трагедий. Так, в 1985 г. в глубоком кризисе оказался конгломерат «Кукче», срочные обязательства которого превысили собственный капитал данной ФПГ²⁵.

Необходимо отметить, что роль ФПГ в финансовой сфере Южной Кореи значительно слабее, чем в промышленном секторе. Государство продолжает сохранять достаточно жесткий контроль над кредитной системой, используя его для осуществления собственной экономической политики. Контроль государства над национальными финансами препятствует стремлению ФПГ к расширению сети собственных страховых компаний, брокерских фирм и т. п. В середине 80-х гг. правительство пошло на частичную денационализацию банковской сферы, которая затронула в основном коммерческие банки. Однако причины та-

кой новой линии поведения властей кроются не только в «уступке» ФПГ, но и в стремлении повысить эффективность работы коммерческих банков, придать им необходимый динамизм, освободив государственный бюджет от ответственности за провалы в их деятельности.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АДМИНИСТРАЦИЕЙ И РАБОЧИМИ

Низкие издержки на рабочую силу в ФПГ обеспечиваются за счет жестокой эксплуатации южнокорейских рабочих. Их среднечасовая зарплата (1,55 долл.) в 1,4 раза ниже, чем в Сингапуре, в 6,1 раза — чем в Японии, в 8,1 раза — чем в США. Продолжительность рабочей недели — 54 часа, на средних и мелких предприятиях — 60—70 часов²⁶.

Рабочий класс Южной Кореи слабо организован. Он не имеет традиций совместной борьбы за свои экономические права. Антирабочее законодательство лишает трудящихся права на забастовку, запрещает создавать цеховые межотраслевые профсоюзные организации. Власти полностью контролируют Федерацию корейских профсоюзов (ФКП), принудительно объединяющую 16 отраслевых профсоюзных федераций. Влияние ФКП невелико: из 10 млн. южнокорейских рабочих только 830 тыс. являются ее членами. Рабочие не видят смысла участвовать в маломощном профсоюзном движении²⁷.

Проблемы права профсоюзов на забастовку, повышения зарплаты обсуждались в ходе переговоров между правительством и оппозицией в сентябре 1987 г. «Сентябрьский компромисс», положивший начало процессам известной демократизации южнокорейского общества (прямые выборы президента, нейтральность армии и полиции и др.), предусматривал восстановление вышеупомянутых прав. Однако до их политической реализации еще далеко — необходимо сломать психологию недоверия к профсоюзному движению и политическую апатию южнокорейских рабочих, имеющую прочные корни в их среде.

На либерализацию профсоюзного движения во многом повлияла борьба трудящихся, занятых на ведущих ФПГ Южной Кореи, летом 1987 г. В июле-августе забастовкой было охвачено 1300 компаний таких ФПГ, как «Хёндэ», «Дэву», «Кукче» и т. д. Были частично или полностью закрыты предприятия многих ФПГ, особенно чувствительный удар был нанесен по автомобильному производству. Однако потери предпринимателей были не только финансовыми, но и идеологическими. Образовалась трещина в «философии» ФПГ («что хорошо для корпорации — хорошо для рабочего»). Рабочие прошли первый этап обучения умению определять свои экономические интересы, формулировать их политически и вести за них борьбу.

Наиболее трезво мыслящие предприниматели под давлением рабочих стали отказываться от жестких санкций (увольнения, избития активистов и т. п.) и пошли на уступки с тем, чтобы снять напряженность и восстановить работоспособность компаний. Так, в ходе урегулирования конфликта президент ФПГ «Кукче» Сим Че Ен согласился на необычно высокие годовые премии (в размере 300 % зарплаты), на создание благоустроенных раздевалок для 12,5 тыс. рабочих, на разрешение коротких перерывов во время работы²⁸.

На предприятиях «Хёндэ» были введены надбавки к зарплате в размере 30—50 %. «Дэву» сократила рабочий день для отдельных категорий трудящихся, ввела коррективы в нормирование труда с тем, чтобы выравнять оплату эквивалентного труда на различных предприятиях. Были увеличены вложения в существующие системы социального обеспечения рабочих крупных ФПГ, в том числе в действующие в Южной Корее системы социального страхования по

болезни (на предприятиях с числом занятых свыше 30 человек), в крупные жилые комплексы для рабочих и служащих, квартиры в которых продаются на льготных условиях (беспроцентные кредиты на 20 лет, составляющие треть стоимости квартиры, умеренная плата за коммунальные услуги), в принадлежащие ФПГ детские сады, средние школы, техникумы и т. д.²⁹

Наступление рабочих вынудило и правящие круги внести изменения в проводимую социальную политику. Как известно, лозунгом бывшего президента Южной Кореи Пак Чжон Хи было «сдерживание демократии ради экономического роста». Новый президент Ро Дэ У, провозгласивший программу демократизации общества, вынужден был заявить: «Действительно, прежде правительство вставало на сторону руководства компаний. Но теперь оно должно встать на сторону рабочих, чтобы компенсировать жертвы, понесенные ими ради экономических достижений страны». И хотя это утверждение носит во многом пропагандистский, рекламный характер, оно отражает намерение Сеула считаться с решимостью рабочих активизировать борьбу, усилить нажим на предпринимателей и правительство.

Вместе с тем не надо думать, что ФПГ понесли только убытки, пойдя на частичное удовлетворение требований рабочих. Они имеют и долгосрочный экономический выигрыш. Дело в том, что эти улучшения затронули относительно небольшое число трудящихся на фоне общего медленного роста жизненного уровня основной массы рабочей силы. Это обязательство подняло престиж ФПГ в глазах молодых южнокорейцев, стремящихся попасть на работу именно на предприятия «Самсон», «Хёндэ» и др. Тем самым создается конкурс, позволяющий выявить наиболее способных инженеров, техников, квалифицированных рабочих. Кроме того, «подкармливание» части рабочих происходит в русле известной политики создания рабочей аристократии и использования ее как амортизатора социальной напряженности. Видимо, новая сеульская администрация встает на этот более гибкий путь регулирования отношений нанимателей и рабочих.

Проблемы и перспективы

Деятельность ФПГ вскрывает ряд существенных противоречий современной экономики Южной Кореи. Монополизация ведущих отраслей промышленности в принципе негативно сказывается на показателях качества и технологического уровня выпускаемой продукции. Однако экспортная ориентация ФПГ на ключевые мировые рынки ставит эти монополии в положение «обычных» конкурентов и тем самым заставляет преодолевать внутреннюю монополистическую ограниченность. Тем не менее для внутреннего рынка Южной Кореи негативные черты монополизации приобретают все более серьезное значение. Конкуренции немонополизированного сектора оказывается недостаточно для улучшения качественных характеристик товаров внутреннего рынка. Выход видится в «либерализации» экономики, допуске иностранных конкурентов, поддержке среднего и мелкого бизнеса. Похоже, что именно на эти рычаги намерена делать ставку новая администрация Южной Кореи. «Хозяйство» же самих ФПГ по-прежнему будет вне сферы ограничительного антимонополистического регулирования.

Важная проблема связана с семейственностью в ФПГ. Семейные связи сыграли важную роль в начальный период индустриализации, когда цивилизованные экономические отношения не стали нормой поведения. Внутренний рынок тогда еще не сложился, а связи с рынком внешним были не столь крепки и стабильны, как сейчас. В этих условиях отсутствие экономического доверия компенсировалось внутрисемейной «верностью» по отношению к

родственникам. Возможно, семейный протекционизм может частично помочь и при переходе к новой структуре производства, сопряженной с риском инноваций. Давать кредит на рискованные технологические проекты родственнику «спокойнее», чем «неизвестному». Однако уже сейчас эти плюсы превращаются в существенные препятствия функционированию ФПГ. Дело в том, что семейное участие переносит экономические неудачи одних участников клана на плечи других, более удачливых. Тем самым нерентабельные, убыточные предприятия получают определенные гарантии сохранения и лишаются стимулов к самостоятельному поиску выхода из кризисных ситуаций. В итоге снижается общая эффективность ФПГ.

Выход из ситуации, вероятно, также лежит в «либерализации» внутрихозяйственной жизни — в так называемом «размывании» семейной собственности, повышении роли других (не членов правящего клана) держателей акций, в разработке и осуществлении стратегии развития ФПГ, стимулировании «внутрифирменного плюрализма». Частью такой политики может стать и более активный допуск иностранцев на южнокорейский рынок ценных бумаг. Однако данные меры, объективно способствующие росту эффективности экономики, безусловно, будут испытывать противодействие со стороны патриархов ФПГ, не желающих расставаться с властью. Не исключено, что успех или неудача здесь будет зависеть от интеллектуального динамизма высшего руководства ФПГ, его готовности приспособиться к новым условиям хозяйствования.

Еще одна проблема — технологическое отставание, особенно в области самостоятельной разработки новейших научных идей и современных технологий. При ориентации ФПГ на быстрый эффект за счет экспорта и заимствования зарубежного научно-технического опыта игнорировался такой важный фактор, как развитие фундаментальных и прикладных исследований, подготовка ученых высшего класса. В последнее время, как отмечалось выше, некоторые ФПГ стараются восполнить этот пробел. Однако, на наш взгляд, дефицит «идей» будет носить хронический характер в обозримой перспективе, поскольку у Южной Кореи нет своей научной школы в области современных исследований, нет соответствующих традиций и практики подготовки ученых. А это означает, что для успешной деятельности ФПГ в условиях перестройки структуры мировой экономики их потребности в «идеях» и научных услугах в таких областях, как биотехнология, новые материалы, программное обеспечение ЭВМ, космическая технология и т. п., будут возрастать. Будет увеличиваться и потребность в новых партнерах, располагающих такого рода продукцией.

Современная структурная перестройка мирового рынка побуждает ФПГ к внесению корректив в стратегию своих действий. Жизнь настоятельно требует сместить акценты в сторону технологических факторов обеспечения конкурентоспособности продукции, рациональных внутрикорпорационных производственных отношений с большой степенью самостоятельности исполнителей, нестандартных решений. Продолжение курса на достижение экспортных преимуществ за счет сдерживания роста заработной платы — и тем самым ограничения внутреннего потребления — выглядит малоперспективным.

К изменению стратегии хозяйствования ФПГ подталкивает и динамика внутренней экономической ситуации. К 90-м гг. в Южной Корее завершается процесс первоначального накопления спроса и таким образом достигается определенная емкость внутреннего рынка, достаточная для обеспечения рентабельного функционирования крупного капитала. К 1992 г. по планам национального развития ВНП на душу населения в Южной Корее может составить 5 тыс. долл. (в 1987 г. — 3 тыс. долл.)³⁰. Норма внутренних сбережений

(29,3 % в 1986 г.) уже сейчас на 1,5 пункта выше нормы накопления³¹. Для адекватной реакции на новую хозяйственную ситуацию ФПГ необходимо будет скорректировать экспортные планы в сторону увеличения объемов продаж внутри самой Южной Кореи. Это позволило бы насытить внутренний рынок потребительских и инвестиционных товаров и тем самым дать новый толчок развитию южнокорейской экономики. Вопрос в том, захотят ли ФПГ пойти на такого рода маневры, смогут ли рационально связать стратегические интересы национальной экономики с собственными коммерческими выгодами.

* * *

Анализ южнокорейской экономики через призму деятельности ФПГ позволяет увидеть возрастающую роль крупных конгломератов — основных субъектов индустриальной трансформации отсталого общества в условиях современной научно-производственной революции. Однако постепенно их роль становится «слишком» большой. Интересы монополий начинают конфликтовать с общенациональными интересами. Выработка механизма обеспечения «баланса сил» — на повестке дня южнокорейской администрации. А это сулит новые схватки в политической жизни Южной Кореи.

¹ In: "Far Eastern Economic Review", 24.V.1985, p. 37.

² In: "Financial Times", 9.IV.1986.

³ См.: «Тон-А Ильбо», 25.VIII.1975.

⁴ In: "International Herald Tribune", 6, 7.X.1984.

⁵ Ibid.

⁶ In: "Fortune", 16.III.1987.

⁷ Ibid.

⁸ In: "Financial Times", 14.V.1987.

⁹ Ibid.

¹⁰ In: "Tribune de l'Economie", 7.II.1986.

¹¹ In: "Far Eastern Economic Review", 12.II.1987, p. 43.

¹² In: "International Herald Tribune", 7.X.1984.

¹³ In: "Far Eastern Economic Review", 12.II.1987, p. 44.

¹⁴ См.: «Тон-А Ильбо», 27.X.1986.

¹⁵ Там же.

¹⁶ In: "Far Eastern Economic Review", 3.XII.1987, p. 51.

¹⁷ Ibid., 23.VII.1987, p. 44.

¹⁸ Ibid., 19.XI.1987, p. 53.

¹⁹ См.: «Тон-А Ильбо», 27.XI.1986.

²⁰ См. там же, 16.VIII.1985.

²¹ In: "Far Eastern Economic Review", 30.VII.1987, p. 36.

²² См.: «Тон-А Ильбо», 16.X.1986.

²³ In: "Euromoney" (supplement), 1985, August.

²⁴ Ibid.

²⁵ In: "Far Eastern Economic Review", 30.VII.1987, p. 37.

²⁶ In: "Time", 24.VIII.1987.

²⁷ Ibid.

²⁸ In: "Far Eastern Economic Review", 27.VIII.1987, p. 45.

²⁹ См.: «Тон-А Ильбо», 26.IX.1987.

³⁰ См.: «Рёнхан», 21.I.1988.

³¹ См.: «Тон-А Ильбо», 28.XIII.1986.

Профсоюзное движение Японии перед выбором пути

В. Т. ФЕДЯИНОВ

Внутриполитическая обстановка в Японии характеризуется непрекращающимся противоборством между различными течениями и группировками за расширение влияния при выборе путей развития страны. Эта борьба охватывает практически все наиболее важные сферы японской политической и общественной жизни. Одной из арен серьезных столкновений противостоящих друг другу сил неизменно является профсоюзное движение Японии.

Примерно с середины 70-х гг. наблюдается процесс постепенного ослабления позиций профсоюзного движения, уменьшения его роли во внутриполитической жизни страны. В этот период, когда высокие темпы роста японской экономики остались позади, заметно снизились накал, боевитость и действенность традиционных «весенних наступлений» трудящихся. Весьма существенно сократилось число стачек и количество участвующих в них. В последние годы из арсенала профсоюзов исчезает такое мощное оружие, как всеобщая забастовка. Сузился спектр выдвигаемых требований, которые во многом стали сводиться к повышению зарплаты рабочих и служащих. Уменьшился вес политических лозунгов в программах почти всех отрядов японского рабочего фронта. В профсоюзах широкое распространение получили соглашательские настроения, активизировались реформистские силы.

Сдача японскими профсоюзами позиций в указанный период произошла в силу целого ряда факторов, не одинаковых как по содержанию, так и по степени их воздействия на рабочее движение. Передовые отряды рабочего фронта Японии постоянно являются объектом подрывной деятельности господствующих слоев и монополий, стремящихся с помощью организационных, идеологических и иных средств внести раскол в ряды профсоюзов, ослабить их роль в жизни страны, насадить среди трудящихся настроения «классового мира». Этим целям служит антирабочее законодательство, образование так называемых «вторых» профсоюзов, тактика угроз в отношении руководителей и наиболее активных участников выступлений трудящихся. Серьезный удар по профсоюзам государственного сектора, традиционно выступающим как наиболее организованный и боевитый отряд японского рабочего движения, был нанесен в результате осуществления правительством курса на денационализацию ряда отраслей хозяйства. В частности, передача с 1 апреля 1987 г. государственных железных дорог в руки частного капитала привела к распаду некогда крупного и мощного Японского профсоюза работников государственных железных дорог (Кокуро), который в течение многих лет вел настойчивую и успешную борьбу в защиту жизненных интересов трудящихся, активно участвовал в политических выступлениях.

Целям идеологической обработки трудящихся и всего населения, внедрения в сознание японцев мысли об исчезновении в стране классовых антагонизмов служит распространение в течение трех последних десятилетий

по каналам буржуазной пропаганды мифа о превращении подавляющего большинства японского народа в некий «средний производственный класс». Для обоснования подобной идеи используются опросы общественного мнения, ежегодно, с 1958 г., проводимые канцелярией премьер-министра. По данным этих обследований, начиная с 1970 г. до 88-90 % всех опрошиваемых оценивают свой жизненный уровень как «средний».

Такая оценка некоторой частью населения собственного жизненного уровня имеет известные основания. После войны, особенно в период высоких темпов экономического роста, в жизни японского общества произошли существенные изменения: население стало лучше питаться и одеваться, получило возможность более полноценно использовать досуг; полнее удовлетворяются потребности в современных предметах бытового и социально-культурного назначения. Однако эти изменения далеко не соответствуют нынешнему уровню развития производительных сил Японии. Несмотря на выход ее в последнее время на одно из первых мест в мире по объему национального дохода на душу населения, она по многим важным показателям продолжает серьезно отставать в сфере социальной инфраструктуры. Хроническая нехватка жилья усугубляется низким уровнем его благоустроенности и комфорта; ощущается серьезный недостаток культурно-просветительных центров, спортивных сооружений, специализированных учреждений для детей и престарелых; все более острой становится проблема городского транспорта.

В свете этого очевидно, что результаты организуемых правительством опросов общественного мнения, подаваемые буржуазной пропагандой как свидетельство закрепления среди большинства японцев сознания их принадлежности к «среднему слою», далеко не соответствуют реальному положению. Имея под собой известную объективную основу, приведенные данные вместе с тем в большей мере объясняются действием нескольких причин субъективного характера. По мнению прогрессивных японских ученых, характерное для большинства японцев стремление не выделяться из общей массы, быть «как все» приводит к тому, что они оценивают свое социальное и материальное положение поверхностно и субъективно. Многие специалисты, указывая на «идеологическую роль» проводимых государственными органами обследований, справедливо подчеркивают отсутствие сколько-нибудь четких критериев в подобных опросах. Достаточно привести формулировку вопроса о жизненном уровне: «Какой Вам представляется Ваша жизнь в свете общепринятых представлений?» Обращают на себя внимание значительные расхождения в результатах правительственных опросов и обследований, проводимых другими организациями. Например, в итоге осуществленного газетой «Асахи» в декабре 1986 г. опроса процент лиц, давших утвердительные и отрицательные ответы на вопрос, считают ли они свой жизненный уровень «средним», оказался практически одинаковым — 49 и 47 % соответственно. Показательно, что для 55 % анкетированных «средняя» по уровню благосостояния жизнь отождествляется с жизнью «как у других людей»¹.

Ослабление позиций профсоюзного фронта Японии в значительной мере обусловлено крупными социально-экономическими изменениями в стране во второй половине 70-х — начале 80-х гг. В указанный период по мере замедления темпов роста японской экономики и перестройки промышленной структуры в пользу наукоемких, энерго-, материал- и трудосберегающих производств, определяющих состояние научно-технического прогресса, происходили существенные изменения и в структуре занятости самодеятельного населения. Снижился удельный вес работающих в автомобилестроении, сталелитейной и некоторых других отраслях, профсоюзы которых еще совсем недавно выступали как веду-

шая сила на переговорах с предпринимателями. Одновременно значительно возросло количество занятых в отраслях так называемой третьей группы (оптовая и розничная торговля, сервис и т. п.), достигнув в 1986 г. 57,2 % общей численности лиц наемного труда².

Весьма важным фактором, непосредственно влияющим на положение в японском рабочем движении, является продолжающееся уже в течение 12 лет снижение уровня организованности рабочих и служащих. По данным министерства труда Японии, в середине 1987 г. он был самым низким за весь послевоенный период, составив всего 27,6 % (сокращенное по сравнению с 1975 и 1986 гг. на 6,8 и 0,6 % соответственно). В прошлом году уменьшилось также количество профсоюзных организаций в стране (на 1,4 %) при одновременном росте общей численности работающих по найму.

Снижение процента организованных рабочих и служащих, как писала газета «Ёмиури», объясняется следующими основными причинами: увеличением числа занятых в отраслях третьей группы, где уровень организованности традиционно наиболее низок; невовлеченностью в профсоюзы большинства лиц, занятых неполный рабочий день; выходом части работающих, в первую очередь молодых, из профсоюзов³. Первая и вторая причины во многом связаны с ростом доли женщин в общей численности наемных работников, которая в 1986 г. составила 36,2 %. Во многом именно за счет женского труда обеспечивается полноценное функционирование непродовственных отраслей, где занято 61,7 % всех работающих женщин. Женщины составляют также значительную, все возрастающую часть лиц наемного труда, занятых неполный рабочий день⁴.

К числу факторов, оказывающих негативное влияние на состояние японского профсоюзного движения, относится и ослабление его связей с левыми партиями. С начала 80-х гг. резко ухудшились отношения между коммунистической (КПЯ) и социалистической (СПЯ) партиями страны, причем в это же время в СПЯ существенно укрепились позиции ее правого крыла.

Совокупное действие названных факторов привело к активизации соглашательских тенденций в руководстве японских профсоюзов, что в свою очередь не могло не сказаться на эффективности борьбы рабочего класса за улучшение условий жизни и труда. Снижение накала, а главное, результативности «весенних наступлений» убеждает трудящихся в необходимости преодоления раскола рабочего движения, консолидации его различных отрядов. Правое крыло в профсоюзах стремится использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах — для переформирования профсоюзного фронта на тред-юнионистской основе. Это привело к ускорению процесса поляризации сил в японском рабочем движении, что проявляется в распаде сложившихся в послевоенный период организационных структур и в формировании новых образований в результате размежевания между «левыми» и «правыми» на уровне как национальных профцентров, так и отраслевых профсоюзов.

С инициативой «объединения трудового фронта» выступил один из национальных профцентров — Всеяпонская конфедерация труда (Домэй). На состоявшемся в январе 1978 г. съезде Домэй были выдвинуты два основных принципа образования в стране нового, единого профцентра: «борьба против левого и правого абсолютизма» и «вступление в Международную конфедерацию свободных профсоюзов (МКСП)»⁵. Сторонники курса на активную борьбу японских профсоюзов в защиту интересов трудящихся увидели в подобном подходе стремление отказаться от принципов классового боя, и предложение Домэй серьезной поддержки не получило.

Однако Всеяпонская конфедерация труда, а также некоторые отраслевые профсоюзы работников частных предприятий из Генерального совета

профсоюзов Японии (Сохё) продолжали подготовку базы для создания в стране нового, единого профсоюзного центра, стоящего на позициях сотрудничества труда и капитала. В сентябре 1980 г. по согласованию между Домэй, Сохё и двумя другими общенациональными профобъединениями — Советом связи независимых профсоюзов (Тюрицу. рорэн) и Новым конгрессом производственных профсоюзов (Синсамбэцу) — было учреждено Общество действия единству трудового фронта, на которое возложена задача разработать приемлемую для всех профсоюзов платформу объединения японского профсоюзного движения. Руководство Общества, в которое вошли преимущественно сторонники соглашательской линии в профсоюзах, в качестве такой платформы предложило подготовленный им документ «Основополагающая концепция единства трудового фронта».

Как и следовало ожидать, в этом документе нашло отражение стремление реформистского течения в профсоюзном движении Японии ограничить борьбу трудящихся лишь экономическими целями. В документе содержалось требование отстранить от участия и объединительном процессе профсоюзы, придерживающиеся классовых позиций, прежде всего входящие в Совет профсоюзов за создание единого фронта (Тоицу росокон), тесно сотрудничающий с КПЯ⁶. «Основополагающей концепцией» предусматривалось, что формирование единого трудового фронта начнется с объединения профсоюзов частного сектора. Левое профсоюзное крыло расценило это как стремление противопоставить друг другу работников частных и государственных предприятий с целью ослабить роль последних в профсоюзном движении страны.

Вокруг содержания документа развернулась острая дискуссия, сфокусировавшаяся на вопросе о принципах и методах достижения единства японского профсоюзного движения. Ее итогом стало учреждение комитета по подготовке объединения трудового фронта. Преобладающим влиянием в этом органе пользовались соглашательские профсоюзы, которые и направляли подготовительную работу. Она завершилась образованием 14 декабря 1982 г. Всеяпонского совета профсоюзов частного сектора (Дзэммин рокё), в который вошел 41 отраслевой профсоюз (общей численностью 4230 тыс. человек), в том числе 17 из Домэй и 5 из Сохё. При этом 10 других профсоюзов работников частных предприятий из Сохё заявили о намерении позднее присоединиться к Дзэммин рокё. На учредительном собрании новой организации было решено, что в своей деятельности она будет руководствоваться «Основополагающей концепцией единства трудового фронта».

В течение последующих пяти лет шла подготовка к реорганизации Дзэммин рокё, число членов которого росло, превращению его из аморфного объединения с совещательными функциями во влиятельный национальный профцентр, обладающий солидной организационной и финансовой базой. Все эти годы между вошедшими в Дзэммин рокё отраслевыми профсоюзами, а также между стоящими за ними национальными профобъединениями не прекращалось напряженное противоборство по вопросам программы будущей организации, форм и методов ее деятельности, состава руководства.

Весьма важным этапом в переформировании профсоюзного движения страны явилось создание на базе Дзэммин рокё 20 ноября 1987 г. Всеяпонской федерации профсоюзов частного сектора (Дзэннихон минкан родо кумнан рэнгокай, или Рэнго), в состав которой вошли 62 отраслевых профсоюза (в том числе: официальных членов — 55, наблюдателей — 1, дружественных организаций — 6) общей численностью около 5550 тыс. человек, что составляет 45 % всех организованных в профсоюзы рабочих и служащих Японии. Членами нового общенационального профцентра стали большинство профсоюзов работников частных предприятий из всех четырех профобъединений стра-

ны и около трети так называемых чисто независимых профсоюзов⁷. Образование Рэнго сопровождалось самороспуском Домэй и Тюрицу рорэн. Объявлено о ликвидации в 1988 г. также Синсамбэцу. Что касается Сохё, объединяющего абсолютное большинство японских профсоюзов рабочих и служащих государственного и муниципального секторов, то его роспуск намечается на конец 1989 г. 17 профсоюзов частных предприятий, вошедших в Рэнго из Сохё, организационно не порвали с Генеральным советом. Предполагается, что в течение какого-то периода, возможно, вплоть до роспуска Сохё, они будут состоять одновременно в этих двух профцентрах на правах «двойного членства».

На учредительном съезде Рэнго были приняты руководящие документы новой организации — так называемая основная программа «Путь и задачи», «Курс деятельности на предстоящий период», «Декларация о создании Рэнго» и некоторые другие. В материалах съезда декларируется стремление Рэнго приложить все силы для того чтобы «унаследовать и развить принципы демократического рабочего движения, базирующиеся на равноправии труда и капитала». Указывается, что образование нового общенационального профцентра является предвестником объединения всего рабочего фронта Японии, чему в прошлом препятствовали «взаимное недоверие и конфронтация на почве идеологии». Для достижения этой цели Рэнго намерена добиваться углубления взаимопонимания и сотрудничества с профсоюзами государственного и муниципального секторов. Сотрудничество с политическими партиями и организациями допускается при наличии общих целей и требований. При этом имеется в виду, что вопрос об оказании партиям поддержки на постоянной основе должен решаться каждой членской организацией Рэнго самостоятельно. Заявляется, что Всеяпонская федерация будет способствовать формированию в Японии «новой политической силы, способной взять власть», и добиваться реализации «здоровой парламентской демократии, допускающей возможность смены власти». В числе политических задач Рэнго называет деятельность в пользу разоружения, полной ликвидации ядерного оружия и смягчения международной напряженности, в защиту всеобщего мира.

Экономическая платформа Рэнго, зафиксированная в документе «Путь и задачи», предполагает обеспечение полной занятости, стабилизацию цен, «комплексное улучшение жизни», построение «дееспособного общества благосостояния». Предусматривается также повышения заработной платы и сокращения продолжительности рабочего дня, улучшения условий труда на средних, мелких и мельчайших предприятиях. В «Курсе деятельности на предстоящий период» отмечается, что хотя, как считается, в результате роста курса иены зарплата в Японии и оказалась наиболее высокой в мире, однако по уровню жизни японцы еще значительно отстают от европейцев. Причина этого, подчеркивается в документе, состоит в неравномерном распределении среди членов японского общества плодов экономического развития страны. В этой связи ставится цель добиться равных со странами Западной Европы и США жизненных стандартов, в частности введения пятидневной рабочей недели, увеличения числа отпускных и выходных дней и полного их использования, устранения переработок и сокращения к 1993 г. годовой продолжительности рабочего времени до 1800 час.⁸ Сейчас она, по разным данным, составляет 2050—2100 час.

Выдвижение в документах Рэнго на первый план лозунга «комплексного улучшения жизни» взамен традиционного требования о «ежегодном повышении зарплаты» объясняется замедлением экономического развития Японии, якобы диктующим не только необходимость перехода к политике экономии ресурсов, но и сдерживания роста заработной платы. В этих усло-

виях возрастает значение борьбы за обеспечение занятости. Есть основания считать, что возможность обеспечения «равноправных отношений труда и капитала» руководители Рэнго видят на путях реализации их экономической программы. Судя по всему, единый общенациональный профцентр, который планируется сформировать уже в самые ближайшие годы, мыслится ими как неотъемлемый и необходимый элемент структуры современной Японии со статусом «великой экономической державы», как организация, близкая по типу АФТ — КПП в США.

На учредительном съезде Рэнго подавляющим большинством голосов было принято решение о вступлении ее в МКСП. В то же время предусматривается, что каждый из входящих в Рэнго отраслевых профсоюзов вправе самостоятельно решать вопрос о своем членстве в МКСП.

Председателем и генеральным секретарем нового профцентра стали соответственно Т. Татэяма и С. Ямада, занимавшие эти же посты в Дзэммин рокэ. Избрано 16 заместителей председателя, в том числе бывшие высшие руководители Домэй и Тюрицу рорэн Т. Усами и М. Варасина, а также председатель Всеяпонского профсоюза работников телеграфа и телефона (Дзэндэнцу, Сохё) А. Ямагиси. Состав руководства Рэнго был определен в результате компромисса между основными профобъединениями страны. Вплоть до середины сентября 1987 г. происходило противостояние между Домэй, Тюрицу рорэн и Сохё вокруг кандидатур на высшие руководящие должности в новом профобъединении, в первую очередь на посты председателя и генерального секретаря. Напряженное соперничество между главными профобъединениями было и по вопросу о распределении мест в выборных органах, а также в аппарате Рэнго. Все это является отражением борьбы за лидерство в Рэнго и, можно сказать, в японском профсоюзном движении в целом.

Новый профцентр пока не имеет своих организаций на местах. Их создание, как видно из документов учредительного съезда, мыслится руководством профобъединения как одна из ближайших целей, достижение которой позволит Всеяпонской федерации закрепиться на позициях ведущего национального профцентра. В то же время местные организации Домэй и Тюрицу рорэн сохраняются даже после роспуска этих профцентров⁹.

Взамен самоликвидировавшихся Домэй и Тюрицу рорэн образованы Совет связи Тюрицу рорэн и Дружественный совет Домэй, в задачу которых входит координация действий отраслевых профсоюзов и местных организаций, входивших в Тюрицу рорэн и Домэй, в поддержку соответственно СПЯ и Партии демократического социализма (ПДС). Кроме того, Дружественный совет, в частности, будет заниматься подготовкой и проведением политических кампаний (в защиту конституции, за запрещение ядерного оружия, за осуществление реформ), исследовательской деятельностью (по вопросам внешней политики, обеспечения безопасности, использования атомной энергии в мирных целях), а также поддержанием связей с несколькими профсоюзами государственного сектора, не вошедшими в силу своего статуса в Рэнго даже после расформирования Домэй. Примерно такой же круг обязанностей возлагается и на Совет связи, возникший на базе аппарата Тюрицу рорэн (два отраслевых профсоюза из этого профобъединения не вошли в Рэнго по идеологическим причинам: один из них связан с КПЯ, другой — с левым крылом СПЯ). Как можно видеть, сложилась весьма своеобразная обстановка, когда прежние профобъединения, несмотря на самороспуск, все еще сохраняют определенное влияние в профсоюзном движении.

Появление Рэнго в качестве крупнейшего всеяпонского профцентра (для сравнения: численность членов Сохё даже с учетом 17 отраслевых профсоюзов с «двойным членством» составляет 4270 тыс. человек, то есть

меньше Рэнго) и одновременный роспуск Домэй и Тюрицу рорэн во многом изменили структуру профсоюзного движения Японии, сложившуюся в послевоенный период. Теперь Генеральному совету с его многолетними традициями последовательной борьбы за классовые интересы трудящихся противостоит мощная Всеяпонская федерация профсоюзов частного сектора, которая, как можно судить по содержанию ее программных документов, намерена проводить курс на сотрудничество труда и капитала.

В то же время можно допустить, что при осуществлении в рамках Рэнго курса на классовое сотрудничество отраслевые профсоюзы, пришедшие из профцентра Домэй, известного своим тред-юнионизмом, скорее всего встретят известное сопротивление со стороны профсоюзных организаций, как имеющих сейчас «двойное членство» (Рэнго-Сохё), так и входивших ранее в Тюрицу рорэн. В пользу подобного предположения говорит, в частности, компромисс, на который Домэй был вынужден пойти при определении состава руководства Рэнго. В целом же, однако, большинство факторов заставляет полагать, что деятельность нового профцентра будет определяться преимущественно его правоконсервативным крылом, в которое входят не только профсоюзы — выходцы из Домэй, но и ряд отраслевых профсоюзов из других профцентров.

Несколько лет назад, уже после появления Дзэммин рокё, руководство Сохё выступило с концепцией достижения «общего единства», которая предполагала консолидацию всего профсоюзного движения страны и формирование на этой основе к 90-м гг. всеяпонского сверхобъединения, что позволило бы реализовать принцип: «Одна страна — один профцентр». По всей вероятности, этот замысел основывался на том расчете, что коль скоро невозможно помешать образованию отдельной организации профсоюзов частных предприятий, то целесообразно добиваться присоединения к ней профсоюзов государственного сектора — а они изначально составляют главную силу Сохё — с тем, чтобы затем, опираясь на них, попытаться завладеть инициативой уже в будущем суперпрофцентре. Однако при этом игнорируется глубинное существо процессов в профсоюзном движении Японии. Перегруппировка сил в нем лишь внешне представляется структурной перестройкой по отраслевому признаку, фактически же она имеет под собой серьезную идеологическую подоплеку — происходит глубокое размежевание между «правыми» и «левыми» течениями в японском рабочем движении.

Руководство Сохё намерено форсировать реализацию концепции «общего единства», о чем было заявлено на состоявшемся в июле 1987 г. 77-м очередном съезде Генерального совета. Прошедший в феврале ~~нынешнего~~ года внеочередной съезд Сохё высказался за слияние с Рэнго уже в конце 1989 г. С учетом различий в положении, содержании и формах деятельности двух «блоков» планируемого суперцентра — Сохё и Рэнго — на первом этапе «общее единство» в программе, утвержденной на 77-м съезде Сохё, мыслится как своего рода федерация двух равноправных партнерских организаций с сохранением известной автономии профсоюзов государственного сектора. В документе в общем плане говорится о намерении сохранить «наследие Сохё» — проведение «весенней борьбы», включая забастовки и другие формы массовых выступлений трудящихся. Как и в случае с Домэй и Тюрицу рорэн, после роспуска Сохё планируется учреждение на базе его администрации специального центра для осуществления «традиционной деятельности Сохё», не укладывающейся в рамки «общего единства» (оказание поддержки СПЯ, участие в движении за мир, а также в других политических кампаниях). С учетом ожидавшегося вступления Рэнго в МКСП на съезде Сохё было решено продолжить углубленное изучение вопроса об укреплении связей с этой международной организацией.

в том числе о возможности вступления в нее. Это имеет целью создать более благоприятные условия для сближения Сохё и Рэнго.

Профсоюзы, представляющие Тоицу росокон, выступили на съезде с рядом поправок к предложенной руководством Сохё программе фактической самоликвидации этого профобъединения. В них отмечалось, что в последние годы процесс формирования единого национального профцентра проходит на базе закрепления принципов антикоммунизма, защиты существующей в стране социальной системы, дискриминации левых сил, сближения с МКСП. В этой связи предлагалось, чтобы отраслевые профсоюзы — члены Сохё вышли из Дзэммин рокё и добивались «общего единства» на путях преодоления идеологических разногласий в японском профсоюзном движении, обеспечения независимости профсоюзов от политических партий, отказа от сотрудничества с капиталом. Однако предложения Тоицу росокон были отклонены большинством голосов¹⁰.

Создается впечатление, что руководство Сохё, желая избежать превращения его в объединение профсоюзов только государственно-муниципального сектора, которые в условиях Японии имеют весьма ограниченные возможности для оказания воздействия на предпринимателей, а также опасаясь утраты Сохё лидирующей роли в рабочем движении, решило добиваться ускоренного воплощения в жизнь концепции «общего единства». Учитывая, однако, что сближение Сохё с Рэнго происходит в целом на позициях последней, можно полагать, что надежда руководства Сохё на ведущую роль в планируемом сверхобъединении профсоюзов представляется весьма проблематичной.

Вместе с тем, по-видимому, было бы неправомерно считать, что Сохё практически не имеет шансов на определенное закрепление своей линии в рамках будущей коалиции профсоюзов частного и государственно-муниципального секторов и что он, как считают некоторые обозреватели, почти заведомо обречен на полную «потерю лица», на бесследное «растворение» уже в ближайшие годы в планируемом суперпрофобъединении. Несмотря на определенную утрату Сохё в последнее время прежней боевитости и даже подыгрывание с его стороны соглашательским тенденциям в японском профсоюзном движении, этот профцентр и сегодня продолжает оставаться крупной, влиятельной силой в рабочем движении страны. Уступая Рэнго по числу членов, Сохё в то же время значительно превосходит его по такому важному показателю, как размер годового бюджета. У Сохё он составляет 3 млрд. иен, что более чем в два раза больше, чем у Рэнго¹¹. Другим весьма существенным фактором является наличие у Сохё широкой сети организаций на местах, тогда как у Рэнго они пока вовсе отсутствуют. Причем в большинстве местных организаций Сохё преобладают настроения в пользу их сохранения и после роспуска этого профобъединения¹².

Руководство правящей Либерально-демократической партии заявило о полной поддержке Рэнго и намерении сотрудничать с ней. Генеральный секретарь ЛДП С. Абэ расценил создание Рэнго как «эпохальное событие для рабочего движения Японии» и выразил надежду, что новый профцентр выступит с конструктивными предложениями по реформе налоговой системы. На 49-м съезде ЛДП (январь 1988 г.) начавшееся переформирование «рабочего мира» приветствовалось как шаг к созданию в Японии «здорового рабочего движения», руководствующегося «не только собственной выгодой, но и интересами страны в целом»¹³. Все оппозиционные партии, за исключением КПЯ, также высказались в поддержку Рэнго. Стремление СПЯ наладить взаимодействие с Рэнго нашло отражение в курсе деятельности этой партии на 1987 г., принятом на ее 52-м съезде еще в январе прошлого года, и было под-

тверждено на состоявшемся в феврале 1988 г. 53-м съезде СПЯ. Генеральный секретарь СПЯ Ц. Ямагути 20 ноября 1987 г. высказал пожелание о скорейшем достижении «грандиозного общего единства всех рабочих». Одновременно с этим подчеркивалась решимость социалистов прилагать энергичные усилия по формированию в Японии коалиционного правительства оппозиционных сил.

Представитель руководства партии Комэйто, приветствуя появление Рэнго как «эпохальное событие», как «начало новой эры рабочего фронта страны», отметил необходимость консолидации оппозиционных партий в соответствии с тенденцией к объединению профсоюзного движения. Комэйто, указал он, будет делать все от нее зависящее для достижения этой цели.

Генеральный секретарь ПДС К. Оути заверил, что партия будет всемерно содействовать новому профцентру в его усилиях по решению стоящих перед ним задач. В заявлении Социал-демократического союза (СДС) образование Рэнго увязывается с вопросами «переформирования оппозиционных партий» и достижения единства всех японских профсоюзов.

Коммунистическая партия выступила с резкой критикой в адрес Рэнго. Председатель Секретариата ЦК КПЯ М. Канэко обратил внимание на поддержку новым профобъединением «под флагом антикоммунизма линии правительства и финансовых кругов на замораживание заработной платы, на массовые увольнения и наращивание вооружений». Он также указал, что «этот опасный курс противоречит интересам не только широких масс рабочих, но и всего народа»¹⁴.

Неоднозначной была реакция на образование Рэнго среди профсоюзов. Если руководство Сохё расценило создание нового профцентра как шаг к достижению единства рабочего фронта в общенациональном масштабе и заявило о своей готовности широко взаимодействовать с Рэнго ради достижения этой цели, то реакция Тоицу росокон и отраслевых профсоюзов из Сохё, сотрудничающих с левым крылом СПЯ (например, Кокуро) была резко негативной. По оценке профсоюзов, входящих в Тоицу росокон, формирование Рэнго означает организационное оформление в рабочем движении страны «течения, служащего монополистическому капиталу и реакционным силам». 20 ноября 1987 г. Тоицу росокон и левые профсоюзы из Сохё провели в Токио и во многих других городах митинги и демонстрации протеста против «переформирования японского профсоюзного движения на правой основе». Участники этих мероприятий активно высказывались за консолидацию «классового, демократического течения» в противовес Рэнго¹⁵.

Можно ожидать, что образование Всеяпонской федерации ведет к дальнейшему снижению эффективности антимонополистических выступлений трудящихся по наиболее важным экономическим и политическим вопросам. Видя это, Тоицу росокон, поставленный перед необходимостью определить курс действий в условиях ускоренного переформирования профсоюзного движения на соглашательских принципах, вынес на рассмотрение своего очередного съезда (26—28 июля 1987 г.) проект документа «Перспективы создания национального центра и его основы». В нем подчеркивается «опасная сущность происходящей в Японии реорганизации рабочего фронта» и ставится целью образование в стране «классового национального центра», который выступал бы за удовлетворение насущных экономических и политических требований рабочих и всего народа, в том числе за «возрождение народных весенних наступлений» с акцентом на требования повышения заработной платы, значительного снижения подоходного налога, введения 40-часовой рабочей недели, форсированного достижения равенства мужчин и женщин при найме на работу, а также на борьбе за предотвращение ядерной опасности. Предполагается, что в деятельности этого центра важное место займут вопросы укрепления международ-

ной солидарности трудящихся. Создание его мыслится на базе следующих трех принципов: независимость от капитала, независимость от политических партий, единство действий на базе общих требований.

Делегаты съезда Тоцу росокон единодушно высказались за образование классового национального центра, некоторые выступающие предлагали установить конкретную дату его создания (например, 1990 г.). Съезд одобрил «Перспективы» в качестве проекта для широкого обсуждения не только в рамках Тоцу росокон, но и в общенациональном масштабе с участием рабочих и профсоюзов, придерживающихся самых разнообразных взглядов. Цель массового обсуждения — формирование широкого согласия по вопросу о консолидации японских трудящихся на классовой основе. В заключительном выступлении генеральный секретарь Тоцу росокон А. Харуяма высказался против определения конкретного срока создания центра, чтобы «не связывать себе руки»¹⁶.

Некоторые японские специалисты высказывают предположение, что в складывающейся обстановке есть основания ожидать налаживания и развития сотрудничества между Тоцу росокон и связанными с СПЯ левыми профсоюзами из Сохё, что в перспективе может привести к созданию условий для их объединения. Известный японский профсоюзный деятель А. Иваи считает, что сейчас, когда самоликвидация Сохё как национального профцентра и его слияние с Рэнго практически предreshены, для левых сил, входящих в Генеральный совет, остаются два пути: либо присоединиться к Рэнго, если за это выскажется большинство в соответствующих отраслевых профсоюзах, и проводить свою линию внутри Рэнго, либо планировать создание собственной организации, в которую, по мнению А. Иваи, могли бы войти левые профсоюзы, ориентирующиеся на социалистов, и группировки, не связанные с политическими партиями¹⁷.

Профсоюзное движение Японии на протяжении всего периода своего существования неизменно оказывало непосредственное и весьма существенное влияние на общую обстановку в стране, на курс политических партий. Многие из них тесно связаны с профсоюзами, опираются на них в своей повседневной деятельности. Это относится в первую очередь к СПЯ и ПДС, опорой в массах для которых постоянно служили соответственно Сохё и Домэй. С учетом этого совершенно очевидно, что происходящая в настоящее время основательная перегруппировка сил в японском профсоюзном движении не могла не сказаться на положении в лагере оппозиционных политических партий страны.

Действительно, принятое на состоявшемся в ноябре 1986 г. V съезде Дзэммин рокё решение о создании через год Всеяпонской федерации профсоюзов частного сектора вызвало в СДС, «центристских» партиях (Комэйто и ПДС) и в правом крыле СПЯ заметный подъем настроений в пользу налаживания более тесного взаимодействия оппозиционных сил, но без участия КПЯ, с перспективой формирования в будущем их коалиции, противостоящей правящей ЛДП. Внешне логика наиболее активных сторонников развития событий в указанном направлении выглядит примерно так: происходящее объединение рабочего фронта создает весьма благоприятные предпосылки для консолидации политической оппозиции и практически ставит перед ней этот вопрос. При этом, понятно, разные силы, ратующие за сплочение оппозиции, преследуют отнюдь не одинаковые политические цели, заботясь прежде всего о собственных интересах. Наибольшую активность в этом отношении проявляет Комэйто, которая, как считают, рассчитывает через подключение к происходящему в стране процессу реорганизации профсоюзов добиться некоторого укрепления своих весьма слабых позиций в рабочем движении.

Что касается руководителей Рэнго, то они рассчитывают, что с созданием

федерации открываются известные перспективы формирования в Японии крупной политической силы, способной со временем составить конкуренцию ЛДГ в борьбе за власть. Показательными в этом отношении являются высказывания председателя Рэнго Т. Татэяма. В интервью газете «Майнити» он, в частности, отметил: «Мы неизменно стремимся к тому, чтобы в стране была оппозиционная партия, которая могла бы прийти на смену правящей партии. Однако сейчас оппозиционные партии малочисленны и к тому же расколоты... Было бы хорошо, чтобы единство рабочего фронта способствовало реформированию и укреплению политической силы, способной сменить ЛДП»¹⁸.

Нынешнее положение в японском рабочем движении было глубоко проанализировано на состоявшемся 25-29 ноября 1987 г. XVIII съезде КПЯ. В материалах съезда говорится, что положение дел здесь будет определяться существованием сейчас в рамках движения трех течений — Всеяпонской федерации профсоюзов частного сектора, с одной стороны, и противостоящих ей «левых социал-демократических групп» и Тоицу росокон, с другой. В выступлении на съезде председателя ЦК КПЯ К. Миямото подчеркивалась исключительная важность выдвинутой Тоицу росокон задачи формирования в Японии классового национального центра и указывалось на необходимость мобилизации всего рабочего фронта страны на борьбу за ее выполнение. Одновременно отмечалась особая актуальность в нынешней обстановке вовлечения в ряды профсоюзов широких масс неорганизованных рабочих и служащих¹⁹.

Процессы, происходящие в настоящее время в профсоюзном движении Японии, носят многогранный, сложный и весьма противоречивый характер. Стремление соглашательского крыла в этом движении осуществить его реформирование на тред-юнионистской основе встречает растущее противодействие со стороны левого течения, видящего свою задачу в возрождении и развитии боевых, классовых традиций японских профсоюзов. Совершенно очевидно, что результаты этого противоборства, которое, по всей вероятности, с течением времени будет нарастать, окажут существенное влияние на расстановку политических сил в стране, на внутривнутриполитическое положение в Японии в целом.

¹ См.: «Асахи симбун», 3.I.1987.

² См.: Данные о благосостоянии в Японии (Нихон ютакаса дэта букку). Токио, 1988, с. 118.

³ См.: «Ёмиури симбун», 11.I.1988.

⁴ См.: Данные о благосостоянии в Японии, с. 117.

⁵ См.: Рабочее движение в 80-е годы (Хатидзю-нэндай-но родо ундо). Токио, 1982, с. 407.

⁶ См.: «Япония, 1982. Ежегодник». Москва, 1983, с. 39.

⁷ См.: «Майнити симбун», 21.XI.1987.

⁸ См.: Ежемесячные сообщения по социальным вопросам (Сякай мондай гэппо). Токио, ноябрь 1987, с. 18—20.

⁹ См. там же, с. 22.

¹⁰ См.: «Джапан таймс», 18.VIII.1987.

¹¹ См.: «Майнити симбун», 21.XI.1987.

¹² См.: «Сякай симпо», 27.X.1987.

¹³ См.: «Дзю симпо», 19.I.1988.

¹⁴ См.: «Акахата», 21.XI.1987.

¹⁵ См.: «Иомиури симбун», 21.XI.1987.

¹⁶ См.: «Акахата», 27—29.VII.1987.

¹⁷ См.: «Сякайсюги». Сентябрь 1987, с. 74.

¹⁸ См.: «Майнити симбун», 21.XI.1987.

¹⁹ См.: «Акахата», 26.XI.1987.

В. Н. УСОВ,
кандидат исторических наук

Жэньминь жибао» летом 1980 г. опубликовала статью «О правильном понимании роли личности в истории», где отмечалось, что культ личности в Китае «сложился не в один день, формировался долго и прошел длительный процесс развития»¹. «Культ личности зародился и стал разрастаться в злокачественную опухоль после 1956 г.» — констатировали несколько позже Ли Сюэжунь и Чжан Пэйхан.

Характеризуя точку зрения китайских авторов на проблему культа личности, следует отметить, что до этого нам не встречались в прессе написанные в КНР и посвященные специально этому вопросу работы. Удалось найти только две статьи: Ли Сюэжуна и Чжан Пэйхан «Историческое исследование культа личности в партии» и Сюй Цзяньхуа «Товарищ Мао Цзэдун — от борьбы против культа личности к поклонению культу личности». В то же время проблемы культа личности затрагиваются в документах КПК, в статьях и книгах китайских историков, посвященных анализу периода «большого скачка», причин «культурной революции», в общетеоретических либо специальных работах по истории КНР, а также при анализе ошибочных взглядов Мао Цзэдуна на строительство социализма в КНР. В большинстве материалов еще не очень строго дифференцируются объективные обстоятельства и субъективный фактор возникновения культа личности в китайском обществе, отсутствует типология и классификация понятий, нередко причины подменяются следствием. Тем не менее советским читателям, по-видимому, интересно познакомиться с теми материалами, которые в том или ином виде появляются в Китае и оценить процесс переосмысления истории КНР и поиска причин возникновения культа личности в КПК. Вместе с правильными взглядами, высказываемыми в статьях китайскими авторами, появляются и такие, которые нам представляются спорными, а некоторые — ошибочными. Последние возникли, видимо, в связи с попытками объяснить причины возникновения культа личности в Китае только внешними условиями или субъективным фактором.

Постановку вопроса о культе личности в КНР китайские историки относят ко времени XX съезда КПСС, когда был осужден культ личности Сталина. «Это вызвало широкий отклик в международном коммунистическом движении, — писали упомянутые авторы. — Наша партия имела свое мнение относительно истории со Сталиным. У него имелись ошибки, однако нельзя было полностью и огульно отрицать заслуги, которые имел Сталин»².

Вопрос о культе личности И. В. Сталина рассматривался на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в конце марта — начале апреля 1956 г. Как результат этого обсуждения 5 апреля 1956 г. появилась редакционная статья «Жэньминь жибао» «Об историческом опыте диктатуры пролетариата». «Вопрос о борьбе против культа личности занимал важное место в работе XX съезда КПСС, — говорилось в ней. — Съезд со всей остротой вскрыл факты, свидетельствующие о распространении культа личности, который в течение длительного времени порождал много ошибок в работе и вызвал отрицательные последствия в жизни Советского Союза. Эта смелая самокритика, проведенная Коммунистической партией Советского Союза с целью вскрыть допущенные ею ошибки, свидетельствует о торжестве высокой принципиальности партии и о великой жизненной силе марксизма-ленинизма». В статье были описаны причины возникновения культа личности. Среди них назывались такие, как «зазнайство», «отсутствие скромности» и «неосмотрительность» Сталина, «субъективизм и односторонность» его мышления. Отмечалось также, что он «не поддерживал тесную связь и не советовался с массами», «не исследовал и не изучал реальную обстановку»,

«не проводил критику и самокритику», «принимал ошибочные решения по важным вопросам».

Вместе с тем «Жэньминь жибао» утверждала, что после смерти В. И. Ленина Сталин «творчески применял и развивал марксизм-ленинизм», что «в борьбе за защиту ленинского наследия от врагов ленинизма — троцкистов, зиновьевцев и других агентов буржуазии — он выражал волю народа, был достойным и выдающимся борцом за марксизм-ленинизм». При этом указывалось, что «Сталин ошибочно преувеличивал свою роль до степени, не соответствовавшей действительности, противопоставлял свою личную власть коллективному руководству, в результате чего некоторые его действия шли вразрез с основными положениями марксизма-ленинизма... С одной стороны, Сталин признавал, что народ является творцом истории, что партия должна всегда поддерживать связь с массами, что необходимо развивать внутрипартийную демократию и развешивать самокритику и критику снизу, а с другой стороны, он принимал как должное и поощрял культ личности, допускал самоуправство... Таким образом, — делали вывод авторы статьи, — в последний период своей жизни Сталин в этом отношении впал в противоречие, выразившееся в разрыве между теорией и практикой... были допущены перегибы в вопросе борьбы с контрреволюционными элементами, отсутствовала необходимая бдительность накануне антифашистской войны, не было должного внимания к дальнейшему развитию сельского хозяйства и повышению материального благосостояния крестьянства; были допущены некоторые ошибки в международном коммунистическом движении». В редакционной статье отмечалось, что «культ личности — это гнилое наследие, оставшееся от длительной истории человечества», при этом приводились слова В. И. Ленина о том, что сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила, и делался вывод, что «культ личности — это тоже проявление своего рода силы привычки миллионов и десятков миллионов».

«Жэньминь жибао» констатировала, что КПК «и в прошлом неизменно выступала против оторвавшихся от масс выскочек и «героев»-одиночек в революционных рядах». «Излишне сомневаться в том, что такие явления, как выскочки и «герои»-одиночки, оторвавшиеся от масс, могут существовать еще долго. Такие явления, преодолённые однажды, могут возникнуть снова. Сегодня они проявятся в одних людях, а завтра — в других. Когда сосредоточиваются на роли одного человека, то часто не замечают роли коллектива и масс. Вследствие этого легко впасть в ошибку безрасчётного возвеличения и обожествления себя или же слепого преклонения перед другим. Поэтому борьба против выскочек и «героев»-одиночек, оторвавшихся от масс, против культа личности является вопросом, которому необходимо уделять постоянное внимание»³.

Китайские историки впоследствии выделили следующее положение той же редакционной статьи: «Культ личности есть отражение такого общественного явления в сознании, когда руководящий деятель партии и государства типа Сталина тоже подвергается влиянию этой отсталой идеологии, что оказывает обратное воздействие на общество, наносит ущерб делу, подрывает творческий дух и инициативу народных масс»⁴.

В сентябре 1956 г. вопрос о культе личности был поднят на VIII съезде КПК. Определённое место он занял в докладе Дэн Сяопина «Об изменениях в уставе партии», сделанном 16 сентября 1956 г., на что обращают внимание многие китайские историки⁵. «XX съезд КПСС дал убедительные разъяснения важнейшего значения неуклонного соблюдения принципа коллективного руководства и борьбы против культа личности, — говорил Дэн Сяопин. — Эти разъяснения оказали огромное влияние не только на КПСС, но и на другие коммунистические партии всех стран мира. Совершенно очевидно, что единоличное решение важных вопросов противоречит принципам партийного строительства в партиях, борющихся за коммунизм, и неизбежно приводит к ошибкам. Только связанное с массами коллективное руководство отвечает принципам демократического централизма в партии и способствует максимальному сокращению возможностей допущения ошибок». В докладе было отмечено, что КПК «стоит за укрепление коллективного руководства, но это никоим образом не принижает роли личности». «Признавая народные массы творцом истории, марксизм никогда не отрицал роли выдающейся личности в истории; марксизм указывал лишь на то, что роль личности, в конечном счете, определяется известными общественными условиями, — заявил Дэн Сяопин. — Марксизм никогда также не отрицал роли

вождей для политической партии... Их авторитет, влияние и опыт являются ценным достоянием партии, класса и народа. Мы, китайские коммунисты, особенно глубоко осознали это на своем собственном опыте. Конечно, такие вожди рождаются самим ходом народной борьбы и не могут быть самозванцами». Дэн Сяопин подчеркнул, что одна из важнейших заслуг XX съезда КПСС «заключается в том, что он раскрыл перед нами, к каким серьезным отрицательным последствиям может привести обожествление личности». Он заявил, что КПК «также отвергает чуждое ей обожествление личности», напомнив, что на 2-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва (март 1949 г.) было принято решение «запретить проведение юбилеев партийных руководителей, присвоение их имен местностям, улицам и предприятиям», что ЦК «всегда был также против посылки руководителям приветственных телеграмм и рапортов об успехах в работе, против преувеличения роли руководителей в произведении литературы и искусства». «Конечно, культ личности как общественное явление имел длительную историю, и он не мог не найти некоторого отражения в нашей партийной и общественной жизни,— признавал докладчик.— Наша задача состоит в том, чтобы решительно проводить в жизнь курс ЦК, направленный против выпячивания личности, против ее прославления»⁹.

Фэн Шэнбао в сборнике «О социалистической реформе — опыт изучения документов XIII съезда» заверяет, что на VIII съезде было принято постановление («цзюэзи») относительно борьбы против культа личности¹⁰, однако мы до сего дня не нашли этого постановления ни в одном издании документов съезда.

Некоторые руководители партии и страны поддерживали в тот период точку зрения Дэн Сяопина, за что и поплатились в дальнейшем. В протоколах допроса арестованного в годы «культурной революции» министра обороны КНР и члена Политбюро ЦК КПК, маршала Пэн Дэхуая (28 декабря 1966 г.— 5 января 1967 г.) приводится следующее его высказывание: «В 1956 г. во время работы VIII съезда КПК я предложил исключить [из Устава партии термин] «идеи Мао Цзэдуна» и сразу же получил согласие Лю Шаоци, который сказал «Лучше все же исключить! Я против культа личности»¹¹. К сожалению, ни в одном из изданий 80-х гг. лекций по истории КПК и социалистической революции не удалось найти подтверждения этому факту, приведенному в хунвэйбиновских материалах. Однако после внимательного изучения современной китайской историографии все же удалось найти в одной статье такое подтверждение. В авторитетном журнале «Данши яньцзю» приводились следующие отрывки из выступления Кан Шэна от 2 декабря 1959 г., относящиеся к позиции Пэн Дэхуая и Дэн Сяопина: «Разве не оказала влияния на некоторых наших членов партии критика культа личности, прозвучавшая на XX съезде КПСС? По-моему, утверждать, что критика культа личности не оказала никакого влияния на нас, значит идти против фактов... Товарищ Пэн Дэхуай сразу же выразил свои мысли во время обсуждения пересмотра Устава партии на VIII съезде КПК. ...Надо полагать, что некоторое число лиц выступало против культа личности Мао Цзэдуна!»

Авторы упомянутой статьи Ли Сюэкунь и Чжан Пэйхан с возмущением писали, что «Кан Шэн расценивал правильные действия товарища Пэн Дэхуая, выступавшего против культа личности, как величайшее преступление». Осуждение культа личности на VIII съезде КПК и призывы к укреплению демократического централизма и коллективного руководства в партии расцениваются сегодня в Китае как свидетельства попыток предотвращения распространения и развития культа личности в КПК¹². Однако, как пишет Чжу Чуньчжи, хотя партия и поставила вопросы об усилении демократического централизма и коллективного руководства, об усилении борьбы с культом личности, она не смогла выработать серьезных и эффективных конкретных мер¹³. Коллектив авторов «Комментариев к «Решению по некоторым вопросам истории партии со времени основания КНР» поддержал эту точку зрения, признавая, что «был правильно выдвинут вопрос о борьбе с культом личности, однако данному вопросу на VIII съезде вовсе не было уделено пристального внимания, не было разработано эффективных мер по преодолению и пресечению развития культа личности, не была полностью подготовлена, сформирована и укреплена система внутрипартийной демократии»¹⁴.

29 декабря 1956 г. «Жэньминь жибао» опубликовала редакционную статью «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата», написанную по материалам обсуждения данного вопроса на очередном расширенном заседании Политбюро ЦК КПК. Сравнивая ее с предыдущей, апрельской, мы видим смещение некоторых акцен-

тов по ряду вопросов, в том числе по поводу ошибок Сталина и культа личности. Обе статьи, как утверждается в «Кратком словаре истории КПК», отражали взгляды Мао Цзэдуна¹². Чжоу Чжэнь в статье «Несколько вопросов относительно VIII съезда КПК» добавляет, что они «собственноручно редактировались Мао Цзэдуном»¹³. В марте 1957 г. Кан Шэн, сравнивая названные редакционные статьи, отмечал, что «в основном они тождественны, однако имеются и некоторые различия», и заявил, что если в первой статье рассматривался вопрос о культе личности, то во второй «уже отсутствует даже сам термин». Далее Кан Шэн откровенно заявил, что «лозунг так называемой борьбы против культа личности не соответствует реальной действительности, он является антинаучным, более того — ошибочным». Комментируя данное высказывание Кан Шэна, китайские историки справедливо пишут, что он «свалил в одну кучу вопросы выступления против культа личности и выступления против руководства партии, проблему борьбы с культом личности и проблему полного отрицания заслуг Сталина»¹⁴.

В хунвэйбинской прессе мая 1967 г. приводилось выступление Дэн Сяопина от 12 января 1957 г. в университете Цинхуа, ранее нам неизвестное, где давалась оценка второй редакционной статьи. «Некоторые люди могут сказать, что в Китае все в порядке, — говорил он, — что мы не совершили подобных ошибок [речь идет о культе личности. — В. У.], фактически же и мы совершили немало ошибок... и нам не следует особенно хвастаться».

После выступления Кан Шэна прекратилось обсуждение проблем культа личности на страницах центральной и местной печати, все реже о них говорили и китайские руководители. Только иногда о них вспоминали некоторые философы и литературные деятели. Получивший образование в Советском Союзе видный китайский философ-марксист Фэн Дин, который был заведующим кафедрой диалектического материализма Пекинского университета, в 1958 г. выступил с критикой культа личности. Он призвал не допускать «обожествления» вождя и объявления его «всезнающей и всемогущей личностью». Фэн Дин заявил: «Полагать, что, опираясь на мудрость и силы вождя, можно все познать и все создать, значит подвергать серьезной опасности великое и трудное дело социализма». Роль вождя «всегда ограничена известными возможностями и пределами», и как бы ни были широки эти возможности и пределы, если этот вождь оторвется от масс, ему «будет трудно сделать даже шаг» и «все его планы останутся нереализованными». Если вождь будет «действовать самовластно», утверждал Фэн Дин, то он будет постоянно попадать впросак и в конце концов потерпит крах. «Самая главная опасность преувеличения роли личности состоит в том, что народные массы незаметно для себя будут утрачивать веру в собственные силы, уровень их сознательности будет снижаться, будут ограничены их активность и творческие возможности, — писал философ. — Причем в этих условиях легко может случиться так, что вождь или небольшая группа ведущих политических руководителей будут совершать ошибки, а это приведет к серьезным отрицательным последствиям. В частности, это отразится на формировании у молодежи отношения к жизни. Молодежь, не приученная к «самостоятельному мышлению», в своих высказываниях и поступках зачастую идет на поводу у «приспособленцев»¹⁵. Вполне понятно, что эти утверждения вскоре вызвали ответную реакцию. В 1964 г. появились статьи, в том числе «Критика «коммунистического мировоззрения» Фэн Дина» Чжан Цисюня, изобиловавшие бездоказательными утверждениями и приклеиванием ярлыков¹⁶.

Ши Шаньюань в статье «Товарищ Лю Шаоци о вождях» писал: «В 1958 г. Лю Шаоци подверг критике склонность некоторых товарищей считать партию «автомобилем», а себя «шоферами». Вожди являются слугами народа, подчеркнул Лю Шаоци, приписывать все победы исключительно вождю совершенно неверно. Еще в конце 50-х — начале 60-х гг. Линь Бяо выдвинул лозунг «высоко держать знамя идей Мао Цзэдуна», беззастенчиво отнес все победы китайской революции на счет одного товарища Мао Цзэдуна и тем создал путаницу в идейной и теоретической областях, умышленно начал пропаганду культа личности. Товарищ Лю Шаоци тогда решительно противился подобному неверному стилю». Автор писал, что никоим образом не следует обожествлять вождя и создавать культ личности и что Лю Шаоци подчеркивал необходимость самостоятельного мышления и выступал против слепой веры в кого-то. «Даже в 1959 г., когда у многих товарищей в партии возникла лихорадка поспешности и затуманились головы, на одном из важных партийных совещаний он поднял вопрос о том, что «и в Китае надо бороться с поклонением личности», а также смело высказал несогласие с применением унаследованного от феодального общества термина «ваньсуй» [бук-

важно «десять тысяч лет жизни», обычно переводимые как «да здравствует»; в старом Китае — обязательная форма обращения к императору.— В. У.]. Товарищ Лю Шаоци кроме того полагал, что выступать против личности вождя вовсе не означает выступать против партии, поэтому нельзя только на этом основании объявлять кого-то контрреволюционером»¹⁷.

Современные авторы в КНР внимательно комментируют выступление Мао Цзэдуна, затронувшее вопрос о культуре личности (совещание в Чэнду, март 1958 г.), где он, в частности, заявил:

«Марксизм-ленинизм требует одинакового отношения к любому человеку, и необходимо относиться к людям с позиций равноправия. Хрущев одним махом покончил со Сталиным... В китайской партии большинство выразило несогласие, но были и такие, кто покорился этому давлению и хотел покончить с преклонением перед личностью. Некоторые проявили очень большую заинтересованность в борьбе с культом личности.

Преклонение перед личностью («гэжэнь чунбай») может быть двух видов: одно правильное — например, мы должны преклоняться перед Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным... Нельзя не преклоняться перед ними. Да и почему не преклоняться перед ними, если истина в их руках? Мы верим в истину, ибо истина — это отражение объективной действительности. Отделение должно преклоняться перед своим командиром, без этого нельзя. Другой вид — это неправильное преклонение перед личностью, слепое подчинение без аналитического подхода. Так не годится.

В борьбе с преклонением перед личностью также могут быть две цели. Одна из них — это борьба с неправильным преклонением, а другая — это борьба против преклонения перед кем-либо с требованием преклоняться перед ним самим¹⁸. Развенчание Сталина кое у кого вызвало именно такой резонанс»¹⁹.

Как пишут сегодня китайские авторы, на совещании в Чэнду «некоторые кадровые работники выступали с предложением: «Если верить председателю Мао, то верить до слепого преклонения, если подчиняться председателю Мао, то до слепого подчинения». Кан Шэн и другие использовали данное положение о «правильном преклонении перед личностью», чтобы полностью отбросить верный принцип борьбы с преклонением перед личностью, они к тому же стали раздувать изо всей силы культ личности Мао Цзэдуна»²⁰. Очевидно, констатирует Сюй Цзяньхуа, что эти высказывания Мао Цзэдуна не соответствуют позиции неприятия «всякого культа личности», которой придерживался К. Маркс, они свидетельствуют также о его «теоретической несостоятельности», «колебаниях» и «сомнениях»²¹.

Ши Шаньюань, анализируя работы и выступления Лю Шаоци, привел такое его высказывание: «Мы подчиняемся партии, Центральному Комитету, но не личности. Никаким личностям мы подчиняться не можем». Лю Шаоци считал, подчеркнул автор, что нашим принципом должна быть учеба у всех тех, кто владеет истиной, а не у тех, кто занимает высокие посты. «Подобно тому, как нельзя превращать в догму труды Маркса и Ленина, нельзя догматизировать и работы товарища Мао Цзэдуна. Даже в начальный период «культурной революции», когда обожествление вождя расцвело пышным цветом, товарищ Лю Шаоци по-прежнему придерживался мнения, что марксизм-ленинизм должен развиваться, а не останавливаться на идеях Мао Цзэдуна. Если бы вся партия тогда, — справедливо замечает Ши Шаньюань, — оказалась в состоянии серьезно принять во внимание эти взгляды Лю Шаоци и своевременно пресечь сползание к культу личности, то впоследствии Линь Бяо и «четверка» не смогли бы одурачивать людей и бесчинствовать, а наша партия сделала бы меньше зигзагов»²².

Тогдашний заместитель главного редактора «Жэньминь жибао» Ван Жошуй в статье «Критерий истины и теоретические исследования», характеризуя развитие культа личности Мао Цзэдуна, отмечал, что «Линь Бяо, «четверка» и их советник [Кан Шэн.— В. У.] ухватились за знамя «борьбы против ревизионизма и за его предотвращение» (кампания проходила в 1963—1965 гг.— В. У.). Эта борьба превратилась в установление абсолютного авторитета вождя, которое оправдывалось тем, что оно гарантировало «неизменный цвет» Китая». «Каждое слово этого авторитета рассматривалось в качестве абсолютной истины, не нуждающейся в проверке критикой. И если находился человек, — писал Ван Жошуй, — который при жизни этого авторитета или после имел свое мнение относительно его высказываний, вносил в них исправления, то его объявляли китайским Хрущевым, противником идей Мао Цзэдуна, последним про-

хвостом. Так, в процессе «борьбы с ревизионизмом и за его предотвращение» получил дальнейшее развитие культ личности»²³.

Во второй из девяти полемических статей («Девять редакционных статей» писались специально созданной группой, которую возглавлял Кан Шэн.— В. У.) по поводу Открытого письма ЦК КПСС от 14 июля 1963 г., названной «К вопросу о Сталине» (от 13 сентября 1963 г.), вновь был поставлен вопрос об отношении к культу личности. «Коммунистическая партия Китая неизменно считает, что полное и огульное отрицание И. В. Сталина товарищем Хрущевым под предлогом так называемой «борьбы против культа личности» является совершенно ошибочным и тенденциозным,— говорилось в ней.— В письме ЦК КПК от 14 июня указывается, что так называемая «борьба против культа личности» противоречит целостному учению Ленина о взаимоотношениях между вождями, партией, классом и массами и нарушает принцип демократического централизма в партии». Далее в статье подчеркивалось, что развертывая «антисталинские кампании, руководство КПСС преследует цель свести на нет немеркнущее влияние этого великого пролетарского революционера на советский народ и народы всего мира, ниспровергнуть марксизм-ленинизм, который в свое время защитил и развил Сталин, и открыть себе путь к всестороннему проведению ревизионистской линии»²⁴.

Вице-президент Академии общественных наук Китая Юй Гуанда, оценивая в июле 1979 г. эти девять статей, признал, что по большинству важнейших проблем точка зрения китайской стороны была ошибочной. Сюй Цзяньхуа прямо пишет, что отрицание насаждение Сталиным культа личности — ошибочно, это значит отрицать важнейшие принципы марксизма-ленинизма. А Ван Жошуй отметил, что в статье 1963 г. против «ревизионизма» уже вообще ничего не говорилось об ошибках Сталина, приведших к созданию культа личности, зато утверждалось, что критиковать культ личности ошибочно. Таким образом открывался «зеленый свет» для культа личности, что впоследствии, как справедливо отметил китайский автор, привело к тяжелым отрицательным последствиям²⁵. В «Кратком словаре истории КПК» признается, что «девять статей» были продуктом «левой» идеологии²⁶. Сам Мао Цзэдун заявил Э. Сноу в январе 1965 г., что культ личности в Китае необходим²⁷. В декабре 1970 г. он вновь принял Э. Сноу и «разъяснил» ему, почему на начальной фазе «культурной революции» необходим был культ личности. Поскольку такая необходимость миновала, заявил Мао Цзэдун, культ личности можно теперь ослабить. Как сообщает Сюй Цзяньхуа, в 1971 г. в качестве документа ЦК КПК был издан перевод статьи Э. Сноу, где говорилось, что Мао Цзэдун много размышлял о необходимости поклонения великой личности.

В статье «Исследование истории культа личности в партии» (1981) подчеркивается роль Линь Бяо в раздувании культа личности Мао Цзэдуна. После назначения на пост министра обороны, Линь Бяо, по словам авторов статьи, изо всех сил стал раздувать культ личности, составил и издал «маленькую красную книжечку», распространял абсурдные взгляды типа: «идеи Мао Цзэдуна есть вершина марксизма-ленинизма», «каждая фраза Мао Цзэдуна является истиной»²⁸. В начале 60-х гг. Дэн Сяопин и маршал Ло Жунхуань, как утверждает журнал «Хунци», вели борьбу с Линь Бяо и критиковали его за «вульгаризацию» идей Мао Цзэдуна. «Марксистские принципы взаимоотношений между вождем, партией, классом и массами, замечательные традиции борьбы против обожествления личности и преклонения перед личностью, присущие партии рабочего класса,— писал журнал «Хунци»,— были серьезно нарушены Линь Бяо и «четверкой» во времена «великой культурной революции». Они обожествляли товарища Мао Цзэдуна, развили культ личности до абсурда»²⁹. Лю Сюэкунь и Чжан Пэйхан разъяснили, в чем заключался этот абсурд. «Обожествление вождя достигло такой степени, что... Линь Бяо... изо всей мочи стал трубить о том, что «такие [гении] появляются раз в несколько столетий и даже тысячелетий», что Мао Цзэдун «превзошел Маркса и Ленина», что в истории марксизма-ленинизма имеются «три периода и три вехи». 6 ноября 1967 г. «Жэньминь жибао», «Хунци» и «Цзефанцзюнь бао» опубликовали совместную передовую статью «Вперед по пути, открытому и проложенному Октябрьской социалистической революцией», приуроченную к 50-й годовщине Октября и одобренную Мао Цзэдуном. В ней впервые была сформулирована так называемая «теория продолжения революции при диктатуре пролетариата», которая была названа «третьей вехой» в истории развития марксизма»³⁰. В 1980 г. в КНР авторство этой «теории», которая затем была подвергнута критике как «левая», было от-

несено к Кан Шэну³¹. Ведь Кан Шэн в свое время заявлял, что Мао Цзэдун «все-сторонне развил и обогатил, превзошел марксизм-ленинизм», что его идеи «самая высокая и самая последняя веха марксизма-ленинизма»³². Кан Шэн, «проявив себя в теоретической области», еще весной 1958 г., то есть на два года раньше Линь Бяо, выдвинул положение об «идеях Мао Цзэдуна» как «вершине марксизма-ленинизма», а в конце 1959 г. — как «наивысшем мерило, критерии в последней инстанции» любых теоретических взглядов и практических действий. Кан Шэн активно использовал высказывания Мао Цзэдуна для обоснования широких репрессий³³.

Чжу Юаньши в статье «Причины и уроки «великой культурной революции» писал, что культ личности Мао Цзэдуна привел к тому, что многие члены Политбюро ЦК КПК за несогласие с методами «культурной революции» были объявлены оппозиционерами. По той же причине группа по делам культурной революции, первоначально созданная по решению Политбюро ЦК КПК как чисто рабочий орган, призванный действовать под руководством Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, смогла впоследствии фактически подменить его и, как добавляла «Бэйцзин ревью», Секретариат ЦК КПК, «превратившись в штаб мятежников»³⁴.

«Самая большая ошибка Мао Цзэдуна, совершенная им в последние годы, — писал историк Ван Линь, — это отношения между партией и личностью, когда в организационном плане один человек стал над ЦК КПК, руководство одного человека заменило коллективное руководство ЦК. Он не только не понимал в последние годы важности коллективного руководства, но и не понимал, как это «один человек подчиняется организации, а меньшинство — большинству»³⁵.

Ли Хунлинь в статье «Вожди и народ»³⁶ подверг критике практику назначения вождем своего «преемника» и пожизненного занятия постов. Автор писал, что в истории Китая система назначения «преемника» была присуща монархическому абсолютизму, когда страна рассматривалась как собственность императора. «Считалось, что «небо» даровало ему власть и лишь перед «небом» он нес ответственность. Поскольку небо — пустое место, он отвечал лишь перед самим собой и ни перед кем другим». Далее Ли Хунлинь отметил, что с 60-х гг. термин «смена поколений» стал подменяться понятием «человек, который является преемником вождя», и что это в корне расходится с сущностью коммунистического движения. Ли Хунлинь подчеркнул, что «назначение преемника» непосредственно связано с явлением культа личности и что положение о «преемнике» было внесено в Устав КПК [на IX съезде КПК.— В. У.] Кан Шэном, который считал это «новаторским явлением» в истории международного коммунистического движения, «великим почином», касающимся судеб Китая и всего мира. «Это действительно было «новаторством» в том смысле, что со времени возникновения международного коммунистического движения такого странного явления еще не было, — писал автор статьи. — Трудно сказать, сколь «великое значение» имело оно для всего мира, а вот на судьбу Китая оно оказало воистину немалое влияние, приведя страну на грань катастрофы». Понятие вождя компартии, считает Ли Хунлинь, — коллективное, поэтому не может возникнуть вопрос о наследовании одного вождя другим. В коллективе же одни уходят по «законам естественного мира», другие могут и должны уходить, если не справляются со своими обязанностями. В то же время люди, проявившие выдающиеся способности и завоевавшие признание масс и организаций, вводятся в состав высшего руководства, таким образом происходит смена старого новым в коллективе лидеров. Подобные мысли высказаны и Ши Шаньюанем, который писал, что если пролетарский вождь более не подходит для руководящего поста по деловым качествам, по нездоровью или в силу других причин, то его, несомненно, можно менять. Вождь избирается народом, народные массы имеют полное право выбирать себе вождей. Когда партия поставила вопрос о «воспитании преемников дела революции», Лю Шаоци подверг острой критике такие явления среди кадровых работников, как «бравирование старыми заслугами», «бесполезное прозябание на занимаемом месте». Лю Шаоци заявлял: «Уступить кресло способному трудиться человеку, а самому стать помощником — вещь не постыдная, авторитет от этого не упадет. А вот если вцепиться зубами и не отпустить место, авторитет пошатнется. Коли сам не отдашь, в конце концов заставят отдать»³⁷. Чжэн Цянь так объяснял постановку Мао Цзэдуном вопроса о «преемниках»: «Он был глубоко затронут событиями, которые возникли после смерти Сталина в СССР, он считал, что преградой на пути возникновения аналогичных событий в Китае будет подбор преемников раз-

личного ранга. После того, как Мао лишил доверия Лю Шаоци и отстранил Лю от руководства, он стал подбирать преемников заново — сначала Линь Бяо, затем Ван Хунвэня³⁰. Автор считает, что следует изучать вопросы перестройки системы руководства в целом, а не ограничиваться проблемой «преемников».

Дэн Сяопин в выступлении «Перестройка системы руководства партии и государством» от 18 августа 1980 г. признавал, что «после развернувшейся в 1958 г. критики выступлений против слепого забегания вперед и борьбы в 1959 г. против «правого уклона» демократическая жизнь в партии и государстве начала выходить из нормы, стали усугубляться явления патриархальщины, такие, как монополия слова, единоличное решение важных вопросов, культ личности, возвышение отдельных лиц над организацией и т. д. Линь Бяо трубил о том, что высказывания председателя Мао Цзэдуна являются высочайшим указанием, что он достиг «вершины», такой взгляд получил широкое распространение во всей партии, во всей стране и в армии. После разгрома «четверки» одно время продолжали насаждать культ личности. Чествования других руководителей тоже подчас носили отпечаток культа личности. Недавно ЦК разослал директиву о том, что неправомерные чествования влекут за собой расточительство, отрыв от масс и носят такой отпечаток, будто историю творят отдельные личности, что это не способствует проведению марксистского воспитания внутри и вне партии, искоренению влияния феодальной и буржуазной идеологии»³¹. Отсюда следует, что с конца 70-х — начала 80-х гг. в КНР стали бороться с культом личности и его последствиями. Сюй Хуну и Ли Цзиндэ в статье «Марксистское учение о государстве и начальная стадия социализма в Китае» подчеркивают, что со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978) реформа политической системы в Китае начала давать заметные результаты, одним из которых является постепенная ликвидация культа личности и его последствий³². Решения 4-го и 5-го пленумов ЦК КПК 11-го созыва о восстановлении Секретариата ЦК КПК, упраздненного во время «культурной революции», о полной реабилитации бывшего председателя КНР Лю Шаоци, «О некоторых нормах политической жизни в партии» способствовали активизации борьбы с явлениями культа личности.

В Постановлении ЦК КПК «О некоторых нормах политической жизни в партии» прямо признавались недостатки и ошибки, связанные с произволом отдельных личностей и нанесшие ущерб нормальной внутривнутрипартийной политической жизни. В пункте 2-м постановления, озаглавленном «Твердо придерживаться коллективного руководства, бороться против произвола отдельных личностей», заявлялось: «Необходимо в соответствии с принципами марксизма правильно понимать и разрешать взаимоотношения между вождем, политической партией, классами и массами... Запрещается беспринципное прославление заслуг руководителей и воспевание их доблестей. Не допускается льстивыми речами в духе эксплуататорских классов восхвалять пролетарских руководителей, нельзя прибегать к искажению истории и фальсификации фактов для пропаганды заслуг руководителей. Запрещается поздравлять руководителей с днем рождения, преподносить им подарки, направлять приветственные письма и телеграммы. Не разрешается создавать музеи ныне здравствующих людей, не следует создавать много музеев покойным вождям. Запрещается давать имена руководителей партии улицам, географическим местам, предприятиям и учебным заведениям. За исключением случаев выезда по делам за рубеж, запрещается устраивать проводы при отъезде руководителей, расклеивать лозунги, бить в гонги и барабаны, устраивать приемы»³³.

Впервые официально признан и осужден культ личности Мао Цзэдуна с упоминанием его имени на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в «Решении по некоторым вопросам истории КПК»: «Вследствие различных исторических причин внутривнутрипартийная демократия и демократия в общественно-политической жизни государства не были закреплены режимом и законом, а уже выработанные законы не пользовались должным авторитетом. Все это создало своего рода почву для чрезмерного сосредоточения власти партии в руках одного человека, для роста явлений, связанных с самоуправством и культом личности»³⁴. Любопытно, что в решении был употреблен иной термин для обозначения понятия «культ личности», чем это было прежде. В комментариях к решению отмечалось: «В нашей стране сначала переводили «культ личности» как «преклонение перед личностью» («гэжэнь чунбай»). В документах VIII Всекитайского съезда партии также использовался этот термин, а в произведениях Маркса и Энгельса, изданных

после 1972 г., этот термин переводится как «слепая вера [доверие к] личности» («гэжэнь мисинь»). Мы снова в настоящем решении возвращаемся к употреблению термина «культ личности» как «преклонение перед личностью» («гэжэнь чунбай»). Причина состоит в том, что этот вариант перевода больше соответствует точному смыслу понятия, употребляемого в марксизме. Смысл этого термина на иностранном языке означает неоправданное преувеличение роли личности, обожествление личности, создание из личности идола для поклонения. Маркс именно так понимал этот термин. Смысл его указывает на противоречащее историческому материализму явление, когда преувеличивают роль личности в истории»¹.

Сюэ Кэчэн пишет, что «культ личности Сталина и еще более высокий культ личности в Китае свидетельствуют о том, что может произойти, если вожди взявшего политическую власть пролетариата потеряют бдительность». Он справедливо отметил, что «культ личности нанес серьезный ущерб международному коммунистическому движению, делу социалистической революции и строительства социализма в Китае». Сюэ Кэчэн призывал и далее «развивать социалистическую демократию, чтобы широкие народные массы превратились в подлинных хозяев своей страны, в подлинных творцов истории», поскольку «кое-где еще принижается роль народных масс и возвеличивается роль личности»².

В Отчетном докладе XII съезду КПК 1 сентября 1982 г. вновь было признано, что «начиная с конца 50-х гг., все более стал проявляться культ личности, политическая жизнь в партии и государстве, особенно в ЦК партии, становилась все более ненормальной, что в конечном счете привело к десятилетней смуте». В докладе говорилось, что к XII съезду китайские коммунисты «решительно разбили многолетние тяжкие оковы догматизма и культа личности в области идеологии». В Уставе КПК было записано, что «партия запрещает культ личности в любой ее форме» (гл. II, с. 10)³.

На XIII съезде КПК Чжао Цзыян предложил «посредством реформ возвести в норму и закрепить в форме закона социалистическую политическую демократию», что послужит «коренной гарантией от повторения «культурной революции» и обеспечит длительное спокойствие и порядок в стране». «Оздоровление системы коллективного руководства и демократического централизма в партии, — считает Чжао Цзыян, — следует начинать с Центрального Комитета. Главные мероприятия состоят в следующем: учредить такой порядок, при котором Постоянный комитет Политбюро ЦК регулярно докладывает Политбюро ЦК партии о своей работе, а Политбюро ЦК — пленуму ЦК партии; следует соответственно увеличить число ежегодно созываемых пленумов ЦК с тем, чтобы еще лучше выявить коллективную роль Центрального Комитета в принятии важнейших решений; установить правила работы и порядок созыва заседаний Политбюро ЦК, Постоянного комитета Политбюро ЦК по вопросам партийной жизни, а также Секретариата ЦК с тем, чтобы возвести коллективное руководство в норму, усилить взаимный контроль и взаимообусловленность среди партийных руководящих кадров»⁴. Однако в поправках к Уставу КПК, принятых съездом, эти рекомендации Чжао Цзыяна не нашли своего отражения. С целью демократизации стиля работы были внесены поправки в статью 11, касающуюся процедуры выборов в партийные комитеты и выборов делегатов съездов на всех уровнях, и в статью 16, освещающую порядок разрешения разногласий внутри парткомов.

В Китае неоднозначно подходили к вопросу культа личности на разных этапах истории КНР, начиная с 1956 г.: от признания правильности критики культа личности на XX съезде КПСС и необходимости критики и борьбы с культом личности на VIII съезде КПК до огульного отрицания явлений культа личности в период «культурной революции», специального раздувания и нагнетания культа личности Мао Цзэдуна до невиданных ранее размеров. С 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва достигнут значительный прогресс в постепенной ликвидации культа личности и его последствий. Но рецидивы культа личности еще имеют место в Китае, бывает, что «принижается роль народных масс и возвеличивается роль личности», поэтому предпринимаются дополнительные шаги для укрепления системы коллективного руководства на всех уровнях.

(Продолжение следует)

¹ «Жэньминь жибао», 4.VII.1980.

² «Данши яньцзю», 1981, № 2, с. 22; 1984, № 5.

- ³ Об историческом опыте диктатуры пролетариата (Редакционная статья газеты «Жэньминь жибао»). М., 1956, с. 3, 7—10, 12—13; «Жэньминь жибао», 5.IV.1956.
- ⁴ Цит. по: «Данши яньцзю», 1981, № 2, с. 23.
- ⁵ См.: Ли Хун. О великом историческом значении VIII съезда КПК.— «Лиши яньцзю», 1979, № 4; Хэ Ли сы. От VIII до XII съезда КПК — всесторонне обобщенный опыт партии по социалистическому строительству.— «Данши яньцзю», 1982, № 6; Комментарии к «Решению по некоторым вопросам истории со времени образования КНР». Пекин, 1985, с. 261—262 (на кит. яз.; далее — Комментарии...).
- ⁶ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Кн. 1. Документы. Пекин, 1956, с. 197, 204—206.
- ⁷ См.: О социалистической реформе — опыт изучения документов XIII съезда. Пекин, 1987, с. 191 (на кит. яз.).
- ⁸ «Цзуго» (Сянган), 1968, № 50, с. 40.
- ⁹ «Данши яньцзю», 1981, № 2, с. 22, 24.
- ¹⁰ Чжу Чуньчжи. Историческое значение VIII съезда КПК и причины невыполнения его решений.— Вопросы преподавания истории социалистической революции и социалистического строительства в Китае. Пекин, 1985, с. 106 (на кит. яз.).
- ¹¹ Комментарии..., с. 261—262.
- ¹² Краткий словарь по истории КПК. Т. 1, Пекин, 1986, с. 536 (на кит. яз.).
- ¹³ «Данши тунсюнь», 1986, № 8, с. 28.
- ¹⁴ «Данши яньцзю», 1981, № 2, с. 23.
- ¹⁵ См.: В. Г. Буров. Современная китайская философия. М., 1980, с. 94—98.
- ¹⁶ См.: «Хунци», 1964, № 17—18, с. 14—20; № 21—22, с. 13—24; «Чжаньван» (Сянган), 1970, № 197, с. 19—22; № 198, с. 15—18.
- ¹⁷ «Лилунь юй шицзянь» (Шэньян), 1980, № 6, с. 22.
- ¹⁸ В «Комментариях...» (с. 466), а также в статье Сюй Цзяньхуа «Товарищ Мао Цзэдун — от борьбы против культа личности к поклонению культуре личности» («Данши яньцзю», 1984, № 5, с. 74) и в других современных изданиях КНР приводятся, как правило, лишь последние два абзаца.
- ¹⁹ Мао Цзэдун сысян ваньсуй (Да здравствуют идеи Мао Цзэдуна). Пекин, 1969, с. 162; «Чжунгун яньцзю», 1982, № 5, с. 55.
- ²⁰ Комментарии..., с. 466—467.
- ²¹ «Данши яньцзю», 1984, № 5, с. 74.
- ²² «Лилунь юй шицзянь», 1980, № 6, с. 23.
- ²³ «Душу», 1980, № 1, с. 19.
- ²⁴ Полемика о генеральной линии международного коммунистического движения. Пекин, 1965, с. 125, 140.
- ²⁵ См.: «Чжунгун яньцзю», 1982, № 4, с. 60; «Душу», 1980, № 1.
- ²⁶ См.: Краткий словарь по истории КПК. Т. 1, с. 182.
- ²⁷ I p: E. Snow. The Long Revolution. N. Y., 1971, p. 168—169.
- ²⁸ См.: «Данши яньцзю», 1984, № 5, с. 75; 1981, № 2, с. 25.
- ²⁹ «Хунци», 1983, № 13, с. 45.
- ³⁰ См.: Лекции по истории КПК. Цзинань, Т. 2, 1982, с. 298—300; Лекции по истории КПК. Чанчунь, 1983, с. 177 (обе на кит. яз.); «Шэхуэй кэсюэ» (Шанхай), 1980, № 5, с. 148.
- ³¹ См.: Тань Цзунцзи. Истоки и становление «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата». — «Данши яньцзю», 1987, № 2, с. 51—57; Ци Чжэньхай, Сюй Хуну. Теоретик или политический мошенник. — «Хунци», 1980, № 16, с. 28—32.
- ³² Цит. по: «Данши яньцзю», 1981, № 2, с. 26.
- ³³ См.: «Бэйцзин жибао», 8.VIII.1980; Комментарии..., с. 467.
- ³⁴ «Хунци», 1981, № 6, с. 46; «Beijing review», 1981, № 45, p. 20.
- ³⁵ «Данши яньцзю», 1987, № 2, с. 63.
- ³⁶ «Жэньминь жибао», 18.IX.1980.
- ³⁷ «Лилунь юй шицзянь», 1980, № 6, с. 23—24.
- ³⁸ «Данши тунсюнь», 1986, № 10, с. 11—12.
- ³⁹ Дэнь Сяопин. Избранное (1975—1982). Пекин, 1985, с. 364—365.
- ⁴⁰ См.: «Хунци», 1987, № 19, с. 30.
- ⁴¹ «Жэньминь жибао», 15.III.1980.
- ⁴² Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин, 1981, с. 48—49.
- ⁴³ Разъяснение терминов «Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР». Пекин, 1981, с. 121 (на кит. яз.).
- ⁴⁴ Сюэ Кэчэнь. Кто же в конце концов творец истории? (Полемика с тов. Ли Шу). — «Ханчжоу дасюэ сюэбао», 1987, № 1, с. 23—24.
- ⁴⁵ XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Пекин, 1982, с. 10, 74, 115.
- ⁴⁶ «Жэньминь жибао», 4.XI.1987.

Китайские авторы
о вопросах теории

**Реализовать
научно-технический
потенциал,
чтобы внести
большой вклад
в экономическое
строительство**

**Выступление на Всекитайском
рабочем совещании по вопро-
сам науки и техники 10 марта
1988 г.***

*Ли Пэн,
Премьер Государственного совета
КНР*

С 8 по 10 марта с. г. в Пекине проходило Всекитайское совещание по науке и технике, на котором присутствовало более 400 ученых, инженеров и представителей министерств и ведомств Госсовета КНР. Нынешняя встреча стала самой представительной и подготовленной. На ней были подведены итоги развития науки и техники за последние годы и обсуждены задачи в этой области на следующие десять и более лет. По сообщению агентства Синьхуа, в настоящее время в Китае разрабатывается долгосрочная программа развития науки и техники, в которой будут систематически изложены цели и стратегия научно-технического прогресса. Эти факты свидетельствуют о повышенном внимании, уделяемом китайским руководством данному направлению модернизации КНР.

На совещании с рабочими докладами выступили председатель Государственного комитета по науке и технике Сун Цзянь и Фан И, ныне — заместитель председателя Всекитайского комитета НИКСК. 10 марта участников совещания приняли Генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзянь и члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ху Цили и Ли Пэн. Ниже публикуется речь товарища Ли Пэна при закрытии совещания. 9 апреля 1988 г. на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва Ли Пэн избран Премьером Госсовета КНР (прим. перев.).

Нынешнее Всекитайское рабочее совещание по вопросам науки и техники — это второе важное совещание научных и инженерно-технических работников после Всекитайского совещания 1985 г. Оно должно сыграть важную стимулирующую роль в утверждении духа XIII съезда партии, в ускорении и углублении реформ, сближении науки и техники с экономикой, в осуществлении технического прогресса национальной экономики. Ниже излагаются несколько соображений о том, каким образом реализовать научно-технический потенциал с тем, чтобы внести большой вклад в хозяйственное строительство.

1. Стратегическое значение научно-технического прогресса

XIII съезд партии указал, что развитие науки и техники необходимо поставить во главу угла стратегии экономического развития. Это — правильное решение, принятое в соответствии с общей ситуацией социалистической модернизации на основе

* «Жэньминь жибао», 13.ИИ.1988.

практики международного экономического и научно-технического развития. Сейчас мы переживаем эпоху ускоренного развития новой техники, когда именно прогресс науки и техники (включая современное управление) определяет уровень и темпы развития производительных сил. Если в открытой и полной конкурентной борьбе международной ситуации игнорировать научно-технический прогресс, то общественные производительные силы Китая не смогут ускоренно развиваться, отставание от развитых стран будет все более возрастать, и мы не сможем занять достойное место среди народов мира. Мы проводим модернизацию в условиях сравнительно бедной экономики и отсталой техники. Население нашей страны велико, экономическая основа слаба, мы испытываем относительный недостаток ресурсов в расчете на душу населения. В настоящее время энергоемкость и материалоемкость нашего ВВП намного больше аналогичного показателя развитых стран. А по таким показателям, как производительность труда, темпы прироста основных фондов, доля ВВП в расчете на душу населения, доля экспорта в ВВП, отставание от развитых стран еще больше. Это означает, что мы несем огромные расточительные затраты, а, следовательно, имеем и огромные резервы производства.

Только опираясь на научно-технический прогресс, включающий передовое научное управление, мы сможем намного повысить эффективность экономики, увеличить производство и сравнительно быстро избавиться от облика бедности и отсталости.

Теперь, когда мы реально столкнулись со столь серьезным вызовом, народ всей страны, и в первую очередь все работники науки и техники, должны в полной мере осознать стратегическую роль научно-технического прогресса в решении великих задач четырех модернизаций в Китае, обострить в себе чувство недопустимости промедления.

Ускорение научно-технического прогресса в Китае не только чрезвычайно важно, но и вполне возможно. После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва экономика развивалась стабильно. Отстаивая четыре основных принципа*, курс на реформы и открытую политику, мы добились успехов, получивших всемирное признание, накопили ценный опыт, расширили международное научно-техническое сотрудничество, переняли передовую технику и опыт управления, заложили прочный фундамент для дальнейшего прогресса науки и техники. Но у нас есть и собственный большой потенциал его ускорения. В Китае трудится более чем восьмимиллионная армия научных и инженерно-технических работников, среди них более трех миллионов — персонал высшего и среднего уровня. В различных сферах экономики и даже в некоторых сферах новейшей науки и техники создана соответствующая научно-техническая база, на отдельных направлениях исследований мы уже приблизились или вышли на уровень мировых достижений. Факты свидетельствуют: как только мы решительно сосредоточиваем усилия на каком-то направлении, ведем дело, строго следуя научным закономерностям, то высвобождаем мощные силы для решения трудных задач. По сравнению с другими развивающимися странами наш научно-технический потенциал значителен. Но необходимо указать, что вследствие недостатков в системе управления развитием науки и техники и несовершенной конкретной политики наш потенциал в очень большой степени еще полностью не раскрылся. Как только мы решим эти проблемы и раскроем его, научно-технические кадры, наука и техника в Китае станут развиваться более быстрыми темпами, а экономическое строительство сделает еще больший шаг вперед.

Недавно товарищ Чжао Цзыян предложил программу экономического развития приморских районов. Она уже обсуждена в ЦК, и по ней принято решение. Госсовет также разработал соответствующий план. Это крупное мероприятие, имеющее огромное значение для экономического развития Китая. Наука и техника должны служить стратегии экономического развития приморских районов. Сейчас в мировой экономике возникла тенденция к перестройке ее структуры, что создает благоприятные условия для вступления Китая в международный экономический цикл. Нам нужно воспользоваться благоприятным моментом, соединить потенциал в науке и технике с потенциалом трудовых ресурсов приморских районов, с преимуществами гибкой и мобильной структуры волостных и поселковых предприятий. Кроме того, приморские

* «Верность социалистическому пути, демократическая диктатура народа, руководство коммунистической партии, верность марксизму-ленинизму, идеям Мао Цзэдуна» (прим. перев.).

районы страны отличаются лучшей общей информированностью и удобным транспортным сообщением с границей. Нам необходимо усиленно развивать там трудоемкие производства, а также производства, сочетающие высокую трудоемкость с высокой наукоемкостью. В первую очередь необходимо, чтобы таким образом приморские районы включились в международный обмен. Тогда мы сможем не только ускорить экономическое развитие приморских районов, но через них внедрить и во внутренние районы страны передовую технику и управленческий опыт, которые мы приобретаем, развивая экономику, ориентированную на внешний рынок. Тем самым нам удастся подстегнуть экономический рост и повысить эффективность экономики во внутренних районах страны.

2. Ускорять и углублять реформу системы управления наукой и техникой.

Поскольку наука и техника должны и в дальнейшем ориентироваться на хозяйственное строительство, а строительство должно и впредь опираться на научно-технический прогресс, постольку в любом случае не обойтись без углубления реформы системы управления развитием науки и техники. Центральная проблема такой реформы состоит в том, как тесно увязать науку и технику с хозяйственным строительством. Мы знаем, что экономические и социальные потребности являются мощным стимулом развития науки и техники. Только в соединении с экономикой могут полностью проявиться значимость и роль науки и техники. Только в этом соединении могут, собственно, развиваться наука и техника. По мере постепенного углубления перестройки хозяйственного механизма и системы науки и техники положение, при котором наука и техника были оторваны от экономики, в определенной степени претерпело изменения. Однако проблема создания механизма их соединения пока не решена. Следуя основной линии начального этапа социализма и исходя из центральной задачи развития общественных производительных сил, мы должны ускорить поступь реформы и шаг за шагом создать новую систему, которая будет соответствовать социалистической товарной экономике и в которой наука и техника будут тесно увязаны с экономикой.

При ускорении и углублении реформы системы науки и техники следует взяться за основное звено этой реформы — переход к новым механизмам управления. В сфере научных исследований также необходимо вводить подрядную ответственность, задействовать механизмы конкуренции и рынка, осуществить принцип: пусть побеждает лучший. В программах научных исследований нужно и в дальнейшем применять принцип фондирования, принцип конкурсного отбора и договорный принцип, стимулируя тем самым рынок научно-технических разработок, которые должны рассматриваться как товар. Пройдя проверку в ходе рыночной конкуренции, они по-настоящему смогут обслуживать товарное хозяйство. Путем этих преобразований можно связать реальные интересы научно-исследовательских организаций и их персонала с экономической и социальной эффективностью их деятельности, укрепить тем самым внутреннюю потребность сотрудников научно-исследовательских организаций работать на благо хозяйственного строительства, а также в корне изжить пороки «уравниловки» в науке и технике. Фундаментальные исследования и исследования по новейшей технологии являются важными составными частями научных изысканий. Они затрагивают долгосрочные перспективы науки и техники, поэтому им нужно уделять должное внимание. Но и по отношению к этим исследованиям должен быть применен механизм конкуренции; в программах исследований необходимо выделить приоритеты, которые должны отвечать требованиям рынка в перспективе. Одновременно с этим следует непрерывно пополнять и перераспределять кадровый состав специалистов, беречь отряд высококвалифицированных исследователей.

В последние годы получили большое распространение негосударственные научно-технические организации и предприятия научно-технического типа. Они работают на условиях самофинансирования, самоуправления, самоокупаемости; они ориентируются на рынок, разрабатывают новую продукцию, объединяют научно-технические разработки, производство и реализацию. Своих сотрудников они отбирают среди лучших специалистов, оплата их труда увязана с экономическим эффектом. Появление этих организаций привело к тому, что ситуация, при которой госу-

дарство монополично проводило научные исследования, стала меняться. Ускорился процесс превращения науки в непосредственную производительную силу. Целая плеяда руководителей предприятий и деловых людей, которые компетентны в технических вопросах и являются хорошими администраторами, смогла проявить себя. Здесь мы приобрели полезный опыт для оживления деятельности и научно-исследовательских организаций системы общенародной собственности. Во многих наших институтах, вузах, на крупных и средних предприятиях до сих пор остро стоит вопрос о явлениях избытка технических специалистов. Важным аспектом углубления реформы системы науки и техники должны стать поощрение и организация перехода большего числа сотрудников из перенасыщенных специалистами организаций на новое поле деятельности — к созданию ими научно-технических предприятий нового профиля и негосударственных организаций. Этот путь должен рассматриваться как важный способ реализации научно-технического потенциала Китая. Одновременно с этим можно взять на вооружение многочисленные формы соединения науки и техники с экономикой, например подряд на разработки по заказам предприятий, внедрение готовых разработок на предприятиях, а также создание научно-производственных объединений типа «техника — промышленное предприятие — реализация» или «техника — сельхозпредприятие — реализация» при ведущей роли научно-технического учреждения.

Конечно, создание новой системы связей науки и техники с экономикой невозможно на основе только перестройки в научно-технической сфере. Оно должно опираться на глубокую перестройку хозяйственного механизма. В ходе хозяйственной реформы при внедрении на предприятиях подрядной хозяйственной ответственности придается важное значение опоре на научно-технический прогресс. В целом, ускоряя и углубляя процесс реформ, мы должны постепенно создать хозяйственную систему, опирающуюся на научно-технический прогресс, и систему науки и техники, ориентированную на экономику. Это позволит в полной мере реализовать научно-технический потенциал Китая в целях хозяйственного строительства и социального развития.

3. Необходимо в полной мере раскрыть роль научных и инженерно-технических работников.

Для того чтобы наука и техника внесли большой вклад в хозяйственное строительство, необходимо полностью выявить активность и творческие способности научных и инженерно-технических работников. Они несут ответственность не только за прогресс науки и техники, но и за внедрение результатов своего труда в производство. Научный и инженерно-технический персонал промышленных предприятий — внушительная сила, велика ее роль в обеспечении нормального функционирования предприятий, повышении качества продукции, создании ее новых видов, снижении затрат, применении новой технологии, в ведении новаторского поиска. За эти годы научные и инженерно-технические работники проделали большую работу во всех областях и достигли заметных успехов. Партия и народ благодарят их. История показала, что, если работники науки и техники связывают воедино свои заботы с судьбами государства и нации, перед ними открываются широкие возможности. Надеюсь, что товарищи и в дальнейшем приумножат свои усилия, с высоким чувством ответственности и в духе преданности посвятят себя делу экономического развития и покажут все, на что способны.

Нам необходимо на практике создавать политическую ситуацию демократии и сплоченности, создавать в обществе атмосферу «уважения к знаниям, уважения к специалистам» для того, чтобы специалисты могли спокойно работать. Мы должны и далее раскрепощать систему управления научно-техническими кадрами, поощрять их переход из тех организаций, где они не могут себя проявить, в те, где в них нуждаются. Надо разрешить им совмещать профессии, работать по второй специальности. Приобретенные знания они должны передавать рабочим, крестьянам и другим трудящимся, повышать их уровень и улучшать личные качества. Ведя борьбу на главном фронте хозяйственного строительства, они должны крепить сплоченность с рабочими и крестьянами, перенимать их практический опыт, проверять достигнутые результаты производственной практикой.

В последние годы, в условиях напряженного финансового положения страны,

мы приложили определенные усилия по улучшению условий труда и быта научных и инженерно-технических работников. В дальнейшем эту работу надо продолжить. Однако исходя из ситуации в целом, можно сказать, что только при условии углубления перестройки и развития производства возможно постепенное улучшение материального положения интеллигенции. Вместе с тем мы намерены и дальше совершенствовать политику, поощрять научных и инженерно-технических работников к вскрытию резервов, расширять сферу приложения их услуг. Тем самым работники науки и техники, принося пользу экономике и обществу, смогут одновременно улучшить условия своей работы и жизни.

4. Укреплять руководство научно-технической работой, оказывать ей поддержку

Стимулирование научно-технического прогресса входит в сферу деятельности не только научно-технических организаций, это также крупная задача государственных органов разных уровней, которые должны на деле поставить научно-техническую работу во главу угла стратегии экономического развития, уделить максимум внимания соединению науки и техники с экономикой и создать для такого сближения благоприятные условия. Органы власти разных ступеней, различные отрасли, предприятия и деревни должны постепенно увеличивать вложения в научно-технический прогресс. Банки и другие финансовые органы должны оказывать активную помощь, поддерживать быстрое превращение научно-технических достижений в новую производительную силу, в товар, чтобы таким образом ускорить прогресс народного хозяйства. В экономически относительно неразвитых районах следует работать и принять эффективные меры по привлечению специалистов со стороны, по подготовке собственных научных и инженерно-технических кадров, эффективно их использованию. Особенно необходимо уделять внимание подготовке и воспитанию технически грамотных администраторов — руководителей предприятий, так как они являются организаторами новых производительных сил. Привлечение и воспитание таких руководителей является важным условием будущего экономического развития всех провинций, городов центрального подчинения, автономных районов.

Руководящие товарищи различных уровней должны тщательно и усердно приобретать научно-технические знания, вникать в научно-техническую ситуацию в своей отрасли, своем районе, становиться активными проводниками науки и техники. Только так можно добиться активной позиции в руководящей работе.

Товарищи! Под руководством ЦК партии, при совместных усилиях научных, инженерно-технических работников и хозяйственников наука и техника Китая непременно внесет еще больший вклад в реализацию грандиозных стратегических целей, выдвинутых XIII съездом партии!

Перевод Т. В. КАРЫМОВА

Некоторые теоретические вопросы общественных реформ в Китае

*СИН БЭНЬСИ,
директор Института философии АОН
Китая*

— 1 —

В настоящее время в Китайской Народной Республике проходит всесторонняя общественная реформа, которая находит свое концентрированное выражение в экономической структурной реформе. Такая реформа порождена потребностями развития производительных сил и строительства социализма в нашей стране. Она характеризуется исторической необходимостью и необратимостью.

Мы идем по пути социализма около 40 лет. На этом пути мы добились замечательных достижений и допустили серьезные просчеты. Бросая ретроспективный взгляд на историю этих лет, мы можем сделать следующее заключение: когда мы правильно понимали ситуацию в Китае и исходили в строительстве социализма из конкретных условий Китая, мы добивались успеха; когда мы игнорировали конкретную ситуацию в Китае, то совершали разного рода субъективистские ошибки и терпели неудачи.

После победы революции в 1949 г. мы столкнулись с проблемами, которые проистекали из задач строительства социализма в стране с огромным наследием, слабой исходной базой, отсталыми экономикой, наукой и техникой. В таких условиях мы должны были сконцентрировать свои усилия ради того, чтобы, завершив первоначальные политические мероприятия по созданию Республики, поднять уровень производительных сил и модернизировать промышленное и сельскохозяйственное производство, развить науку и технику, постепенно создать более высокую, чем при капитализме, производительность труда и заложить таким образом материально-техническую базу будущего развития социализма в Китае. В то же время мы должны были найти путь социалистического строительства, соответствующий китайским условиям, применить в строительстве социализма свой собственный уникальный опыт. К сожалению, мы допустили ошибки как в теории, так и на практике по обоим этим направлениям. Первый тип ошибок, или просчетов, состоял в том, что долгое время мы поступали неправильно, одобряя политический курс «ставить классовую борьбу во главу угла». Под влиянием этой руководящей линии, вместо того, чтобы концентрировать усилия на развитии производительных сил и ускорении строительства экономики социализма, руководящие органы от Центрального Комитета до парткомов низовых организаций отдавали все силы развязыванию многочисленных массовых кампаний, которые не только поглощали их время и энергию, но и подавляли инициативу множества людей и невиданно обостряли противоречия внутри народа. В течение этого периода мы вносили в политический курс некоторые поправки. Они, однако, не давали существенных результатов. Более того, эти ошибки привели нас к сильнейшему потрясению — «Великой культурной революции».

* Статья написана специально для журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Второй тип ошибок, или просчетов, состоял в следующем: в 50-е гг. мы перенесли советский опыт с его приоритетом развития промышленности, особенно тяжелой, не уделяя должного внимания развитию сельского хозяйства и легкой промышленности. Хотя в теории мы признавали развитие социалистической экономики на плановой и пропорциональной основе, на практике равновесие между промышленностью и сельским хозяйством, между легкой и тяжелой промышленностью было серьезно нарушено. Позже мы осознали свои ошибки в мышлении и переставили приоритеты в такой последовательности: сельское хозяйство, легкая промышленность и лишь затем — тяжелая промышленность. Однако мы не смогли полностью изменить прежнюю экономическую стратегию, не подходившую к конкретным условиям Китая, поскольку даже плохое в старой практике умирает с трудом. А мы не смогли полностью осознать, что натуральная экономика играла в Китае преобладающую роль очень долго. В социалистической стране, где товарная экономика развита слабо, действительно необходимо исследовать роль товара и денег и использовать их для организации общественного производства. А мы долго и разными способами ограничивали товарно-денежные отношения, роль рынка, самостоятельность предприятий, что вело к созданию жесткой экономической системы, осуществлявшей чрезмерный контроль, который делал вялой нашу экономику, препятствовал ее ускорению.

Разрушительная «культурная революция» стала делом прошлого. Вспоминая этот болезненный опыт, мы проделали серьезный самоанализ. Один из позитивных аспектов этого самоанализа выразился в принятии тезиса «практика — единственный критерий истины», что явилось возвращением к принципам марксистской теории познания. Из этого философского положения следует, что все, что мы делаем, определяется конкретными условиями, и мы должны быть мужественны и отбросить неверные теории, линию и политику. Сознавая это, 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва указал, что если мы хотим увидеть победу социализма в Китае, то должны ни на мгновение не упускать из виду задачу развития производительных сил, а потому надо решительно отбросить ошибочную политику «ставить классовую борьбу во главу угла» и перенести центр тяжести нашей работы на задачу хозяйственного строительства. Это и было фактическим началом реформы в Китае. Мы достигли этого понимания ценой многих просчетов и неоднократных провалов. Тем самым мы окончательно убедились, что для построения социализма в экономически отсталой стране, подобной Китаю, действительно необходимо отдать приоритет работе по хозяйственному строительству. Это — объективный закон, который не может быть отменен человеческой волей. А тот, кто нарушит этот закон, будет наказан им.

Точное определение центра тяжести нашей работы дает лишь возможность развития экономики, но еще не означает ее действительности. Для того, чтобы решить проблемы нашего экономического развития и добиться экономического подъема, мы должны обобщить наш опыт хозяйственной деятельности за последние десятилетия в соответствии с духом положения «практика — единственный критерий истины» и действовать, исходя из конкретных условий Китая, решительно отбросив жесткую систему чрезмерного контроля и единообразия, систему самоизоляции, систему «закрытых дверей» и отсутствия контактов с внешним миром. Таковы корни политики стимулирования внутренней экономики и открытия ее для внешнего мира, таковы корни экономической структурной реформы в Китае.

Поэтому мы можем сказать, что перенесение центра тяжести нашей работы на экономическую структурную реформу и последовавшие за ней другие социальные реформы есть результат настоятельного требования практики. Практика научила нас, что для строительства социализма недостаточно благих намерений. Мы должны найти конкретный путь строительства социализма, социалистический по характеру и применимый к конкретным условиям Китая. Динамичным и перспективным может быть только этот путь.

Общественная реформа в Китае имеет своим стержнем экономическую структурную реформу. Что же тогда ставится во главу угла экономической структурной реформы? Наше осознание этой проблемы прошло сложную эволюцию. Эта проблема

включает и теоретический вопрос: является ли существование и развитие товарной экономики в социалистическом обществе объективным законом? Как известно, Маркс отрицал товарное производство и товарный обмен при социализме (так в тексте. — Ред.), поскольку, по его представлениям, социалистическая революция должна была победить одновременно в нескольких наиболее развитых капиталистических странах. Поэтому он предсказывал, что после победы революции в этих странах станет возможным установление общественной собственности на средства производства всего общества, а товарный обмен между этими странами станет обменом между общими собственниками. В этом смысле такой обмен отличается от товарного обмена между отдельными собственниками в капиталистических обществах. Товарный обмен в его обычном смысле кажется неосуществимым. Однако историческое развитие поправило предсказание Маркса: социалистическая революция произошла не одновременно в нескольких странах, а поочередно. Более того, эти страны не были высокоразвитыми капиталистическими государствами, напротив, они были весьма отсталыми, с низким уровнем экономического развития. После победы революции в этих странах оказалось невозможным немедленно установить общественную собственность на средства производства в масштабе всего общества. В одно и то же время там сосуществуют различные формы собственности — государственная, коллективная и пр. А кое-где существует также индивидуальная форма собственности. В таких условиях невозможно наладить прямой продуктообмен в обществе, а возможен лишь обмен товарами (я имею здесь в виду внутреннюю ситуацию социалистической страны). Что же касается обмена социалистических с прочими странами, то он может вестись только через внешнюю торговлю. Поэтому в настоящее время товарное производство и товарный обмен, другими словами, существование товарно-денежных отношений, являются общим объективным законом в социалистическом обществе. Китай является страной с отсталой экономикой, натуральное хозяйство в ней преобладает, а товарное развито слабо. Поэтому нам особенно важно создать необходимые условия для полного развития товарного хозяйства. Ретроспективно рассматривая просчеты, допущенные нами в экономической сфере, мы можем заключить, что единственная причина длительного существования жесткой экономической системы состояла в том, что мы недостаточно осознали неизбежность и необходимость развития товарной экономики при социализме. Вследствие этого наш политический курс и практические действия не соответствовали объективному закону. Теперь мы проводим экономическую реформу, в соответствии с которой должно быть осуществлено множество перемен, основное же, что должно быть поставлено во главу угла, состоит в том, что экономическая структурная реформа в Китае должна соотноситься с развитием товарной экономики при социализме.

Говоря о значении товарной экономики в жизни нашей страны на современном этапе и о природе товарного хозяйства в Китае, Чжао Цзыян подчеркнул: «Полное развитие товарного хозяйства — неминуемый этап экономического развития общества. На исторической стадии социализма, особенно в такой экономически неразвитой социалистической стране, как наша, необходимо всемерно развивать товарное хозяйство с тем, чтобы реализовать высокий уровень обобществления (социализации) и модернизации производства, быстро развить общественные производительные силы и неуклонно улучшать материальную и культурную жизнь народа. Это объективный закон, он требует, чтобы жесткая экономическая система прошлого с ее чрезмерным контролем и единообразием была реформирована, а основная направленность реформы должна соответствовать требованию развития товарного хозяйства. Несомненно, товарное хозяйство, которое нам предстоит развить, является, если говорить о нем в целом, социалистическим товарным хозяйством. Такое товарное хозяйство основывается на общественной форме собственности, оно осуществляет принцип «каждому по труду» и функционирует при наличии плана и контроля». Чжао Цзыян подчеркнул, что в решении, принятом 3-м пленумом ЦК КПК 12-го созыва по экономической структурной реформе, указывается, что социалистическая экономика является плановой товарной экономикой, основанной на общественной собственности. Это научное положение, следующее из практического опыта строительства социализма у нас в стране и за рубежом, является развитием марксистской экономической теории, оно поднимает на новую высоту понимание народом научного социализма и имеет далеко идущее историческое значение в деле социалистической модерни-

зации (Доклад тов. Чжао Цзыяна о седьмом пятилетнем плане на четвертой сессии ВСНП 6-го созыва).

Экономическая структурная реформа последних нескольких лет в Китае шла путем развития товарного хозяйства. Великий прорыв реформа обеспечила в аграрном секторе. Получила всеобщее признание система дворового подряда. В развитии подрядной системы было несколько этапов. На первом каждый сельский двор представлял собой мелкую и замкнутую хозяйственную единицу, привязанную к своему земельному участку. На этом этапе натуральное хозяйство все еще преобладало. Благодаря развитию подрядной системы инициатива народа была развязана, высвободилась рабочая сила, вследствие чего крестьяне стали искать ей применение. Некоторые из них специализировались в рыбном промысле, в неосновном сельскохозяйственном производстве, охоте, ремеслах и создании совместных предприятий подсобных промыслов. Живущие вблизи городов и рынков стали вовлекаться в развитие торговли и обслуживания. Таким образом численность специализированных дворов и совместных предприятий постепенно росла, а подсобные промыслы, сельское хозяйство и промышленность стали дифференцироваться.

С развитием производства разделение труда стало происходить и внутри специализированных дворов. Например, вследствие различий в трудовых и технических навыках, специализированные дворы стали вовлекаться в различные виды производства — выращивание зерна, табака, семян рапса или хлопка. Важная причина того, почему сельское хозяйство Китая находилось на низком уровне, состояла в том, что крестьяне были привязаны к крайне мелким земельным участкам и вели незначительное производство, направленное лишь на самообеспечение. После того, как была задействована подрядная система, «унитарная» форма производства была отвергнута, а товарное производство быстро возросло, что привело к беспрецедентному оживлению сельских рынков.

Экономическая структурная реформа добилась в последние годы крупных успехов. Мы выделим в этой связи три ее важных звена. Первое заключается в том, чтобы дать жизнь макроэкономике и стимулировать ее, то есть оживить все предприятия, особенно принадлежащие государству крупные и средние предприятия, путем сокращения директивного планирования в соответствующем виде, регулирования налогообложения, введения системы ответственности директоров и других типов экономической ответственности, путем реформы системы заработной платы, выплаты премий и организации труда на предприятиях. Таким образом право принятия решений в производстве и управлении предприятиями должно быть расширено, а предприятия постепенно станут относительно независимыми экономическими единицами, производителями и распорядителями социалистической товарной продукции с автономным правом управления и ответственностью за свои собственные прибыли и убытки. Второе звено образуется расширением социалистического товарного рынка, завершением формирования рыночной системы, сокращением типов и количества фондируемой продукции в унифицированной государственной распределительной системе, активной поддержкой трансрегионального и трансиндустриального товарообмена, усилением горизонтальных экономических связей, постепенным увеличением потребительского рынка и открытием рынка средств производства.

И в прошлом потребительские товары в Китае в основном использовались для рыночного обмена. Однако в обстановке, когда рыночный спрос на некоторые важные потребительские товары не удовлетворялся, обычно практиковали распределение по плану. А для того, чтобы стабилизировать цены на некоторые важные потребительские товары, удерживались низкие цены, что приводило к незаинтересованности предприятий в их производстве и соответственно к их неспособности удовлетворить спрос.

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва мы начали постепенно открывать рынки по купле и продаже сельскохозяйственных продуктов. С 1985 г. мы отменили контроль над ценами на неосновные продукты. Производство быстро развивалось, насыщение рынков становилось обильным. Что касается средств производства, то в прошлом мы практиковали плановое распределение, а не рыночный обмен. На протяжении 70-х гг. все еще практиковалось распределение государством средств производства путем проведения в год двух распорядительных конференций, на которых продавец и покупатель подписывали контракты, а рынок по обмену средствами произ-

водства не существовал. Возьмем к примеру распределение продукции сталелитейной промышленности, имеющей широкий спектр типов и спецификаций. Такой (государственный) метод явно не мог урегулировать спрос и предложение, в результате создавалась ситуация нехватки продукции сталелитейной промышленности, крайне необходимой для производства, в то время как на складах без применения накапливались горы этой продукции. Для того, чтобы разрешить проблему снабжения средствами производства, мы позволили (начиная с 80-х гг.) производителю и потребителю договариваться о ценах помимо плана распределения. Это означает, что мы разрешили обмен части средств производства через рынок. Однако рынок средств производства не был полностью развернут. План распределения материальных ресурсов часто сталкивался с ножницами закупочных и сбытовых цен вследствие дефицита в снабжении и спекулятивной перепродажи, которая приводила к искусственному взвинчиванию цен. Поэтому, сохраняя централизованный контроль над масштабом капитального строительства ради равновесия спроса и предложения на средства производства, мы должны были учредить на перспективу рынки обмена средствами производства и постепенно перейти от планового распределения к рыночному.

Многолетней практикой доказано, что продукция, как потребительская, так и производственная, должна продаваться и что для этого должна быть использована рыночная регуляция под контролем плана. Помимо рынков средств производства мы должны также постепенно открыть и установить рынки капитала и технических знаний и обеспечить рациональное перемещение рабочей силы.

Третье звено представляет собой замену прямого контроля государства над предприятием контролем косвенным, непрямым. Для того, чтобы эта задача приняла конкретные формы, мы должны постепенно осуществить различные экономические и законодательные меры, а также необходимые меры административного характера по контролю и регулированию экономической деятельности. Государственное планирование представляет собой важнейшую часть управления и контроля в макроэкономическом масштабе. В последние годы мы не щадя сил добивались перемещения центра тяжести плановой работы на использование таких экономических факторов, как цена, налог, кредит, процент, уровень учетной ставки и зарплаты, наряду с всеобъемлющим управлением и регулированием в макроэкономике.

Поскольку мы нашли правильный путь проведения реформы и последовательно направляем ее в сторону развития товарного хозяйства, мы уже достигли или достигаем важных результатов в деле экономической реформы.

— 3 —

В процессе проведения реформы в Китае устранение старой системы и формирование новой представляют собой поэтапный процесс, требующий времени. В ходе этого процесса обе системы сосуществуют и взаимодействуют. Элементы новой системы в экономической деятельности растут день за днем, но не могут сразу заменить целиком старую систему, значительная часть которой все еще существует и будет функционировать в течение определенного времени. Это предопределяет неизбежное возникновение сложной ситуации со своими проблемами и противоречиями. Среди последних особо трудным и важным является вопрос о том, что можно предпринять для урегулирования противоречия между макроконтролем и микростимулами в экономике; эта проблема имеет решающее значение для успеха.

При традиционной системе планирование и маркетинг взаимоисключают друг друга. Директивные планы заменяют информацию о рынке волевыми решениями по распределению ресурсов, регулированию спроса и предложения и координации сотрудничества. Поэтому макро- и микроэкономики находятся в состоянии абсолютного единства, и ни одна из них не обладает механизмом сколь-нибудь независимого действия. Макроэкономика достигает равновесия непосредственно через микроэкономику, в то время как микроэкономика имеет прямой выход через макробаланс. Только тогда, когда каждая микроэкономическая ситуация твердо зафиксирована в директивных планах центрального правительства, для макроэкономики становится возможным достичь баланса. В ограниченных размерах централизованное планирование может уподобляться рыночному механизму, поскольку оно старательно пытается распределить, рационально и пропорционально, общественно необходимый труд по различным секторам производства. Однако во многих случаях централизованное пла-

пирование не может полностью уподобиться рыночному механизму, поскольку оно не способно собрать и использовать всю экономическую информацию.

По мере развития социалистического строительства в Китае традиционная плановая система терпела неудачу в удовлетворении потребностей развития. Ранее открыто не проявлявшиеся противоречия стали интенсивно возрастать, что дало дополнительный толчок необходимости проведения реформ. Без сомнения, реформа придаст полный ход рыночному механизму, но это не означает ослабления или устранения роли плана. Напротив, реформа означает усиление роли плана, поскольку при традиционной системе уровень планирования день ото дня падал. Проблема, таким образом, состоит не в том, хотим мы планировать или нет, а в том, какой тип планирования мы должны иметь и как, собственно, планировать. В условиях товарной экономики планирование должно существовать на условиях признания рыночных отношений или, другими словами, эффективность планирования может быть достигнута только на основе установления рыночных отношений. Планирование не разрешит прямо проблему микробаланса, а рынок не приведет прямого воздействия на макробаланс. Рынок воздействует на макроцели плана путем изменения микроструктур, в то время как планирование играет свою роль в отношении микродеятельности рынка через регулирование макроотношений. Короче говоря, планирование и рынок, макро- и микродеятельность должны находиться в состоянии относительной независимости и органического единства.

Другой вопрос, касающийся микромеханизма, состоит в том, как задействовать в полной мере роль предприятия. Важнейшей характерной особенностью традиционной системы является высокий уровень централизации принятия решений. Вследствие этого одной из фундаментальных черт реформы является децентрализация управления, что выражается в предоставлении предприятиям и организациям самостоятельности в управлении производством, то есть «открытости» и «стимулированности», как могут быть обозначены признаки реформы. Однако когда экономическая единица приобретает свободу как товаропроизводитель, она не может пользоваться абсолютной свободой без всяких ограничений. Во-первых, чтобы гарантировать основной принцип товарной экономики, такой как ведение равноценного обмена, обеспечение свободной конкуренции и т. д., мы законодательно должны создать своего рода кодекс поведения, которому должны следовать и безусловно подчиняться все экономические единицы и отдельные лица. Во-вторых, поскольку любая экономическая деятельность одной экономической единицы связана с деятельностью других подобных единиц, ее свобода — это свобода, признанная другими, в противном случае о свободе говорить не приходится. В-третьих, что касается отдельного индивидуума, то товарно-денежные отношения обеспечивают ему большую свободу, чем традиционная система. Однако товарно-денежные отношения сами по себе — серьезное ограничение человеческой свободы. Суть проблемы состоит в том, что товарная экономика — это необходимая стадия в развитии истории, при которой реальные права людей ограничены определенными рамками. В течение определенного времени многие, в том числе руководители некоторых предприятий, полагали, что микростимулирование экономики означает только децентрализацию управления предприятием, сокращение налогов, неизъятие доходов. Они не смогли осознать, что при такой «стимулирующей» ситуации ответственность предприятий даже выше, чем прежде. При новой экономической системе существование и развитие предприятия, улучшение уровня жизни рабочих и руководителей в решающей степени зависят от уровня управления предприятием, что накладывает на него и его руководство большую ответственность. Поэтому принцип «стимулированности» добавляет предприятию не только энергии, но хлопот и ответственности. «Стимулированность» не только не лишает предприятие права принятия решений на макроуровне, но и дает ему возможность лучше осознать, как это делается.

Экономическая структурная реформа выразится в «притирке» различных интересов и в изменении человеческого поведения, что вызовет отдачу в экономической и социальной сферах жизни народа. Не будет отдачи, не будет и реформы. Однако, если краткосрочные последствия этой отдачи во многих сферах будут слишком жесткими, это помешает реализации реформы. Реформа подрывает стабильность, но она нуждается в стабильности, вот где скрыто противоречие. Условие его разрешения состоит в анализе тех последствий, которые вызовет реформа. Один тип последствий неизбежен при реформе, он состоит в осуществлении практики распределения

по труду, поощрению усердных и наказании ленивых, вдохновлении соревновательности, повышении эффективности; привычка «питаться из одного котла» и «иметь свою чашку риса»* должна быть искоренена. Все это действительно изменит обычные производственные отношения, методы и способы распределения. Без такой отдачи реформа не преуспеет. Необходимо исследовать, какие методы нужны для получения необходимой отдачи в течение определенного времени, какова должна быть степень контроля, чтобы избежать хаоса. Другой тип последствий не вызывается реформой. Такие последствия, возможно, возникнут в связи с ошибками, которые мы допустим в ходе реформы, что может привести к хаосу в макроэкономике, нарушению сложившегося общественного порядка, и тогда реформа не только не будет вести к прогрессу, но и вызовет известный регресс.

Для того, чтобы предотвратить ситуацию хаоса в макроэкономике, мы должны выполнить ряд условий. В настоящее время два вопроса в особенности привлекают наше внимание: первый — это угроза хаотической ситуации в макроэкономике, которая может быть вызвана растущим спросом на капиталовложения, второй — это угроза того же характера, которая может быть вызвана растущим спросом на потребительские товары.

В последние годы наше правительство неоднократно призывало местные органы власти и различные министерства сократить капитальное строительство и вложения в него. Хотя мы добились некоторых успехов, мы все еще не можем потушить «костер инвестиций» по всей стране. Так, с января по сентябрь 1986 г. прирост промышленной продукции составил 6,4 %, в то время как инвестиции возросли на 18,8 %, что означает, что капиталовложения росли втрое быстрее, чем промышленное производство. В том же году государственные капиталовложения возросли на 16,5 % по сравнению с 1985 г. В настоящее время в стране существует 160 тыс. проектов капитального строительства, что потребует 595 млрд. юаней капиталовложений. В эту сумму не включен уже затраченный капитал, что потребует от государства вложить еще 590 млрд. юаней. Все это составляет примерно 60 % всех капиталовложений по седьмому пятилетнему плану. Некоторые органы местной власти и предприятия пустились в слепое инвестирование или слепо расширяют новое капитальное строительство, поскольку имеют средства в своем распоряжении. По статистике, в 1986 г. размер самовольных капиталовложений местных правительств и предприятий был в три раза выше намеченного государственным планом, что вызвало резкое снижение доли государственных доходов — с 26,9 % в 1976 г. до 5 % в 1985 г. в валовом национальном доходе. Поскольку мы хотим развить экономику и увеличить производство, необходимо, конечно, вести капитальное строительство и соответственно увеличивать размер капиталовложений. Однако мы должны постоянно иметь в виду и возможности государства.

Тем не менее мы должны изменить представление о том, что расширение производства обязательно должно быть «количественным», то есть единственным путем расширения производства является расширение утвержденного объема капиталовложений, продолжение линии на капитальное строительство, закупку нового оборудования и увеличение управленческого персонала. В соответствии с традицией нашего экономического строительства мы в свое время приняли «количественный» метод увеличения производства. Вследствие этого данное представление глубоко укоренилось в мышлении народа, и потребуются немало сил и времени для изменения этого представления и для внедрения представления о том, насколько «выгодно» увеличение производства. Если мы будем слепо увеличивать масштабы капитального строительства и капиталовложений, то будем не в состоянии пресечь ту тенденцию, которая приведет к драматическим нехваткам средств, сырья, оборудования и энергии, затормозит всестороннее развитие экономики и станет деструктивной для макроэкономике.

Экономисты называют феномен растущего спроса на капиталовложения «голодным синдромом инвестиций», а феномен растущего спроса на предметы потребления — «голодным синдромом потребления». Если пресечь первый синдром трудно, то второй — еще труднее. Это происходит потому, что увеличение потребления прямо связано с жизненными интересами каждого члена общества. В прошлом наша экономика развивалась очень медленно, и уровень жизни народа в течение длительного времени оставался низким. Поэтому, когда экономическая ситуация в стране стала

* Имеется в виду уравнительное распределение (прим. перев.).

улучшаться, а производство увеличиваться, желание масс повысить свой жизненный уровень и увеличить потребление стало крайне настоятельным. Кроме того, по мере развития связей нашей страны с внешним миром уровень потребления и стиль жизни развитых стран произвели сильное воздействие на наш народ через фильмы, телевидение, рекламу и другие средства массовой информации, что усилило и без того настоятельное требование повышения уровня жизни. Настроения масс в пользу увеличения потребления произвели прямое воздействие на руководство предприятий. Эти настроения стали средством огромного давления на правительство, толкая предприятия, местные правительства и даже Центральное правительство на путь краткосрочных экономических решений, что было бы отклонением в осуществлении управленческих функций, вызванным прямым давлением на предприятия, органы власти и другими обстоятельствами. Этот вид краткосрочной экономической политики не отвечает задаче достижения долговременных целей. Если руководство будет подчиняться чувствам масс, сознательно или несознательно изберет путь быстрого повышения уровня потребления в качестве «цели» или критерия успеха либо неудачи реформы, оно вызовет противоречия между средством и целью, между кратко- и долгосрочными задачами реформы и уклонится таким образом от наших целей. Развитие предприятий будет заторможено, всеобщее принятие решений будет парализовано, что приведет в конце концов к дезорганизации в масштабах макроэкономики. Примеры некоторых социалистических стран в этом отношении привлекли наше внимание. Наше правительство подходит с трезвых позиций к проблеме улучшения потребления параллельно с увеличением производства. Однако временами некоторые члены общества и даже экономисты делают чрезмерный упор на достижение высокого уровня потребления, вызывая хаос. Для того, чтобы удовлетворить потребительские запросы, некоторые предприятия неразборчиво увеличивают зарплату администрации и выплачивают премии, не соответствующие возможностям своего предприятия, в то время как средства, потраченные на премии и повышение зарплаты, должны быть направлены на воспроизводство и техническое перевооружение. Это типичный пример превращения производственного фонда в фонд потребления. Ныне мы частично разрешили эту проблему, но не можем исключить возможности ее возникновения вновь. Этому вопросу мы должны уделять постоянное внимание.

Мы уже добились значительных успехов в деле экономической реформы, однако столкнулись также с многими противоречиями и трудностями. Прогресс реформы достигается в процессе преодоления этих противоречий и трудностей.

— 4 —

Экономическая жизнь не изолирована, она всегда связана с политической и другими сторонами общественной жизни. Реформа в экономике необходимо требует реформ в других сферах, в то время как последние углубляют реформу экономическую. Товарищ Дэн Сяопин подчеркивал в этой связи: «Политическая структурная реформа и экономическая структурная реформа должны быть взаимосвязанными и взаимодополняющими. Без политической структурной реформы экономическая структурная реформа далеко не продвинется».

В последние годы мы изыскивали средства и пути укрепления демократии и законодательной системы и внедряли их в практику параллельно с экономической реформой. Кроме того, мы ликвидировали де-факто практику пожизненного занятия постов, реформировали структуру руководства партии и государства, разделили ответственности партии и правительства. Все это и является действительной реформой в политической сфере. В настоящее время, по мере углубления экономической структурной реформы, на повестку дня ставится политическая структурная реформа.

Сущность и основная направленность политической структурной реформы состоит в том, чтобы дальше развивать социалистическую демократию, упрочить систему социалистической законности на базе четырех основных принципов. Следующий важный шаг в деле политической структурной реформы состоит в упрочении политики демократизации. Чтобы гарантировать ее проведение, мы должны прежде всего теоретически разрешить проблему статуса и роли социалистической демократии в социалистическом строительстве. Важность развития социалистической демократии при реализации политической структурной реформы определяется природой социализма. В прошлом мы

исходили из неверной концепции демократии. Демократия рассматривалась как средство, а не как результат наших устремлений. На деле же демократия — это и средство, и результат наших устремлений. Мы не можем отделить социализм от демократии, поскольку, с одной стороны, социализм основан на социализации (обобществлении) производства, он воспринимает все производительные силы и экономические единицы, которые управляли общественным производством при капитализме, а с другой стороны, социализм заставляет их служить интересам всего общества и всего народа, а не меньшинства. Как мы смогли реализовать этот переход? Главное состоит в том, чтобы осуществить высокий уровень социалистической демократии, снабдить ее сетью систематических и строгих правил и обеспечить ее правовой защитой со стороны политической власти рабочего класса. Только на этом пути сможем мы гарантировать правильное развитие социалистического курса в нужном направлении, отвечающем воле, интересам и нуждам народа.

На ранней стадии становления социализма острая классовая борьба все еще существует. Политическая власть рабочего класса должна направлять функции подавления на многие стороны жизни общества. Пройдя этап широкой классовой борьбы и осуществив развитие социализма по пути увеличения производства и ускорения хозяйственного строительства, мы приходим к исторической необходимости того, чтобы политическая власть рабочего класса изменила свои цели в сторону достижения высокого уровня социалистической демократии. Курс социалистического строительства — это курс всего народа. Только восприняв дух социалистической демократии, мы будем в состоянии укрепить в народе понимание своей ответственности и осознание себя хозяином в своих собственных делах, полностью развить его инициативу и самобытность. Между прочим, только в условиях демократии можно дать простор развитию народных талантов.

В настоящее время особо важно то, что мы полностью поняли связь между социалистической демократией и социалистической товарной экономикой. Наша экономика ныне — это планово-товарная экономика, основанная на общественной собственности на средства производства. Этот тип экономики требует, чтобы производители были независимы и самостоятельны, равны при обмене и свободны в торговле, свободны в конкуренции и равны по возможностям, чтобы они имели горизонтальные связи и т. д., то есть социалистическая товарная экономика нуждается в гарантии социалистической демократии, равенства, политических свобод. Без защиты социалистической демократии в политической, культурной и других сферах социалистическая товарная экономика будет ограничена и заторможена бюрократией, сверхконцентрацией власти и прочими негативными факторами, ей будет трудно развиваться, это отрицательно скажется на реформе и социалистическом строительстве в целом. Социалистическая товарная экономика создала необходимые условия для функционирования социалистической демократии, в то же время социалистическая товарная экономика зависит от социалистической демократии, чтобы укрепить и развить самое себя.

Итак, поскольку мы следуем линии на развитие социалистической демократии и укрепление системы социалистической законности для проведения политической структурной реформы, она будет воплощаться в жизнь настолько же успешно, насколько успешно реализуется экономическая структурная реформа, независимо от того, какие трудности мы встретим на пути прогресса. Получив импульс в результате экономической и политической реформ, общественная реформа в целом получит дальнейшее развитие.

Перевод П. Ю. МАСЛОВА

Основа нашей концепции*

ЧЖЭН БИЦЗЯНЬ

I

Важный вклад XIII съезда КПК в идеологической, теоретической и политической областях состоит в том, что он, исходя из национальных условий Китая, глубоко обосновал положение о том, что наша страна находится на начальном этапе социализма. Съезд подчеркнул первостепенную важность этого положения для строительства социализма с китайской спецификой, его роль коренной предпосылки в выработке и проведении правильной линии и правильных установок.

После Октябрьской революции В. И. Ленин очень правильно отмечал: «Прошли, я уверен, безвозвратно прошли те времена, когда спорили о социалистических программах по книжкам. Ныне о социализме можно говорить только по опыту»¹.

По какому опыту? С нашей точки зрения, самый коренной опыт постигается из учета национальных условий, из соединения основных положений марксизма с действительностью своей страны.

Иные товарищи могут, пожалуй, спросить: «Упорно работали несколько десятков лет, а в результате все еще «начальный этап»? «Конечно, все мы хотели бы еще более быстрого продвижения страны вперед. А, может, лучше всего было бы одним махом покончить с отсталостью и сразу перенестись в идеальный мир? Однако вопрос о том, на каком историческом этапе находится наше общество сегодня, — это вопрос не субъективных пожеланий, а объективной действительности.

Мы не должны бояться реалистического подхода, твердо стоять на почве фактов, заново познавать социализм, трезво и честно видеть национальные условия своей страны.

II

Никто и никогда, конечно, не выступал открыто против того, чтобы знать и учитывать национальные условия страны. Но всегда ли имеют в виду действительные национальные особенности или же произвольно навязывают субъективные, надуманные заключения о них? Всегда ли эти заключения отражают всю сумму основных факторов, а не односторонние, поверхностные представления? Всегда ли они охватывают все процессы всесторонние, а не выделяют единовременные, случайные и вовсе не обязательные события и явления? Это далеко не одно и то же, и это различие в подходе решает все.

Кратко остановимся на том, как анализируются национальные условия страны в докладе XIII съезду партии.

Первое — с точки зрения исторической предпосылки. Начальный этап социализма, о котором мы говорим, — это не первоначальный этап вообще, который переживает любая страна, вступив на путь социализма. Это тот особый период у нас в Китае, который мы должны неизбежно пройти, строя социализм в условиях отсталости производительных сил и неразвитости товарного хозяйства в прежде полуколониальном, полуфеодальном обществе.

Второе — с точки зрения реального положения. В нашей стране уже утвердился социалистический строй, в деле социалистической революции и социалистического строительства за 38 лет достигнуты большие успехи. Однако в целом не было и не могло быть коренным образом изменено состояние экономической и культурной отсталости и серьезной неравномерности развития.

* «Жэньминь жибао», 23.XI.1987.

Третье — с учетом извилистого пути. Отсутствие готового опыта плюс целый ряд крупных левацких ошибок, которые были допущены в 20-летний период до 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва и в течение длительного времени не только не исправлялись, но и усугублялись, намного усложнили наши сегодняшние проблемы.

Четвертое — с учетом положения Китая в мире. Хотя в докладе XIII съезду об этом специально не говорится, однако фактически снова остро поставлен этот вопрос. Он очень важен по той причине, что критерии развитости или неразвитости не являются неизменными, а непрерывно прогрессируют, они существуют не сами по себе, изолированно, а могут быть выявлены только путем сопоставления уровней развития различных государств. Говоря сегодня о стратегических целях, об индустриализации, уровне развития товарности производства (коммерциализации), его обобществления (социализации) и модернизации, мы должны учитывать, что имеем дело не с капитализмом XVII, XVIII, XIX вв. или минувших лет XX в., а с капитализмом конца XX — первой половины XXI в. Поэтому мы никак не можем игнорировать общую перспективу, которую называют суровым вызовом.

Таковы действительно существующие реальности, такова вся сумма основных факторов, охватывающих все стороны и все процессы, и это не произвольные, субъективные, надуманные заключения, не односторонние, поверхностные или случайные представления.

В общем, вопрос сводится к следующему. Хотя наша отсталая, прежде полуколониальная, полуфеодалная страна и смогла вступить на путь социализма, минуя этап полного развития капитализма, однако, находясь на этом пути, она в течение довольно длительного времени будет по-прежнему оставаться более или менее отсталой в экономическом и культурном отношении.

Из всего этого следует, что наш социализм неизбежно должен пройти довольно длительный начальный этап.

III

Учитывать национальные условия страны означает прежде всего и главным образом исходить из фактического состояния производительных сил данной страны.

Общезвестно, что государства, вступившие на социалистический путь со времени Октябрьской революции 1917 г., в большинстве были экономически и культурно отсталыми или относительно отсталыми, они не прошли полного развития капитализма, которое имели в виду К. Маркс и Ф. Энгельс. Конечно, К. Маркс и Ф. Энгельс отнюдь не считали, что социалистическая революция может произойти только в капиталистически развитых странах, напротив, они неоднократно указывали на то, что отсталые страны при определенных условиях могут непосредственно вступить в социализм, минуя полное капиталистическое развитие. Однако К. Маркс и Ф. Энгельс видели такую возможность как в значительной мере особый, исключительный случай и непременно при условии, что социализм прежде победит в развитых капиталистических странах Западной Европы. Поэтому они не рассматривали вопрос о том, могут ли отсталые страны вступить в социализм раньше, чем страны, прошедшие полное капиталистическое развитие, и тем более никогда не употребляли такие формулировки, как «социалистическое строительство», «догнать развитые капиталистические страны». Со времен В. И. Ленина, за 70 лет после 1917 г. человеческое общество претерпело огромные изменения, однако непреложные исторические факты свидетельствуют, что страны, вступившие в социализм, в экономическом и культурном отношении часто по-прежнему отстают от развитых капиталистических стран. В этом кроется огромное противоречие, с которым сталкиваются почти все страны, идущие по пути социализма.

Первым обратил внимание на этот вопрос В. И. Ленин.

Незадолго до смерти, подвергая резкой критике мнения о том, что в России из-за ее отсталости не следовало совершать революцию, он писал следующее: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы?»².

Эта позиция В. И. Ленина является совершенно правильной. Вопрос состоит лишь в том, что с 1917 г. в практике строительства социализма сперва в одной, а потом во многих странах фактически недооценивалась длительность процесса развития производительных сил, а из этого следовало недостаточное понимание вопроса о длительности и поэтапности процесса развития социализма. Следствием были неизбежные зигзаги и просчеты.

В чем же в конечном счете кроются причины этой недооценки?

Здесь и проблема отсутствия опыта, и проблема помех и подрыва в результате действия таких временных факторов, как внешняя блокада и агрессивные войны, и, очевидно, проблема влияния личного фактора иных руководителей и т. п. Однако в конечном счете все сводится к проблеме учета национальных условий страны, прежде всего фактического состояния ее производительных сил, четкого понимания того, что нельзя перешагнуть в ходе строительства социализма в отсталой стране.

Возьмем для примера национальные условия нашей страны.

Когда мы говорим, что Китай может стать на путь социализма, минуя этап полного развития капитализма, то имеем в виду, что конкретные международные и внутренние исторические условия, в которых находится Китай в современную эпоху, соотношение классовых сил, многократные схватки в борьбе между различными классами и политическими силами на протяжении столетия — все это показало, что буржуазия и капиталистический эксплуататорский строй не могут занять у нас господствующее положение. Это — факт, но это одна сторона дела.

Когда мы говорим, что нельзя перешагнуть через начальный этап социализма в нашей стране, то опять же имеем в виду, что хотя наш пролетариат взял власть, хотя мы вступили в социализм, однако мы по-прежнему намного отстаем от развитых капиталистических стран по уровню производительных сил, по степени товарности, обобществления, модернизации производства. Это тоже факт, и это другая сторона дела.

Оба эти факта показывают нам, что каких бы блестящих побед китайский народ ни добивался в революционной классовой борьбе, включая новодемократическую и социалистическую революции, миновать сам процесс развития производительных сил никак нельзя. В условиях социализма на протяжении целого исторического этапа мы должны выполнить задачу индустриализации, развития товарности производства, его обобществления и модернизации, то есть такую задачу, которую выполнили другие страны в условиях капитализма. Если вести счѣт с 50-х гг., с завершения в основном социалистических преобразований частной собственности на средства производства, потребуется по меньшей мере сотня лет, меньшим сроком не обойтись.

Этот процесс нельзя миновать прежде всего потому, что «люди не могут свободно выбирать себе производительные силы» (К. Маркс). Каждое поколение наследует производительные силы, созданные предшествующими поколениями, и эти производительные силы становятся историческим базисом, позволяющим последующим поколениям продолжать движение вперед. В 50-е гг. товарищ Мао Цзэдун отмечал, что наши предки, начиная с конца Цинской династии, в том числе Чжан Чжидун и председатель Цзян (Чан Кайши. — А. Д.), оставили нам в наследство выплавку всего лишь 900 тыс. т стали и производство всего 80 тыс. станков в год.

Следующей причиной, не позволяющей миновать указанный процесс, является то, что производительные силы есть результат осуществления возможностей производственной практики и научного эксперимента людей, а создание и развитие факторов, составляющих эти возможности, может быть только нарастающим изо дня в день, только постепенным. Даже революция в производстве исчисляется по времени десятилетиями, она не может завершиться победой в такие относительно короткие сроки, как война или политическая борьба.

Третья причина состоит в том, что развитие товарности и обобществления производства есть обязательная ступень развития форм ведения общественного хозяйства, обязательное условие модернизации экономики нашей страны. Отождествление товарной экономики с капитализмом, представление о том, что если можно миновать этап полного развития капитализма, то можно миновать и этап полного развития товарной экономики, уже не раз приводили к серьезной путанице, и практика многократно подтвердила их полную ошибочность.

Четвертая причина невозможности миновать процесс развития товарной экономики заключается в том, что с тех пор, как человечество вступило в эпоху капитализма,

общемировые хозяйственные связи становились все более тесными, в результате чего сравнение уровней производительных сил происходит в международном масштабе, и чем выше уровень производительных сил страны, тем значительнее ее место на международной арене.

За 38 лет достигнут, несомненно, громадный прогресс в развитии наших производительных сил. Всего 7—8 лет назад мы входили в число «стран с низким доходом», а сейчас уже передвинулись в число «средних по уровню развития стран с доходом ниже среднего». По общему объему валового национального продукта Китай занимает 9-е место в мире. По выплавке стали, добыче угля и нефти, производству электроэнергии и некоторых важных видов сельскохозяйственной продукции мы находимся в числе первых в мире. Вместе с тем мы должны трезво отдавать себе отчет в том, что существует очень большой разрыв между нами и развитыми странами мира как по объему валового национального продукта, основной продукции промышленности и сельского хозяйства в расчете на душу населения, по числу едоков, которых может прокормить один занятый в сельском хозяйстве, так и по развитию инфраструктуры, уровню научно-технического прогресса, по степени обобщественности и товарности производства и по другим показателям.

Коснемся, например, проблемы индустриализации. Прежде считалось, что для завершения индустриализации достаточно довести долю промышленной продукции в валовой продукции промышленности и сельского хозяйства до 70 % и более. Однако, несмотря на то что ныне промышленная продукция у нас уже занимает 73,6 %, сельское население тем не менее по-прежнему составляет почти 80 % — намного выше, чем 44 % в среднем по странам мира, а тем более выше уровня развитых стран. Данный факт свидетельствует о том, что задача индустриализации в нашей стране отнюдь не завершена. Поэтому-то в докладе XIII съезду КПК вновь ставится вопрос об индустриализации, а также о «постепенном превращении [аграрной страны] в современную индустриальную страну с преобладанием несельскохозяйственного населения» в качестве исторической задачи начального этапа социализма.

Как указывал товарищ Дэн Сяопин, выдвигая в 1980 г. три основные задачи на 80-е гг., в целом необходимо набраться решимости вести длительную упорную борьбу, чтобы сократить и ликвидировать образовавшийся между нами и развитыми странами разрыв в два, три, по крайней мере более чем в одно столетие. Именно этот разрыв коренным образом определил основное противоречие, с которым мы сталкиваемся и которое требует довольно длительного процесса совершенствования и вызревания социалистической модернизации, социалистических производственных отношений и надстройки, определил то, что социализм в нашей стране может быть только социализмом начального этапа.

Одним словом, социализм начального этапа — это неразвитый социализм.

IV

Со времени создания КНР победы и поражения нашего дела, правильность или ошибочность линии, исход дискуссий в партии по ряду важных принципиальных вопросов — все это в конечном счете зависело от того, действительно ли мы исходили из национальных условий страны, прежде всего фактического состояния производительных сил общества.

Решение 2-го пленума ЦК КПК 7-го созыва, принятое накануне создания КНР, было здоровым и верным главным образом потому, что учитывало отсталость производительных сил общества. То, что в Китае «современная промышленность составляет примерно 10 %, а сельское хозяйство и кустарная промышленность примерно 90 %», было признано самой существенной чертой национальных условий страны, «основной исходной позицией во всех вопросах».

Исходя из этого, партия в начале строительства нового Китая основное острое направляла против империализма, феодализма и остатков их прихвостня — гоминьдановской реакции. Партия со всей ясностью указывала: «Новодемократический период — это такой период, когда допускается существование буржуазии и мелкой буржуазии». Благодаря тому, что этот курс соответствовал обстановке, была достигнута большая победа в быстром восстановлении национальной экономики. Это и позволило в 1953 г. приступить к крупномасштабному экономическому строительству. Наша партия еще со второй половины 1952 г. приступила к разработке генеральной линии на

переходный период, которая в 1953 г. была сформулирована как «линия на индустриализацию и осуществление трех преобразований». Предусматривалось за 10—15 лет в основном завершить социалистические преобразования. В 1954 г. эта генеральная линия была закреплена в Конституции, она привела народ к победе, достигнутой в течение 50-х гг., когда в основном были осуществлены социалистические преобразования частной собственности на средства производства. Недостатки и отклонения в решении этой задачи были вызваны главным образом поспешностью, недоработками в проведении кооперирования деревни и преобразования кустарной промышленности и частной торговли. Однако в целом это была поистине великая историческая победа.

Затем некоторое время до и после VIII съезда партии общий руководящий курс партии по-прежнему оставался здоровым. VIII съезд в своих решениях совершенно правильно определил, что основным противоречием нашего общества является противоречие между потребностями народа в быстром развитии экономики и культуры и неспособностью экономики и культуры того времени удовлетворять эти потребности. Намеченные съездом линия и политические установки в деле социалистического строительства также были правильными.

В то время товарищ Мао Цзэдун указывал:— Говорят, что мы уже вступили в социализм. Вступить-то вступили, но еще не завершили его строительство, не следует утверждать, что уже завершили.

На подготовительном совещании перед началом VIII съезда партии он очень остро ставил вопрос: если за несколько десятков лет производительные силы Китая не вырастут, то «на что это будет похоже? Тогда тебя придется лишить земного гражданства»³.

К сожалению, вскоре после VIII съезда принятая им формулировка об основном противоречии была снята и взамен выдвинута формулировка «противоречие между двумя классами, двумя линиями». В течение 20 лет начиная с 1957 г. одновременно с рядом важных достижений в социалистическом строительстве руководящий курс партии шаг за шагом отходил от линии VIII съезда.

Во-первых, это был «большой скачок» 1958 г. Намеревались всемерно развить производительные силы, а фактически лишь развернули всякие массовые движения и все большее обобществление собственности, полагая, что этого достаточно для подъема производительных сил, изменения облика «отсталости» и «чистого листа бумаги» и даже для того, чтобы перепрыгнуть через весь этап социализма и вступить в коммунизм.

Во-вторых, это были события после 10-го пленума ЦК КПК 8-го созыва (1962), вновь выдвинувшего тезис о «классовой борьбе». В то время уже отказались от «большого скачка», нарастал процесс упорядочения экономики и был сделан упор на длительность социализма. Вместе с тем для определения исторического этапа, на котором мы находились, была принята туманная формулировка «переходного периода от капитализма к коммунизму», носившая отпечаток «большого скачка». Была сохранена также ошибочная формулировка «противоречие между двумя классами, двумя линиями неизменно является основным противоречием».

Следствием этого явилось, с одной стороны, а) смешение тогдашнего этапа с переходным периодом, когда еще не завершено социалистическое преобразование частной собственности на средства производства, б) крайне преувеличенная и искаженная трактовка классовой борьбы (которая на деле существовала лишь в определенных рамках) и проведение установки «классовая борьба — главное звено». С другой стороны,— смешение тогдашнего этапа с высшей фазой коммунизма и соответственно выдвигание утопических идей, попытки путем перепрыгивания через этапы покончить с застоем социализма, с «буржуазным правом», сохраняющим принципы распределения по труду и эквивалентного обмена. Все это привело к 10-летней «культурной революции», когда «левый» уклон достиг своего апогея.

Две крупные ошибки проявились по-разному, однако их сущность одинакова. Во-первых, в обоих случаях фактическая отсталость производительных сил страны не признавалась как исходная позиция для рассмотрения всех вопросов. Во-вторых, в обоих случаях отсутствовало научное понимание социализма.

Иными словами, тогда действительно не смогли учесть национальные условия страны, действительно не смогли соединить основные положения марксизма с реальностями социалистической модернизации Китая, и — как следствие — не смогли определить правильную линию и политику.

V

Какое значение для нашего дела имеет понимание национальных условий, в которых находится страна, и начального этапа социализма, на котором мы находимся?

В марте 1987 г. товарищ Чжао Цзыян направил товарищу Дэн Сяопину письмо по поводу подготовки проекта доклада XIII съезду. В письме дано весьма ясное и четкое разъяснение этого вопроса. Он писал: «Очевидно, что, используя концепцию начального этапа социализма, мы сможем внести ясность в большой вопрос о необходимости избегать отклонений «влево» и «вправо» — обоих этих уклонов, а также в понимание характера и обоснованности нашей реформы. Если мы поступим таким образом, то это будет весьма полезно для достижения единства взглядов внутри и вне партии, а также для понимания за рубежом долгосрочной стабильности нашей политики». Смысл здесь выражен в словах «концепция», «внести ясность», «полезно».

Для понимания этого положения важен следующий абзац в начале второго раздела доклада XIII съезду, мысль, изложенная в нем, красной нитью проходит через весь раздел.

«Данное положение [Китай переживает начальный этап социализма.— А. Д.] имеет два смысла. Во-первых, наше общество уже социалистическое, и нам необходимо твердо держаться социализма, а не отходить от него. Во-вторых, социалистическое общество находится у нас пока на первом этапе развития, и нам нужно не перескакивать через него, а исходить из этой реальности. В конкретных исторических условиях Китая нового времени непризнание возможности вступления китайского народа на путь социализма, минуя период полного развития капитализма, есть механицизм в вопросах развития революции, главный гносеологический источник правоуклонистских ошибок, а признание возможности перешагнуть через начальный этап социализма без осуществления огромного развития производительных сил — утопизм в вопросах развития революции, главный гносеологический источник «лево»-уклонистских ошибок¹.

В этом абзаце выделим несколько важных моментов.

Первый — «имеет два смысла» — обозначает историческое место и основные признаки начального этапа социализма в нашей стране. Второй — «два уклона» — обозначает «левый» и правый уклоны в вопросе о путях развития китайской революции. Третий — «два гносеологических источника» — означает, что вопрос поднят на уровень мировоззрения и методологии, что в нем тесно увязаны между собой политические принципы и принципы познания.

Вопрос в конечном счете сводится к следующему: или революционная, творческая теория отражения — во всем исходить из объективной действительности китайского общества, или утопизм и механицизм, оторванные от объективной действительности Китая.

Исторический опыт убеждает нас: чтобы выработать и проводить правильную линию и политику, чтобы коренным образом, то есть в сознании людей, исключить разного рода помехи, идущие «слева» и справа, нужно твердо следовать творческой революционной теории отражения, которая во всем исходит из объективной действительности китайского общества, из правильного понимания начального этапа социализма, неразрываемого нашим обществом.

Исторический опыт показал нам, насколько велика разница между наличием такого подхода и его отсутствием. В период до 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, когда верх взяли левацкие ошибки, немало было примеров «борьбы против уклонов», «борьбы линий», «классовой борьбы», различных других ошибок, возникавших в результате полного отрыва от объективной действительности китайского общества, в результате оценки «обстановки» с позиций субъективного идеализма.

Когда речь заходит о двух уклонах, об их гносеологических источниках, вспоминается яньваньский период «упорядочения стиля» в первой половине 1941 г., когда товарищ Мао Цзэдун мудро разъяснил вопрос о «борьбе на двух фронтах» и вопрос о научном понимании характера китайского общества и китайской революции. Он говорил, что, с точки зрения марксистов, борьба на двух фронтах — это метод, который означает следующее. Сущность и внутренние связи предметов или явлений, движущихся во времени и пространстве, познаются и исследуются путем сравнения их фиксированного состояния с другими — в прошлом или в современности. К примеру, чтобы познать сущность нынешнего китайского общества, необходимо провести конкретный научный

анализ нынешнего состояния китайского общества. Только выяснив, что оно отличается от независимого феодального общества (борьба на одном фронте) и от независимого капиталистического общества (борьба на другом фронте), можно сделать обобщающее заключение, что китайское общество является полукOLONиальным (полунезависимым), полуфеодальным обществом. Таким же образом следует поступать и в познании характера китайской революции, говорил Мао Цзэдун. Это важное высказывание касается времен демократической революции, но с точки зрения теории познания и методологии является полезным для нас наставлением, отвечающим потребностям сегодняшнего дня.

Сегодня мы как раз и подвергаем сравнению данное состояние китайского общества с его развитием в прошлом и положение в современности, а отсюда определяем его сущность и свойственные ему внутренние связи.

Сегодня мы как раз и применяем упомянутый выше метод, чтобы путем конкретного исследования «двух смыслов» начального этапа социализма в Китае дать всестороннее научное заключение.

Сегодня мы как раз действительно вырабатываем и проводим линию, курс, установки и мероприятия в деле социалистической модернизации и всесторонней реформы, исходя во всем из сущности и внутренних связей начального этапа социализма в Китае.

Только так можно коренным образом, то есть начиная с сознания, гносеологически, предотвратить и преодолеть ошибочные «левый» и правый уклоны, непрерывно двигать вперед наше великое дело и расширять путь строительства социализма с китайской спецификой.

Вот почему мы говорим, что научный вывод о начальном этапе социализма в нашей стране является основой нашей концепции.

Перевод А. Д. ДЕНИСОВА

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 499.

² Там же, т. 45, с. 381.

³ См.: Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 5. Пекин, 1977, с. 378.

⁴ Документы XIII съезда КПК. Пекин, 1988, с. 9—10.

В процессе нового познания социализма*

ЮИ ГУАНЬЮАНЬ

Проводимая в нашей стране реформа — продукт исторического развития современного Китая и всего мира, объективная, не зависящая от воли людей историческая неизбежность. Эта перестройка наступила бы независимо от того, осознана ли ее неизбежность всеми или нет. Вместе с тем в конечном счете она является сознательным действием людей — кадровых работников и широких масс — под руководством коммунистической партии. Поэтому сознание, отражающее указанную историческую неизбежность, составляет идейную основу перестройки.

Эта идейная основа представляет собой новое познание социализма. Уже сама перестройка является критикой существующей экономической, политической системы социализма, выводом, полученным в итоге нового познания социализма и воплощенным в соответствующем образе действий. Новое познание социализма не только рождает решимость проводить реформу. Ее цели, пути и шаги зависят от того, каким будет результат нового познания социализма. Успех перестройки определяется не только объективными условиями, но в значительной степени тем, насколько правильным является новое познание социализма.

Процесс нового познания социализма неизбежно затрагивает многие теоретические положения философии, политэкономии, научного социализма. Реформа в Китае за истекшие 9 лет была процессом непрерывного углубления нового познания социализма, раскрытия и развития ряда марксистских научных теоретических положений в области философии, политэкономии, научного социализма, процессом дальнейшего торжества этих положений.

Новое познание социализма имеет определенное содержание и определенные рамки. По содержанию оно означает дальнейшее углубление познания социализма на основе предшествующего правильного его познания. В этом процессе мы должны раскрыть и развить правильные положения о социализме, выяснить некоторые упрощенные взгляды, исправить некоторые ошибочные положения и отметить различные искажения и извращения. Мы должны изучать выдвигаемые в процессе развития социализма новые проблемы, формировать новые положения, чтобы познание социализма шло в ногу со временем, мы должны тесно соединять науку о социализме с реальностью социалистического строительства в Китае. Новое познание социализма наполнено исключительно богатым содержанием.

Я против того, чтобы под предлогом «нового познания социализма» ставить под сомнение научные положения, которые четко изложены в марксистских трудах и истинность которых давно подтверждена практикой. Мы должны, безусловно, оберегать эти истины, не допускать, чтобы им наносился ущерб. Сомнения в отношении названных истин и новое познание социализма — вещи абсолютно несовместимые. Тем не менее, как я полагаю, мы не должны бояться, если кто-то будет ставить их под сомнение и заявлять об этом вслух. Если обнаруживаются такие мысли, значит, нам следует с еще большей энергией и целенаправленностью вести работу в области теории.

Вместе с тем я отнюдь не считаю, что можно обойтись без продолжения исследований по основным положениям социализма. Углубление их познания отнюдь не выходит за рамки нового познания социализма. Мы должны стремиться к более точному,

* «Жэньминь жибао», 22.1.1988.

более всестороннему и глубокому пониманию основных положений научного социализма. Нам нужно показывать важное значение этих положений на примере из соединения с реальностями Китая, излагая их обновленным языком, обогащая их содержание и т. п. Со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва мы уже проделали в этом направлении большую работу. В отчетном докладе XIII съезда партии по этому поводу сказано следующее: «Со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва наша партия в ходе нового познания социализма развила в области философии, политэкономии и научного социализма ряд научных теоретических положений»¹. При этом перечисляются 12 положений. Такие положения, как «рассматривать практику как единственный критерий проверки истины», «развитие производительных сил — коренная задача социалистического общества», собственно, являются основными положениями социализма. Благодаря тому, что в последние годы мы тесно соединили эти положения с китайской действительностью, дали им простор, наше понимание этих положений еще более углубилось. Такое познание по-прежнему входит в сферу нового познания социализма.

К основным положениям социализма относятся и некоторые новые положения, выдвинутые нами. Примером может быть положение о том, что социалистическое хозяйство есть плановое товарное хозяйство. Наши предшественники не высказали четкого определения этого основного положения социализма. Ныне перед нами стоит задача не только соединить с реальностями Китая основные положения социализма, открытые нашими предшественниками, но и задача поиска новых таких положений. Однако в имеющихся марксистских работах не хватает достаточно целостного обоснования основных положений о социалистическом строительстве, некоторые важные вопросы не решены до конца. Поэтому мы сами должны вести исследование и поиск по ряду основных положений социализма, поскольку этого требует практика. В процессе нового познания социализма китайские марксисты должны, следовательно, брать на себя двойную задачу: изучать новые вопросы, относящиеся к основным положениям социализма, и соединять эти положения с реальностями социалистического строительства в Китае. В этом заключается одна из причин, почему наша нынешняя работа в области марксистской теории намного труднее и обширнее, чем в период новодемократической революции.

Чрезвычайно важным направлением в новом познании социализма является изучение специфики социализма, строящегося в Китае. Среди теоретических положений, открытых и развитых партией в процессе нового познания социализма за 9 лет и изложенных в отчетном докладе XIII съезду КПСС, есть положение о довольно длительном начальном этапе социализма, необходимом для его строительства в условиях экономической и культурной отсталости. Данное положение относится к сфере изучения специфики социализма в Китае. Специфическое по сути содержит в себе общее. Начальный этап социализма в Китае и есть вопрос специфики. Однако в его раскрытии присутствует и такой вопрос общего порядка: каким образом в конечном счете регулировать соотношение уровня экономического и культурного развития социалистической страны с ее производственными отношениями и надстройкой? Специфическое не только включает в себя общее, но в сравнении с ним гораздо богаче по содержанию. Поэтому при изучении начального этапа социализма в Китае нашу ученую обязанность не только изучить и обосновать, но и завязанную, оценку нынешнего этапа социалистического развития на базе научного анализа и теоретических обобщений, но сделать при этом ряд соответствующих выводов, позволяющих иметь более конкретное и всестороннее представление о проблемах китайского начального этапа. Во втором разделе отчетного доклада XIII съезду КПК вслед за разъяснением сущности начального этапа социализма выдвинуто шесть установок, которые отвечают лишь на вопрос о том, «что мы, исходя из реальных условий начального этапа, должны принять в качестве руководящего курса на длительную перспективу». Здесь только часть, а не все проблемы, которые мы должны изучить, исходя из положения о начальном этапе социализма в Китае.

В отчетном докладе XIII съезду КПК выдвинуто немало новых положений, относящихся к новому познанию социализма, сделано немало новых открытий в дополнение к перечисленным в докладе научным теоретическим положениям, которые были открыты и развиты партией в процессе нового познания социализма за предыдущие 9 лет. Вместе с тем мы ясно видим, что для обеспечения дальнейшего успешного развития

реформы [экономической и политической] системы социализма требуется решить многочисленные задачи в деле нового познания социализма, требуется дальнейшее углубленное изучение уже выдвинутых положений, а многие вопросы пока еще не поставлены. Таким образом нам предстает еще довольно длительный процесс нового познания социализма.

Изучение начального этапа социализма должно быть конкретным. Самым большим вкладом отчетного доклада XIII съезду КПК в новое познание социализма явились научный вывод о том, что Китай находится на начальном этапе социализма, обоснование этого вывода, четкая концепция начального этапа социализма в Китае, положение о том, что начальный этап социализма в Китае — это весьма длительный исторический период и т. д. Вместе с тем, как отмечено в докладе, наши представления о состоянии, противоречиях, развитии и закономерностях этого этапа в различных областях еще во многом неполны и неглубоки. Это требует от нас упорно продолжать исследование и изучение.

С моей точки зрения, изучение начального этапа социализма должно быть конкретным. Конкретные явления изменчивы и непостоянны. Сегодняшний день начального этапа социализма отличается от вчерашнего, а завтрашний будет отличаться от сегодняшнего. В 1891 г. Конрад Шмидт написал Ф. Энгельсу письмо, в котором поделился с ним своим планом работы о «переходных этапах к коммунистическому обществу». В ответном письме Ф. Энгельс писал: что касается вопроса о переходных этапах к коммунизму, то «это самый трудный вопрос из всех, какие только существуют, так как условия непрерывно меняются. Например, каждый новый трест изменяет их, и каждое десятилетие совершенно перемещает пункты, которые следует атаковать»². В. И. Ленин 20 с лишним лет спустя обобщил новую ситуацию, возникшую после появления множества новых трестов, и написал работу «Империализм, как высшая стадия капитализма». Он отмечал, что в эпоху империализма «пункты, которые следует атаковать», совершенно иные, чем представлял себе Конрад Шмидт. Хотя изучение начального этапа социализма в Китае и изучение вопроса о переходных этапах к коммунизму, обсуждавшегося Ф. Энгельсом, — вещи, конечно, разные, однако его высказывания полезны нам с точки зрения углубления исследований, их методологии.

В рамках нового познания социализма имеется множество проблем, требующих изучения, многие из них имеют отношение к начальному этапу социализма. Среди них вопрос о сосуществовании социалистической общественной собственности и несоциалистической собственности. Например, могут ли влиять на социалистический характер данного общества существующие в нем экономические уклады с несоциалистической собственностью? За 20 лет после завершения в основном социалистического преобразования частной собственности на средства производства в 1956 г. в Китае образовалась в целом однотипная социально-экономическая структура социалистической собственности. В ходе осуществления с 1979 г. политики расширения связей с внешним миром и оживления экономики на исторической арене Китая вновь появились некоторые экономические уклады с несоциалистической собственностью, сложилась ситуация сосуществования разных экономических укладов с социалистической собственностью в качестве ведущей. По поводу этого явления может возникнуть вопрос о том, что здесь имеет место с точки зрения истории развития общества: его движение вперед от сравнительно низкой ступени развития социализма к более высокой или же движение вспять от относительно высокой к более низкой ступени? Можно привести и другие подобные вопросы, для выяснения которых необходимо провести серьезное исследование. В любом случае имеют важное значение как метод рассмотрения вопросов, так и теоретические основания для выводов. Чтобы выяснить, к примеру, вопрос о том, почему может возникать многоукладность в экономике при ведущей роли социалистической общественной собственности, следует четко следовать положению о критерии производительных сил. В отчетном докладе XIII съезду КПК значение этого критерия поднято на необычайную высоту. Подчеркнуто, что на начальном этапе социализма «вопрос о том, благоприятствует ли это развитию производительных сил, должен стать для нас исходной точкой изучения всех проблем, коренным критерием проверки всей работы». В докладе также указано: «Все, что благоприятствует развитию производительных сил, отвечает коренным интересам народа, а потому, можно сказать, диктуется социализмом и допускается им».

И все, что не благоприятствует развитию производительных сил, идет вразрез с научным социализмом, а потому не допускается им»³. Однако нам еще предстоит глубже и конкретнее разобраться в том, как применять критерий производительных сил для четкого разрешения поднятого выше вопроса.

Различать два понятия: «экономика социалистического общества» и «экономика, основанная на социалистической собственности». Я вновь выдвигаю на обсуждение вопрос, имеющий отношение к проблематике нашей статьи. До сих пор, как известно, не делается различий между такими двумя понятиями, как «экономика социалистического общества» и «экономика, основанная на социалистической собственности». Они обозначаются одним и тем же термином «социалистическая экономика». Между тем эти понятия имеют неодинаковое значение. «Экономика, основанная на социалистической собственности» — это экономика, базирующаяся на производственных отношениях социалистического характера, а «экономика социалистического общества» — это вся экономика общества данного характера. В таком обществе экономика, основанная на социалистической собственности, бесспорно и бесповоротно заняла ведущее положение, в сфере экономики решен вопрос «кто — кого», капиталистическая или социалистическая собственность. При этом экономика, основанная на несоциалистической собственности, играет дополняющую и вспомогательную роль по отношению к экономике, основанной на социалистической собственности, и больше не является силой, вступающей в схватку с социалистической собственностью. Другими словами, общей тенденцией всего социально-экономического развития в таком обществе является развитие экономики, основанной на социалистической собственности. Существование в определенных рамках и до определенной степени экономики, основанной на несоциалистической собственности, становится в таком обществе одним из условий развития экономики, основанной на социалистической собственности. Такого рода экономика социалистического общества является, очевидно, экономикой хозяйственной многоукладности при ведущем положении социалистической общественной собственности. Мне представляется весьма важным провести четкую грань между двумя понятиями, о которых идет речь, и тем самым избавить нас от тягостных недоумений, возникающих при появлении многоукладности в социалистическом обществе.

Здесь не лишне напомнить высказывания В. И. Ленина в статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» (1918). Он критикует «абстрактное противопоставление „капитализма“ и „социализма“». Нет сомнения, что капитализм и социализм есть два различных полюса. Однако, как указывал В. И. Ленин, конкретный анализ конкретной обстановки есть квинтэссенция и живая душа марксизма. При некоторых конкретных исторических условиях противостоящий социализму капитализм может играть вспомогательную роль в отношении социализма. В названной выше работе В. И. Ленин писал: «Если бы примерно через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм»⁴. На мой взгляд, приведенные высказывания В. И. Ленина полезны для понимания вопроса о существовании многоукладности в экономике социалистического общества.

Что касается вопроса о возможном негативном влиянии многоукладности в экономике на социалистический характер нашего общества, то в отчетном докладе XIII съезду партии КПК в принципе дан ответ на этот вопрос. Там указано, что на начальном этапе социализма «особенно необходимо развивать многоукладное хозяйство при условии сохранения ведущей роли за общественной собственностью»⁵. По этому вопросу предстоит, конечно, более обстоятельный разговор.

Важная задача — изучение форм социалистической собственности. К положению о начальном этапе социализма имеет отношение также вопрос о характере и формах социалистической собственности.

Прежде всего должна быть ясность в том, что социалистическую общественную собственность следует рассматривать как выражение основного характера социалистической собственности, а не как ее форму. Требуется дальнейшего выяснения социалистическая общественная собственность, что это за общественная собственность, в чем ее специфика. В прошлом в политэкономии социализма эта проблема не ставилась для серьезного обсуждения.

Далее, нуждается в изучении вопрос о формах социалистической собственности. Как известно, социалистическая собственность имеет много форм, причем есть основные

и неосновные формы. Вплоть до настоящего времени социалистическая государственная собственность и социалистическая коллективная собственность трудящихся являются двумя общепризнанными основными формами собственности. Существуют ли и могут ли появиться в будущем третья или четвертая основные формы собственности? Считаю, что этот вопрос следует изучить. Вполне возможно, например, что предлагаемая некоторыми нашими экономистами «собственность предприятия» относится к третьей основной форме, существующей наряду с государственной и коллективной формами.

Рождение ныне общепризнанных двух основных форм собственности — социалистической государственной собственности (имеется в виду государственная собственность самостоятельная, полная, прямая) и коллективной собственности трудящихся — происходило в конкретных исторических условиях того времени. С изменением этих условий и с развитием реформы положение этих основных форм собственности в общей системе социалистической собственности также может изменяться. Четкое определение отношения к основным формам социалистической собственности является важным компонентом политики в области хозяйственной реформы. В отчетном докладе XIII съезду партии подтверждается дальнейшее существование государственной и коллективной форм собственности. Но как будет меняться положение этих основных форм в системе социалистической собственности на всем протяжении начального этапа социализма, каковы будут закономерности этих изменений? В отчетном докладе эти вопросы не затрагиваются. Следовательно, должно быть продолжено их изучение в рамках нового познания социализма. Заслуживает внимания вопрос о том, что в ходе реформы на государственных предприятиях происходят изменения в сфере права собственности и права хозяйствования. Повлияет ли это на государственную форму собственности? Если да, то в чем это будет выражаться? Мое мнение таково, что последствия будут и что к этому нужно быть готовым.

В результате развития горизонтального хозяйственного объединения намного возрастает значимость различных неосновных форм социалистической собственности. В отчетном докладе съезду по этому поводу говорится: «Помимо предприятий общественной и коллективной собственности, предстоит еще создавать предприятия общественной собственности совместными силами общенародных и коллективных предприятий, а также предприятия общественной собственности на основе акционерного участия районов, ведомств и предприятий»⁶. Таким образом, требует изучения также вопрос о той роли, которую, возможно, будут играть в экономике социалистической собственности многообразные неосновные формы социалистической собственности.

В изучении форм социалистической собственности необходимо также обратить внимание на структуру форм собственности. Например, какие основные и неосновные формы уже существуют в экономике, основанной на социалистической собственности. Одни и те же основные и неосновные формы могут иметь различия едва заметные, но в реальной жизни играющие довольно важную роль. Или же, каков удельный вес в экономике социалистической собственности каждой из существующих форм собственности, при каких взаимоотношениях они образуют целостную экономику социалистической собственности.

Особое внимание уделить вопросам социалистического товарного хозяйства. Концепция начального этапа социализма включает также проблему социалистического товарного хозяйства. Система социалистического товарного хозяйства существует на протяжении всего исторического периода социализма, и она присуща не только начальному этапу социализма. Ныне мы находимся на историческом переломе «от крайне неразвитого товарного хозяйства и очень низкого уровня мышления его категориями» к «развитому товарному хозяйству и высокому уровню мышления его категориями». Следовательно, вопросам социалистического товарного хозяйства также должно уделяться особое внимание.

«Социалистическое плановое товарное хозяйство» — это новый термин, впервые появившийся в отчетном докладе XIII съезду. Данный термин является шагом вперед в сравнении с формулировкой, использованной в Постановлении ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы (1984): «социалистическое плановое хозяйство является плановым товарным хозяйством, основанным на общественной собственности». Научное определение конкретизировано в виде законченной формулы. Существование в социалистическом обществе товарного хозяйства, как и распределения по труду,

представляет собой основной экономический признак социалистического общества, а, следовательно, система социалистического планового товарного хозяйства относится к сфере основного экономического строя социализма, поэтому строительство указанной системы тоже относится к сфере совершенствования основного экономического строя социализма. В силу того, что товарное хозяйство является связующим звеном между различными формами социалистической собственности, между социалистической и несоциалистической собственностью, между социалистическим государством и предприятиями различных форм собственности и трудящимися, социалистическое плановое товарное хозяйство можно рассматривать в качестве основы и центра всего социалистического общественного хозяйства. Развитие социалистической экономики должно быть плановым развитием социалистического товарного хозяйства, а план развития социалистической экономики должен быть планом развития социалистического товарного хозяйства. В докладе XIII съезду КПК о системе социалистического планового товарного хозяйства сказано кратко и под углом зрения текущей экономической политики, теоретические основы которой еще требуют некоторого дальнейшего изучения и обоснования. Эта работа находится в рамках нового познания социализма, особенно в рамках нового познания социалистической экономики и социалистической плановой экономики, социалистического рынка и социалистической рыночной экономики. По этим вопросам наши экономисты написали много статей и высказали много точек зрения, частично или совсем не совпадающих друг с другом. Продолжение дискуссии, несомненно, обнаружит еще большие расхождения во мнениях. Следовательно, мы по-прежнему переживаем процесс нового познания социализма.

В данной статье приведены примеры требующей изучения экономической проблематики. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (1978) явился исходной точкой нового познания социализма нашей партией, а XIII съезд КПК можно считать новой исходной точкой нового этапа познания социализма, которое будет углубляться под влиянием съезда. В этих целях нам следует тщательно отобрать тематику для всестороннего развертывания исследований. Новое познание социализма не ограничивается экономической проблематикой, оно охватывает и области политики, культуры, другие стороны общественной жизни. Процесс нового познания социализма ныне не завершен и не скоро будет завершен, если вообще возможно его завершение.

Перевод А. Д. ДЕНИСОВА

¹ «Коммунист», 1988, № 1, с. 126.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 38, с. 108.

³ «Коммунист», 1988, № 1, с. 113, 127.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 295.

⁵ «Коммунист», 1988, № 1, с. 113.

⁶ Там же, с. 119.

Навстречу вызову эпохи

(Программа шанхайских философов)*

ЧЖАН ШИХУН

Выработка новой доктрины общественного развития КНР, начало которой было положено 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва (1978), сопровождалась глубокими сдвигами в общественном сознании. Это был сложный процесс, на различных этапах которого вставали все новые задачи и новые проблемы, требовавшие своего философско-теоретического осмысления, процесс, который проходил в направлении развития представлений о социализме. В указанном процессе выделяются два периода. Первый — период «исправления ошибочного и восстановление правильного». Главная задача его состояла в выработке адекватного отображения процессов и явлений общественной жизни прошлых лет, в выявлении и исправлении различных искажений теории и практики социалистического строительства. Был положен конец абсолютизации роли надстроечных факторов в жизни общества. Уже в 1979 г. был отвергнут принцип: «взявшись за революцию, стимулировать производство». «Самой большой политикой» было провозглашено осуществление программы четырех модернизаций, целью производства — удовлетворение материальных и духовных потребностей общества на основе непрерывного развития производительных сил. В области политического развития был взят курс на восстановление принципов демократического централизма. При всем том, что основной упор делался на экономику, приоритет отдавался духовным факторам. Линия 3-го пленума была провозглашена вместе с лозунгом «раскрепощения сознания». Успешное осуществление линии 3-го пленума постоянно нуждалось в идейно-теоретическом обеспечении. В решении этих задач ученые-философы внесли важный вклад. Их усилиями были восстановлены марксистско-ленинские взгляды на проблемы соотношения материальных и духовных факторов в развитии общества, классов и классовой борьбы, роли личности в истории, была отвергнута концепция, сводившая все многообразие взаимодействий в мире только к антагонистическим противоречиям, и восстановлена марксистско-ленинская диалектика. Китайским философам пришлось столкнуться и с задачей восстановления доверия к марксистско-ленинской философии, которая в годы «культурной революции» потеряла в глазах общественного мнения авторитет науки. Проанализировав ситуацию, китайские ученые пришли к выводу о том, что для преодоления «кризиса веры» недостаточно вернуть марксистской теории прежний облик, а необходимо развить марксистско-ленинскую философию до уровня современных требований.

Развитие марксизма стало центральной проблемой второго периода выработки современной идейно-теоретической концепции КНР, начало которого было обозначено решениями XII съезда КПК (1982). Основным методом решения проблем было признано «соединение всеобщих принципов марксизма-ленинизма с практикой социалистического строительства в Китае». В качестве важной признана была задача учета новейших открытий в области естественных и общественных наук. Спектр актуальной философской тематики значительно расширился. Провозглашение курса на создание высокой социалистической духовной культуры поставил философов перед необходимостью углубления разработки темы человеческого фактора. Курс на демократизацию общественной жизни обострил интерес к вопросу об исторических судьбах государства и условиях его отмирания. Установка на построение социализма с китайской спецификой заставила по-новому подойти к анализу закономерностей строительства социализма на основе более глубокого понимания диалектики общего и особенного. Китайские философы внесли заметный вклад в разработку одобренной XIII съездом КПК концепции начального этапа социализма, которая открывает простор для глубокой экономической и политической перестройки, для поиска путей и методов строительства социализма с учетом специфики Китая.

Г. Н. Яценко

Духовный подъем, вызванный XIII съездом КПК, способствует прогрессу всех форм общественного сознания. Наметилось явное оживление и в философских кругах Шанхая.

Совсем недавно Философское общество Шанхая провело крупный научный симпозиум по теме «Философия и новое познание социализма», в работе которого участвовали философы из 16 провинций и городов страны. Многие участники симпозиума признали, что философия должна стать важной составной частью утверждения теории

* «Жэньминь жибао», 6.11.1988.

начального этапа социализма. Требуется изучения ряд важных проблем, связанных с практикой многомиллионного народа: взаимодействие производительных сил и производственных отношений на начальном этапе социализма; диалектика новых социальных противоречий различной природы; закономерности демократизации в период начального этапа социализма; создание новой системы ценностей и развитие человеческого фактора; гносеологический анализ концепций исторического идеализма; новое познание моделей традиционной культуры и т. д. Стратегическая цель работников философской науки заключается в том, чтобы на основе соединения практики Китая с современной наукой упорядочить и утвердить новую систему марксистской философии, которая служила бы руководством в области мировоззрения и методологии.

До и после симпозиума ваш корреспондент беседовал со многими представителями философской науки и выслушал большое число высказываний, наводящих на размышление, в разговорах был затронут целый ряд проблем, волнующих сегодня философов всей страны.

Работники философской науки добились успехов в выправлении ошибочного и в восстановлении правильного, но в целом застой в науке пока не преодолен и философия еще не достигла той высоты, которой достигла экономическая перестройка.

Следует заметить, что все философы не довольны существующим положением дел. Общеизвестно, что современная китайская философия отстала по сравнению с другими науками и не поднялась до соответствия экономической перестройке. Философы замкнулись в своем кругу и занимаются исследованием проблем, весьма далеких от реальной действительности. Кое-кто даже стал сомневаться: существуют ли перспективы у китайской философской науки? Находятся и такие, кто подумывает о «смене профессии».

Ответственный представитель Философского общества Шанхая Чэнь Чжанлян говорит, что и на этапе новодемократической революции философия поистине выполняла свои функции науки, дающей людям мировоззрение и методологию. Такие работы, как «Относительно практики» и «Относительно противоречия», сыграли великую руководящую роль в революционной войне. То был золотой век марксистской философии в Китае. Однако после создания КНР философия стала постепенно скатываться к застою. Распространение идеалистических концепций истории все более обедняло некоторые аспекты философии марксизма. Преподаватели философского факультета Фуданьского университета провели обследование и выяснили, что их факультет пользуется наименьшей популярностью среди студентов высших специальных заведений страны. Учебные материалы тридцатилетней давности студент предпочитает пропускать мимо ушей, да и преподаватель впадает в уныние, пересказывая заведомое старье. На вопросы, возникающие у студентов, преподаватель не может или не осмеливается ответить. Когда говорят о «связи с практикой», то это неизменно превращается в пересказ или разъяснение сиюминутных политических лозунгов. Доходит до того, что философию подменяет политика. А философские дискуссии нередко останавливаются на уровне спора о понятиях. Такая обстановка сохранялась на протяжении весьма длительного исторического периода. За последние 10 лет философы добились определенных успехов как в работе по выправлению ошибочного и восстановлению правильного в теории, так и в работе по воспитанию подрастающего поколения, однако в целом им так и не удалось покончить с застоем. Неотложная задача дня все еще заключается в раскрепощении сознания и в том, чтобы, последовательно претворяя в жизнь дух XIII съезда, перейти от замкнутости к расширению связей с внешним миром, спуститься с «небес» на почву реальности.

Мировая научно-техническая революция размывает традиционную философию, нужно сломать старую систему и возродить живую душу марксизма.

Отсталость китайской философии выражается в отрыве от развития мировой науки. Философия в нашей стране мужала в процессе революционной практики и, естественно, была глубоко связана с политической борьбой того времени, однако прогресс в философии немалозначим без опоры и на прогресс мировой науки. Проректор Академии общественных наук в Шанхае Ся Юйлун считает, что врожденный недостаток китайской философии, заключавшийся в ее отрыве от естественных наук, как раз и обусловил ее «колченовость». После образования КНР в связи с тем, что мы не уделяли серьезного внимания развитию производительных сил и длительное время находились в состоянии замкнутости, наши философы по-прежнему были серьезно оторва-

ны от развития науки повседневно меняющегося мира, причем этот разрыв продолжал возрастать. Очевидно, что и сейчас в трактовке и понимании естественных наук наша философия по-прежнему стоит на этапе времен Ф. Энгельса, то есть столетней давности.

Чтобы изменить такое положение, нужно прежде всего заново изучить марксистскую философию, восстановить подлинный облик марксизма. Чжу Чжунсинь из Академии общественных наук в Шанхае говорил, что нам нужно покончить с догматическим пониманием марксизма и избавиться от соответствующих ошибочных концепций, выдаваемых за марксизм. Только в этом случае можно будет окончательно очистить марксизм от разного рода неверных трактовок, имевших место в прошлом и причинивших ущерб репутации марксизма. Только в этом случае будут созданы прочные предпосылки новых побед марксизма в Китае. Один молодой работник философского фронта заметил, что застой сам по себе идет вразрез с диалектикой К. Маркса, — без поиска и создания нового нет и марксистской философии. Наша задача заключается прежде всего в том, чтобы возродить живую душу марксизма.

Марксистская философия должна развиваться — таково требование и самой марксистской философии. Ход мировой научно-технической революции сокрушает традиционную философию. Больше других это понимают преподаватели философии в вузах естественно-научного и технического профиля. Доцент факультета общественных наук политехнического института «Цзяотун» Лю До говорил, что современная революция в науке открыла перед нами совершенно новую и беспрецедентно широкую область познания: возникновение в массовом масштабе новых аргументов в математике, современной физике, в современной биологии и в сфере искусственного интеллекта; внедрение общей теории систем, теории информации и кибернетики во все сферы общества не может не изменить образа мышления людей, что требует отказаться от старой системы в философии и сформировать новое философское мышление. В фокусе внимания мировой философии в настоящий момент находятся исследования глубинных связей человека, природы и общества, колоссального обратного воздействия научного сознания на бытие, исследование новых аксеологических концепций, исследования по научному прогнозированию общества будущего, исследования по новой методологии. Содержание философских исследований ныне развивается в направлении полипрофильности, многообразия и затрагивает новые вопросы, которых прежде наши предшественники не изучали. Марксистская философия должна изучить эти вопросы и, дав на них обстоятельные ответы, обогатить свое содержание и в то же время найти новые ориентиры развития.

Для философов как Востока, так и Запада, занимающихся философским осмыслением развития современной науки, одинаково неприемлемо видеть в новых идейных течениях нечто заведомо реакционное и не подлежащее исследованию.

Как относиться к различным современным философским течениям за рубежом? Ассоциация молодых философов Фуданьского университета серьезно изучала этот вопрос. Ученый секретарь этой ассоциации, доктор философии Чэнь Куйдэ полагает, что коль скоро философы всех стран мира, включая Советский Союз, государства Восточной Европы и развитые капиталистические страны, одинаково прилагают усилия к тому, чтобы с помощью своих идей и концепций обобщить и синтезировать в философском плане достижения естественных и общественных наук, нам следует внимательно следить за происходящим в мире и стараться по-настоящему догнать передовых, в противном случае нам будет весьма трудно отличить правильное от ошибочного, сделать должный выбор и вынести правильное суждение. Неприемлем старый подход, согласно которому во всяком зарубежном философском течении огульно старались увидеть лишь нечто заведомо реакционное и не подлежащее, соответственно, исследованию и оценке. Мы должны, не довольствуясь, во-первых, примитивным отрицанием и не следуя слепо, во-вторых, за авторитетами, самостоятельно проводить научные исследования, отделять правильное от ошибочного либо находить то, что содержит некоторые рациональные моменты, чтобы затем взять приемлемое и отбросить шелуху. Корень вопроса — смело принимать вызов со стороны любых современных философских школ, функционирующих за рубежом.

В настоящий момент в науке, пожалуй, все еще не хватает атмосферы демократизма; миру ученых нужен механизм конкуренции.

Итак, обстановка непреложно ставит в повестку дня вопрос о повышении активности работников философского фронта. Шанхай — город, в котором сосредоточен довольно крупный отряд квалифицированных философов. Здесь трудятся свыше 900 исследователей, старших преподавателей и лекторов; имеется в городе и определенный контингент молодых научных работников. Всем им необходимо прежде всего еще более раскрепостить сознание, то есть избавиться от прежних идеалистических концепций истории, освободиться от схоластических методов исследования, повернуться лицом к жизни, лицом к обществу и лицом к миру, черпать разум и силы в великой практике перестройки, жить одной судьбой с многомиллионным народом. Вместе с тем, миру ученых нужен механизм конкуренции, поэтому необходимо по-настоящему последовательно осуществлять курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», в полной мере создавать для ученых обстановку демократического диспута и диалога, предоставив им возможность сопоставлять и сравнивать различные концепции. Появление иной точки зрения отнюдь не обязательно сопряжено с противопоставлением по схеме «я прав, ты не прав». — практика научного прогресса в различных странах уже показала, что различные точки зрения могут дополнять одна другую и что истину может порождать синтез на первый взгляд противоположных мнений. Тем не менее сегодня можно считать общепризнанным, что в науке нашей страны все еще ощущается нехватка демократической атмосферы.

В развитии философии нужно опираться на фундаментальное развитие естественных наук и всех отраслей общественных наук, опираться на взаимную инфильтрацию философии и различных конкретных наук, дающих солидный объем новых концепций и новых идей для развития философской науки. Ныне в Шанхае возникла новая ситуация: философы идут по пути «объединения по горизонтали» и наряду с этим начинают вгрызаться в новые отрасли знания; в ряде вузов естественно-научного и технического профиля создаются не только факультеты общественных наук, но и новые кафедры гуманитарных наук. Растет когорта теоретических работников из среды молодежи и лиц среднего возраста; выпускники некоторых вузов и вузов естественно-научного профиля стали испытывать подлинную тягу к философии и занялись философскими исследованиями. Им свойственны достоинства, которыми не обладали теоретические работники старшего поколения. Руководители Философского общества Шанхая считают это исключительно отрядной тенденцией. Благодаря вдохновляющему воздействию духа XIII съезда КПК в современной китайской философии непременно возникнет новый скачок.

Перевод Э. В. НИКОГОСОВА

9 сентября 1988 г. исполняется сорок лет со дня образования Корейской Народно-Демократической Республики. За прошедшие годы была создана индустриальная база, развивалось сельское хозяйство, шла борьба за объединение Родины на мирной демократической основе.

Сегодняшний облик республики — это заводы и фабрики, учебные заведения и дворцы культуры, широкие улицы городов и многоэтажные кварталы жилых домов, возвышающиеся повсюду краны новостроек. Из ворот предприятий, построенных за годы народной власти, выходят тепловозы, электровозы, тракторы и автомобили. Со ступеней судоверфей сходят крупнотоннажные суда, а с заводских конвейеров — металлорежущие станки и множество других видов промышленной продукции.

Автор этих строк в течение последних четырех лет находился в командировке в КНДР и имел возможность познакомиться с различными сторонами жизни республики, увидеть успехи, достигнутые ее трудящимися. Во время встреч в Пхеньяне, Хамхыне, Чхонджине, Вонсане, Токчхоне и других городах с руководителями промышленных предприятий и представителями рабочего класса, ему не раз приходилось убеждаться в их высоком трудовом энтузиазме, стремлении шаг за шагом укреплять индустриальную базу Родины на основе внедрения новой техники, повышения квалификации кадров, реконструкции и модернизации имеющегося оборудования.

Хорошо запомнилась встреча с главным инженером крупнейшего в республике автомобильного завода в Токчхоне Хан Хва Чуном. Мой собеседник во время экскурсии по заводскому музею рассказал об основных этапах развития предприятия, о том, что с момента его пуска в пятидесятых годах пройден путь от 2,5-тонного грузовика «Сынри-58» до гиганта «Кымсусан» грузоподъемностью 40 т. Откровенно говоря о проблемах, Хан Хва Чун подчеркнул, что, несмотря на постоянный рост выпуска продукции, удовлетворить спрос на нее полностью пока не удастся. Республике нужно больше грузовых автомобилей для работы на стройках, в карьерах, на полях. Поэтому, по словам моего собеседника, весь коллектив предприятия своей главной задачей на период выполнения третьего семилетнего плана считает создание дополнительных мощностей и возможно более широкое внедрение автоматизации во все процессы производства.

Как мне рассказывали корейские товарищи, не менее важные задачи поставлены третьим семилетним планом перед инженерами и рабочими Хичхонского станкостроительного завода, металлургического комбината имени Ким Чака, Тэанского завода тяжелого машиностроения, перед строителями Ренсонского виналонового объединения и коллективами других предприятий, составляющих индустриальную базу республики. Взять, к примеру, предприятие в Хичхоне. По словам его директора Хан Гю Хала, по плану завод к концу семилетки должен выпустить около 12 тыс. станков: токарных, фрезерных, шлифовальных. Но коллектив намерен перевыполнить плановое задание и довести выпуск продукции до 15 тыс. единиц. Как сказал товарищ Хан, инженеры и рабочие руководимого им предприятия хорошо понимают, что их станки ждут в различных отраслях народного хозяйства КНДР.

Во время поездок по различным уголкам страны поражаало своеобразие природы, сочетающей в себе горный, морской и равнинный пейзажи. Художнику здесь, как говорится, «есть где разгуляться», а сельскому труженнику природа уготовила трудную долю: небольшие равнинные участки местности, пригодной для земледелия, буквально зажаты между бесконечными рядами холмистых возвышенностей и крутых сопок. В результате только около 20 процентов территории страны пригодны для земледелия. Если к этому добавить, что нередкой гостьей в здешних краях является засуха, то можно представить, какой ценой достается земледельцам каждая горсть риса — основной зерновой культуры, потребляемой населением.

Одним из путей решения существующих проблем и увеличения общего сбора зерна, а также других сельскохозяйственных культур, как рассказывали в Комитете сельского хозяйства КНДР, является интенсивно проводимая в республике работа по расширению посевных площадей за счет освоения новых земель. По решению Трудовой партии Кореи к концу 80-х гг. у моря должно быть отвоевано 300 тыс. чонбо [1 чонбо равен 0,99 гектара] солончаковых земель. Часть этой задачи уже выполнена — на побережье Желтого моря корейским труженникам удалось освободить от солончаков свыше 50 тыс. чонбо. Кроме того, повсеместно ведется планомерное наступление на горные массивы, склоны которых преобразуются в террасы, используемые под наступление культуры и для закладки фруктовых садов. Наряду с этим распахиваются

берега рек и ручьев, склоны оврагов и обочины дорог. На этих участках выращивают кормовые культуры. Положительные результаты в деле увеличения урожая дает более эффективное использование органических и минеральных удобрений.

Рисоводство немислимо без развития оросительных систем. В этой области сельские труженники Народной Кореи добились определенных успехов. Разветвленная сеть водохранилищ и оросительных каналов обеспечивает поступление живительной влаги в чеки рисовых полей. Дополнительные возможности для орошения значительных площадей были созданы с вводом в строй крупнейшего в республике гидротехнического сооружения — восьмиклометровой плотины со шлюзами на Западном побережье. За год до сдачи ее в строй автору довелось побывать на строительстве. Воинь-строители, а именно им было доверено сооружение этого важного народно-хозяйственного объекта, самоотверженно боролись с бурными водами реки Тэдонган. Высота в 30 м и шириной у основания до 150 м, плотина вобрала в себя тысячи кубических метров камня, грунта, бетона. Послушная воле человека река ныне смирила свой нрав и переросла в своем устье в водохранилище площадью 230 квадратных километров.

За годы народной власти в стране сформировался широкий слой интеллигенции, которая своими знаниями и талантом служит делу построения социализма на корейской земле. Настоящей кузницей научных кадров является университет имени Ким Ир Сена, основанный в октябре 1946 г. На его 14 факультетах за годы народной власти получили высшее образование около 60 тыс. человек — целая армия инженеров, педагогов, научных работников и специалистов различных отраслей народного хозяйства. Раскинувшийся в живописном месте столицы на берегу реки Тэдонган, университетский городок включает в себя наряду с учебными корпусами 8 научно-исследовательских институтов, вычислительный центр и экспериментальный завод.

После посещения спектаклей, концертов, выставок и творческих мастерских приходишь к выводу, что культура и искусство Кореи, сохраняя национальные традиции, наполнились новым содержанием, отвечающим духу времени и задачам социалистического строительства. В произведениях, которые сегодня могут увидеть зрители, отражается борьба корейского народа за свою независимость, трудовые будни республики, рассказывается о национальных традициях и красотах родной земли. Не могут не вызывать восхищения постановки традиционных корейских танцев, например в исполнении художественного коллектива «Мансудэ», или мастерство артистов пхеньянского цирка, выполняющих сложную акробатику на раскачивающихся под куполом качелях.

Основанные на единстве целей, отношения между нашими странами приобретают все более плодотворный характер в политической, экономической, культурной и других областях. Советский Союз неизменно солидарен с курсом ТПК и правительства КНДР на достижение мирного урегулирования корейской проблемы без какого-либо вмешательства извне. КНДР поддерживает мирные инициативы СССР, направленные на ослабление международной напряженности и устранение ядерной угрозы. Свою приверженность этим позициям стороны вновь подтвердили во время состоявшегося в начале мая 1988 г. в Москве встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с членом Политбюро ЦК Трудовой партии Кореи, заместителем премьер-министра Административного совета, министром иностранных дел КНДР Ким Ен Намом, находившимся в СССР с официальным дружеским визитом. В ходе советско-корейских переговоров проявилось единство КПСС и ТПК, СССР и КНДР по главным направлениям двусторонних отношений и международного положения, обоюдное стремление развивать всестороннее сотрудничество, расширять внешнеполитическое взаимодействие в интересах укрепления мира и безопасности на Корейском полуострове, во всем азиатско-тихоокеанском регионе.

Значительных масштабов достигло экономическое сотрудничество КНДР — СССР. К настоящему времени в КНДР действует около 70 предприятий, построенных, восстановленных и расширенных при содействии Советского Союза. Их удельный вес в общем объеме производства электроэнергии республики составил около 60 %, стали — 28, проката черных металлов — 20, нефтепродуктов — около 50 %. Отмечается постоянный рост советско-корейского товарооборота, который в настоящее время превышает 1 млрд. руб.

В СССР поступает продукция с предприятий, сооруженных в КНДР на компенсационной основе, автомобильные аккумуляторы, микроэлектродвигатели, горячекатаный стальной лист. В настоящее время совместными усилиями сторон предпринимаются меры по внедрению более эффективных форм экономического сотрудничества, которыми могут, например, стать широкое развитие производственной кооперации, установление прямых связей между предприятиями, строительство совместных заводов и фабрик.

Надежной гарантией социалистических завоеваний Народной Кореи служит рожденная в совместной борьбе и проверенная временем дружба народов СССР и КНДР. И в годы созидания, и в трудные для республики дни советские люди находятся рядом с корейскими друзьями, оказывая им помощь и поддержку в решении задач социалистического строительства.

С. Э. КУДАСОВ

*А. М. ГРИГОРЬЕВ,
доктор исторических наук
К. В. Шевелев,
кандидат исторических наук*

VI съезд КПК, проходивший с 18 июня по 11 июля 1928 г., явился крупным событием в истории коммунистического и революционного движения Китая. Съезд собрался в чрезвычайно трудный для партии период, после поражения Национальной революции 1925—1927 гг.¹ Разрыв Чан Кайши и другими деятелями гоминьдана единого фронта с КПК сопровождался жесточайшим террором против трудящихся масс и их авангарда — Компартии Китая. КПК понесла тяжелые потери. Несмотря на резкое ухудшение экономического положения трудящихся, рабочее движение пошло на убыль. Многие революционные профсоюзные организации были разгромлены, ослабли связи КПК с рабочим классом. В то же время в ряде сельских районов начался массовый приток в партию непролетарских элементов². Исполком Коминтерна и ЦК КПК не сумели вовремя правильно оценить своеобразие наступившего момента. Руководство КПК придерживалось мнения, что революция находится на подъеме, носит «перманентный» характер и что это диктует необходимость немедленно и повсеместно, в деревне и в городах организовывать вооруженные восстания³.

На деле подобная позиция вела к развитию путчистских настроений, к отрыву партии от широких народных масс, политической изоляции КПК.

Для вывода партии из кризиса требовалось решительное изменение политической линии, перестройка работы с учетом новых условий. Начало этому процессу было положено на 9-м пленуме Исполкома Коминтерна в феврале 1928 г. обстоятельно и самокритично проанализировав положение в стране, пленум принял «Резолюцию по китайскому вопросу», в которой, оценив текущий момент как спад революционной волны, рекомендовал партии проводить тактику отступления и собирания сил. Пленум призвал КПК решительно бороться против путчизма, игры с восстанием, увлечения левой фразой и т. п. «Величайшая опасность всей теперешней обстановки состоит в том, — подчеркивалось в резолюции, — что авангард рабоче-крестьянского движения в результате неправильного учета нынешней обстановки и недооценки сил противника может оторваться от масс, забежать далеко вперед, распыляя свои силы, и دنیا себя разбить по частям»⁴.

Касаясь характера революции, пленум отметил, что «текущий период китайской революции есть период буржуазно-демократической революции, которая не завершена ни с точки зрения экономической (аграрный переворот и уничтожение феодальных отношений), ни с точки зрения национальной борьбы против империализма (объединение Китая и национальная независимость), ни с точки зрения классовой природы власти (диктатура пролетариата и крестьянства)»⁵.

Пленум отверг выводы о том, будто китайская революция уже переросла в революцию социалистическую и что она носит «перманентный» характер. Вместе с тем, затрагивая вопрос о движущих силах революции в Китае, пленум подтвердил типичную в то время для Коминтерна и руководства КПК неверную оценку национальной буржуазии как контрреволюционной силы, утратившей свой антиимпериалистический потенциал.

Принципиальное значение для разработки курса КПК имел вывод 9-го пленума ИККИ о неравномерности развития революции в различных районах Китая,

об отставании рабочего движения по сравнению с крестьянским. Исходя из специфики обстановки в Китае (продолжение выступлений в деревне при спаде революционной волны в городах и в общенациональном масштабе) и учитывая главную перспективу борьбы в деревне (создание очагов революционной власти — советских районов — и вооруженных сил КПК), ИККИ рекомендовал и дальше разворачивать выступления крестьянства. Как отмечалось в резолюции 9-го пленума, «главной задачей партии в советизированных крестьянских районах является проведение аграрной революции и организация частей Красной армии в расчете, что эти части будут постепенно объединяться потом в общую всекитайскую Красную армию»⁶.

В качестве основного лозунга аграрной программы КПК пленум предложил лозунг конфискации помещичьих земель. Тем самым ИККИ снял выдвигавшийся на 8-м пленуме и руководством КПК лозунг национализации земли.

9-й пленум ИККИ обязал все секции Коминтерна оказать всемерную поддержку китайской революции, разоблачать действия китайской реакции и ее империалистических пособников, противодействовать попыткам империалистической интервенции, развешивать движение за вывод иностранных войск из Китая.

Вследствие укоренившихся в руководстве КПК левацких настроений решения 9-го пленума ИККИ по китайскому вопросу далеко не сразу были приняты к исполнению. Вместо текста упомянутой резолюции Временное Политбюро ЦК КПК 30 апреля 1928 г. направило на места циркуляр № 44 «О резолюции ИККИ по китайскому вопросу», в котором заявило о своем согласии с этим документом. Однако на деле Политбюро ЦК КПК пыталось дезавуировать выводы Коминтерна. В циркуляре отсутствовала сформулированная пленумом оценка текущего момента и характера революции. Решения пленума ИККИ излагались как подтверждение установок ЦК КПК на перерастание китайской революции в социалистическую, что находилось в противоречии с резолюцией ИККИ⁷.

Серьезное положение, сложившееся в КПК, поставило в повестку дня скорейшее проведение VI съезда партии.

Впервые вопрос о созыве съезда был поднят в августе 1927 г. В ноябре Временное Политбюро ЦК КПК приняло «Постановление о VI съезде КПК» и запланировало его открытие на март 1928 г.⁸ В связи с разгулом белого террора и тяжелым организационным состоянием партии представитель Коминтерна в Китае О. А. Миткевич и глава Временного Политбюро ЦК КПК Цюй Цюбо обратились в ИККИ с предложением провести съезд в СССР. Это предложение было принято.

Активная подготовка к съезду развернулась не только в Китае, но и в Советском Союзе. По мере приезда делегатов формировались группы по изучению тех или иных вопросов, которые затем были преобразованы на съезде в комиссии по выработке соответствующих резолюций. Особое внимание уделялось материалам делегатов с мест — непосредственных участников выступлений в армии, сельских районах и городах. Сообщения и записи устных рассказов, поступившие в комиссии, явились ценным подспорьем для подготовки документов съезда.

Прежде всего началась разработка рекомендаций по аграрному, крестьянскому и военному вопросам. В апреле 1928 г. представитель КПК Ли Лисань и сотрудники НИИ по Китаю М. Волин, Е. Иолк и О. Тарханов подготовили проекты резолюций по этим вопросам⁹.

Острота военного вопроса побудила ИККИ и КПК принять еще до съезда ряд мер в этой области. В мае 1928 г. было утверждено решение о Военном отделе ЦК КПК, подробная инструкция относительно структуры и задач отдела, определены перспективы работы КПК в этой области и конкретные установки о путях и методах развития партизанского движения и создания Красной армии. К составлению этих документов были привлечены советские военные советники, работавшие в Китае в 1924—1927 гг.¹⁰ Важной частью подготовительной работы к созыву VI съезда КПК были встречи и беседы делегатов съезда с И. В. Сталиным, Н. И. Бухариным и другими деятелями ВКП(б) и ИККИ, в ходе которых обсуждались основные вопросы китайской революции и очередные задачи партии.

Заседания съезда проходили в селе Первомайском Наро-Фоминского района Московской области. На съезде присутствовали 84 делегата с решающим и 34 с совещательным голосом. Среди приглашенных были все члены ЦК КПК и ответственные работники партии, в том числе и уже отстраненные к тому времени от работы.

Бывший Генеральный секретарь ЦК КПК Чэнь Дусю от участия в работе VI съезда КПК отказался¹¹.

Делегатов съезда приветствовали представители Коминтерна, Коммунистического интернационала молодежи, Всекитайской федерации профсоюзов, китайского комсомола, а также ряда компартий.

В выступлении представителя ВКП(б) подчеркивалось, что геронческая Коммунистическая партия Китая должна научиться не только наступать, но и отступать, с величайшим хладнокровием и выдержкой готовиться к новому подъему революции¹².

Утвердив повестку дня, делегаты заслушали и обсудили доклад представителя Коминтерна Н. И. Бухарина о международном положении и задачах КПК, отчет ЦК КПК, с которым выступил Цюй Цюбо, сообщение Сян Чжунфа о решениях 9-го пленума ИККИ, отчет и доклад о военной работе, сделанные Чжоу Энъяем, доклады Сян Чжунфа и представителя Профинтерна С. А. Лозовского о профсоюзной работе, доклады Ли Лисаня об аграрной программе и крестьянском движении. По обсуждавшимся на съезде вопросам были приняты соответствующие постановления.

В своем докладе Н. И. Бухарин заявил о необходимости строго конкретного анализа китайской действительности. «Было бы совершенно неправильно, немарксистски и неленински, если бы мы по шаблону, механически переносили бы положения, касающиеся Западной Европы или даже Советского Союза на Китай, — подчеркнул докладчик. — Одна из больших опасностей в нашем движении, в руководстве Коммунистического Интернационала, очень часто состоит в том — и на это указывал в свое время и т. Ленин, — что русский опыт непосредственно переносится на всякого рода страны. Влияние русской революции неизбежно очень большое и тут ничего плохого, кроме хорошего, нет. Но, поскольку мы сознательно руководим всем этим процессом, мы должны остерегаться некритического, шаблонного, механического перенесения того опыта, который имелся в других странах. Этот опыт нужно переносить с умом, т. е. анализируя каждый раз особые условия развития в той стране, о которой идет речь»¹³.

Главное внимание Н. И. Бухарин уделил разъяснению основных положений «Резолюции по китайскому вопросу», принятой ИККИ в феврале 1928 г., в особенности касающихся характера китайской революции и оценки текущего момента, ибо, как показала жизнь, в КПК по этим вопросам сохранялись существенные разногласия.

В своем докладе Н. И. Бухарин призвал собравшихся к трезвому анализу ситуации, сложившейся в Китае. Ключ к решению вставших перед партией сложнейших задач он видел во всемерном укреплении КПК и мобилизации широких народных масс на упорную и длительную борьбу во имя победы революции.

После оживленной и деловой дискуссии съезд принял сформулированную в резолюции 9-го пленума ИККИ оценку характера революции в Китае как революции буржуазно-демократической, тремя главными задачами которой являются: борьба за национальную независимость и объединение страны; ликвидация помещичьего землевладения и всех феодальных пережитков; свержение власти реакционного гоминьдана — власти буржуазно-помещичьего блока — и замена ее революционно-демократической диктатурой рабочего класса и крестьянства в форме Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов¹⁴. Оценка содержания революции как буржуазно-демократической стала опорой для борьбы марксистских сил в КПК против левацких уклонов в этом важном вопросе, против троцкистских и подобных им «теорий» китайской революции, означавших на практике отрицание либо недооценку ее национальных и антифеодальных задач.

Вместе с тем установка на борьбу за создание революционно-демократической диктатуры непосредственно на данном этапе, минуя этап единого национального фронта, связанная с принятой съездом оценкой движущих сил революции, а именно с оценкой национальной буржуазии как силы контрреволюционной, исчерпавшей свои возможности в антиимпериалистической борьбе, неспособной даже частично разрешить отдельные задачи буржуазно-демократической революции¹⁵, несла сильный налет сектантства. Эти положения вплоть до середины 30-х гг. были одним из источников сектантско-догматического подхода КПК к проблеме поиска союзников¹⁶. С этим

были связаны и выводы VI съезда, а затем VI конгресса Коминтерна о неспособности гоминьдана добиться какой-либо стабилизации экономического и политического положения, а также тезис о том, что все фракции гоминьдана являются контрреволюционными, а его «левые» группировки выродились в фашистские организации¹⁷. Эти оценки стали почвой для преувеличения степени кризиса правящего режима, сужали возможности маневра, использования противоречий в лагере господствующих классов.

VI съезд подтвердил определение текущего момента, данное в резолюции 9-го пленума ИККИ: «Настоящее положение в основном характеризуется отсутствием революционного подъема в сколько-нибудь широких массах китайского народа»¹⁸. В документах съезда говорилось, что неразрешенность противоречий, породивших китайскую революцию, делает в перспективе неизбежным ее новый подъем, который вновь поставит перед партией задачу подготовки вооруженного восстания в масштабе всей страны. Однако в тот момент этот лозунг рассматривался лишь как пропагандистский¹⁹. Съезд указал, что в тот период, когда «первая волна революции закончилась рядом тяжелых поражений, а вторая еще не пришла», генеральной линией партии была борьба за массы²⁰. Развивая положение 9-го пленума ИККИ о неравномерности развития революции в Китае, VI съезд сделал вывод о том, что в дальнейшем, «при общем революционном подъеме», возможна победа революции «в одной или некоторых главных провинциях»²¹.

К определению тактической линии съезд подошел с учетом различий положения в городе и деревне. В городе предлагалось проводить «классическую» тактику отступления: восстановление организаций партии и революционных профсоюзов, борьба в «желтых» и гоминьдановских союзах за повседневные требования рабочих, привлечение на свою сторону мелкой буржуазии на основе лозунгов борьбы против империализма и милитаризма²².

В деревне с учетом данных о создании коммунистами в ряде районов Китая партизанских отрядов VI съезд подтвердил курс на «расширение советских очагов, захват и закрепление районов, могущих стать базой развития более мощного движения»²³, то есть курс на развитие крестьянского движения и партизанской борьбы под лозунгами аграрной революции с перспективой создания Красной армии на базе партизанских отрядов. В «Политической резолюции» подчеркивалось, что создание Красной армии в сельских районах возможно «и в настоящее время в силу своеобразия политической обстановки...». Эта задача должна, говорилось в резолюции, «стоять в центре внимания партийной работы в деревне, охваченной партизанским движением. Успех в этом деле может оказаться одним из решающих факторов в нарастании нового революционного подъема»²⁴.

Вопросам борьбы в деревне, помимо положений «Политической резолюции», были посвящены специальные документы: «Резолюция по аграрному вопросу», «Резолюция по крестьянскому движению», а также значительная часть «Резолюции об организации советской власти».

В «Резолюции по аграрному вопросу» социально-экономические отношения в деревне определялись как «полуфеодалные», пронизанные насквозь «пережитками феодальных отношений»²⁵. При этом степень развития капитализма в китайской деревне (ввиду отсутствия специальных исследований) значительно преувеличивалась. В документах съезда вместе с тем отмечались особенности землевладения и землепользования в различных районах страны, а также ряд важнейших особенностей китайской деревни: отсутствие крупных помещичьих хозяйств, малоземелье, преобладание слоев малоземельных и безземельных крестьян. Завышенная оценка степени развития капитализма в деревне сказалась на том, как классифицировались в материалах съезда различные слои крестьянства, особенно «кулаки» (богатые крестьяне) и массы малоземельных («мелкие», «парцельные», «полупролетарии» — по терминологии документов съезда) и полностью безземельные, отнесенные к сельскохозяйственному пролетариату²⁶. Определение массы безземельных крестьян (фактически сельских пауперов) как сельского пролетариата привлекло особое внимание партии к организации этого огромного по численности слоя, обладавшего значительными потенциями в развернувшейся борьбе: выходцы из этого слоя составляли поначалу преобладающую часть бойцов Красной армии, значительную часть Красной и Молодой гвардии. С другой стороны, определение сельских пауперов как сельских пролетариев вело к затуше-

выванию особенностей природы и эгалитарных требований этого слоя, которые были выражением не пролетарского понимания равенства, а отражением зависти «несостоявшихся мелких собственников» к имущим.

Съезд указал, что лозунг национализации земли преждевременен, что партия вернется к этому лозунгу после победы революции. В «Основных положениях аграрной программы» выдвигалось требование конфискации всей помещичьей земли и передачи ее местным органам власти (Советам) для передачи в пользование (владение) мало-земельным и безземельным крестьянам²⁷, хотя на съезде говорилось, что вопрос о праве собственности крестьян и юрисдикции Советов в этой области должна будет решить практика. Таким же был и подход к методам раздела (по едокам или по рабочей силе)²⁸.

В «Политической резолюции» ориентация партии в деревне была определена следующим образом: основной враг — помещики, тухао, шэньши; главная опора партии — беднейшие слои крестьянства: важное условие успеха работы — установление союза с середняком. Заострение борьбы против кулака на этом этапе считалось нецелесообразным, что не означало отказа от борьбы против кулака-полупомещика²⁹.

В «Резолюции с крестьянском движении» рассматривались основные формы борьбы крестьянства, тактика и лозунги партии при организации крестьянских выступлений. Разработанная на основе анализа вооруженной борьбы крестьянства в предшествующий период, эта резолюция затрагивала практически все основные проблемы, с которыми в дальнейшем китайским коммунистам пришлось сталкиваться в деревне. В целом решения съезда по аграрно-крестьянскому вопросу ориентировали партию на использование и слияние всех потоков и форм борьбы крестьянства, вооруженных организаций деревни под ее руководством в общий поток борьбы³⁰.

Далеко идущее значение имели и решения съезда о строительстве Красной армии, к выработке которых были привлечены советские военные специалисты. Намечалось создание частей Красной армии и связанных с ними полурегулярных местных отрядов Красной и Молодой гвардии — школы и резерва основных боевых сил. Большое место в решениях по военному вопросу отводилось стратегии и тактике партизанских действий. Особое внимание обращалось на организацию политической работы, подбор и расстановку кадров командиров и политработников. Перед КПК ставилась задача обеспечить безусловное руководство новыми вооруженными силами.

На решениях съезда о работе в городе сказались завышенные оценки уровня зрелости рабочего и профсоюзного движения в предыдущий период, недооценка сложности новых условий работы после разрыва единого фронта. В «Резолюции по профдвижению» в целом трезво характеризовались его состояние и ряд специфических черт. Так отмечалось, что при внешне широком охвате профсоюзами трудящихся масс в 1926—1927 гг. в них не создался собственный рабочий актив: профсоюзы создавались «сверху вниз», путем назначения КПК своих представителей (главным образом из числа интеллигенции и студентов) в качестве руководителей профсоюзов³¹. Репрессии против этого актива и разгон красных профсоюзов привели к отрыву рабочих масс от партии. Как отмечалось в организационном отчете ЦК КПК, большинство уцелевших красных профсоюзов сократилось до размера сохранившихся партийных ячеек³².

Съезд выдвинул задачу восстановления профсоюзов путем организации инициативных центров типа фабзавкомов (под различными названиями), использования легальных и полулегальных организаций традиционного типа (землячества, «братских» и «сестринских» организаций взаимопомощи и т. п.). Одновременно подчеркивалась опасность сектантского отношения к правительственным и «желтым» («лево»-гоминьдановским) профсоюзам, необходимость работы в них, важность борьбы за повседневные требования³³.

В то же время рекомендации о работе в профсоюзах страдали неконкретностью, несли значительный налет сектантства. Так предлагалось выдвигать в ходе забастовок требование «восстановления прежнего положения о создании профсоюзов», нереальное в условиях белого террора. Внедрение в правительственные и другие «желтые» профсоюзы рекомендовалось для того, чтобы разоблачать «продажную сущность реакционных лидеров, срывая с них перед массами их фашистскую маску». Сектантским был отказ от выдвижения лозунга единого фронта различных

организаций³⁴. В этом сказывалась и недооценка того влияния, которое имел гоминьдан на рабочих. Считалось, что поскольку гоминьдановские профсоюзы насаждаются силой, сверху, то масса рабочих относится к ним резко враждебно. Вариантом того же подхода было мнение, что в Китае нет социальной почвы для реформизма, а потому — и почвы для массовых реформистских профсоюзов. Такие взгляды излагались, в частности, в выступлении Су Чжаочжэна на IV конгрессе Профинтерна³⁵, проходившем накануне VI съезда КПК (в марте-апреле 1928 г.), повторялись в различных выступлениях на съезде. Практика показала, что при отсутствии в Китае «европейских» условий для социал-реформизма в руках правящих классов имелись другие средства, а именно: комбинация террора и национал-реформистской политики, использование националистической пропаганды, особенно прилипчивой ввиду полукOLONиального положения страны, низкого уровня политической и элементарной грамотности подавляющего большинства рабочих.

Представление о том, что тяжелейший гнет и условия труда «автоматически» революционизируют рабочую массу, делают ее готовой для борьбы за классовые интересы без промежуточных этапов, сопровождалось недооценкой значения национальных, антиимпериалистических настроений при вовлечении рабочих и других слоев города в экономическую и политическую борьбу.

На съезде отмечалось, что в период «цзинаньского инцидента»³⁶ оживилось антиимпериалистическое, а в этой связи и профсоюзное движение. Отмечалось также, что в результате отказа КПК принять участие в антияпонском движении все антияпонские организации, возникшие в его ходе, оказались в руках гоминьдана³⁷. В документах съезда говорилось о задачах развертывания антиимпериалистической борьбы, указывалось на связь борьбы рабочего класса и крестьянства с задачами ликвидации империалистического господства³⁸. В то же время выступавшие на съезде призывали, развивая антиимпериалистическую борьбу, «избегать повторения «30 мая», то есть единого антиимпериалистического фронта. Выдвигалась задача бороться за «возглавление антиимпериалистического движения»³⁹, что не соответствовало реальным возможностям КПК, толкало партию на путь раскола антиимпериалистических организаций. В целом съезд исходил из того, что партия должна «сочетать борьбу против империализма с борьбой против гоминьдана...»⁴⁰. На практике это означало, что развертывание антиимпериалистической борьбы рассматривалось как задача второстепенная, подчиненная главной цели — свержению власти гоминьдана. Как показал опыт, такая тактика означала перепрыгивание через исторически необходимый этап.

В решениях съезда о создании Советов, которые характеризовались как органы «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», в соответствии с принятой оценкой движущих сил революции указывалось, что в их состав должны входить представители низшего слоя мелкой буржуазии при обеспечении «руководящей роли промышленных рабочих». Эти установки не учитывали, что в большинстве сельских районов Китая, где прежде всего создавались Советы, промышленный пролетариат отсутствовал.

Съезд уделил особое внимание вопросам состояния КПК и задачам партийного строительства. В «Организационном отчете ЦК» отмечалась слабая связь с массами рабочих основных отраслей промышленности в предыдущие годы, политика «назначенчества сверху» в ячейки на предприятиях, которая в результате провалов и террора привела к тому, что «партия потеряла рабочих как свой базис. В основных отраслях крупной промышленности: металлургической, каменноугольной, на транспорте мы имели очень мало партийцев... В части городов совсем нет наших организаций»⁴¹. Определенных данных о состоянии партийных организаций руководство КПК не имело⁴².

В материалах съезда была зафиксирована тенденция к изменению социального состава КПК, проявлявшаяся в резком падении в партии удельного веса рабочих и интеллигенции и быстром росте партии за счет различных слоев деревни. В числе недостатков в работе руководящих органов партии отмечались неразвитость демократических форм деятельности, а также групповщина, беспринципная борьба и даже физические расправы с инакомыслящими⁴³.

Преодоление этих недостатков намечалось путем перестройки работы КПК таким образом, чтобы дальнейшее развитие партии шло за счет промышленного проле-

тариата и чтобы пролетарские элементы составили ее основу путем внедрения в деятельность КПК принципов организационной и идеологической работы партий Коминтерна, борющихся в нелегальных условиях. В качестве центральных задач КПК выдвигались: в городе — проникновение на крупные предприятия важнейших отраслей промышленности; в деревне — регулирование состава парторганизаций с тем, чтобы их рост происходил за счет пролетарских и бедняцких элементов; индивидуальный отбор в партию как в городе, так и в деревне. Вместе с тем съезд предостерег от повторения ошибок, допущенных некоторыми партийными организациями, в частности от огульного отстранения товарищей от работы лишь по мотивам их нерабочего происхождения. Как отмечалось, совершенно неверно полагать, будто член партии-интеллигент обязательно должен допускать оппортунистические ошибки, а всякий рабочий будет непременно проводить правильную большевистскую линию. Съезд подчеркнул, что критерием оценки члена партии должны быть его политическая выдержанность, дисциплинированность, преданность интересам рабочего класса, а также связь с широкими массами рабочих и крестьян, авторитет и влияние в массах, умение руководить ими. Съезд исходил из того, что в тогдашних условиях партия, естественно, не могла рассчитывать на быстрый численный рост. Эти положения, а также ряд рекомендаций (ведение пропаганды и агитации с учетом неграмотности основной массы рабочих, организация безработных, использование форм традиционных организаций и др.) отражали известный учет условий строительства компартии в Китае. В то же время, как показал опыт, рекомендации в области партийного строительства в целом были рассчитаны на условия более развитой страны, исходили из известной переоценки уровня рабочего и крестьянского движений в Китае.

VI съезд рассмотрел проект нового Устава партии⁴⁴, в котором были изменены некоторые положения прежнего Устава КПК (в частности, по вопросу о членстве в партии), подчеркивалось значение принципа демократического централизма; в целях обеспечения коллективности руководства и развития внутривнутрипартийной демократии созыв съездов, как и прежде, предусматривался ежегодно⁴⁵.

В связи с подготовкой в период съезда проекта Программы Коминтерна (к VI Конгрессу) съезд не рассматривал проект Программы КПК, поручив новому ЦК подготовить его для рассмотрения на очередном съезде. ЦК было поручено подготовить к очередному съезду (как часть программы) и раздел по вопросу о положении национальностей в Китае, руководствуясь положением, записанным в Политической резолюции: «...объединение страны с признанием права каждой нации на самоопределение»⁴⁶. Кроме того, было принято Обращение съезда к партийным организациям, в котором выражалось согласие с резолюцией 9-го пленума ИККИ и излагались основные лозунги партии («10 пунктов») ⁴⁷.

Съезд избрал новый состав ЦК в качестве 23 членов и 13 кандидатов и Центральную контрольную комиссию (3 члена и 2 кандидата). В соответствии с курсом на усиление пролетарского влияния в ЦК было избрано значительное число рабочих-партийцев. Отражением внимания партии к работе в деревне явилось заочное избрание в ЦК Фан Чжиминя и Мао Цзэдуна. Заочно в ЦК были избраны также Жэнь Биши и Ло Дэньсянь, возглавлявшие Бюро ЦК, оставленное в Шанхае на время работы съезда.

На состоявшемся 21 июля 1928 г. 1-м пленуме ЦК КПК 6-го созыва было избрано Политбюро в составе семи членов (Сян Чжунфа, Су Чжаочжэн, Сян Ин, Чжоу Эньлай, Цюй Цюбо, Цай Хэсэнь, Чжан Готао) и семи кандидатов (Гуань Сяньин, Ли Лисань, Пэн Бай, Ян Инь, Ло Дэньсянь, Лу Футань, Сюй Сигэнь). На пост Генерального секретаря ЦК были выдвинуты две кандидатуры — Сян Чжунфа и Чжоу Эньлай. Большинством голосов был избран Сян Чжунфа. Для работы в Китае Политбюро сформировало Исполнительное бюро в составе Сян Чжунфа, Чжоу Эньлая, Су Чжаочжэна, Сян Ина и Цай Хэсэня. Кандидатами в члены Исполнительного бюро были избраны Ли Лисань, Сюй Сигэнь и Ян Инь⁴⁸. Секретарем Центральной контрольной комиссии был избран Лю Шаоци⁴⁹. В состав делегации КПК в Коминтерне были избраны Цюй Цюбо (руководитель), Чжан Готао (заместитель), Дэн Чжунся, Ван Жофэй, Юй Фэй, Хуан Пин⁵⁰.

VI съезд сыграл важную роль в истории КПК. Несмотря на ряд недостатков, в целом, по глубине и широте освещения многих проблем китайской революции,

решения съезда были значительным шагом вперед в разработке стратегии и тактики КПК. В них были сформулированы либо намечены многие элементы политики, определившие победоносный исход китайской революции.

¹ Подробнее о состоянии КПК в 1927—1928 гг. см.: Новейшая история Китая. 1917—1927. М., 1983; Новейшая история Китая. 1928—1949. М., 1984; А. М. Григорьев. Революционное движение в Китае в 1927—1931 гг. (Проблемы стратегии и тактики). М., 1980.

² По сведениям Орготдела ЦК КПК, к VI съезду в партии состояло: рабочих — 10,9 %, крестьян — 76,6; солдат — 0,8; интеллигенции и прочих — 6,9 % (См.: Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая. Кн. 4. М., 1930, с. 10). Для сравнения можно отметить, что к V съезду КПК (апрель — май 1927 г.) в партии числилось рабочих — 50,8 %, крестьян — 18,7; солдат и офицеров — 3,1; интеллигентов — 19,1; мелких торговцев — 0,5; прочих — 7,5 % (См.: В. И. Глушин. V съезд КПК и уроки революции 1925—1927 гг. — «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 2, с. 141).

³ См.: Советы в Китае. Сборник материалов и документов. М., 1934, с. 10.

⁴ Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986, с. 148.

⁵ Там же, с. 146.

⁶ Там же, с. 149.

⁷ См.: Материалы по китайскому вопросу. М., 1928, с. 3—5. На VI съезде КПК стало известно, что Временное Политбюро ЦК КПК приняло по поводу упомянутой резолюции пять секретных пунктов. Чтобы оттянуть ознакомление партии с решениями 9-го пленума ИККИ по китайскому вопросу, руководство КПК запросило у ИККИ разъяснений по поводу «неясных моментов» в резолюции, включая вопрос об оценке текущего этапа китайской революции (Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая. Кн. 3, с. 93—94, 130; Кн. 4, с. 114—120, 124—125).

⁸ Съезды Компартии Китая. Период новодемократической революции. Пекин, 1982, с. 117 (на кит. яз.).

⁹ Подробнее см.: А. М. Григорьев. Указ. соч., с. 79.

¹⁰ Подробнее см. там же, с. 79—81.

¹¹ Вопрос о Чэнь Дусю вызвал на съезде оживленную полемику. Наиболее взвешенная оценка его деятельности была дана Цюй Сюбо, который остановился не только на ошибках Чэнь Дусю, но и на его заслугах перед КПК. См.: Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая. Кн. 3, с. 77.

¹² См. там же. Кн. 1, с. 5—6.

¹³ Там же, с. 18—19.

¹⁴ См.: Программные документы коммунистических партий Востока. Т. 1, 1934, с. 16—17 (далее: Программные документы компартий Востока).

¹⁵ См. там же, с. 16, 23.

¹⁶ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 302.

¹⁷ См.: Программные документы компартий Востока, с. 31.

¹⁸ Там же, с. 22.

¹⁹ См. там же, с. 24—25.

²⁰ См. там же, с. 25.

²¹ Там же, с. 24.

²² См. там же, с. 24—27, 28—29, 31.

²³ Там же, с. 30.

²⁴ Там же, с. 30.

²⁵ Там же, с. 39. Съезд отверг определение аграрного строя Китая как «азиатского» или «переходного от азиатского способа производства к коммунизму», содержащееся в «Резолюции о проекте аграрной программы», принятой в ноябре 1927 г.

²⁶ См. там же, с. 44—45.

²⁷ См. там же, с. 50—51.

²⁸ См.: Стенографический отчет VI съезда КПК. Кн. 4, с. 108—111.

²⁹ См.: Программные документы компартий Востока, с. 24—30. В «Резолюции по аграрному вопросу» выделялись два типа кулаков в Китае — «обычный» и «полукулак-полупомещик» (преобладающий тип, применяющий докапиталистические формы эксплуатации).

³⁰ Подробнее о решениях VI съезда КПК по аграрно-крестьянскому вопросу и их значении см.: Григорьев А. М. Некоторые вопросы оценки социально-экономической ситуации в китайской деревне в решениях VI съезда КПК. — Вопросы истории Китая. М., 1981, с. 20—38.

- ³¹ См.: Стенографический отчет VI съезда КПК. Кн. 6. М., 1930, с. 36—37.
- ³² См. там же.
- ³³ См. там же, с. 47—49.
- ³⁴ См.: Стенографический отчет VI съезда КПК. Кн. 6, с. 47.
- ³⁵ См.: IV конгресс Профинтерна. Стенографический отчет. М., 1928, с. 138—139.
- ³⁶ Оккупация японскими войсками 3 мая 1928 г. города Цзинань (центр провинции Шаньдун) и кровавая резня, в результате которой было убито и ранено более 10 тыс. китайских граждан.
- ³⁷ См.: Стенографический отчет VI съезда КПК. Кн. 6, с. 44.
- ³⁸ См.: Программные документы компартий Востока, с. 31, 42—43.
- ³⁹ Там же, с. 31.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Стенографический отчет VI съезда КПК. Кн. 4, с. 10—11.
- ⁴² На съезде говорилось, что «партячек в Ухане почти нет, в Тяньцзине — мало, в Шанхае — мало». Численность коммунистов в крупных городах, по данным орготдела ЦК, составляла: в Кантоне и Гонконге — 1000 чел., Шанхае — 1000, Ухане — 500; три северо-восточные провинции, Чжили и Шаньдун насчитывали все вместе 1000 коммунистов. См. там же.
- ⁴³ См. там же, с. 13, 14, 15—17.
- ⁴⁴ По рекомендации делегации ИККИ, с целью проверки соответствующих методов организации на практике, принятие Устава было отложено до очередного съезда. Проект Устава, рассмотренный на VI съезде, имел хождение в КПК в качестве устава до VII съезда партии.
- ⁴⁵ См.: Устав КПК. 1937, с. 20 (на кит. яз.).
- ⁴⁶ Программные документы компартий Востока, с. 17.
- ⁴⁷ См.: Стенографический отчет VI съезда КПК. Кн. 6.
- ⁴⁸ В литературе КНР «Исполнительное бюро» называется «Постоянным Комитетом Политбюро». См.: Ван Цзяньин. Изменение структуры руководящих органов КПК до антияпонской войны. — «Цзиньдай ши яньцзю», 1983, № 1, с. 130.
- ⁴⁹ См. там же.
- ⁵⁰ См. там же, с. 131.

Чжоу Эньлай и дипломатия КНР

А. А. ВОЛОХОВА,
кандидат исторических наук

5 марта 1988 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Чжоу Эньлая — выдающегося руководителя китайской революции, бессменного премьера Госсовета КНР с момента создания республики до своей кончины в январе 1976 г.

В Китае и за его пределами личность и деятельность Чжоу Эньлая вызывали и продолжают вызывать большой интерес. По данным агентства Синьхуа, за период с 1978 по 1987 г. в китайских журналах только исследовательских материалов о нем было опубликовано около тысячи¹.

Первая волна статей и воспоминаний о Чжоу Эньлае появилась в КНР в 1977—1979 гг. Авторы этих публикаций стремились создать образ идеального руководителя, обладавшего всеми достоинствами, которые традиционно приписываются конфуцианским «совершенным мужам» (ум, доброта, скромность, отсутствие честолюбия и т. д.). Акцент делался на изображение Чжоу Эньлая верным соратником Мао Цзэдуна и в то же время на то обстоятельство, что Чжоу Эньлай был активным противником «банды четырех», боровшимся против эксцессов «культурной революции»². В основном в этот период освещалась роль Чжоу Эньлая в истории КПК и его деятельность во внутривнутриполитической сфере. О внешнеполитической деятельности Чжоу Эньлая, как правило, говорилось очень немного.

В связи с выходом в свет в начале 1981 г. первого тома «Избранных произведений» Чжоу Эньлая, куда вошли его статьи и выступления до провозглашения КНР, только за год было опубликовано около 300 статей, в которых подчеркивалась необходимость тщательного изучения наследия Чжоу Эньлая.

Следующая волна публикаций о Чжоу Эньлае была связана с выходом в конце 1984 г. второго тома «Избранных произведений», охватывающих период с октября 1949 по 1975 г. В статьях китайских авторов, посвященных этому событию, стали чаще подниматься проблемы, связанные с внешнеполитической деятельностью Чжоу Эньлая³.

* * *

Начало дипломатической деятельности Чжоу Эньлая относится к 1936 г., когда он сыграл очень важную роль и проявил блестящие дипломатические способности в урегулировании так называемого Сианьского инцидента. 12 декабря 1936 г. китайские милитаристы Чжан Сюэлян и Ян Хучэн арестовали Чан Кайши и предъявили ему ряд требований, в том числе прекращения гражданской войны против революционных сил и сплочения всех патриотических элементов на борьбу с японскими захватчиками для спасения Родины. Эти требования были поддержаны Компартией Китая, руководство которой направило в Сиань для мирного урегулирования инцидента, грозившего расширением гражданской войны, своих представителей во главе с Чжоу Эньлаем. Во многом благодаря его усилиям в ходе переговоров ускорился процесс создания единого национального антияпонского фронта Компартии Китая и гоминьдана для сопротивления японским агрессорам⁴.

Во время антияпонской войны Чжоу Эньлай стал главной фигурой в механизме единого фронта, представляя в течение нескольких лет КПК при контактах с руководством гоминьдана. В 1937 г. в Ухане Чжоу Эньлай создал первое внешнеполитическое учреждение под эгидой КПК: при представительстве 8-й армии (реорганизованной Красной армии Китая) начала функционировать «группа по международной пропаган-

де», состоявшая всего из нескольких человек. Перед группой Чжоу Эньлай поставил две основные задачи: 1) сбор информации и осуществление контактов с находившимися в Ухане иностранными журналистами с целью создания общественного мнения в поддержку Китая; 2) перевод трудов Мао Цзэдуна. Частыми гостями группы стали три американских журналиста — А. Смедли, А. Л. Стронг и Э. Сноу, а также новозеландский литератор Р. Элли.

Для членов своей маленькой группы, по воспоминаниям одного из ее сотрудников, Чжоу Эньлай сформулировал «пять правил работы»: 1) «работать глазами» — заниматься чтением, и прежде всего изучать марксистско-ленинскую литературу, труды Мао Цзэдуна, документы КПК; 2) «работать ушами» — стараться слушать, что говорят люди о войне, гоминьдане, будущем Китая, и использовать их мнения в своей деятельности; 3) «работать языком» — пропагандировать политику и установки партии, разоблачать неправильные идеи и взгляды; 4) «работать руками» — делать самому все, что требуется; 5) «работать ногами» — ходить и искать друзей, а не сидеть за закрытой дверью, ожидая, что в нее постучат⁵.

Активная дипломатическая деятельность Чжоу Эньлая и сотрудников группы, которая несколько увеличилась количественно и составила группу по иностранным делам при Южнокитайском бюро ЦК КПК, продолжалась и в Чунцине (куда после ряда поражений от Японии переехало гоминьдановское правительство). Именно в чунцинский период сформировались основные дипломатические методы Чжоу Эньлая: 1) мобилизация дипломатическими средствами (личные контакты, пресс-конференции и интервью разным по своим политическим симпатиям журналистам) различных влиятельных политических и социальных сил на базе выявления общих интересов (у них и у КПК) для успешного осуществления курса КПК; 2) обращение к «народной дипломатии», максимально возможное использование неформальных контактов с представителями самых разных слоев для создания там позитивных представлений о китайских коммунистах.

В преддверии победы китайской революции Чжоу Эньлай отмечал важность разработки основных принципов внешней политики нового Китая, с которыми страна будет выходить на международную арену. Проводя такую разработку, он стремился «обкатать» эти принципы не только в руководстве КПК, но и среди китайской общественности.

Многие установки и принципы внешнеполитического курса КПК были сформулированы Чжоу Эньлаем в Докладе относительно мирных переговоров, прочитанном 17 апреля 1949 г. перед демократическими деятелями-патриотами, прибывшими в Пекин на предстоящую сессию политического консультативного совета, а также профессорами пекинских вузов. Чжоу Эньлай, выступая с внутри- и внешнеполитической программой КПК, обратился к беспартийным интеллигентам со словами о том, что партия «надеется получить от них полезные советы».

Назвав основами китайской позиции в мировых делах независимость, самостоятельность и опору на собственные силы, Чжоу Эньлай заявил: «В принципиальных вопросах мы решительно не уступаем... Мы должны опираться на собственные силы и только тогда сможем обращаться за помощью извне. Полезная для Китая помощь, разумеется, желательна, но нельзя опираться только на нее. Даже к Советскому Союзу и странам народной демократии нам не следует относиться по-иждивенчески. Мы готовы сотрудничать со всеми странами, которые относятся к нам как к равным. Мы не настроены против зарубежных государств и не бросаем им вызов, но нам следует твердо придерживаться своей позиции, иначе мы попадем в кабалу к иностранцам... Твердо придерживаясь своей позиции, нам нужно в то же время быть очень осмотрительными и следовать принципам правоты, пользы и меры»⁶.

Без существенных изменений сформулированные в докладе Чжоу Эньлая принципы и установки вошли затем в Общую программу Народного политического консультативного совета Китая — документ, выполнявший до принятия Конституции КНР в 1954 г. роль одного из временных конституционных актов, определявших правовые основы государства⁷.

В период, предшествовавший провозглашению КНР, и в первые месяцы ее существования Чжоу Эньлай, занимаясь решением сложнейших внутривнутриполитических вопросов, уделял внимание и формированию новой дипломатической службы. Рассматривая работников чунцинской группы по иностранным делам как ядро для ее формирования, он поставил перед ними задачу: во-первых, готовить необходимые для дипломатической работы в новых условиях кадры; во-вторых, начать исследования по внешнеполитическим пробле-

мам, которые возникнут после освобождения всей территории страны от гоминьдановских сил.

Проблемы и задачи, стоявшие перед китайской дипломатической службой после двух с небольшим лет, прошедших после образования КНР, были подробно разобраны Чжоу Эньлаем в его выступлении на собрании работников дипломатических учреждений КНР за рубежом 30 апреля 1952 г.⁶ Это выступление является весьма важным для понимания особенностей, присущих китайской дипломатической службе, и взглядов самого Чжоу Эньлая на международные отношения и дипломатию.

Заявив о проведении КНР миролюбивой внешней политики и о возможности победить капитализм в мирном соревновании, Чжоу Эньлай назвал ряд основных элементов миролюбивого внешнеполитического курса КНР, в том числе:

— устанавливать дипломатические отношения со всеми странами на основе равенства, взаимной выгоды и взаимного уважения суверенитета;

— «держаться одной стороны», то есть стоять в лагере мира и демократии во главе с СССР;

— поддерживать хорошие отношения с теми капиталистическими странами, которые не относятся к КНР враждебно;

— вести взаимовыгодную торговлю;

— укреплять единство с народами мира: вместе с СССР и странами народной демократии, прежними полуколониальными и колониальными государствами, с народами капиталистических и империалистических стран вести борьбу за укрепление сил мира, рост влияния нового Китая.

Говоря о непосредственных задачах работы на «дипломатическом фронте», Чжоу Эньлай особо постарался разъяснить дипломатическим кадрам — выходцам из армейской среды или бывшим парторботникам — необходимость и диалектического, и конкретно-исторического подхода к решению этих задач.

Он указал, что китайская дипломатия после образования КНР вступила в новый этап, и главным объектом приложения сил дипломатов становятся межгосударственные отношения. Это, однако, не означало отказа от действий по укреплению солидарности и единства с народами всех стран, от принципов «народной дипломатии», преобладавших в предшествующий период.

Другим важнейшим направлением деятельности дипломатической службы КНР Чжоу Эньлай назвал «необходимость четкого разграничения между врагами и друзьями», настаивая на дифференцированных подходах и к врагам, и к друзьям. Если об использовании противоречий между капиталистическими странами много писалось и тогда, и позже, то о втором аспекте — значительно меньше, хотя он до сих пор во многом определяет отношение КНР к тем странам, которые считаются дружественными.

Чжоу Эньлай разделял друзей на «фундаментальных» и «временных», причем во второй группе выделял еще «друзей на короткое время» и «друзей на довольно длительный промежуток времени». В выступлении Чжоу Эньлая конкретных примеров не приводилось, но, как представляется, в дальнейшем такой дифференцированный подход к друзьям был весьма характерен для китайской внешней политики и дипломатии.

Чжоу Эньлаем были сформулированы «идеологические принципы дипломатической работы», во многом сохраняющие свою актуальность и по прошествии нескольких десятилетий:

— твердо придерживаться интернационализма, выступать против узкого национализма (теоретически, подчеркнул тогда Чжоу Эньлай, все это признают, но в практической работе в некоторых основных вопросах проявляют узкий национализм и великодержавную идеологию). «Каждая нация имеет свои особенности, — сказал Чжоу Эньлай, — мы должны уважать и изучать их»;

— твердо придерживаться патриотизма, отличая социалистический и народно-демократический патриотизм от буржуазного шовинизма;

— твердо придерживаться коллективизма, выступать против индивидуализма;

— твердо придерживаться пролетарской дисциплины, воспитывать в себе высокий уровень сознательности, выступать против либерализма;

— твердо придерживаться демократического централизма, выступать против бюрократизма (осознавая давление традиций китайской бюрократии, Чжоу Эньлай уделил особое внимание необходимости развития демократии, внимательного отношения к различным высказываемым мнениям: «Демократия в посольствах нужна обязательно. Толь-

ко централизм без демократии приводит к бюрократизму»);

— необходимо обладать высокой степенью партийности.

Представляется, что далеко не случайно Чжоу Эньлай в начале 50-х гг. среди идеологических принципов дипломатической работы на первое место поставил интернационализм, противопоставляя его узкому национализму и идеям великодержавия. В отличие от многих других руководителей КПК того периода, он осознавал тот факт, что в Китае национализм и великоханьский шовинизм имеют очень глубокие исторические корни, и их изживание не на словах (признание интернационализма в теории), а на деле потребует и длительного времени, и больших целенаправленных усилий со стороны руководства КПК.

Чжоу Эньлай относился к тем китайским руководителям, которые довольно реалистически оценивали трудности, стоящие на пути строительства социализма в Китае. Выступая на праздновании 5-й годовщины образования КНР, Чжоу Эньлай сказал о том, что путь построения социализма в стране будет сопряжен с исключительно сложной борьбой, а преодолеть трудности и победить врагов можно, только сплотившись⁹.

Несколькими днями раньше, 23 сентября 1954 г., на первой сессии ВСНП первого созыва Чжоу Эньлай заявил, что для строительства социализма Китаю нужна мирная обстановка, а также укрепление и развитие отношений сплочения и сотрудничества с социалистическими странами в политической, экономической, культурной областях и в совместной борьбе за сохранение мира во всем мире¹⁰.

Мысль о необходимости единства и сплоченности социалистических стран, дружбы и сотрудничества Китая и Советского Союза красной нитью проходит через все сколько-нибудь значительные выступления Чжоу Эньлая по международным вопросам вплоть до начала 60-х гг. Единство и сплоченность рассматривались как важные условия и сохранения мира во всем мире, и дальнейшего движения стран социалистического лагеря по пути строительства социализма. Однако, насколько можно судить, анализируя его опубликованные выступления 1955—1957 гг., Чжоу Эньлай осознавал, что одних слов и призывов к единству недостаточно, что необходимо было укреплять материальную и идейную базу единства. Отсюда постановка Чжоу Эньлаем проблемы общности интересов СССР и КНР, всех социалистических стран в строительстве социализма и борьбе за сохранение мира, важности твердого соблюдения равенства, взаимной выгоды, взаимного уважения государственного суверенитета в осуществлении экономического сотрудничества между социалистическими странами¹¹.

Вместе с тем Чжоу Эньлаю, в отличие от ряда других китайских лидеров того времени, было присуще понимание того, что укрепление единства и сплоченности социалистических стран сопряжено с определенной долей обязанностей каждой страны, которые в чем-то могут не совпадать с ее национальными интересами в представлении некоторых руководителей. Об этом Чжоу Эньлай говорил, в частности, в своем выступлении на VIII Всекитайском съезде КПК, где подчеркнул, что отношения между социалистическими странами имеют целью содействие общему подъему экономики всех стран социализма, повышению благосостояния и культурного уровня народов всех социалистических стран и что, являясь составной частью социалистического лагеря, КНР несет свою определенную долю обязанностей, участвуя в социалистическом разделении труда¹².

В выступлениях Чжоу Эньлая 50-х гг. содержится четкая оценка роли социалистических стран как главной силы современности в борьбе за мир и прогресс после второй мировой войны, а также оценка значения дружбы и сотрудничества между КНР и СССР как «основного залога мира во всем мире», важного фактора, способствующего делу социалистического строительства в Китае¹³. Ухудшение советско-китайских отношений, как предупреждал Чжоу Эньлай, чревато самыми негативными последствиями. «Сейчас все еще находятся люди, — говорил он в Отчетном докладе о работе правительства на четвертой сессии ВСНП 26 июня 1957 г., — которые пытаются отрицать огромное значение искренней помощи Советского Союза нашей стране. Совершенно ясно, что это рассчитано на то, чтобы спровоцировать ухудшение китайско-советской дружбы, подорвать международное сплочение и, следовательно, сорвать дело строительства социализма в нашей стране»¹⁴.

В 1957 г. казалось, что это высказывание Чжоу Эньлая направлено только против «правых элементов», выступивших тогда в Китае с антисоциалистическими и антисоветскими лозунгами. Однако, возможно, что Чжоу Эньлай имел в виду также и национали-

стические элементы в китайском руководстве, взгляды и настроения которых также велик подрыву китайско-советской дружбы.

История советско-китайских отношений в 60—70-е гг. нуждается сейчас в новом исследовании на базе тщательного анализа известных и привлечения новых документальных данных. Однако уже сейчас на основе имеющихся фактов можно выдвинуть гипотезу о том, что Чжоу Эньлай прилагал немало усилий, чтобы как-то «самортизировать» негативные явления в китайско-советских отношениях (его заявление иностранным журналистам в связи с отзывом советских специалистов в 1960 г.) или попытаться их нормализовать (визит Чжоу Эньлая в Москву в ноябре 1964 г.).

На одной из пресс-конференций в Чунцине в конце 30-х гг. Чжоу Эньлаю был задан вопрос: кем он больше является — китайцем или коммунистом? Он ответил: «Я больше китаец, чем коммунист»¹⁵, из чего западные исследователи неизменно делают вывод о национализме Чжоу Эньлая. Безусловно, китайский национализм начала XX в. оказал влияние на формирование мировоззрения Чжоу Эньлая, но его национализм существенно отличался, скажем, от националистических воззрений Мао Цзэдуна, ибо основной компонент национализма Чжоу Эньлая составлял патриотизм, а не великоханьский шовинизм. Эта особенность национализма Чжоу Эньлая в сочетании с высокой образованностью, хорошим знанием трудов классиков марксизма-ленинизма, большим опытом контактов на международном уровне способствовала тому, что он лучше других китайских лидеров понимал необходимость правильного сочетания интернациональных и национальных интересов, интернациональной солидарности всех социалистических и прогрессивных сил. Поэтому, видимо, в последних известных его докладах 1973—1975 гг., где присутствовала дежурная по тем временам антисоветская риторика, сохранились призывы «придерживаться пролетарского интернационализма, крепить единство с социалистическими странами», мало увязывавшиеся с тезисами господствовавшей «теории трех миров».

Представляется, что присущие Чжоу Эньлаю взгляды на вопросы войны и мира, необходимость борьбы за предотвращение ядерной войны сыграли определенную роль в происшедшем в начале 80-х гг. пересмотре китайским руководством положения о неизбужности войн.

Указывая на необходимость мирной обстановки для социалистического строительства, целью которого является повышение уровня жизни народа и укрепление безопасности страны, Чжоу Эньлай говорил: «Именно это и определяет, что вся деятельность нашей страны в сфере международных отношений подчинена только целям мира и никаким другим. Мы твердо верим в то, что страны с разным общественным строем могут мирно сосуществовать, а спорные международные вопросы могут быть разрешены путем мирных переговоров»¹⁶.

Чжоу Эньлай неоднократно повторял, что ядерная война будет «величайшей катастрофой для человечества», поэтому «все страны мира должны принять участие в обсуждении вопроса о полном запрещении и последующем уничтожении ядерного оружия и предотвращении ядерной войны»¹⁷. В Обращении к главам правительств всех стран мира от 31 июля 1963 г. с призывом полностью запретить и уничтожить ядерное оружие (автором обращения, по некоторым данным, был Чжоу Эньлай) говорилось, что все страны «не должны испытывать ядерное оружие, экспортировать или импортировать его, производить, создавать запасы; они должны уничтожить все существующие ядерные вооружения и средства их доставки и расформировать все существующие институты и предприятия по исследованию, испытанию и производству ядерного оружия в мире»¹⁸.

Очень важным фактором в борьбе за сохранение мира и предотвращение войн Чжоу Эньлай считал эффективные усилия социалистических стран и всех миролюбивых сил по преодолению атмосферы страха, сомнений и взаимного недоверия, существующих между государствами¹⁹. Одно из главных средств по достижению этой цели, по смягчению международной напряженности Чжоу Эньлай видел в «контактах между различными странами», в «свободном общении между народами всех стран», указывая, однако, что «общение должно быть взаимным, лишь только тогда сможет оно еще лучше способствовать устранению подозрений и опасений, укреплению взаимного доверия»²⁰.

Большое значение в этом плане Чжоу Эньлай придавал встречам государственных руководителей различных стран, обменам парламентскими делегациями, визитами представителей различных слоев населения, развитию торговли и экономического сотрудничества между всеми странами, а также культурным связям.

Приведем здесь высказывание Чжоу Эньлая по поводу культурных связей, которое

почти целиком совпадает с подходом, существующим в КНР сейчас: «Точно так же, как и экономическое сотрудничество, культурные связи между народами различных стран являются важным условием, способствующим укреплению мира, дружбы и сотрудничества между всеми странами. С исторической точки зрения народы всех стран всегда обогащали и развивали свою культуру путем взаимной учебы и взаимного перенесения лучших качеств... Мы убеждены в превосходстве социалистической системы и ничуть не сомневаемся, что в условиях социалистической системы естественные и общественные науки, философия, литература и искусство получают в нашей стране самое быстрое и широкое развитие. Но, с другой стороны, Китай все еще является отсталой в культурном отношении страной. Мы должны уяснить, что каждая нация в мире имеет свои сильные стороны. Мы должны не только изучать и перенимать сильные стороны Советского Союза и стран народной демократии, но также должны перенимать сильные стороны всех других стран. Это лишь ускорит развитие социалистического строительства в нашей стране и не причинит нам какого-либо вреда»²¹.

В китайской и западной литературе о Чжоу Эньлае значительное место уделяется его дипломатической деятельности на Женевской конференции по проблемам Индокитая (26 апреля — 21 июля 1954 г.). В этот период, по мнению Шао Гогана — американского историка китайского происхождения, — Чжоу Эньлай, осознавая военную и экономическую слабость Китая и приоритетность задач по осуществлению модернизации экономики, направил все свои усилия на то, чтобы избежать прямой военной конфронтации с западными державами, особенно с США, и обеспечить безопасность южных границ Китая путем создания в Индокитае «нейтральной буферной зоны», а затем «зоны мира» в Юго-Восточной Азии в целом²².

Справедливо указывая на мастерское использование Чжоу Эньлаем разнообразного арсенала средств для достижения успеха на Женевской конференции (официальные заявления, встречи и неофициальные беседы с главами делегаций, в частности Великобритании и Франции, неформальные контакты в кулуарах конференции, готовность к определенным компромиссам), китайские и западные авторы склонны представлять женевские соглашения как успех именно Китая. Он был достигнут благодаря дипломатическим усилиям Чжоу Эньлая, руководствовавшегося прежде всего национальными интересами своей страны, во многом вопреки позициям СССР и США²³. Однако выступления Чжоу Эньлая с оценкой итогов Женевской конференции 1954 г. показывают крайнюю односторонность и предвзятость подобных оценок.

В перерыве между заседаниями конференции Чжоу Эньлай посетил Индию и Бирму, где в совместных декларациях была провозглашена формула пяти принципов мирного сосуществования.

В современной китайской, да и в западной историографии Чжоу Эньлай считается «инициатором» и «творцом» пяти принципов мирного сосуществования, вопреки заявлениям самого Чжоу Эньлая, подчеркивавшего факт совместного выдвижения пяти принципов КНР, Индией и Бирмой²⁴. В выступлениях Чжоу Эньлая встречается двоякая трактовка пяти принципов: 1) как принципов отношений между государствами с различным общественным строем и 2) как принципов отношений между всеми странами. Вторая трактовка и была использована в середине 80-х гг. как основа для создания в КНР концепции «универсализации пяти принципов мирного сосуществования», содержащей определенный националистический компонент. Однако в середине 50-х гг. концепция мирного сосуществования была важнейшим инструментом смягчения напряженности между Востоком и Западом, а для Китая еще и инструментом, способствовавшим его выходу из дипломатической изоляции в капиталистическом мире и росту престижа и влияния среди освободившихся стран. «При расширении своих контактов с другими странами, — говорил Чжоу Эньлай в июне 1956 г., — Китай исходит из желания мирно сосуществовать со всеми странами, в том числе и с США, не делая исключения для какой-либо страны. Мы против того, чтобы строить свои дружественные отношения с одними государствами на основе отстранения других государств. И в отношении США мы также питаем подобное стремление к дружбе... Мы глубоко убеждены, что рано или поздно наступит день, когда при участии правительств традиционная дружба между народами Китая и США приведет к восстановлению связей между ними»²⁵.

С юных лет Чжоу Эньлай обладал способностью постоянно учиться, углублять и совершенствовать свои познания об окружающем мире, к чему он призывал и своих сотрудников, особенно работающих в сфере международных отношений. Для него лично одним

из главных уроков Женевской конференции, видимо, была возможность поиска и, в той или иной степени, реализации общих элементов интересов разных государств в процессе решения политическими средствами вопросов сохранения мира, ликвидации колониальной системы. Такому подходу Чжоу Эньлай стремился следовать в своей дальнейшей дипломатической деятельности, хотя ему не всегда удавалось это в полном объеме: акцент Чжоу Эньлая на общность интересов подчас не встречал поддержки и понимания со стороны догматически настроенной части руководства КПК и партнеров по переговорам.

Одним из самых показательных примеров понимания необходимости гибкости дипломатии и выигрышности акцента на общности подходов является довольно широко известная история об изменении Чжоу Эньлаем — главой китайской делегации на Бандунгской конференции стран Азии и Африки (апрель 1955 г.) — текста своего выступления, подготовленного и, вероятно, апробированного руководством КПК накануне конференции.

Контакты с главами делегаций и выступления представителей стран на первом заседании конференции привели Чжоу Эньлая к мысли о том, что подготовленный текст не годится для выступления, и за несколько часов между утренним и вечерним заседаниями он подготовил новый текст своей речи, где во главу угла поставил вопросы единства и солидарности афро-азиатских стран, только что освободившихся от колониальной зависимости или продолжающих борьбу против империализма и колониализма, общие проблемы, объединяющие эти страны с различными социальными и политическими системами, а также изложил основные принципы политики КНР, показав всю необоснованность обвинений в «коммунистической угрозе» со стороны КНР.

В некоторых китайских и западных публикациях Чжоу Эньлая изображают как лидера, пытавшегося под эгидой Китая создать, говоря современной терминологией, «азиатский центр силы», однако, как нам представляется, Чжоу Эньлай с 50-х гг. реалистически подходил к представлениям о проблемах региональной безопасности, рассматривая их не отдельно, не изолированно, а в общемировом контексте. Еще в 1954 г. он говорил: «Государствам Азии нужны мир и сотрудничество, а не война и вражда. Азиатские страны должны консультироваться между собой, принимать эффективные меры, способствовать установлению коллективного сотрудничества и совместными усилиями защищать коллективный мир и безопасность в Азии. Эта наша политика отнюдь не исключает любое государство, находящееся за пределами Азии»²⁶. Именно с этих позиций Чжоу Эньлай в своих выступлениях середины 50-х гг. поддерживал выдвигавшуюся тогда идею региональной дальневосточной конференции²⁷.

Важной чертой дипломатии Чжоу Эньлая является стремление развивать достигнутые дипломатические успехи. Пример тому — не очень подробно освещенная в литературе поездка Чжоу Эньлая в 11 стран Европы и Азии в 1956 г. «за дружбой, миром и знаниями». Чжоу Эньлай предпринял во время этой поездки немало усилий, чтобы перевести завоеванный на Женевской и Бандунгской конференциях политический престиж КНР в экономическую сферу, зондируя и стараясь реализовать возможности для экономического сотрудничества КНР с посещаемыми странами.

Представляется, что ряд дипломатических акций Чжоу Эньлая нуждается в более полном и объективном анализе и исследовании, в частности его 72-дневная поездка по африканским странам в декабре 1963 — феврале 1964 г.

В китайской «полуофициальной» биографии Чжоу Эньлая, написанной П. Фаном и Л. Фан²⁸, эта поездка рассматривается только в контексте подходов КНР к экономическим отношениям со странами «третьего мира» и экономической помощи им со стороны КНР, политические аспекты остаются за пределами публикации. Между тем поездка занимает, как сейчас становится все более очевидным, важное место в дипломатии и внешней политике КНР.

Биографы сообщают, что Чжоу Эньлай проводил очень тщательную подготовку к ней. Его сотрудниками было составлено большое досье по африканским странам, которые планировалось посетить. В поездке Чжоу Эньлая сопровождал министр иностранных дел Чэнь И и группа более чем из 100 человек. Бесспорно, целью визита было укрепление отношений и влияния КНР в «третьем мире», но был и другой аспект. Чжоу, на наш взгляд, предпринял попытку, как он сам говорил во время визита, «понять и изучить» ситуацию в странах «третьего мира».

Есть и еще немаловажная деталь в материалах визита Чжоу Эньлая, отмеченная М. С. Капицей в его монографии «КНР: три десятилетия — три политики». Высказыва-

ния Чжоу Эньлая по вопросам войны и мира, его оценки китайско-советских отношений существенно отличались от того, что заполняло китайскую печать того времени. Чжоу Эньлай во время поездки неоднократно заявлял, что ядерная война была бы величайшей катастрофой для человечества. Он также выражал надежду, что имеющиеся идеологические расхождения между КПК и КПСС будут преодолены и две великие социалистические державы будут в едином строю противостоять империализму²⁹.

Акцент на проблемы экономического развития, экономических взаимоотношений, вопросы помощи КНР другим странам «третьего мира» также, возможно, отражал стремление Чжоу Эньлая показать на примере развивающихся стран, имеющих, как он подчеркивал, немало общего с Китаем в историческом плане, приоритет и для КНР решения социально-экономических задач.

Проблемы экономических отношений с развивающимися странами поднимались Чжоу Эньлаем и раньше. В 1956 г. он, например, говорил: «Китай является лишь недавно освободившейся страной. Наша экономика все еще очень отсталая, мы еще не достигли полной экономической независимости. Поэтому наши экономические возможности ограничены, и наше экономическое сотрудничество с другими странами мы осуществляем главным образом посредством торговли. Однако мы знаем, что экономическая независимость имеет важное значение для укрепления политической независимости. Поэтому одновременно с проведением своего экономического строительства мы готовы также в пределах возможностей использовать наши незначительные силы для оказания помощи другим странам в их экономическом развитии»³⁰.

Чжоу Эньлай высказывался также за помощь развитых стран Запада экономически слаборазвитым странам при условии, что она не связана с ущемлением государственного суверенитета последних: «Если западные страны также смогли бы осуществлять экономическое сотрудничество с другими странами на основе принципов, которых придерживаемся мы, то это оказало бы исключительно благоприятное влияние не только на экономическое развитие всех заинтересованных стран, но также и на улучшение всей международной обстановки»³¹.

Во время своего визита в африканские страны Чжоу Эньлай неоднократно возвращался к вопросу о непростых проблемах взаимоотношений больших и малых стран, стран, предоставляющих и получающих помощь, связывая, по-видимому, подходы к решению этих проблем с теми разногласиями в китайском руководстве, которые существовали в начале 60-х гг., и со все больше осознаваемой им опасностью возобладания националистических и великодержавных идей. По воспоминаниям сотрудников, в частности тех, кто так или иначе был связан с вопросами помощи КНР другим странам, Чжоу Эньлай часто напоминал им, что, принимая решения, они должны избегать и эгонистического национализма, и особенно великодержавного шовинизма, поскольку Китай является великой державой, и, если представители китайского правительства не будут постоянно иметь в виду эту опасность, они легко нанесут обиду своей заносчивостью странам, получающим помощь Китая³².

Поездка Чжоу Эньлая в африканские страны имела двоякий итог. С одной стороны, во многом благодаря дипломатическим усилиям Чжоу Эньлая она укрепила авторитет и влияние Китая в странах «третьего мира», поскольку провозглашавшиеся принципы отношений (поддержка антиимпериалистической борьбы, одобрение мирной и нейтральной политики неприсоединения, усилий по достижению единства и сплоченности, стремлений решать спорные вопросы путем мирных консультаций, уважение национального суверенитета) позитивно воспринимались в этих странах. Визит Чжоу Эньлая способствовал установлению официальных отношений КНР с Конго, Замбией, Дагомеей, Тунисом и другими африканскими странами, налаживанию более тесных отношений с теми из них (Танзания, Мали), с которыми дипломатические отношения были установлены ранее.

С другой, успех визита был обращен в свою пользу теми силами в китайском руководстве, которые утверждали, что Азия, Африка и Латинская Америка являются «зоной бурь мировой революции» и самой важной силой в антиимпериалистической борьбе, протаскивая свои несостоятельные теории и концепции «окружения мирового города мировой деревней» и т. д.

В настоящее время историки не располагают прямыми данными о выводах и оценках самого Чжоу Эньлая после визита в африканские страны, однако его дальнейшие дипломатические шаги позволяют предположить, что он, во всяком случае, попытался избежать «однонаправленности» китайской внешней политики и за счет улуч-

шения отношений с Японией и капиталистическими странами Запада, и за счет смягчения напряженности в отношениях с СССР (визит партийно-правительственной делегации КПК во главе с Чжоу Эньлаем в Москву на празднование 47-й годовщины Октября). Первое направление дало свои плоды уже в 1964—1965 гг. и продолжало активно развиваться в последующий период, но улучшения советско-китайских отношений не произошло, они, напротив, продолжали ухудшаться. Если Чжоу Эньлай был в числе тех китайских лидеров, кто настаивал на необходимости их нормализации, то процесс ухудшения советско-китайских отношений, бесспорно, ослабил его позиции в китайском руководстве и сделал более уязвимым в период «культурной революции» (Чжоу Эньлай, как известно, неоднократно подвергался нападкам со стороны отдельных организаций хунвэйбинов за «ревизионистские взгляды и высказывания»).

В Китае и особенно на Западе много написано об истории нормализации американо-китайских отношений, о роли Чжоу Эньлая в этом процессе. Нам бы хотелось обратить особое внимание на следующие моменты, которые характеризуют дипломатический стиль Чжоу Эньлая: 1) подготовка через средства массовой информации и многочисленные «неформальные каналы» различных слоев китайского общества к повороту в китайско-американских отношениях; 2) тщательная подготовка китайской стороны к контактам и переговорах (информированность Чжоу Эньлая и его сотрудников о положении в США поразила представителей США); 3) использование прошлого опыта (в частности, Бандунгской конференции) при составлении китайско-американского коммюнике, где были зафиксированы и общие, и различные точки зрения сторон; 4) огромное внимание к словесным формулировкам с учетом перспектив развития отношений в будущем. Подобного подхода к договорам и соглашениям, по воспоминаниям У Сююяня, Чжоу Эньлай требовал от дипломатических работников еще в 1950 г., во время подготовки текста советско-китайского договора³³.

Успехам Чжоу Эньлая как государственного деятеля и дипломата, безусловно, способствовали личные качества: блестящая память, огромная работоспособность, острое политическое чутье, понимание других людей и мотивов их действий, способность к компромиссам, стремление к постоянному накоплению знаний и самосовершенствованию, личная скромность, умение владеть собой, внутренняя дисциплинированность и требовательность к себе и коллегам.

Крупные буржуазные политологи, занимавшиеся изучением китайских лидеров и пробной политической лидерства вообще, считали, что Чжоу Эньлай обладал многими чертами, присущими «харизматическому лидеру»³⁴, но не стал единоличным руководителем КПК, хотя в середине 30-х гг., в очень сложный период ее истории, был близок к этому³⁵. В то же время многие из этих черт проявились в его дипломатической деятельности (умение убеждать своих сторонников в необходимости резкого изменения курса, энергичность, почти полное самообладание в периоды напряженности и нестабильности, необычайное психологическое умение черпать информацию из многих разнообразных источников, чутье на оригинальное и способность к новациям даже при сохранении стандартных политических методов, умение убедительно и рационально аргументировать свои соображения, а также приспособлять для своих идей традиционные общественные ценности).

На формирование личности и мировоззрения Чжоу Эньлая оказала большое влияние общественно-политическая атмосфера, существовавшая в Китае в первые два десятилетия XX в., когда решение проблемы национального возрождения и независимости страны стало насущной необходимостью. Существенными факторами были также обстановка в семье (Чжоу был выходцем из влиятельного, в прошлом, но к концу XIX в. обнищавшего клана шаосинских шэньши), обучение вначале по китайским классическим канонам, а затем по западным образцам, продолжение учебы за границей — в Японии, Франции и Германии. Знакомство с социалистическими идеями, с жизнью в других странах, значительно расширив кругозор молодого Чжоу Эньлая, немало способствовало тому, что буржуазно-националистические воззрения не стали главным компонентом во многом определявшего деятельность Чжоу Эньлая патриотизма.

Чжоу Эньлай хотел, чтобы Китай стал независимым, могучим, процветающим государством, занимающим подобающее место в мировом сообществе. Возможность достижения этого он видел на путях революционной борьбы, революционного преобразования китайского общества, развития страны в направлении социализма. Можно предполо-

жить, что стремление содействовать поставленным целям было главным критерием в оценке Чжоу Эньлая общественных и политических деятелей.

Такая гипотеза позволяет в некоторой степени объяснить отмечаемый многими биографами Чжоу Эньлая факт, что, имея много единомышленников и сторонников, он не создал в китайском руководстве своей фракции или группировки, хотя по всем данным был в состоянии это сделать. Его представления о том, что «временным другом», союзником, партнером может быть любой человек, который содействует становлению и развитию независимого и могучего Китая, противоречили принципам создания фракции или группировки, так как Чжоу Эньлай, по сути дела, мог объединять вокруг себя и действовать совместно с очень широким и неоднородным по социально-политическим взглядам кругом людей, которых объединяли цели достижения и укрепления национальной независимости, государственного суверенитета, достижения могущества Китая. Друзья и союзники превращались в политических противников тогда, когда, по представлениям Чжоу Эньлая, их действия начинали входить в противоречие с этими целями.

Чжоу Эньлай отнюдь не был идеалистом, однако было бы несправедливо изображать его прагматиком, не имевшим никаких идеалов и принципов. Его взгляды на социализм, на социалистическое строительство в КНР, на революционный потенциал национально-освободительного движения в 50-е гг. были во многом типичны для того времени и не всегда реалистичны. Развенчание культа личности Сталина, события в Польше и Венгрии показали Чжоу Эньлаю, что эти представления не вполне соответствовали действительности, но в отличие от ряда других политических деятелей он не склонен был чрезмерно драматизировать несоответствие, начиная осознавать, что всем странам социализма предстоит долгий и отнюдь не прямолинейный, гладкий, безошибочный путь развития. «Социалистическая система — новая социальная система, — сказал он на митинге в Варшаве в 1957 г. — Период пребывания у власти рабочего класса короток по сравнению с историей человечества. Из-за недостатка опыта мы не можем полностью избежать ошибок. Ошибки совершались в прошлом, и также возможно, что они будут совершаться в будущем».

Чжоу Эньлай весьма отрицательно относился к нерассуждающим «винтикам» и считал необходимым высказывание различных мнений, дебаты и дискуссии. «Существование различных точек зрения вполне естественно, — говорил он, — но наши товарищи боятся спора, боятся любых горячих дебатов, которые, как они думают, могут вызвать раскол; опасаясь обидеть друзей, они поэтому избегают дискуссии и склонны замалчивать различия... Однако, если мы будем вести нашу политическую дискуссию без пристрастий, то, чем больше мы будем выдвигать аргументов, тем ближе мы сумеем подойти к истине»³⁶.

Он также всегда готов был выслушать противоположное мнение, и неискреннее согласие с ним собеседника могло вызвать некоторое раздражение. «Почему вы соглашаетесь со мной? Вам хочется не согласиться, тогда не соглашайтесь» — эти слова Чжоу приведены в одной из последних по времени (1986) публикаций о нем³⁷.

Восприняв многие положения марксистской теории, Чжоу Эньлай вместе с тем оставался под огромным влиянием традиционной китайской политической культуры. В его дипломатии сравнительно легко просматриваются такие ее элементы, как постановка во главу угла государственной выгоды, необходимость правильного определения замыслов и планов противника и его максимальной изоляции, тщательное изучение его сильных и слабых сторон, осторожная выжидательная тактика, нацеленная на использование ошибочных действий противоположной стороны.

Политическое наследие Чжоу Эньлая многообразно и многоаспектно. Внешнеполитические взгляды и дипломатический стиль Чжоу Эньлая только небольшая его часть. Оно принадлежит истории, но значительная его часть реализуется в современных условиях и, видимо, будет оказывать определенное воздействие на политические представления китайских руководителей в будущем.

¹ См.: «Жэньминь жибао», 5.III.1988.

² См., напр.: Любимый народом премьер Чжоу Эньлай всегда будет жить в наших сердцах. В 3-х тт. Шанхай, 1977—1979 (на кит. яз.); «Жэньминь жибао», 1, 5.III., 29.VII.1978; 26.III.1979; «Гуанмин жибао», 8.III.1979.

³ См., напр.: Фан Цзюйчэн, Цзян Гуйиун. Краткая биография Чжоу Эньлая. Пекин, 1986; Памяти Чжоу Эньлая. Пекин, 1986 (обе на кит. яз.); Сы Юньшэп. Выдающийся

- дипломат, вечно живой образец.— «Вайцзяо чжэньчжи, гоцзи гуаньси юэкань», 1987, № 1, с. 10—14;
 Han Suyin. A personal memory.— «China reconstructs», 1986, № 1, p. 28—31.
- ⁴ См.: Фан Цзюйчэн, Цзян Гуйнун. Указ. соч., с. 96; Ли Хайвэнь. Вклад Чжоу Эньлая в мирное урегулирование Сианьского инцидента.— «Хунци», 1987, № 1, с. 28—31.
- ⁵ См.: Фан Цзюйчэн, Цзян Гуйнун. Указ. соч., с. 104.
- ⁶ Чжоу Эньлай. Избр. произв. Т. 1. Пекин, 1981, с. 321—322.
- ⁷ См.: Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М., 1950.
- с. 48.
- ⁸ См.: Чжоу Эньлай. Избр. произв. Т. 2. Пекин, 1984, с. 85—92.
- ⁹ См.: «Жэньминь жибао», 1.X.1954.
- ¹⁰ См. там же. 24.IX.1954.
- ¹¹ См. там же, 29.VI.1956; «Правда», 8.I.1957.
- ¹² См.: Материалы VIII Всекитайского съезда КПК. М., 1956, с. 164—165.
- ¹³ См.: «Правда», 8.18.I.1957.
- ¹⁴ «Жэньминь жибао», 27.VI.1957.
- ¹⁵ D. Wilson. Zhou Enlai: A biography. N. Y., 1984, p. 157.
- ¹⁶ «Жэньминь жибао», 1.X.1954.
- ¹⁷ Там же, 22.XII.1963.
- ¹⁸ Там же, 31.VI.1963.
- ¹⁹ См.: «Синьхуа баньюэкань», 1957, № 2, с. 26.
- ²⁰ «Жэньминь жибао», 29.VI.1956.
- ²¹ Там же.
- ²² In: Shao Kuo-Kang. Zhou Enlai's diplomacy and the neutralization of Indo-China, 1954—1958.— «China quarterly», 1986, № 107, p. 486.
- ²³ Ibid., p. 499—500; Фан Цзюйчэн, Цзян Гуйнун. Указ. соч., с. 109—113.
- ²⁴ См.: Чжоу Эньлай. О современном международном положении и внешней политике КНР.— В кн.: Материалы второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей. М., 1956, с. 224.
- ²⁵ «Жэньминь жибао», 29.VI.1956.
- ²⁶ Там же, 24.IX.1954.
- ²⁷ Материалы второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей, с. 229.
- ²⁸ P. Fang. L. Fang. Zhou Enlai: A profile. Beijing, 1986.
- ²⁹ «Жэньминь жибао», 23, 26.XII.1963.
- ³⁰ Там же, 29.VI.1956.
- ³¹ Там же.
- ³² См.: Фан Цзюйчэн, Цзян Гуйнун. Указ. соч., с. 118.
- ³³ Великие заслуги, блестящие идеи. К изучению второго тома «Избранных произведений» Чжоу Эньлая. Пекин, 1985, с. 83 (на кит. яз.).
- ³⁴ In: Th. W. Robinson. Chou Enlai's political style: comparisons with Mao Tse-tung and Lin Piao.— «Asian survey», 1970, № 12, p. 1101—1116.
- ³⁵ In: Li Tien-min. Chou En-Lai. Taipei, 1970, p. 109.
- ³⁶ Цит. по: J. M. Roots. Chou: An informal biography of China's legendary Chou Enlai. N. Y., 1978, p. 115.
- ³⁷ In: Han Suyin. Op. cit., p. 29.

Чжан Тайлэй: из когорты первых

(К 90-летию со дня рождения)

П. П. КОРОВЯКОВСКИЙ,
Н. П. РУСАНОВ,
кандидат исторических наук

В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин писал: «Нетрудно быть революционером тогда, когда революция уже вспыхнула и разгорелась... Гораздо труднее — и гораздо ценнее — уметь быть революционером, когда *еще нет* условий для прямой, открытой, действительно массовой, действительно революционной борьбы»¹. Именно в таких условиях и пришлось в основном вести свою революционную деятельность одному из зачинателей коммунистического движения в Китае Чжан Тайлэй. Ему не суждено было дожить до победы революционных сил и установления народной власти в Китае. Но всю свою жизнь Чжан Тайлэй отдал тому, чтобы этот день настал.

Чжан Тайлэй родился 17 июля 1898 г. в уездном городе Чанчжоу (провинция Цзянсу). Школьные годы революционера пришлось на очень сложное, переломное для страны время. Синьхайская революция покончила с монархией, но провозглашение республики не привело к коренным переменам в жизни трудящихся масс, не решило множества актуальных политических и социально-экономических проблем. Не произошло ни ломки феодального землевладения, ни прямой борьбы с империалистами. Революция не стала глубоко демократической, не отразила интересов самого многочисленного класса Китая — крестьянства.

Учащиеся 5-й средней школы провинции Цзянсу, где учился Тайлэй (вернее, не Тайлэй («Великий Гром») — это имя он выберет себе позже, когда уже окончательно созреет решение посвятить себя революционному делу; его «школьное» имя Фу — «Возрождающий» — отражало патриотические настроения подростка)², с живейшим интересом следили за политическими событиями в стране. В их жарких спорах о будущем Китая принимал участие и директор школы Ту Юаньбо, в прошлом активный член созданного Сунь Ятсеном общества «Тунмэихуэй». Он и познакомил школьную молодежь с учением Сунь Ятсена, с историей антицинской борьбы. Эти рассказы не могли не будоражить юные сердца. Еще до Учанского восстания 1911 г. Чжан Тайлэй, Цюй Цюбо и ряд их товарищей решаются на «шокирующий» поступок — отрезают косы, унижительный символ подчинения китайцев захватчикам-маньчжурам. Узнав об Учанском восстании, они приняли самое активное участие в уличной демонстрации в поддержку республики. В декабре того же года ученики 5-й средней школы, и среди них Тайлэй, вновь в первых рядах демонстрантов, приветствовавших Сунь Ятсена, проезжавшего через Чанчжоу в Нанкин.

Несомненно, атмосфера, царившая в школе, пропаганда передовых идей Ту Юаньбо и другими преподавателями сыграли очень большую роль в последующем становлении Чжан Тайлэя как революционера.

Через некоторое время после окончания средней школы он поступил на подготовительное отделение юридического факультета Пекинского университета, но вскоре из-за трудностей материального характера вынужден был перевестись на подготовительное отделение политико-юридического факультета Бэйянского университета в Тяньцзинь. Именно там и произошло окончательное приобщение Чжан Тайлэя к идеям научного социализма.

В августе 1920 г. по инициативе Чжан Тайлэя при Бэйянском университете создается

ся Общество изучения марксизма, которое вскоре преобразовывается в организацию Социалистического союза молодежи Китая, а затем — Коммунистического союза молодежи Китая. Как отмечали исследователи, устав тяньцзиньских комсомольцев, написанный Чжан Тайлэем, отличался от уставов аналогичных организаций в других городах Китая тем, что, во-первых, ориентировал комсомол на работу не только среди учащейся, но и среди рабочей молодежи, и, во-вторых, предусматривал четко оформленную организационную структуру: секретариат, периферийные кружки, комитет по выяснению положения рабочих, выполнявший функции агитпропа³. Союз издавал газету — первоначально под названием «Лаобао» («Рабочая газета»), переименованную затем в связи с гонениями властей на «Лайбао» (по созвучию с английским «лэйбор» — «труд»). Была сделана также попытка выпуска ежемесячника «Гунчаньдан» («Коммунист»), отдельной брошюрой вышли статьи Ли Дачжао о марксизме.

С Ли Дачжао у Чжан Тайлэя установились тесные связи. В октябре 1920 г. он становится членом коммунистической группы, основанной первым в Китае популяризатором марксизма при Пекинском университете, вместе с ним принимает активное участие в создании школы для рабочих в Чансиньдяне, ставшей центром пропагандистской работы в пролетарской среде. А еще раньше, в апреле, Чжан Тайлэй выступил в качестве переводчика в беседе Ли Дачжао с прибывшими в Китай представителями Коминтерна Г. Н. Войтинским и Г. Марингом.

Тяньцзиньский период биографии Чжан Тайлэя изучен пока недостаточно. Неясно, в частности, как и когда к нему пришло окончательное понимание того, «в каком идти, в каком сражаться стане». Само по себе участие в патриотическом «движении 4 мая», которое в 1919 г. охватило широкие круги студенчества и одним из лидеров которого среди студентов Тяньцзиня был Чжан Тайлэй, как мы знаем, отнюдь не означало разрыва с буржуазным мировоззрением. А идеи Великой Октябрьской революции тогда еще крайне медленно и трудно пробивали себе дорогу в Китай. Цюй Цюбо, вспоминая о настроениях молодежи в тот период, писал: «Включаясь в общественную жизнь, мы знали лишь, что общество поражено каким-то пагубным, но неизвестным нам недугом, но как его излечить — этого мы себе не представляли»⁴. Чжан Тайлэю быстрее многих других его товарищей (к примеру, того же Цюй Цюбо) удалось найти правильный ответ на этот вопрос.

Не исключено, что определенный вклад в «политическое просвещение» Чжан Тайлэя внес Н. Г. Буртман. В мае 1919 г. по заданию Харбинской организации большевиков он приехал в Тяньцзинь, где, используя знание китайского языка, вел работу по разъяснению революционных событий в России. Соратник Н. Г. Буртмана, венгерский интернационалист А. А. Мюллер, писал, что его товарищ «имел непосредственное отношение к организаторам студенческих выступлений в Тяньцзине в рамках движения 4 мая... У него на квартире бывала одна, то другая студенческая группа»⁵.

Если согласиться с вполне вероятной гипотезой о контактах Н. Г. Буртмана и Чжан Тайлэя, становится более объяснимым тот факт, что весной 1921 г. именно Чжан Тайлэй представлял нарождающееся коммунистическое движение Китая в Дальневосточном секретариате Коминтерна в Иркутске, созданном и первоначально возглавлявшемся не кем иным, как Н. Г. Буртманом!⁶

Чжан Тайлэй оказался на высоте задач, которые поставило перед ним его новое положение. Б. Шумяцкий, тогдашний ответственный сотрудник Дальневосточного секретариата Коминтерна, отмечал большую активность Чжан Тайлэя. Он организовал китайскую секцию секретариата, готовил информационные сводки по Китаю и рассылал их в редакции советских газет, был членом оргбюро по созыву съезда Компартии Кореи и выступал на нем с докладом «Японский пролетариат и корейская беднота», на основе тезисов которого съезд принял Обращение к рабочим Японии. Как писал Б. Шумяцкий, братья за работу, даже не связанную с Китаем, Чжан Тайлэя заставляло стремление «взять побольше организационного опыта»⁷.

В июне—июле 1921 г. Чжан Тайлэй в качестве делегата китайских коммунистов участвовал с совещательным голосом в работе III Конгресса Коминтерна и выступил с его трибуны. Доклад, подготовленный им для Коминтерна, в советской научной литературе охарактеризован как одна из первых среди восточных коммунистов того времени попыток «детального социально-экономического анализа китайского общества. Вопреки распространенному в стране мнению противников социализма о том, что китай-

ская нация едина в своей бедности и угнетенности, что в ней нет антагонистических классов, Чжан Тайлэй показал, что китайское население как в городе, так и в деревне состоит из эксплуататоров и эксплуатируемых, что капитализм в Китае существует и сила его растет... Чжан Тайлэй сумел также правильно определить колониальный характер экономики Китая и увидел обусловленные этим плачевные перспективы развития его промышленности. Уже все это представляет собой значительное достижение молодой марксистской мысли Китая. А ведь в докладе Чжан Тайлэя имеется, кроме того, и подробный очерк истории социалистического, рабочего и женского движения в Китае»⁸.

Новая жизнь — жизнь бойца Коминтерна, требующая настойчивости, энергии, умения принимать самостоятельные решения, идти на риск, — целиком захватила Чжан Тайлэя. В его биографической хронике 1921—1924 гг., отданные работе в органах международного коммунистического движения, выделяются обилием разъездов и встреч. Он выезжает в Японию и устанавливает там связи с революционными группами, неоднократно выполняет поручения ИККИ и Исполкома КИМ (в состав КИМ он был избран в 1921 г.) в Китае, участвует в переговорах с руководителями КПК и гоминьдана, организует проезд из Китая (через Маньчжурию) делегатов Съезда народов Дальнего Востока и их возвращение на родину, не допустив при этом ни единого провала! В 1922 г. Чжан Тайлэй вместе с Цюй Цюбо и представителем КИМ С. А. Далиным выступил инициатором созыва I съезда Социалистического союза молодежи Китая, принял самое активное участие в разработке его программы и устава. В 1923 г. Чжан Тайлэй был включен в состав ознакомительной делегации, направленной Сунь Ятсеном в Советский Союз. По итогам поездки он подготовил доклад, в котором в отличие от выступавшего с антисоветских позиций главы делегации Чан Кайши доказывал необходимость для Китая дружбы с СССР. Не исключено, что аргументы Чжан Тайлэя в известной степени повлияли на решение Сунь Ятсена установить тесные связи с Советской Россией и начать сотрудничество с китайскими коммунистами⁹.

Политика Коминтерна, направленная на создание в Китае единого национально-революционного фронта, не сразу нашла понимание и поддержку среди руководства КПК. На III съезде КПК такие деятели, как Чжан Готао, Цай Хэсэнь и некоторые другие, выступили против единого фронта, обосновывая свое негативное отношение к нему тем, что национальная буржуазия в Китае не может играть революционную роль. Чжан Тайлэй был в числе большинства, активно отстаивавшего линию Коминтерна. На съезде он был избран кандидатом в члены ЦК. В последующие годы, работая на разных участках (руководство молодежным движением, преподавание в Шанхайском университете), он многое сделал для того, чтобы единый фронт стал действенным инструментом мобилизации и сплочения масс в ходе национальной революции в Китае.

Особое место занимает его работа в Гуанчжоу, куда Чжан Тайлэй направился весной 1925 г. по поручению ЦК КПК. Там он взял на себя сразу несколько функций: переводчика, консультанта и секретаря М. М. Бородина — главного политического советника правительства Сунь Ятсена, технического секретаря ЦИК гоминьдана, заведующего отделом пропаганды Гуандунского комитета КПК и редактора его органа «Жэньминь чжоукань».

Чжан Тайлэй был одним из тех, кто закладывал в Китае основы партийной публицистики. Страстность, убежденность, культура ведения полемики, простой и образный язык — все это делало его выступления заметным явлением на газетных и журнальных полосах. Написанные им статьи появлялись не только в китайской, но и советской печати, а также в изданиях международного коммунистического движения.

В публицистическом наследии Чжан Тайлэя выделяются материалы, посвященные В. И. Ленину, пропагандирующие значение Великой Октябрьской социалистической революции. Чжан Тайлэй присутствовал на похоронах В. И. Ленина и отозвался на его смерть проникновенными строками: «Ленин и революция в России пробудили революционный дух китайской молодежи, — писал он в заметке «Ленин и китайская молодежь», опубликованной в советской печати в траурные дни. — Молодые рабочие, развернувшие борьбу, знают, что Ленин — их единственный вождь. Китайские студенты, прежде боготворившие Конфуция, теперь считают своим идейным вождем В. И. Ленина. В Пекинском университете, этом центре революционного движения, проводился опрос: кто самый великий человек в мире? Все ответили — Ленин. Ленин живет в сердцах китайской молодежи»¹⁰.

Обстоятельный анализ значения дела В. И. Ленина для судеб народов мира, в том числе для Китая, дается Чжан Тайлэем в очерке «Кончина Ленина»: «Если китайский народ понимает, что его национальное освобождение может произойти только в результате революции в Китае, понимает, что революция в Китае имеет непосредственную связь с мировой революцией, а успехи мировой революции неизбежно объединяют силы пролетариата и угнетенных наций, то в таком случае китайский народ должен испытывать безмерную скорбь по поводу кончины Ленина, потому что в его лице он потерял руководителя, возглавлявшего мировую, а значит, и его собственную, китайского народа, революцию»¹¹. Учению В. И. Ленина по национальному вопросу посвящена статья Чжан Тайлэя «Ленин и ихэтуани». В ней прослеживается и объясняется трансформация политики в отношении малых народностей России и народов колониальных стран после свержения царизма и установления Советской власти. Тему интернационализма — неотъемлемой черты Советского государства — Чжан Тайлэй раскрывает в статье «Гуандунцы и рабочие Англии и России». «Китайские массы потому смогли основать революционную базу в Гуандуне и при этом не подвергнуться удару английских кораблей и войск, — подчеркивает автор, — что империалисты испугались начатого Советской Россией движения «Руки прочь от Китая!»¹².

В китайской печати тех лет нередко можно было встретить сообщения, в которых положение в Советской стране освещалось тенденциозно, смаковались ошибки и трудности Советской власти. Информационную продукцию такого рода в избытке поставляли западные агентства и реакционные круги российской эмиграции. Китайские коммунисты считали своим долгом разрушать антисоветские стереотипы, насаждаемые среди населения. Вносил в это дело свою лепту и Чжан Тайлэй. Опровергая прогнозы о «скором провале» планов социалистического строительства в СССР, он писал: «Капиталисты часто с усмешкой говорят, что, мол, рабочие будут работать только тогда, когда им хорошо заплатят. Это не так. В обществе, которым управляют сами рабочие, для построения своего строя они могут трудиться еще более тяжело, чем при капитализме. Так, как трудятся сегодня рабочие России»¹³.

Работа на посту редактора «Жэньминь чжоукань» стала своеобразным пиком журналистской деятельности Чжан Тайлэя. Более семидесяти статей опубликовал он в этом еженедельнике, начиная с 10 февраля 1926 г., когда вышел в свет первый номер, и вплоть до переезда с М. М. Бородиным в Ухань в конце ноября того же года¹⁴.

Статьи Чжан Тайлэя, обычно написанные «на злобу дня», способствовали укреплению единого фронта, сплочению патриотических сил и повышению политической активности населения провинции, осуществлению суньятсеновского завета о Северном походе. В то же время его перо разоблачало любые попытки ущемить интересы компартии. В статье «Свобода высказываний и проверка партийной газеты» Чжан Тайлэй высмеивает гоминьдановскую цензуру, которая запретила публикацию в «Жэньминь чжоукань» важного документа — «Письма КПК гоминьдану». «В этом письме опровергались слухи о том, что компартия якобы имеет намерение свергнуть гоминьдановское правительство и заявлялось о его полной поддержке, — пишет Чжан Тайлэй. — Если мы не хотим потакать козням врагов, то это письмо не надо бы было запрещать, а следовало бы опубликовать на самом видном месте. Тот, кто не приспешник империализма и не дурак, не может не признать, что КПК отнюдь не является величайшим злом. Поэтому бесосновательно не публиковать этот документ только из-за того, что в нем имеются три иероглифа, обозначающие КПК»¹⁵.

Большой резонанс вызвала статья Чжан Тайлэя «В конце концов нужен нам гоминьдан или нет?». «Я задаю такой вопрос потому, — объяснял автор, — что сейчас гоминьдан стоит перед лицом самой серьезной угрозы». В статье срывались покровы с правогоминьдановских элементов, которые, прикрываясь демагогическими предложениями, развращали антикоммунистическую кампанию. «Объявите лучше официально о разрыве с коммунистами, — говорилось в статье, — и мы уйдем. КПК может существовать и самостоятельно. Но даже и после ухода коммунистов в гоминьдане будет продолжаться раскол. Вот почему вопрос нападок на коммунистов — это вопрос существования всего гоминьдана, всей революции»¹⁶. Чан Кайши, в то время еще рядившийся в тогу «продолжателя дела Сунь Ятсена», посвятил этой статье одно из своих публичных выступлений, в котором охарактеризовал ее как «провоцирующую враждебные чувства двух партий»¹⁷. Последующие события, как известно, показали полную правоту Чжан Тайлэя.

Заслуживают интереса материалы, которые Чжан Тайлэй писал по вопросам международного положения. В них дается глубокий и аргументированный анализ политики империалистических держав, порой содержатся прогнозы, которые сегодня не могут не поразить нас своей точностью. Так, еще в 1923 г. в статье «Строительство базы ВМС в Сингапуре — пример для подражания другим странам» Чжан Тайлэй пришел к выводу о неизбежности военного конфликта между Англией, США и Японией, центром которого будет Тихий океан, причем «беда постигнет Китай»¹⁸. Серьезные предостережения насчет опасности «коричневой чумы» звучат в его статьях «Распад фашистской партии», «Международный характер фашизма», посвященных событиям в Италии.

Находясь в Гуанчжоу, Чжан Тайлэй находил время выступать с лекциями — перед слушателями молодежных, профсоюзных, крестьянских курсов. Его выступления пользовались неизменным успехом, одним из «секретов» которого были, несомненно, пропагандистский дар и личное обаяние этого человека.

В. В. Вишнякова-Акимова, работавшая вместе с Чжан Тайлэем в аппарате М. М. Бородина, вспоминала: «Молодой, высокий, с длинными, зачесанными назад волосами, Чжан Тайлэй смотрел смело, прямо в глаза собеседнику умным твердым взглядом, часто улыбался широкой белозубой улыбкой...»¹⁹. А. И. Черепанов описывает в Китае выступление Чжан Тайлэя перед комиссией А. С. Бубнова: «Говорил он вдохновенно, горячо и убежденно, как опытный пропагандист, умеющий увлечь за собой массы»²⁰.

Многие современники отмечали тактичность и выдержку Чжан Тайлэя. А. Г. Крымов, обучавшийся в 1924 г. в Шанхайском университете, рассказывал: «Чжан Тайлэй держался очень просто. Всегда с готовностью отвечал на вопросы. Терпеливо разъяснял студентам, что непонятно»²¹. Ван Ичжи, также познакоившаяся с Чжан Тайлэем во время учебы в Шанхае и ставшая его женой, обращала внимание на такой момент его преподавательской работы: «Во время спора Чжан Тайлэй мог вставить несколько фраз, глубина которых тут же разрешала наши сомнения и заставляла прекратить спор»²².

Гуанчжоуская коммуна — последняя и, пожалуй, самая яркая страница в биографии Чжан Тайлэя. Именно в этой, по оценке Коминтерна, «героической попытке пролетариата организовать Советскую власть в Китае»²³ наиболее концентрированно проявились лучшие качества молодого революционера, нашел практическое применение политический и организаторский опыт, накопленный за годы его работы в руководящих органах Компартии Китая и международного коммунистического движения.

События, разыгравшиеся в Гуанчжоу 11—13 декабря 1927 г., имели свою предысторию. Вопрос о вооруженном восстании в городе поднимался еще за год до Гуанчжоуской коммуны как ответ на удары по рабочему и крестьянскому движению в Гуандуне со стороны объединенных сил гоминьдановской реакции. После того как наиболее влиятельный ее представитель генерал Ли Цишэн 15 апреля 1927 г. произвел в Гуанчжоу переворот, сопровождавшийся разгоном профсоюзов и массовыми расправами, а 15 июля произошел прямой разрыв союза между гоминьданом и КПК, возможность вооруженного восстания в Гуанчжоу неоднократно обсуждалась руководством КПК совместно с представителями ИККИ. 18 ноября ЦК КПК, размещавшийся в Шанхае, исходя из того что в Гуанчжоу сохранились наиболее организованные и активные силы рабочих, было сильным крестьянское движение в провинции, принял окончательное решение: восстание.

Китайские коммунисты (в начале июля партию возглавил Цюй Цюбо) придавали огромное значение намеченной акции. Партии, трагически ошибавшейся в тот момент в оценке ситуации в стране, исходившей из неверной, как вскоре станет ясным, посылки подъема революционного движения, был крайне необходим успех после целого ряда горьких неудач — в Хэнани, Цзянсу, Хубэе, Хунани, Фуцзяни. Тем более что на этот раз речь шла о Гуанчжоу — городе, который в глазах китайского народа, да и всех в мире, кто следил за событиями в Китае, стал символом китайской революции.

Ответственной задачей подготовить и поднять вооруженное восстание в Гуанчжоу было дано Чжан Тайлэю. Видимо, основным аргументом в пользу его кандидатуры стало то, что он имел в Гуанчжоу надежные связи, образовавшиеся за почти двухлетний период работы в Гуандунском комитете КПК, пользовался доверием среди местных товарищей. Кроме того, Чжан Тайлэй имел к тому времени возможность достаточно полно осмыслить поучительный опыт действий в Гуандуне повстанческих войск Хэ Луна

и Е Тина — ведь в августе 1927 г. он находился на подпольной работе в Гуанчжоу и лично осуществлял связь ЦК КПК с силами участников Наньчанского восстания, а 15 октября выступил на объединенном заседании провинциальных комитетов Южного бюро ЦК КПК с докладом, посвященным анализу уроков этого первого крупного вооруженного восстания, организованного китайскими коммунистами.

Наконец, выбор кандидатуры Чжан Тайлэй объяснялся его высоким авторитетом в руководстве КПК. Как писал Цюй Сюбо, «стойкость и твердость Чжан Тайлэй, работавшего в партии на ответственных постах, были хорошо известны всем товарищам»²⁴. На чрезвычайном совещании ЦК КПК в августе Чжан Тайлэй был избран в Политбюро.

Через день после того, как ЦК КПК принял решение о восстании в Гуанчжоу, Чжан Тайлэй уехал из Шанхая. Как вспоминала Ван Ичжи, «он ушел из дома в четыре часа утра, когда еще не рассвело... В дверях обернулся — высокий, широкоплечий. Это была наша последняя встреча»²⁵.

Чжан Тайлэй погиб 12 декабря, в два часа дня, на вторые сутки восстания. Он выступал на митинге в парке Сигуаюань, когда пришло сообщение об ожесточенном бое за здание полицейского управления, где размещались резиденция Советского правительства, созданного восставшими, и штаб Красной армии. Гоминьдановские войска, оправившись после первых ударов, перебрались под прикрытием кораблей империалистических держав с южного берега реки Чжуцзян и, используя внезапность нападения и численный перевес, создали серьезную угрозу. Чжан Тайлэй, занявший пост военно-морского наркома в сформированном накануне Совете народных комиссаров Гуанчжоу (председателем был избран Су Чжаочжэн, который так и не смог пробраться в город), поспешил, чтобы лично возглавить отражение атаки. Неподалеку от улицы Дабэйчжицзе его машина была обстреляна. Одна из пуль попала Чжан Тайлэю в сердце.

Гуанчжоуская коммуна ненадолго пережила своего руководителя. Уже на следующий день восстание было потоплено в крови. По данным МОПР, за участие в нем было казнено 5700 рабочих, студентов, военнослужащих, торговцев. Озверевшие реакционеры не щадили даже женщин и детей²⁶.

Коминтерн, как отмечалось выше, дал высокую оценку героизму восставших. Однако в документах Коминтерна в связи с Гуанчжоуской коммуной полностью обойден вопрос о личном вкладе организаторов выступления в сокровищницу опыта революционной борьбы и внимание целиком сосредоточено лишь на допущенных ошибках. Сегодня явственно видна необходимость внесения корректив в такую расстановку акцентов.

Те, кто непосредственно на месте готовил вооруженное восстание в Гуанчжоу, и в первую очередь Чжан Тайлэй, совершили, если вдуматься, практически невозможное. Не имея возможности опереться на партийную организацию (советский консул в Гуанчжоу Б. А. Похвалнинский отмечал, что «летом 1927 г. партия в Кантоне почти не была боеспособной организацией»²⁷), практически лишённые связи с центром, организаторы Гуанчжоуской коммуны сумели добиться максимально возможного в сложившихся условиях военно-политического обеспечения намеченного выступления. Военно-революционный комитет, который возглавил Чжан Тайлэй, успешно формировал отряды Красной гвардии, наладил работу подпольных мастерских по производству боеприпасов, позаботился о том, чтобы у восставших были своя разведывательная, автотранспортная, связная и прочие службы. Для наиболее сложных задач из самых проверенных людей были созданы «отряды смертников», призванные играть роль ударной силы. Были подобраны кадры партийных и рабочих пропагандистов, конспиративно действовавших в воинских частях и правительственных учреждениях Гуанчжоу. Издавалась ежедневная нелегальная газета «Гуннун сяобао» и еженедельный журнал «Хунци», которые, по воспоминаниям, «приобретали накануне восстания за любую цену». Накануне восстания Военно-революционный комитет с помощью профсоюза печатников отпечатал 7 млн. листовок с Манифестом и декретами Советского правительства.

И это — в нелегальных условиях, под постоянной угрозой быть опознанными охранкой и арестованными! Только в самый последний момент гоминьдановцы заподозрили неладное, да и то информацию о восстании они получили не в Гуанчжоу, а из Шанхая, от Ван Цзинвэя.

Нельзя не согласиться с Дэн Чжунся, который в статье «Китайская коммунистическая партия в Кантонском восстании» писал: «...Если подготовительная работа Гуандунского комитета и не была достаточна, что безусловно отразилось на успехе

восстания, то все же она является опытом, исключительно ценным для партии, заслуживающим самого тщательного изучения и величайшего внимания. Честно говоря, подготовительная работа... заслуживает нашей похвалы и восхищения... она... могла быть выполнена только при беззаветной смелости и преданности делу рабочей революции»²⁸.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 82.

² См.: Линь Хуннуань. Чжан Тайлэй. Биографии деятелей КПК. Т. 4, Шэньси, 1984, с. 66.

³ См.: Б. Шумяцкий. Из истории комсомола и компартии Китая.— «Революционный Восток», 1928, № 4—5, с. 213.

⁴ Цюй Цюбо. Очерки и статьи. М., 1959, с. 39.

⁵ А. А. Мюллер. В пламени революции. (1917—1920 гг.). Воспоминания командира интерн. отряда Красной гвардии. Иркутск, 1957, с. 144.

⁶ О Н. Г. Буртмане см.: Опыт и уроки истории КПК. К 60-летию образования КПК. М., 1982.

⁷ Б. Шумяцкий. Указ. соч., с. 218.

⁸ М. А. Персиц. Из истории становления Коммунистической партии Китая.— «Народы Азии и Африки», 1971, № 4, с. 58.

⁹ См.: Г. В. Ефимов. Чжан Тайлэй — герой китайской революции.— «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3, с. 219—220.

¹⁰ «Советско-китайская дружба», 1958, № 16.

¹¹ «Шэюэ», 19.11.1924.

¹² «Жэньминь чжоукань», 1926, № 15.

¹³ Там же, 1926, № 6.

¹⁴ См.: Линь Хуннуань. Указ. соч., с. 87.

¹⁵ «Жэньминь чжоукань», 1926, № 8.

¹⁶ Там же, 1926, № 14.

¹⁷ Там же, 1926, № 18.

¹⁸ См.: «Сяндао», 1923, № 27.

¹⁹ В. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае. 1925—1927. Воспоминания. М., 1980, с. 183.

²⁰ А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. М., 1976, с. 401.

²¹ Запись беседы у П. П. Коровяковского.

²² Ван Ичжи. Вспоминаю Тайлэя. Вспоминают родственники погибших героев. Пекин, 1957, с. 12 (на кит. яз.).

²³ Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986, с. 150.

²⁴ Цюй Цюбо. Памяти Чжан Тайлэя.— Кантонская коммуна. (К сорокалетию восстания в Гуанчжоу). М., 1967, с. 132.

²⁵ Ван Ичжи. Указ. соч., с. 38.

²⁶ См.: Г. С. Кара-Мурза. Кантонская коммуна. М., 1933, с. 33.

²⁷ Б. А. Похвалинский. Кантонская трагедия.— Кантонская коммуна. (К сорокалетию восстания в Гуанчжоу), с. 161.

²⁸ Дэн Чжунся. Китайская коммунистическая партия в Кантонском восстании.— Кантонская коммуна. с. 101.

Портрет ученого

Видный советский ученый, дипломат, общественный деятель

[К 70-летию академика
АН СССР С. Л. Тихвинского]

*В. С. МЯСНИКОВ,
профессор*

*А. С. ИПАТОВА,
кандидат исторических наук*

В сентябре 1988 г. научная общественность нашей страны отмечает 70-летие со дня рождения и 50-летие трудовой деятельности академика-секретаря Отделения истории АН СССР, члена Президиума АН СССР, председателя Национального комитета советских историков, председателя Общества советско-китайской дружбы ССОД, академика Сергея Леонидовича Тихвинского.

Имя академика С. Л. Тихвинского, видного историка, одного из лидеров советского исторического востоковедения и китаеведения, дипломата, общественного деятеля, широко известно и в Советском Союзе, и за его пределами. По общему признанию специалистов, С. Л. Тихвинский — один из авторитетнейших ученых в современной мировой синологии. Путь к такому признанию был нелегким, до предела заполненным всепоглощающим трудом, который выпадает на долю ученого, избравшего своей профессией одну из труднейших отраслей исторической науки — востоковедение.

Биография С. Л. Тихвинского — яркий пример беззаветного служения советской науке, социалистической Родине. Он родился 1 сентября 1918 г. в Петрограде. В 1935 г. 17-летним юношей поступил на китайское отделение лингвистического факультета Ленинградского института истории, философии и литературы (ЛИФЛИ), а с 1936 г. он студент восточного отделения филологического факультета Ленинградского государственного университета. В этом прославленном вузе, с его всемирно известной школой востоковедения, студент Тихвинский соприкоснулся с большой наукой. Кабинеты, библиотеки, аудитории университета хранили память о выдающихся ученых, основоположниках различных направлений отечественного востоковедения: В. П. Васильеве, С. Ф. Ольденбурге, В. В. Бартольде, Б. Я. Владимирце. В мир науки студента Тихвинского вводили прославленные ученые и педагоги — академики И. Ю. Крачковский, И. И. Мещанинов, В. В. Струве. Китай, его историю, культуру он изучал под руководством талантливого ученика В. П. Васильева, академика В. М. Алексеева. Китайский язык, методику работы с восточными текстами Сергей Леонидович постигал с помощью крупнейших знатоков китайского языка Б. А. Васильева, А. А. Драгунова, Ю. К. Шуцко, Г. Ф. Смыкалова, Л. Н. Рудова, Ю. В. Бунакова.

Во время учебы в ЛГУ он увлекся изучением древней китайской дипломатии. Знакомство с традиционными концепциями восточной дипломатии и внешнеполитическими воззрениями Древнего Китая пригодилось впоследствии С. Л. Тихвинскому-дипломату. А пока в процессе учебы складывались его первые научные интересы, формировались навыки научной работы, накапливались знания.

Завершить образование в Ленинградском университете С. Л. Тихвинскому не довелось, он экстерном сдал экзамены за четвертый курс. В 1938 г. по комсомольской мобилизации был направлен на работу в Народный комиссариат иностранных дел СССР. Требовалось пополнение кадров дипломатов, в том числе и специалистами-страноведами. Одной из горячих точек мировой политики был в 30-е гг. Дальний Восток.

18 сентября 1931 г., организовав провокационный «маньчжурский инцидент», японская военщина оккупировала Северо-Восточный Китай и вскоре создала там марионеточное государство Маньчжоу-го. Эти события и последовавшее за ними усиление агрессии Японии в Китае привели к нарастанию освободительной борьбы китайского народа против японских захватчиков. Спровоцировав 7 июля 1937 г. инцидент у моста Лугоуцяо (мост Марко Поло), японские милитаристы развернули новое наступление против Китая с целью его порабощения. Созданный по инициативе Компартии Китая единый национальный антияпонский фронт КПК и гоминьдана стал важным фактором сопротивления захватчикам. План молниеносной войны был сорван. Однако японцам удалось захватить значительную часть территории Китая, в том числе и районы, наиболее развитые в экономическом отношении. Прочно обосновавшись в Северо-Восточном Китае, японские милитаристы превратили этот пограничный с СССР и МНР район в военно-промышленный плацдарм для провокационных вторжений на территорию СССР (у озера Хасан в 1938 г.) и МНР (у реки Халхин-Гол в 1939 г.).

Правящие круги империалистических держав, и в первую очередь США и Англии, ведя сложную игру, подталкивали СССР к войне с Японией. В самом Китае тоже раздавались голоса о том, что лучшим для Китая выходом из создавшегося положения может стать только вступление СССР в войну с Японией. Не давая втянуть себя в вооруженный конфликт с Японией, Советский Союз — единственная из мировых держав — оказывал разностороннюю помощь Китаю в борьбе с японской агрессией. 21 августа 1937 г. был заключен советско-китайский договор о ненападении. «Подписанный в самый тяжелый для Китая момент, — писал впоследствии об этих событиях С. Л. Тихвинский, — договор нанес серьезный удар агрессивной политике Японии, рассчитывавшей на международную изоляцию Китая. Советский Союз оказал сражающемуся Китаю также прямую материальную помощь, предоставив ему в 1938 и 1939 гг. два крупных кредита и займы для закупки военных материалов. С 1937 г. Советский Союз стал поставлять в Китай оружие, боеприпасы, горючее и другие военные материалы. Крупный вклад в борьбу против японских захватчиков внесли советские военные специалисты, численность которых в Китае к началу 1939 г. превышала 3,5 тыс. человек. В китайском небе сражались советские летчики-добровольцы, более 200 из них пали смертью героев¹. На международной арене советская дипломатия последовательно отстаивала интересы китайского народа в его справедливой борьбе за национальную независимость.

В это тревожное время 1939 г. молодой советский дипломат С. Л. Тихвинский прибыл в Китай — страну, изучением культуры и истории которой совсем еще недавно занимался в родном Ленинграде.

Завершить учебу удалось лишь три года спустя, в грозном 1941 г. Без отрыва от практической работы он экстерном закончил Московский институт востоковедения, а затем, в 1943 г., также экстерном, аспирантуру АН СССР с прикомандированием к Тихоокеанскому институту. Находясь все эти и последующие годы (1939—1945) на дипломатической работе в Китае, Сергей Леонидович не прекращал научных занятий. Под влиянием событий в Китае, свидетелем которых С. Л. Тихвинский был в течение нескольких лет, он обращается к изучению истоков и традиций революционной, национально-освободительной борьбы китайского народа. Он сосредоточил свое внимание на анализе новых явлений в общественно-политической жизни Китая конца XIX — первой четверти XX вв.: формирования китайской нации, зарождения и оформления организованной оппозиции цинскому режиму в среде молодой китайской буржуазии, формирования китайской буржуазной идеологии, складывавшейся под воздействием знакомства китайского общества с политической мыслью Запада и переосмысления собственных традиционных политических учений. Кандидатскую диссертацию молодой китаевед посвятил изучению одного из «трех народных принципов» выдающегося китайского революционера-демократа Сунь Ятсена, озаглавив ее «Принцип Сунь Ятсена «национализм» и его внешняя политика».

В Китае, занимаясь в свободное от основной работы время сбором материалов для диссертационного исследования, второй секретарь посольства С. Л. Тихвинский использовал любую возможность, чтобы изучать новейшие источники, беседовать с китайскими учеными, встречаться с людьми, знавшими Сунь Ятсена, с участниками и свидетелями революционного движения начала XX в. Уже в 1945 г. Сергей Леонидович завершил работу над диссертацией, дописывая ее по дороге из Китая в Москву — в Калькутте, Карачи и, наконец, в Тегеране, где он и встретил День Победы — 9 мая 1945 г. Кандидатская диссертация была успешно защищена 30 июля 1945 г. в Институте истории АН СССР на заседании Ученого совета под председательством академика Б. Д. Грекова. В августе того же года он начал проходить в московской группе Института востоковедения АН СССР курс докторантуры. Вместе с ним занимались Л. З. Эйдлин и И. М. Ошанин. Работая над докторской диссертацией, С. Л. Тихвинский продолжает изучать период конца XIX — начала XX вв. На этот раз предметом его исследования стал другой лагерь антиманьчжурской оппозиции — буржуазно-реформаторский.

В 1946 г. С. Л. Тихвинский вновь выехал на дипломатическую работу в Китай, где работал до 1950 г. сначала в должности вице-консула, затем управляющего генеральным консульством, генеральным консулом в Бэйпине (Пекине), а после образования КНР — первым временным поверенным в делах СССР в КНР, советником Посольства СССР в КНР. И снова, как и при подготовке кандидатской диссертации, С. Л. Тихвинский использует свое пребывание в Китае для выявления, сбора, перевода и изучения малоизвестных, либо совсем неизвестных в то время китайских источников. Произведения идеологов реформаторского движения Кан Ювэя, Лян Цичао, Тань Сытуна, меморандумы, направлявшиеся в императорский дворец как участниками движения, так и его противниками, китайская публицистика того времени, главным образом периодические издания реформаторов, документы правящего лагеря — все эти первоисточники в подавляющем большинстве были «открыты» и введены в научный оборот С. Л. Тихвинским. Не ограничиваясь работой с библиотечными фондами, он собирал ценные, а порою и уникальные материалы, регулярно наведываясь в букинистические магазины, покупая книги у частных лиц. Он познакомился с проживавшей тогда в Пекине Кан Тунби, дочерью лидера реформаторов Кан Ювэя, которая любезно предоставила советскому дипломату и ученому рукописную копию «Автобиографии» своего отца и несколько его неопубликованных писем. С. Л. Тихвинский встречался в те годы и с братом другого реформатора конца XIX в. — Май Мэнхуа.

Для Китая вторая половина 40-х гг. была временем напряженной классово-вой борьбы, от исхода которой зависел выбор пути дальнейшего развития страны. В эпицентре этой борьбы снова оказались КПК и гоминьдан. Мирные переговоры сменялись открытой гражданской войной. Антинациональная внешняя и реакционная внутренняя политика гоминьдановского режима вызвала протест широких слоев китайского народа и вела к нарастающей революционной волне. В Китае складывалась революционная ситуация. Ширился фронт разнородных социально-классовых сил, пришедших в лагерь революции, осознававших объективно назревшую необходимость ликвидации обанкротившегося режима Чан Кайши и объединения всей страны, коренного переустройства политического строя в Китае на демократических началах, последовательного осуществления социально-экономических преобразований. В обстановке революционного подъема, используя эти общие для всех участников лозунги, Компартия Китая выступила инициатором создания народно-демократического единого фронта, взяла на себя роль организатора и руководителя. Противоборство революционных и реакционных сил завершилось осенью 1949 г. победой народной революции и образованием Китайской Народной Республики.

В первый день октября на многотысячном торжественном митинге в Пекине была оглашена историческая «Декларация Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики», провозгласившая создание нового государства на китайской земле. Яркой, незабываемой страницей вошел октябрь 1949 г. в историю советско-китайских отношений.

Свидетелем и непосредственным участником этих великих событий был С. Л. Тихвинский. В памятный день 1 октября 1949 г. министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай направил генеральному консулу СССР в Пекине С. Л. Тихвинскому официальное письмо (к которому прилагался текст Декларации), в котором говорилось о желании КНР установить дипломатические отношения с различными государствами мира. На следую-

щий же день, 2 октября, Советское Правительство уведомило Центральное Народное Правительство о том, что оно приняло решение установить дипломатические отношения с КНР². Телеграмму Советского Правительства вручил Чжоу Эньлао генеральный консул СССР С. Л. Тихвинский. Советский Союз был первым государством, установившим дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой. Весной 1950 г. в Пекине при недавно созданном Китайском народном университете были открыты курсы подготовки дипломатических кадров молодой народной республики. Там советский дипломат С. Л. Тихвинский по рекомендации Чжоу Эньлая прочел цикл лекций по международному праву. Когда в 1950 г. С. Л. Тихвинский возвращался на родину, руководство Народного университета преподнесло ему памятный подарок — почетную грамоту на красном шелке. Бережно укрытая под стеклом, она висит на стене домашнего кабинета Сергея Леонидовича как память о тех незабываемых днях и как символ неизменности добрых чувств советского ученого и дипломата к китайскому народу.

Возвращаясь в 1950 г. в Москву, Сергей Леонидович вез с собой добротную основу докторской диссертации. Но еще в течение трех лет он продолжал над ней работу, воссоздавая историческую ситуацию в Китае конца XIX в., из недр которой и на фоне которой развернулось движение за реформы. Вот что писал об этом исследователь советского Китаеведения В. Н. Никифоров: «Долго еще автор, после дня работы в МИД, появлялся, строго в 5 вечера, в Фундаментальной библиотеке общественных наук на улице Фрунзе, с тем чтобы в 9 вечера опять ехать в МИД (где, в те годы, работали ночами)»³.

Защита докторской диссертации на тему «Движение за реформы в Китае в конце XIX в.» состоялась 22 июня 1953 г., когда Сергею Леонидовичу было неполных 35 лет. Этот факт, сам по себе уникальный в истории советского Китаеведения, свидетельствовал о высокой научной эрудиции молодого доктора наук, его исключительных лингвистических способностях, помноженных на необыкновенное трудолюбие, поразительную работоспособность и умение предельно четко организовывать свое время. После возвращения из Китая С. Л. Тихвинский продолжал оставаться на дипломатической работе. В 1953—1956 гг. он советник Посольства СССР в Великобритании, в 1956—1957 гг. — глава представительства СССР в Ялони, поверенный в делах СССР в Японии, советник-посланник Посольства СССР в Японии. В 1957—1960 гг. он возглавлял отдел стран Азии Государственного комитета по культурным связям с заграницей при Совете Министров СССР.

В 1957 г. С. Л. Тихвинский становится старшим научным сотрудником (по совместительству), а в 1959 г. — директором Института Китаеведения АН СССР. В 1961—1964 гг. — он заместитель директора Института востоковедения, а в 1964—1967 гг. — заместитель директора и заведующий отделом истории Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. С 1967 по 1986 г. С. Л. Тихвинский находился на руководящей работе в центральном аппарате МИД СССР, с 1966 г. имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Первые итоги исследования, проведенного С. Л. Тихвинским в докторской диссертации, были опубликованы в том же 1953 г.⁴ Разработку этой темы он продолжает до конца 50-х гг., особенно после прихода в Академию наук СССР. Тогда же он завершает работу над фундаментальной монографией «Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй». Подготовленная на базе диссертационного исследования, она не была его простым повторением. В монографическом варианте автор расширил источниковедческую основу за счет привлечения в первую очередь материалов Архива внешней политики России МИД СССР, освещавших новые, ранее не известные факты и аспекты этого своеобразного явления политической жизни Китая конца XIX в., дополнил круг использованной советской и зарубежной научной литературы⁵.

С приходом в Институт Китаеведения С. Л. Тихвинский заложил основы исследований по одному из важных направлений современного Китаеведения, возглавив группу изучения новой истории Китая. Он сразу же поставил перед созданным им коллективом задачу написания фундаментальной обобщающей монографии «Новая история Китая».

Скептики и «трезво мыслящие» не верили в успех этого начинания. Риск действительно был, и немалый. Еще не определилась источниковедческая база, была недостаточно освоена зарубежная историография, практически отсутствовали новейшие специальные исследования по отдельным событиям и периодам нового времени в Китае. Советское Китаеведение еще не знало прецедента создания подобного рода коллективных

работ, еще очень остро ощущался разрыв преемственности в подготовке научных кадров китаеведов-историков, а члены группы были молоды, и им недоставало опыта. Средний возраст их едва ли достигал 28 лет, да и самому руководителю только что исполнилось 40. Но научный оптимизм С. Л. Тихвинского, его организаторские способности, отличающая подлинного ученого потребность делиться своими знаниями и навыками научной работы, а главное — осознанная убежденность в важности и необходимости этого дела придавали ему уверенность, усиливали аргументацию в обоснование правильности избранного пути. Веру в успех внушали энтузиазм и увлеченность членов авторского коллектива. А ведь им нужно было и сдавать кандидатский минимум, и ходить на лекции, и заниматься текущей «технической» работой на секторе. Кроме руководителя группы (доктора исторических наук) и двух кандидатов наук, все остальные члены авторского коллектива, вчерашние выпускники Московского университета, были либо начинающими молодыми специалистами, либо аспирантами 1 — 2-го годов обучения. Монография создавалась в общей сложности более десяти лет. За это десятилетие была проделана огромная работа на всех участках научного исследования, результаты ее, несомненно, далеко вышли за эти хронологические рамки и за рамки темы «Новая история Китая».

Приступая к работе, руководитель группы поставил перед авторским коллективом задачу создания многопроблемного исследования, базирующегося на добротных источниках, достижениях отечественного китаеведения и исторической науки, критическом восприятии зарубежной историографии. Авторским коллективом было проработано свыше 80 крупных собраний документов на китайском языке по различным периодам новой истории Китая, включая многотомные издания документов по истории первой «опиумной» войны, тайпинского восстания, восстания няньцзюней, франко-китайской и японо-китайской войн, движения за усвоение «заморских дел», реформа 1898 г., движения ихэтуаней и Синьхайской революции, изданных в 50-х гг. в КНР. Исследование внешней политики и международных отношений Цинской империи было проведено на основании огромных сводов документов «Цинцзи вайцзяо шиляо», которые имеются в личной библиотеке С. Л. Тихвинского⁵.

Характерными чертами исследовательской работы С. Л. Тихвинского как источниковеда являются стремление к четкому установлению аутентичности текстов и тщательная проверка фактов в источниках не только путем сравнения различных версий или изданий одних и тех же китайских материалов, но и путем использования источников различных стран, разноязычных документов. При подготовке «Новой истории Китая» были изучены большие комплексы документов, хранящихся в Архиве внешней политики России МИД СССР, Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР, в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, в Архиве АН СССР (Ленинград). Все это позволило авторскому коллективу воссоздать подлинную историю взаимосвязей нашей страны с Китаем на протяжении длительного исторического периода. Исследователи привлекали также крупные собрания архивных документов, изданные в Великобритании, США, Японии, например такое собрание, как «Политика Соединенных Штатов в отношении Китая».

В процессе написания «Новой истории Китая» С. Л. Тихвинский предпринял издание промежуточных коллективных работ, в которых выступал как ответственный редактор, автор обширных вводных и проблемных статей. Это сборники «Синьхайская революция» (М., 1962) и «Маньчжурское владычество в Китае» (М., 1966). Параллельно издавались подготовленные членами группы сборники документов и материалов по важнейшим событиям новой истории Китая, такие, как «Тайпинское восстание. 1850—1864 гг.» (М., 1960), «Восстание ихэтуаней» (М., 1968), «Синьхайская революция. 1911—1913 гг.» (М., 1968). Эти публикации, сами по себе представлявшие заметное явление в развитии советского китаеведения, вместе с тем отражали предварительные результаты работы группы. И здесь С. Л. Тихвинский в полной мере проявил себя как доброжелательный, вдумчивый, терпеливый педагог. Для всех членов авторского коллектива это была хорошая школа научного роста, профессионального мастерства, методики создания научных работ, в первую очередь коллективных. Завершали работу над «Новой историей Китая» уже кандидаты и доктора наук, авторы монографий и многочисленных статей по проблемам новой истории Китая.

Выход в свет в 1972 г. (фактически в 1973 г.) этого фундаментального коллективного

труда стал важной вехой в развитии советской исторической науки. Не случайно он сразу же был отмечен и советской, и зарубежной общественностью⁴.

Именно в период работы над «Новой историей Китая» со всей определенностью вырисовывается многогранность научных исследований С. Л. Тихвинского. В этой книге он выступает в роли ответственного редактора, автора вступительной статьи и двух глав.

В области новой истории можно выделить несколько основных направлений, в разработку которых С. Л. Тихвинский внес большой вклад, нередко выступая пионером в изучении как отдельных аспектов, так и общих проблем. Прежде всего — история формирования китайской нации и связанных с ней важнейших общественно-политических процессов последней четверти XIX — первой четверти XX вв. Работая над «Новой историей Китая», он обратился к исследованию политики «самоусиления», проводившейся Цинами в 60—90-х гг. XIX в. Результаты этого исследования были предварительно сформулированы в двух больших статьях, а затем в главе монографии. Основная цель политики «самоусиления», как убедительно показано в работах С. Л. Тихвинского, состояла в искусственной консервации феодальных общественных отношений, в укреплении феодального военно-бюрократического аппарата Цинской империи для борьбы с народными выступлениями⁵.

Не прекращает исследователь и углубленной разработки темы своей докторской диссертации и первой монографии — движение за реформы в Китае в конце XIX в. Книга С. Л. Тихвинского вышла вторым, переработанным и дополненным изданием (1980)¹⁰. За время, отделявшее эти два издания, автор провел интенсивный анализ теоретического наследия и программных установок реформаторов. Это направление нашло свое отражение в статьях «Прогрессивная китайская публицистика конца XIX века» и «Тань Сытун — руководитель левого крыла движения за реформы в Китае в 1898 г.»¹¹ Вдумчивое, бережное отношение к тексту исторического источника, владение труднейшим письменным китайским языком конца XIX в., умение давать в кратких комментариях к документам прекрасные исторические миниатюры — все это наиболее полно раскрылось в переводе и комментировании трудов Кан Ювэя¹².

Важное место в творчестве С. Л. Тихвинского занимает обобщающее исследование всего комплекса процессов, происходивших в цинском Китае. Изданному в середине 60-х гг. сборнику статей «Маньчжурское владычество в Китае» он предпослал большое (объемом в 4 а. л.) введение, в котором дан всесторонний анализ истории завоевания Китая маньчжурами, особенностей и принципов их правления в Китае, соотношения классово-национально-освободительной борьбы китайского народа против маньчжурских правителей и иностранных колонизаторов. Этот обобщающий вводный раздел послужил основанием для серии последующих статей, в которых автор продолжал развивать эту тему¹³.

В своей научной и научно-организационной деятельности Сергей Леонидович Тихвинский уделяет большое внимание переводам, исследованию и публикации источников. Труды С. Л. Тихвинского как источниковеда и публикатора отличает огромный диапазон проблематики, обширная география регионов. Они включают в себя не только основные моменты новой и новейшей истории Китая, истории революционного движения в Китае, истории взаимоотношений нашей страны с ее дальневосточным соседом — Китаем, но также и историю внешней политики СССР в целом, взаимоотношения нашей страны с различными государствами в разные периоды истории.

Особое место в научном творчестве Тихвинского-источниковеда занимает исследование и публикация документов по истории отношений России с Китаем. Под его руководством и при непосредственном участии в течение последних десятилетий ведется издание многотомной серии «Русско-китайские отношения в XVII—XIX вв. Документы и материалы»¹⁴. Эта публикация получила широкое международное признание.

В 60—80-е гг. издание внешнеполитических документов становится одним из важнейших направлений всей деятельности С. Л. Тихвинского как члена Комиссии по изданию дипломатических документов МИД СССР (с 1963 г.). Будучи в течение ряда лет (1975—1980) начальником Историко-дипломатического управления МИД СССР, С. Л. Тихвинский подготовил к публикации значительное количество документов по истории внешней политики царской России и СССР, выступил в качестве редактора ряда томов «Документов внешней политики России и СССР». Кроме того, им выпущены

в свет сборники документов о двусторонних и многосторонних связях Советского Союза со странами социалистического содружества.

Особо важна для историков выполненная под руководством С. Л. Тихвинского совместная советско-американская публикация документов о начальном этапе отношений двух стран¹⁵.

Коллектив советских историков во главе с С. Л. Тихвинским совместно с учеными Академии наук Болгарии подготовил сборник документов о борьбе болгарского народа против турецкого ига и роли России в этой освободительной борьбе¹⁶.

Являясь членом редколлегии многотомной серии «Центральная Азия в источниках и материалах», С. Л. Тихвинский возглавил коллектив, подготовивший публикацию документов и авторских материалов замечательного русского дипломата петровской эпохи Петра Андреевича Толстого, который в течение 12 лет (1702—1714) был русским послом в Османской империи¹⁷.

Под редакцией С. Л. Тихвинского в 1981 г. вышел из печати том основных источников по истории связей СССР с Корейской Народно-Демократической Республикой¹⁸. Вслед за ним был издан сборник статей коллектива советских китаеведов, которые на базе архивных документов воссоздали узловые моменты истории отношений России с Китаем, выступив тем самым против их искажения в зарубежной историографии¹⁹.

Благодаря неустанным усилиям С. Л. Тихвинского с 1983 по 1987 г. выходил ежегодный «Дипломатический вестник», который с научных позиций освещал широкий круг проблем советской внешней политики, ее истории, публиковал важнейшие документы.

Однако интересы историка-востоковеда все же остаются для С. Л. Тихвинского важнейшими в его творчестве. К середине 70-х гг. он обобщил свои размышления о взаимосвязи и взаимозависимости различных стадий исторического процесса на примере истории Китая. Этой проблеме он посвятил специальную книгу, которая вот уже второе десятилетие служит фактически настольным пособием для всех, кто работает в этой и близких к ней областях, и тех, кто просто интересуется историей Китая. В 1983 г. она была переведена на чешский язык²⁰.

Крупным явлением в исследовании советскими востоковедами всего комплекса проблем взаимодействия китайской цивилизации с окружающим миром явился подготовленный под руководством С. Л. Тихвинского двухтомник «Китай и соседи»²¹. Взаимоотношения Китая с Индией, Вьетнамом, другими странами Юго-Восточной Азии, Японией прослеживаются от глубокой древности вплоть до 80-х гг. нашего столетия. Что касается северного ареала, то здесь рассмотрены контакты Китая в древности и средневековье с государствами сюнну, чжурчжэней и др., а в период новой и новейшей истории — с Монголией, Россией и Японией. На основании оригинальных китайских источников, а также документальных материалов стран-соседей воссоздана огромная картина международных отношений в Восточной Азии. Это дает глубокое представление о многих элементах нынешней политики КНР в отношении СССР, Японии, других стран региона.

Широк диапазон научных интересов С. Л. Тихвинского, но, пожалуй, самая любимая тема, с которой он не расстанется на протяжении всей своей научной деятельности, — это буржуазно-демократическое движение в Китае конца XIX — первой четверти XX вв., связанное с именем выдающегося революционера-демократа, доктора Сунь Ятсена. Яркая, благородная личность китайского революционера привлекала внимание молодого ученого еще в начале 40-х гг. Эта привязанность со все нарастающей силой проявлялась во все последующие годы, и особенно в 80-е.

В начале 60-х гг. С. Л. Тихвинский делает акцент на периоде подготовки и проведения Синьхайской революции, затем, расширяя хронологические и проблемные рамки исследований, публикует целую серию работ о Сунь Ятсене. В 1964 г. выходит монография «Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика (из истории национально-освободительной борьбы китайского народа в 1885—1925 гг.)»²². В том же 1964 г. были изданы «Избранные произведения» Сунь Ятсена²³. Организатором этой публикации, ее ответственным редактором и автором вступительной статьи был С. Л. Тихвинский.

Столетие со дня рождения Сунь Ятсена советское китаеведение отметило изданием сборника статей и воспоминаний советских людей, знавших Сунь Ятсена и

работавших с ним. И на этот раз издание было предпринято по инициативе и под непосредственным руководством С. Л. Тихвинского²⁴.

Все работы ученого о Сунь Ятсене проникнуты большим уважением к личности великого китайского революционера-демократа, к благородному делу, которому тот посвятил свою жизнь. Особенно наглядно проявилось это в последние годы. В 1985 г. исполнилось 60 лет со дня смерти Сунь Ятсена. Советская научная общественность отметила эту дату мероприятиями памяти великого китайского революционера. Среди них — второе издание «Избранных произведений» Сунь Ятсена²⁵, дополненное переводом на русский язык лекций Сунь Ятсена «Три народных принципа», источника, крайне важного для понимания взглядов Сунь Ятсена, его программных положений, теоретического наследия. Ответственным редактором этого издания, так же как и первого, был С. Л. Тихвинский. В 1985 г. он опубликовал обобщающую историографическую статью, посвященную критическому анализу современной зарубежной литературы о Сунь Ятсене²⁶.

В 1986 г. в Советском Союзе широко и торжественно отмечалось 120-летие со дня рождения Сунь Ятсена. Академик С. Л. Тихвинский внес большой вклад в организацию юбилейных мероприятий и как председатель оргкомитета, и как ведущий в СССР суньятсеновед, выступив на научной конференции, состоявшейся в Москве 13—14 октября, с основным докладом. К 120-летию со дня рождения Сунь Ятсена журнал «Проблемы Дальнего Востока» (1986, № 3) опубликовал статью С. Л. Тихвинского «Сунь Ятсен — великий китайский революционер-демократ, друг Советского Союза». В этой обобщающей статье автор убедительно показал, что историческая роль Сунь Ятсена, его значение для развития китайской революции далеко выходят за хронологические рамки активной революционной деятельности великого сына китайского народа.

Юбилей Сунь Ятсена Сергей Леонидович отметил также изданием монографии «Завещание китайского революционера»²⁷, которая представляет собою переработанное и дополненное издание его первой монографии о Сунь Ятсене. Главная тема новой книги — антиимпериализм Сунь Ятсена, эволюция его взглядов на цели, задачи и тактику в революционной, национально-освободительной борьбе. Этот труд явился своеобразным синтезом исторического портрета и политической биографии доктора Сунь Ятсена, его жизнь и деятельность показаны на широком фоне истории китайской революции 1911—1913 гг. как поиск великим китайским революционным демократом методов обновления Китая, путей превращения его в великую современную державу. Этот поиск привел Сунь Ятсена к глубокому убеждению в необходимости для Китая прочного дружественного союза с Советской Россией. Сунь Ятсен исходил из глубокого убеждения в том, что «цели китайской революции совпадают с целями русской революции... Китайская и русская революция идут по одному пути. Поэтому Китай и Россия не только находятся в близких отношениях, но по своим революционным связям воистину составляют одну семью»²⁸. Эти прекрасные слова не утратили своего значения и в наши дни.

В 1987 г. вышло в свет второе, переработанное и дополненное издание сборника статей, воспоминаний, документов и материалов о Сунь Ятсене «Сунь Ятсен. 1866—1986. К 120-летию со дня рождения», подготовленное советскими китаеведами во главе с С. Л. Тихвинским.

На протяжении последних десятилетий С. Л. Тихвинский является одним из ведущих советских китаеведов. Он успешно выполняет эту миссию благодаря редкому сочетанию в его личности характера крупного ученого с достоинствами интеллигентного, вдумчивого человека, всегда находящего слово поддержки и дружественного участия. Уникальное знание китайской и мировой культуры также способствует раскрытию его таланта как историка.

Академик С. Л. Тихвинский — автор свыше 300 научных работ.

На международных форумах историков и востоковедов С. Л. Тихвинский достойно представляет советскую науку²⁹. Этому способствует и то, что он свободно владеет несколькими восточными и западными языками. На международной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Сунь Ятсена, в Гуанчжоу (ноябрь 1986 г.) глава советской делегации С. Л. Тихвинский, единственный из иностранных участников конференции, произнес доклад на китайском языке. А в 1987 г., в дни 70-летия Великого Октября С. Л. Тихвинский — иностранный член Академии на-

ук ГДР — выступил с докладом на немецком языке перед общим собранием Академии наук ГДР.

Вклад С. Л. Тихвинского в советскую историческую науку был отмечен его избранием в 1968 г. членом-корреспондентом АН СССР, а в 1981 г. — академиком АН СССР. С 1975 г. он заместитель академика-секретаря, а с 1982 г. — академик-секретарь Отделения истории и член Президиума АН СССР. С 1980 г. С. Л. Тихвинский возглавляет Национальный комитет советских историков. С 1980 г. он иностранный член флорентийской Академии дель арте дель десиньо.

Как академик-секретарь Отделения истории АН СССР и председатель Национального комитета советских историков С. Л. Тихвинский выступает страстным пропагандистом исторических знаний, тесно увязывая развитие исторической науки с важнейшими внутренними и международными процессами современного развития⁵⁰. С. Л. Тихвинский — член редколлегий ряда журналов, таких, как «Международная жизнь» (до 1987 г.), «Общественные науки в СССР и современность». С 1974 по 1982 г. он был главным редактором журнала «Новая и новейшая история». Сергей Леонидович — член редакционной коллегии журнала «Проблемы Дальнего Востока» со времени его основания в 1972 г.

Историк широкого диапазона, С. Л. Тихвинский, будучи членом Исполнительного Совета ЮНЕСКО от Советского Союза (1968—1974), отдавал много сил и энергии для организации спасения и реставрации памятников мировой культуры — Венеции (Италия), Мохенджодаро (Пакистан), Боробудура (Индонезия), памятников Нубии (АРЕ).

Академик С. Л. Тихвинский с ответственностью, любовью и бережением растит молодые кадры советских востоковедов и дипломатов. С 1957 г. он преподает в Московском государственном институте международных отношений, где с 1959 по 1963 г. заведовал кафедрой истории стран Востока. В 1980—1986 гг. академик С. Л. Тихвинский — ректор Дипломатической академии МИД СССР. Занятливо воспитывает он аспирантов, щедро делится своими энциклопедическими знаниями и богатейшим опытом ученого, педагога, дипломата.

Важной стороной деятельности академика С. Л. Тихвинского является его активная общественная деятельность, прежде всего на посту председателя Общества советско-китайской дружбы.

Сегодня лучшие черты творчества Сергея Леонидовича обнаруживаются с новой силой. В марте этого года китайский народ, а вместе с ним и советская общественность широко отметили 90-летие видного государственного деятеля Китайской Народной Республики, премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая. На заседании Общества советско-китайской дружбы, посвященном этой юбилейной дате, с обстоятельным докладом о жизни и деятельности Чжоу Эньлая выступил председатель общества академик С. Л. Тихвинский, лично знавший премьера Чжоу.

Плодотворная научная, научно-организационная, дипломатическая, преподавательская и общественная деятельность академика С. Л. Тихвинского отмечена многими высокими правительственными наградами, он лауреат Государственной премии СССР (1982).

Очередную веху своей творческой жизни Сергей Леонидович Тихвинский встречает полным сил и энергии. Выходит в свет том его избранных трудов по истории Китая и по всемирной истории, он работает над книгой о Чжоу Эньлае. Научные планы и замыслы развивают то, что уже сделано, стимулируют поиски нового, таят в себе возможности и гарантии новых открытий. Советские историки, востоковеды, китаисты, вся научная общественность желают Сергею Леонидовичу Тихвинскому свершения его творческих замыслов на благо нашей науки, нашего Отечества, на благо укрепления и развития отношений между великими социалистическими державами СССР и КНР.

¹ С. Л. Тихвинский. История Китая и современность. М., 1976, с. 248.

- ² Цит. по: Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов. М., 1959, с. 214, 215.
- ³ В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, с. 307.
- ⁴ С. Л. Тихвинский. Движение за реформы в Китае в конце XIX в. — «Вопросы истории», 1953, № 6, с. 86—107; его же. Китайский утопист Кан Ювэй (из истории общественной мысли). — «Вопросы философии», 1953, № 6, с. 126—139.
- ⁵ С. Л. Тихвинский. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй. М., 1959. — «Вопросы истории», 1962, № 12, с. 134—135.
- ⁶ Материалы по истории внешних сношений в конце правления династии Цин. Тт. 1—112. Пекин, 1932—1935 (на кит. яз.).
- ⁷ United States policy toward China. Diplomatic and public documents. 1839—1939. N. Y. 1964.
- ⁸ См.: «Правда», 10.X.1973; «Вопросы истории», 1973, № 10, с. 144—150; «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3, с. 203—207; «Народы Азии и Африки», 1973, № 5, с. 67—80; «Новая и новейшая история», 1973, № 4, с. 168—173; «Вестник Московского университета», сер. 14. Востоковедение, 1973, № 2, с. 83—85; «Social Sciences» (Moscow), 1973, N 4, p. 205—208; «Nove drogi» (Warszawa), 1973, N 8, s. 101—109; «Archiv orientalni» (Praha), 1973, № 2, s. 186—187. Затем книга была переведена на польский и китайский языки. Издательство «Прогресс» выпустило «Новую историю Китая», как и «Маньчжурское владычество в Китае», на английском и французском языках.
- ⁹ С. Л. Тихвинский. Политика «самоусиления» правящих кругов Китая (1860—1895 гг.). — «Вопросы истории», 1969, № 4; его же. Политика «самоусиления» — средство подавления народного недовольства в Цинском Китае. — «Страны и народы Востока», вып. XI, М., 1971; Новая история Китая (часть II, гл. 5); Цинская империя в последнем десятилетии XIX в. — История стран Азии и Африки в новое время. М., МГУ, 1971; История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974, гл. 14, 15 и др.
- ¹⁰ С. Л. Тихвинский. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. М., 1980.
- ¹¹ «Вопросы истории», 1958, № 8; «Советское востоковедение», 1958, № 3.
- ¹² Кан Ювэй. Комментарии к «Ли Юнь»; Введение к «Датуншу»; Введение к «Исследованию учения Конфуция о реформе государственного строя». — Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени (1840—1898). М., 1961.
- ¹³ С. Л. Тихвинский. Правление в Китае маньчжурской династии Цин. — «Вопросы истории», 1966, № 9; его же. Мемуары экс-императора Пу И. — «Вопросы истории», 1968, № 3; его же. Национализм и классовая борьба в Китае в новое время. — «Вопросы истории», 1971, № 11, и др.
- ¹⁴ Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1, 1608—1683. М., 1969; т. 2, 1686—1691. М., 1972; Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1, М., 1978.
- ¹⁵ Россия и США: становление отношений 1765—1815. М., 1980.
- ¹⁶ Русия и българското национално-освободително движение. 1856—1876. Т. 1, ч. 1. (1856—1860). София — Москва, 1987.
- ¹⁷ Русский посол в Стамбуле: П. А. Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. М., 1985.
- ¹⁸ Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945—1980. Документы и материалы. М., 1981.
- ¹⁹ Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982.
- ²⁰ См.: С. Л. Тихвинский. История Китая и современность. М., 1976; S. L. Tichvinskij. Dejiny a súčasnosť Číny. Bratislava, 1983.
- ²¹ Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970; Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.
- ²² См.: «Правда», 7.VII.1964; «Коммунист», 1964, № 17, с. 122—125; «Азия и Африка сегодня», 1964, № 11, с. 62—63; «Новый мир», 1964, № 8, с. 271—273.
- ²³ Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1964.
- ²⁴ Сунь Ятсен. 1866—1966. К столетию со дня рождения. Сб: статей, воспоминаний и материалов под редакцией и со вступительной статьей С. Л. Тихвинского, М., 1966.
- ²⁵ Сунь Ятсен. Избранные произведения. Изд. второе, исправленное и дополненное. М., 1985.
- ²⁶ С. Л. Тихвинский. Современная зарубежная историография о Сунь Ятсене. — «Вопросы истории», 1985, № 11.
- ²⁷ С. Л. Тихвинский. Завещание китайского революционера. Сунь Ятсен: жизнь, борьба и эволюция политических взглядов, М., 1986.

²⁸ Цит. по: С. Л. Тихвинский. Завещание китайского революционера, с. 209.

²⁹ С. Л. Тихвинский — участник XXIII (Кембридж, 1954), XXV (Москва, 1960), XXVI (Дели, 1964) Международных конгрессов востоковедов; VII (Дарем, 1954), XII (Падуя, 1958), XVII (Лиде, 1965) и XXII (Стокгольм, 1970) Международных конгрессов по проблемам китаеведения; XI—XVI Международных конгрессов исторических наук (Стокгольм, 1960; Вена, 1965; Москва, 1970; Сан-Франциско, 1975; Бухарест, 1980; Штутгарт, 1985); VIII и IX Международных конгрессов по архивам (Вашингтон, 1976; Лондон, 1980).

³⁰ См.: С. Л. Тихвинский. Итоги и перспективы исследований советских историков. — «Вопросы истории», 1985, № 7; его же. Состояние исторической науки в преддверии XXVII съезда КПСС. — «Коммунист», 1986, № 1; его же. Задачи дальнейшего совершенствования координации исторических исследований. — «Новая и новейшая история», 1987, № 2 и др.

Из истории
отечественного
востоковедения

Пекинские письма
доктора Кирилова

В. С. МЯСНИКОВ,
профессор

Письмо 9-е.
[л. 17.] «Пекин, от 17 июня 1836 г.

Друг мой Василий Николаевич!

Едва ли это письмо, которое не только более куриного, но даже и кованькиного носа, будет для Вас занимательнее предыдущих. На поприще моем в Китае такая же монотония, как в гошпитальной палате; перо мое не лучше этой бумаги, а в сердце такая же кутюрма, как в китайском языке. Но я исполняю желание Ваше, а посему прошу не прогневаться, чем бог послал, тем и потчеваяю! Чтоб Вы не подумали, что я хочу отучить Вас от подобных желаний, то не стану мучить Вас рассказами о том, о чем не только говорить, но и думать никогда не желал бы. Пишу о приятнейших моментах жизни моей, к которым принадлежит препровождение времени в окрестностях Пекина и внутри оного в кругу тех знакомых, которые только обычаями и одеждой, а не сердцем отличаются от лучших моих соотечественников.

За два года назад провел я в путешествии десять дней, которых впечатления останутся на душе на целую жизнь. Это было путешествие к горе Бохоашань¹, до которой от Пекина по той дороге, по коей шел я, около двухсот наших верст,— путешествие в стро[л. 17 об.]гом смысле, ибо оно сделано пешком, путешествие по тем подоблачным картинным горам, по тем романтическим ущельям, которые, кроме творца, может создать только одна фантазия духа человеческого. Ручаюсь, что если б на живой картине — на этих горах, в этих пропастях — Вы увидели человека в длинном, почти воздушном платье, в соломенной шляпе, с горным копьём в руках, то скорее решились бы почесть его гением сих мест — духом, чем вопрошать его, кто он.

Даже обитатели мест сих, встречая незнакомого им странника, почитают его за существо, влекомое по оным духовною силою, а не обутыми в сандалиии ногами. Так думали и обо мне в этих местах, поелику я проходил их в то время, в которое странствуют в них только набожные поклонники, приходящие на Бохоашань для курения в монастыре ее фимиамов. А посему я так удачно пользовался заблуждением горных обитателей, что никто их них не мог подумать, чтоб целью моего путешествия были травники, несмотря на то что я на всяком привале, на всяком ночлеге занимался ими с такою свободою, как Николай Степаныч по высочайшему повелению занимается ими на каждом русском карауле.

[л. 24] Здесь говорят и верят, что дикие и кровожадные звери, каковы тигры и барсы, которыми более, чем людьми, населены места сии, удаляются в сие время отсюда и уступают дорогу и обители свои поклонникам, а посему и самые звероподобные люди делаются для них агнцами. Предполагается, что в это время у всех одни мысли, одни намерения, а посему странник не боится ни опасностей, ни подозрений. Но я признаюсь, что всякое микроскопическое насекомое, попадавшее мне в глаза, представлялось мне барсом, когда сопутники мои — китайский горный монах и два навьюченные вещами моими носильщика, — протирая свои глаза и поглядыв-

* Окончание. Начало в № 3.

вая робко друг на друга, передавали один другому свои подозрения и потом сказали мне, что это те насекомые, которые разъедают глаза тигров и водятся только там, где есть сии последние.

И я, и спутники мои согласны были в том, что кровожадные обитатели сих мест смиряются не перед набожностью, а перед силою многолюдства, а посему, пустив несколько больших ракет, заставили эхо окрестных гор распустить такие слухи о нашем маленьком обществе, какие носятся только о самом многолюдном караване. Мы думали, что этим проложили себе дорогу, как между тем случилось совсем иначе, мы не прошли [л. 24 об.] еще полуверсты, как черная туча, запутавшись в остроконечных вершинах гор, закрыла от нас и солнце и небо. Ущелье, по которому шли мы, превратилось в мрачную бездну, ударил гром, посыпались удары горного эха, полился дождь, и дорога наша превратилась в горный поток, горы превратились в водопады. Мы бросались во все стороны и нигде не нашли бы убежища, если бы страх не загнал нас под навес такого камня, под которым в другое время я не решился бы спастись от самой явной смерти.

Все кончилось по часам моим в три минуты. Мы увидели опять и небо, и землю, при взгляде на которую мне казалось, что она населена не зверьями, а друзьями моими. Но ущелье все еще оставалось для нас бездной, мы потеряли свою тропинку и до темной ночи не взобрались бы на вершину утесистой горы, которую видели глазами, если бы случай не доставил нам провожатого, который был из той деревни, куда мы шли на ночлег.

Никогда не забуду я его, я полюбил его как добродетель, существованию которой в Китае я не верил дотеле, пока не знал его. Это молодой человек 25 лет, по прозванию Тянь, житель деревни Вань-пин-кзу [л. 18]. Из ущелья у подошвы горы, на которую он повел нас, солнце представлялось нам на закате, но вместе с тем как мы подымались, и оно удалялось от земли выше и выше и жгло нас так немилосердно, как огонь геенны.

На вершине горы эфирный холод проник во все суставы, и мы вместо холодной воды стали думать о чашке горячего чая и вскоре нашли оный в маленьком чайном домике, который находился на таком месте, на котором я не надеялся видеть ничего живого, кроме хищных птиц, терзающих робкого зайца. Сколько, Вы скажите, должно быть народа в Китае, если люди живут и на этом диком пустынном возвышении. Да, они с семейством и со всем хозяйством прицепляются к таким точкам утесов, на которых мы привыкли видеть только гнезда ласточек. Поверите ли Вы, что от этого чайного домика мы пошли по такой каменной мостовой, какую трудно найти в другой столице, она сделана наподобие ступеней, камни положены ребром рядами, находящимися один от другого в таком расстоянии, на котором [л. 18 об.] может поместиться копыто мулов, на коих провозят по сей дороге каменный уголь. Несмотря на этот чрезвычайный труд в поте лица съедающего хлеб свой человека, я бы, с одной стороны, никак не уважил оного — но пошел бы лучше по стороне сей дороги, чем по ступеням оной, если бы проливной дождь, который провожал меня по ней, не превратил землю в грязь, с которой при малейшей неосторожности легко было съехать на бок до самой подошвы горы. Когда я пришел на ночлег, то на подошвах моих нашел самую точную географическую карту сей дороги и, ложась спать, принужден был вместо головы положить на подушку ноги.

Ночлег мой был в доме дяди нашего провожатого. Хозяин мой в сравнении с племянником его казался мне сущею скотиной: в избе его было жарко, как у наших мужиков на печке; лежанка, на коей улегся я со всеми спутниками моими, была накалена, как адская сковорода, всю ночь должно было дышать газами каменного угля, весь двор его был покрыт угольною копью, эхо которой на всяком шагу казалось мне говором ада. Какая разница в жилищах так называемых внешних, где ночевал я накануне, и внутренних гор? Там днем и ночью заботятся о прохладе, а здесь и в нестерпимые жары [л. 23] не угасает каменный уголь. Это единственная мера для истребления сырости, которая неразлучна с ущельями гор внутренних.

На другой день провожатый наш оказал нам столько же услуги, как и накануне. Он свел нас в пропасть, в которой лежала наша дорога, по такой тропинке, на которой не встречали мы ни одного двуногого, ни одного четверногого существа, в тем избавил нас от неудобств узенькой грязной мостовой, по которой танулись

непрерывные цепи горного скота с каменным углем, глиняной посудой и шиферными плитами для кровель.

Мы расстались с ним у маленького трактира или, лучше сказать, харчевни, отстоящей на два часа пути от ночлега, осыпая его благодарностями, дали ему две связки медной монеты, с которою он пустился будто домой, но вместе с тем, как мы сделали шаг вперед, он подкрался к заднему нашему носильщику, положил ему на плечо деньги и, пустясь опрометью назад, удалился от нас прежде, чем успели мы оглянуться.

Проходя ущелье по берегу самородной горной фонтанки, мы проходили несколько деревушек, но нигде не находили ни одной харчевни. В 12 часов дня проливной дождь заставил нас искать приюта в деревенской хижинке, хозяйка согласилась приготовить спутникам моим лапшу, а слепец — сын [л. 23 об.] ее — вызвался отыскать в деревне муки для оной. Обедом и ужином моим служил во всю дорогу чай с сухарями и маленькие пшеничные присыпанные кунжутным семенем лепешки, другого ничего найти было не можно, а лапша вовсе не по моему желудку, я постился, как поклонник.

Около 4 часов пополудни мы достигли подошвы горы Тайханьлин, называемой так по холодной вершине своей. Напуганные слухами о ней, спутники мои, сложа под тенью осины ноши свои, несколькими ракетами дали весть пустынным высотам о приближении своем, и, бросаясь на холодную землю, жадно глотали прохладу ее; невдалеке я увидел ключ воды, которою мы приготовили себя совершенно к трудному подъему и пустились вперед. Будучи легче навьюченных моих товарищей, я вмиг поднялся шагов на сто выше их, но, увидя внизу и позади их цветы, бросился назад, как от барса, с таким лицом, как будто в самом деле видел его, они пустились вслед за мной в таком замешательстве, что я едва мог остановить их.

Шутя друг над другом, поднимались мы выше и выше, ручей, катившийся с высоты, был руководителем нашим и наконец привел нас к своему источнику, выходящему из-под камня, которым века хотели, кажется, [л. 19] завалить его. С насмешливой улыбкой сел я на хребет гиганта и запел «Фонтан любви» Пушкина. На голос мой вместо Марии и Заремы вышла из-за утеса старуха; мечты мои исчезли, я поглядел на нее, как на первую неделю великого поста после масленицы, и не помню, отвечал ли ей что-нибудь на вопрос ее: не поклонник ли я? Кажется, и китайский монах не более одного раза взглянул на нее.

В пять часов мы очутились на вершине горы в кумирне, брошенной даже отшельниками и обитаемой по временам каким-то бездомным, безродным поселяником, который потчевал нас приготовленным из разных горных цветов чаем, столь приятным, столь душистым и, кажется, столь же полезным, что я и всегда согласился бы пить оный вместо байхового, — он был весьма кстати, ибо там было довольно холодно. Пищи здесь другой не было, кроме горных кореньев, а посему мы поторопились искать оной далее.

Спускаясь с горы, мы беспрестанно то скользили, то падали, идучи по дриве², образовавшейся из разрушившегося гранита. Несмотря на такую почву, мы находили такие плантации персиков, абрикосов и грецких орехов, что вовсе забывали о пустынной дикости мест сих. В 6 часов с половиною мы нашли себе ужин в хар[л. 19 об.]чевне у подножия страшного утеса Пудинговой горы. Спутники мои с чрезвычайною жадностью уписывали постно-масляные ючжагуй³, а я пил чай с сухарями, сидя на громаде камня, лежащего в мелком ручье, вытекающем из-под горного пьедестала, и любовался картиной местоположения, с которою не скоро б расстался, если б необитаемость сего места и близкая ночь не заставили искать надежного ночлега.

Мы нашли оный в деревушке Дзюньсян, расположенной по реке на живописной долине, украшенной бассейнами сарачинского пшена⁴, укропными и конопляными посевами. На постоялом дворе товарищи мои не нашли кунжутного масла и должны были есть конопляное, а это напомнило им, что они далеко зашли от родины своей, на которой никогда не бывало для них недостатка в первом. Здесь узнал я, что невдалеке недавно существовала целая деревня христиан, которые для избежания частых гонений, оставя свои жилища, удалились за Великую стену.

Переночевав, пошли мы по долине далее на запад — это места населеннее прочих; по местам видны развалины зубчатых стен, бывших некогда оградой княжений. В [л. 22] 15 китайских верстах от ночлега — в деревне Чжайтан — видел я деревен-

ский праздник, который состоял из актеров, представлявших роли на устроенной нарочно сцене, и многолюдного стечения всякого пола и возраста тамошних и окрестных жителей. Здешние женщины показались мне в другом виде, они не гоняются за маленькими ножками; проходя мимо нас, они не только не отворачивали лиц своих, но даже не слишком прикрывали свои груди, а пройдя подальше, даже снимали с себя рубахи и оставались в одном нижнем платье (в штанах).

С этой деревней оставили мы прекрасную долину и стали подыматься на те горы, которые созданы, кажется, для того, чтобы твердынями своими укреплять основание горы Бохоашань. На первой террасе гор сих мы видели еще жилища людей, но, поднявшись выше, не находили никаких следов зданий человеческих, не слышали голоса человеческого, один горный ручей, пробирающийся с высоты между кустарниками душистой лаванды, разговаривал с нами, предлагая свои услуги, мы обедали не под кровлей, а под тенью каштана, размачивая сухари во влаге собеседника нашего.

Поднявшись на высоту горы, которая показалась мне тумбой у подножия Бохоашань, я впервые ощутил [л. 22 об.] здесь в себе чувство ужаса пустыни: под небом на всем горизонте земли я не видел ничего кроме легионов гор; весь божий мир, все человеческие общества, казалось, превратились в горы, подобных коим я никогда в жизни моей не видел, никогда не воображал. Я готов был искать глазами второго Ноева ковчега, чтоб найти там укрывающегося человека, как спутники мои вывели меня из недоумения, закричав в один голос: «Вот Бохоашань!» Оглянувшись, я увидел мрачную громаду, подпиравшую небесный свод; облака отрезывали ее от подножия и представляли ее обманом на небесной лазури, готовым обрушиться и раздавить землю.

Несмотря на то что солнце склонялось к западу, мы не спешили на ночлег, почитая себя весьма недалеко от своего предмета. Всякому хотелось подышать доле бальзамическим дыханием эфира, а мне тем более: я нашел здесь отечественные растения, к которым бросался, как к друзьям моим; они растут на лучшем черноземе, которого доселе не видел я в Китае.

Около 7 часов вечера дошли мы до последней вершины, с которой должно было подыматься на Бохоашань, и, к удивлению, узнали в маленькой кумирне, что до вершины оной еще [л. 20] около тридцати ли. Нас оставляли здесь ночевать, но нам не хотелось составлять общество поклонников, прибывших сюда на ночлег. Они должны были узнать, что у нас совсем другая цель, чем у них, а это заставило бы их обращаться с нами иначе. Идти в кумирню, находящуюся на самой вершине горы, было не поздно, но если б тамошние отшельники узнали, что мы пришли не для поклонений, то едва ли б дали нам место в оной. А посему мы решили искать ночлега в другом месте.

Спустясь с горы, мы надеялись найти внизу деревушку, но ночь застала нас в пропасти, из которой мы не знали как выйти. Мы не находили, что предпринять, но блеснувший в пропасти огонек дал знать нам, что кто-нибудь да зажег его. На крик наш отозвался приветный голос, и мы решились воспользоваться приветом, но шли как на жертву. Хозяин уединенной хижины предложил ночлег, но, признаюсь, мы провели ночь как перед смертью.

На другой день я ботанизировал на Бохоашань, как в своих владениях. В кумирню я не входил, ибо, кроме кумиров, ничего видеть там не надеялся. Растения ее вы увидите у Николая Степановича, а о той дороге, по которой я возвратился оттуда, меня не спрашивайте: она не стоит этого.

[л. 20 об.] После путешествия сего я два раза только в два года, и то на короткое время, мог вырваться из Пекина. Оба раза я выезжал с одним из столичных князей, в дворце которого я принят не только как врач, но и как друг. Не проходит и трех дней без того, чтобы он не пригласил меня к себе, если я сам без приглашения у него не побываю. В те дни, в которые не случится быть у него, непременно либо он, либо жена его присылает мне или цветы, или плоды, или что-нибудь съестное, или какую безделицу для прихоти, или какую-либо нужную вещь для употребления.

Этот человек в свое время был другом живущих здесь европейцев и долго не хотел верить, чтобы русские в чем-нибудь могли равняться с ними, а теперь он называет это непрослительным заблуждением. Он страшный любитель натуральной философии

и из-за нее также помешался на мне, как и на ней. Могу похвалиться, что и в других знакомых мне княжеских домах я равно любим — и при том и тем и другим полом. Прекрасный пол в этих домах я один из мужчин в Пекине могу свободно видеть; особы сего пола обращаются со мной, как с родственником, [л. 21] а может быть, и искренне. Пусть извинит меня тот, кто готовится быть преемником моим; бьюсь об заклад, что ему это не удастся, несмотря на то, что он может быть во сто раз лучше меня практико[м]. Успехами моими в практике я не счастливлюсь — и надписи, сделанные мне на кедровых досках или, лучше сказать, дровах, почти презираю, а иначе у меня б был оных полон двор. Я надеюсь оставить после себя лучшие памятники в Пекине, здешние знакомые мои того стоят, они любят меня, уважают и умеют видеть достоинства мои лучше тех русских, которые послали меня сюда, можно сказать, на срам, и не хотят видеть во мне ничего хорошего. Они осрамили только себя, а я все-таки сделал честь и им, и себе.

Если б Вы знали, как обременен я трудами, то, верно, не заклинали б меня писать постольку, сколько я теперь пишу Вам, а особливо имея перед глазами человека, который все это на словах может пересказать Вам. Несмотря на труды мои, я другой день уже за письменным столом. Я не смею не исполнить жела[л. 21 об.]ний друга, ибо ничего не боюсь так, как потерять дружбу. Я пожертвовал всеми другими видами жизни, но дружбою могу пожертвовать только вместе с жизнью.

Не знаю, получу ли я Ваш ответ на письмо, посланное с о. Поликарпом, равно как и на это; первое Вас в Кяхте не застало, и это, кажется, не застанет, но на всякий случай хочу сказать Вам, что если Вы не припасли всего того, о чем просил я, то о некоторых вещах, каковы, напр[имер], бархат и драдедам, и не беспокойтесь, а о прочих, пожалуйста, хлопочите. К сим последним принадлежат: лучший камплот, французская с волнами материя, настоящие золотые или серебряные нитки или канитель, дамские часы, музыкальные большие табакерки, янтарное мыло, аглицкие для шитья иглы и бисерные кошельки, да еще кофе. Я хотел было и Вам послать то же, о чем просит Никита Григорич, но, опасаясь, чтобы Вы за эти, может быть, вовсе не нужные вещи не заплатили по-пустому пошлины, решился дожидаться от Вас требования.

[л. 25] «Библиотеку»⁵ мне весьма не хотелось отдавать Вам до выезда моего, ибо за хлопотами мне не удалось прочесть ни одной книги. Отдавая оную для чтения товарищам моим, я не пересмотрел ее, а по получении от них не нашел 8-го и 9-го томов и теперь в недоумении, присланы ли были оные или нет. Торквато также отправляю Вам. За 35-й год «Библиотеку» не присылайте, ибо я имею от Николая Ивановича. На вопрос Ваш — сколько раз я получал от Вас вещи и какие? — отвечаю: два раза бисерной работы кошельки, перочинные ножки и ножицы. Расплата за оные за мной не станет, если Вы напишете о ней подробно; а до того я [в] недоумении, расплачиваться ли серебром или вещами.

Не успеваю написать более. Прощайте, будьте здоровы и счастливы!

Ваш П. Кирилов.

Супруге Вашей и всем родным Вашим свидетельствую мое почтение, которое прошу также засвидетельствовать Константину Петровичу с братцами.

Николаю Степановичу поклон до сырой земли, а письма, ей-ей, написать не успеваю. Вместо письма посылаю растения, которые набросал в ящик как ни попало».

Шел уже седьмой год пребывания в Пекине. П. Е. Кирилов хорошо владел китайским языком, изучил обычаи страны. Его все более начинает занимать ее политическая жизнь...

Письмо 10-е.

[л. 26] Пекин, от 1 мая 1837 г.

Около часа над полулистом, как школьник над задачею, сижу с пером в руках и жалею, что я не живописец. В продолжение сего времени я успел бы набросать на этой странице столько цветов, сколько вижу перед окнами моими; к ним прибавил бы надпись: «Дру[гу] моему Василию Николаевичу — для мечтан[ий]» — и успел бы уверить Вас, что этот час жизни моей посвящен мною Вам. Перо мое не пишет красками, а одною черною тушью сделать подобную надпись на бумаге — значит посвятить другу

пол-листа бумаги. За подобные посвящения чуть-чуть не анафеме предан я Вами в прошедшем году, а после этого я готов лучше писать и руками, и ногами, чем посылать по полулисту чистой бумаги.

Два лета не собирал я цветов, а посему не дожидайте пока от меня о них. В Пе[л. 26 об.]кине не произошло ничего интересного для иностранца. Заговорили было, что в воротах дворца пойманы евнухи с порохом, который они пронесли в винных сосудах; но эта, по-видимому, сущая правда обращена, наконец, в небылицу. Государю, как видно, было стыдно, а жителям странно доказывать истину сего происшествия. Политика первого, вероятно, погасила бы и пожар, случившийся в загородном его дворце Юаньминьюане в начале зимы, но огонь осветил истину перед целым Пекином. Пожар начался ночью с того покоя, в котором находилась спальня государя, и распространился столь быстро, что едва раздетого уже его успели вытащить через огонь. Огонь вырвался из большого светильника, который горит не угасая в спальне покойного отца его, находящейся через горницу от спальни его. Пожар продол[л. 33]жался целую ночь, которую государь провел сидя на берегу ручья в саду своем, окруженный ближайшими вельможами. Кроме бесплотных сил его — евнухов, — некому более было развести этот огонек в жертвенном светильнике, который так устроен, что никогда пожара произвести не может.

Оди[н] из искреннейших моих знакомых расс[ка]зал мне, что этот пожар пожрал самые драгоценнейшие сокровища, собранные государями настоящей династии. Государь после одного остался большим трусом — не смел ни сесть, ни лечь, ни сделать шагу без предварительного осмотра места — и сделался добрее против прежнего. Здесь смотрят на государей как на похитителей престолов и власти, и посему всяк, кто чувствует себя способным похищать и грабить, чувствует себя вправе быть государем.

[л. 33 об.] Этого рода мания есть обыкновенная болезнь в Китае: и в нынешнем и в прошлом году во внешних провинциях открыты многие общества, которые имели уже и государей, и вельмож, и печати правления своей династии, которая оканчивается обыкновенно на лобном месте.

Здесьнее правительство, кажется, сделалось мягче для англичан после того, как корабли их пошарабурили в пристанях здешних. В Пекине показалось множество опиума, и притом дешевле грибов. Товар сей, по-видимому, доселе под запрещением, но мы все знаем через переводчика английских бумаг, что правительство здесьнее секретно разрешило покупку опиума у англичан под предлогом обогащения казны пошлиною, которая, впрочем, едва ли кем платится, поелику с пошлиною отбирается и самой товар.

Не знаю, природа или обстоятельство не позволяют доселе русским простирать видов [л. 27] своих за рубеж, отделяющий их от Китая; между тем как другие европейцы атакуют его и явно и скрытно.

В прошлых годах пробрался сюда два французские веропрповедника, из коих один отправился в провинцию Шаньдун, где и доселе живет так, что и черт не знает, а другой пробрался в Корею, где еще строже смотрят за этим. Он перебрался через границу в то самое время, когда господствовала там холера, в прошлом году летом. Чтоб избежать осмотра, он замаскировался больным холерою. Черт его знает, чем его рвало и натурально или от слабительного слабило, но он так опачкался, как будто вылез из нужного места; вид и смрад его, вероятно, так был отвратителен, что караульные, видя его, не смели приблизиться к нему, как к заразе; в сем виде сидел он на плечах у корейского христианина, вышедшего для его встречи, который пронес его таким образом до самого жилища своего.

[л. 27 об.] Здесь прошел слух о войне, затеваемой японцами с Кореею, но слух сей еще ничем не подтверждается. Жаль, что проекты англичан, о коих мы читали статью в «Библиотеке для чтения», остаются доселе мечтою, а весьма бы приятно посмотреть на сцену сражения похабных кукольных легионов с регулярным войском. Один из здешних князей — в дворце которого я принят не как гость, а как друг — искренно сознался мне, что войска здешние служат только для острашки мелких подвластных земель и совершенно согласен со мною в том, что не могут выиграть сражения с самым слабым и малым европейским государством. Шелковые материи, которые Вы прислали, были выписываемы для его княгини, которая восхищается ими до бесконечности. (Перехожу в свой круг.)

Один из ближайших к государю вельмож, [л. 32] бывший пациент мой, а ныне хороший знакомый, наследовав недавно достоинства вана, сделал мне перед пасхою ту честь, которая доселе никогда не посещала моего скромного уголка; эту честь сделал он мне визитом своим, которого никак ожидать нельзя было, как потому, что он ван, так и потому, что он приближеннейший к государю вельможа. Прежде он был у меня несколько раз, но с того времени, как министр наш, также бывавший и в нашем подворье, и у меня, оштрафован был за доклад свой в пользу татар, все вельможи сделались осторожны в обращении с иностранцами; меня к себе приглашали по-прежнему, а к нам в подворье заглядывать стали реже. Русское подворье видело в стенах своих в бытность нашу многих князей других достоинств, но в достоинстве вана видело только его одного (янтарное мыло было выписано для него и уже отправлено ему), но на сих днях я еще с ним не виделся. Сегодня я был в доме министра, сын которого — также вельможа — просил меня посетить больную наложницу его, выезд утомил меня. Летом большая часть вельмож живут за городом на дачах, окружающих Юаньминъюань, до которого от нашего подворья более двадцати китайских верст. Туда и обратно я проехал сорок, а посему не соберусь с силами описать вам мою пациентку, скажу только, что она молода и хороша.

Судила мне судьбинушка и в своей, и в чужой стороне глядеть на чужих; а своей, кажется, не видать, как ушей своих! Расположением к себе здешних мужчин я весьма счастлив, а ласками дам еще счастливее. Замечу мимоходом, что здешние дамы достойнее, добрее и любезнее мужчин, которые по большей части грубы и по образ[л. 28]ванию своему и бесстыдны. В самый наш Новый год оплакал я от души смерть молодой, прекрасной княжны Карцинской^о — жены наследника вышеупомянутого вана, которую около двух лет пользовал я от чахотки с таким желанием спасти жизнь ее, с каким некогда пользовал я Амфису Дмитриевну. Усердие мое освоило ее со мною, как с братом, а я скорбел о потере ее, как о потере сестры. Старуха княгиня — свекровь ее — любит меня доселе, как сына. Утешаюсь тем, что мне суждено прославить память ее в записках пекинской жизни русского врача, которые будут посвящены в свое время Другу моему Василию Николаевичу Баснину. Между тем вечная ей память — здесь! — и утешение в царстве Будды, до пределов которого недалеко уже и врачу ее...

К материи о мужчинах и дамах предложу Вам пример чувствительности и нежности [л. 28 об.] здешних мужчин. В моей горнице пристав нашего подворья — двоюродный брат известного у нас на границе министра Суна — расхвалил меня до небес за излечение прекрасной его жены, сказал в заключение своего восторга, что после этого опыта намерен просить меня лечить любимую его лошадь. Неужели Вы не поверите этому и от души не посмеетесь? Жены почти на таком здесь счету, как самки животных, — и это потому, что мужа их скоты!.. Муж стыдится плакать по смерти жены. Несмотря на это, ловкая жена владеет и здесь мужем, как животным, и поделом! Я желал бы, чтобы все достойные жены имели такую волю над недостойными их мужьями! Есть, впрочем, но мало, и такие семейственные картины, как и на Руси святой.

Все это говорю я о маньчжурах; в хороших китайских домах мне хотя и случалось бывать, но знакомство с ними что-то не завязывается. Они закоснели в своем; [л. 31] а потому не льнут к сердцу иностранца. Сами маньчжуры не освоились еще с ними и одни других дичатся. Китайские дамы развязнее маньчжурских, которые большею частью застенчивы. В здешний Новый год нашел я невзначай в одном княжеском доме множество мужчин и дам китайских из дома китайского министра. Мужчины были в горнице князя, а дамы в покое княгини; при прибытии моем меня немедленно просили пойти к дамам, которые обошлись со мною без всякой застенчивости, просили меня поиграть на гитаре, а сами по просьбе моей играли на цине^и; разговаривали, шутили и хохотали так же, как наши ловкие дамы, жаль только, что все они были с юга, наречие коего природные пекинцы с трудом понимают. Убор их разнообразнее и, кажется, красивее маньчжурского; при помощи маленьких их ножек он придает им какую-то приятную гибкость, которой я не видел у дам не только маньчжурских, но даже и у наших.

Поневоле заходит речь о вкусе; но смею ли я судить о нем? Эстетическое определение оного вооружит против меня чувство всех тех народов, вкус которых с оным не согласен. Лучше оставаться невежею в эстетике, чем вооружать против

себя целой мир. Будучи угодником неизменных законов природы, я соглашаюсь на все требования ее и во всех странах, во всех народах равно люблю и уважаю ее. Итак, где бы, каков бы ни был вкус, как бы он ни различен был от общепринятого образованными [людьми] вкуса, но он, по моему мнению, неоспорим и хорош, если сообразен степени развития природы стран и народов. Это мнение вооружит против меня только тех, вкус которых заимствованный, происходящий из подражания другим, кому бы то ни было: французам или эриванцам, для меня все равно, — а не природе.

Такого рода негодования на меня я не боюсь; в защиту мою заговорит у нас — роза и ландыш, здесь — ланьхоа⁴ и глаза прекрасного пола, а у негров зардеется от радости черно-бархатная кожа и улыбнутся перловые зубы.

[л. 29] Натуральную религию я также готов защищать, как и природный вкус⁵. В том смысле, в котором я ее понимаю, и в том виде, в каком она мне представляется в афоризмах китайских мудрецов, она для обыкновенных людей неисповедима, а посему и остается доселе только в книгах. Для приятия ее требуется философское умственное совершенство: образование в голове той идеи, по которой создан мир. Тот только, кто понимает ее, понимает себя и может достигнуть тех совершенств, для которых он создан.

На досуге, когда Вам захочется отдохнуть над бокалом венгерского, налейте два — один для себя, а на другой попросите почтеннейшего отца Иакинфа¹⁰ и спросите его, какая из трех сект: фоевская [буддийская. — В. М.], даосская или ученая (конфуциева) держится подобной религии? Он, без сомнения, не укажет Вам ни на одну: без исключений, без оговорок, без противоречий, без сомнений. Это будет Вам доказательством, что натуральная религия только в книгах мудрецов. Не знаю, укажет ли он на книгу философа Лаодзы, [л. 29 об.] если не придет ему это в голову, то это будет значить, что он при чтении оной руководствовался изъяснениями даосов, которые из нее сделали священную книгу и протолковали ее в пользу своей секты; между тем как философ писал ее вовсе не с тем, чтобы основать секту, даже принужденно передал мысли свои потомству. Удаляясь из своего отечества верхом на быке, он остановлен был начальником таможенной заставы, который знал его как мудреца, решил не прежде пропустить его, как тогда, когда он оставит в отечестве философское сокровище свое. Он оставил пять тысяч слов, которые я ценю дороже пяти тысяч червонцев. Попросите отца Иакинфа изложить понятие о слове Дао и перевесть первую главу Лаодзы, которую мне пришлите. Я за удовольствие поставлю сообщить Вам свой перевод оной и уверен, что дружеская переписка о сем предмете с уважаемым мною ориенталистом доставит и статейку Вашему клубу, и лишнюю [л. 30] бутылку венгерского Вашему дружескому обществу. Не знаю на чей счет, а желаю только, чтобы на его деньги.

Неужели еще писать? Когда же я напишу другим? Когда приготовлю пилюли моим пациентам? Когда соберусь в горы за фуражом для любезнейшего ботаника Николая Степановича? Когда думать о своем здоровье, которое расстроилось вместе с вновь присланным разбитым барометром. В последнем, впрочем, я полагаюсь на Вас — помогите мне! Пришлите полдюжины одних барометрических трубок без футляров, которых у меня довольно, ртуть здесь есть, я наливать умею, успехи метеорологических наблюдений и признательность за оные физиков будут принадлежать не Азиатскому департаменту, который столь скуп, а Вам. Пришлите оные с купцами, только не посылайте с ними писем, а иначе побоятся доставить.

Боюсь я, дражайший Василий Николаевич, чтобы бескорыстной нашей дружбы не оскорбило чувство корысти, которого подозрение, если [л. 30 об.] не в Вас, то в других могут возродить частые мои комиссии; а потому умоляю Вас заблаговременно удалять чувство сие и успокоить меня насчет сего или поручениями своими, которые я помаленьку буду выполнять и готовить к выезду своему, или уведомлением меня о ценах вещей, за которые исподволь откладывать из жалованья своего крохи мне легче, чем вдруг по выезде думать о сем. Заклинаю Вас не думать обо мне иначе, как об интересанте, и здесь обо мне иначе думают. Интерес я почитаю первым для себя пороком. Чувствительнейше Вам благодарен за высылку вещей. При записке я получил 10 ножниц, 300 иголок, 4 часов серебряных, 2 табакерки с музыкой, 12 табакерок простых, 2 свертка канители серебряной, 2 золотой или позолоченной серебряной, 2 аккорда струн, 12 платков носовых, 2 коробки мыла янтарного

(которого, однако, третья часть разбилась вдребезги в дороге), 40 арш[ин] материи шелковой, 1 штуку казенету. Кто подписавший записку Павел Баснин? Я не знаю, но кланяюсь ему нижайше.

[л. 34] Я не получил Вашего письма, так Вы наказываете меня другой раз. Если Вы сердиты на меня, то больно мне, а если нет, то поделом мне. Но неужели двух пыток не довольно? Выезд мой в горы доставит мне много материи и для Вас, и для Николая Степаныча, надеюсь, что не обману Вас... [л. 34 об.] Всем с Вами желаю быть здоровыми и счастливыми.

Преданный Вам Порфирий Кирилов.

Р. С. Пропустил сказать Вам, что во все шесть лет не видали мы таких роскошных снегов в Пекине, как в прошедшую зиму. Все началось благодетельным дождем, но продолжается сухонько. Фруктовые деревья еще с пасхи начали отцветать. Пришествие весны провозглашено было двумя или тремя ударами легкого грома — без дождя, второго грома доселе не слышали. Сегодня в тени 22° тепла.

Не забывайте, Христа ради, выходца Ивана, мне весьма жаль его, он, говорят, живет без призрения.

Не пеняйте на меня за нескладность слога, за невыбор материи, за неаккуратность переписки и проч., черняков писать я не имею времени, а сочинять не люблю, [л. 35] какая дичь в голове, такая и на бумаге! Принужденность в дружеской переписке показывает поддельную дружбу. Если бы я любил подделывать себя, то затирал бы рябины румянами и чернил бы усы, которые довольно русы. Ошибки в правописании сами поправляют или извиняйте: перечислять некогда.

Н. В. Сделайте мне еще одно самое чувствительнейшее для меня одолжение и милость — вышлите в Петербург самого высокой цены отличнейшего чаю банку или ящик фунтов в пять или шесть по следующему адресу:

Его высокоблагородию

Илье Васильевичу Буяльскому,

профессору императорской медико-хирургической академии,

живущему по Сергиевской улице в собственном доме.

Я пишу ему, что просил Вас о сем, ибо в Пекине есть хорошие чаи зеленые, а байховых и посредственных нет».

Конечно, жаль, что мы публикуем не переписку двух интересных представителей интеллигентного слоя русского общества полуторавековой давности, а лишь письма одного из них. Судя по завершающему документу этой коллекции, В. Н. Баснин находил время для обстоятельных рассказов о российских и иркутских новостях и событиях.

Итак, письмо 11-е

[л. 36] «Пекин от 20 октября 1838 г.»¹¹

Совершенно не в моем распоряжении было время от получения Ваших писем до отправки наших; а поелику, равно как по краткости оно, я не успеваю теперь дать того ответа, которого требуете от меня Вы, любезнейший Василий Николаевич, благороднейший друг мой. Несколько строк только для того, чтобы поблагодарить Вас за письмо Ваше, которое для дружбы интереснее всех ведомостей и литературных изданий, за гостинцы Ваши, за дружбу Вашу, которая есть верх желаний моих. За Вас, за благородную душу Вашу я благодарю бога, который для утешения людей даровал жизнь Вам!

Не думайте, благороднейший Василий Николаевич, чтобы я с таким невниманием читал письма Ваши и так же забывал их, как «Стрекозу» Орлова. Я помню всякую почту, о которой в письмах моих часто не упоминаю потому же, почему делая ошибки дру[л. 36 об.]гие, которые если ту ж минуту не подскоблю, не поправлю, то так и отправляю, и кто же бы стал упрекать меня за это в незнании правописания? Весной исполню в письме все требования; а теперь спешу уведомить Вас, что я успел исполнить долг христианина, возложенный на меня как дружбой Вашей, так и собственным чувством оной к дому Вашему и незабвеннейшему дому Александра Николаевича. Этот долг исполнен 14 октября, в день св. Прасковии, в Северном нашем храме, где помнящим и уважающим Вас и Александра Николаича о. Аввакумом отправлена была божественная литургия и потом панихида о упокоении во царствии божием Парасковьи, Варвары и Иларии, которым была пред всею церковью нашею

провозглашена и будет из года в год в день сей и в стенах храма, и в сердцах отзываться вечная память.

[л. 37] Вот все, о чем успеваю уведомить Вас, кроме сего, поклон до сырой земли Вам, незабвенному Александру Николаевичу, всему дражайшему дому Вашему и всем помнящим меня знакомым моим.

Ваш П. Кирилов».

Внизу на л. 37 помета, сделанная почерком В. Н. Баснина:

«с 1 мая 37 г. (время отсылки ко мне письма от Порф[ирия] Евдок[имовича] за № 10) по 20 окт[ября] 38 г., не было времени написать ко мне более, чем в этом письме, и особенно в ответ на длинные и, может быть, небезытересные письма мои к нему. 525 дней. Черт возьми!»

Не хотелось бы заканчивать на столь гневной ноте нашу публикацию. Поэтому напомним, как отзывался начальник 11-й миссии Вениамин Морачевич о предшественнике П. Е. Кирилова — О. П. Войцеховском: «Одной почти его славе обязана тогдашняя миссия, что после семилетнего своего скромного уединения приведена она, наконец, в Пекине в известность, что имя русское облагородилось китайцами до того, что значительные люди не только перестали бегать от русских, но начали искать знакомства с нами»¹². Эти же слова могут быть полностью отнесены и к пекинскому периоду жизни П. Е. Кирилова, с честью исполнившего долг русского врача.

¹ Гора Байхуашань (Байхуато) «находится в столичном округе в 120 ли к западу от уезда Ваньпин. Со всех сторон окружена горами. В центре расположена равнина площадью примерно 10 му. Там растут ель, лаковое дерево, целебные травы. В конце весны, в начале лета все утопает в цветах. До сих пор сохранилось место, где была Кумирня Золотого Устава» (Чжунго гуцзинь динин да цылян. Шанхай, 1931, с. 332).

² От англ. «drive» — «дорога».

³ Ючжагуй — кусочки рыбы, обжаренные в растительном масле (кит.).

⁴ Рисовыми полями.

⁵ Журнал «Библиотека для чтения».

⁶ Женщина родом из монгольского аймака Хорцин.

⁷ Цинь — китайский струнный инструмент, напоминающий гусли.

⁸ Ланьхуа (кит.) — орхидея. На полях помета: «простой цветок, но изящный в эстетическом смысле».

⁹ На полях помета: «разумеется, пред прочими языческими религиями, а не перед христианскою».

¹⁰ Н. Я. Бичурин в 1830—1831 гг. в течение полутора лет находился в Забайкалье в составе экспедиции П. Л. Шиллинга. Затем в 1835 г. он вновь приехал в Кяхту, где 18 мая было открыто училище китайского языка. В Петербург великий русский китаевед уехал лишь в начале 1838 г.

¹¹ На л. 36 карандашом помета: «п[олучено] генвар[я] 24, 39 года в Кяхте через П. Д. Штудова».

¹² П. Е. Скачков. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 196.

С. Р. БЕЛОУСОВ,
кандидат исторических наук

В последние годы обществоведение КНР, наверстывая упущенное, обратилось, в числе прочих, ранее специально не затрагивавшихся проблем, к исследованию истории зарождения и развития института политических партий в Китае в общем контексте общественно-политической жизни страны в богатые катаклизмами новый и новейший периоды ее истории. В факте повышения интереса к данному сюжету в китайской историографии убеждают создание постоянных рубрик в некоторых периодических изданиях, регулярно помещающих пространные материалы на эту тему, многочисленные статьи в различных специальных сборниках и брошюрах, другие публикации как центральной, так и провинциальной печати КНР. О подлинном буме в этой области свидетельствует и появление ряда солидных монографий обобщающего характера, нарративных источников, сборников соответствующих документов и материалов, авторских работ с более узкой тематической направленностью, в том числе воспоминаний бывших лидеров малых партий Китая 30 — 40-х гг. XX в. (Чжан Ланя, Хуан Яньпэя, Шэнь Цзюньжу, Ши Лян, Цзоу Таофэня и др.)¹. Наконец, об устойчивом и продолжающемся возрастать интересе к указанной проблематике говорит и активная, систематическая и целенаправленная исследовательская работа, ведущаяся сегодня в высших учебных заведениях и других научных учреждениях страны, прежде всего на факультете истории партии Народного университета Китая под руководством профессора Янь Ци, а также в Цзилиньском, Дунбэйском и Пекинском педагогических, Хэйлунцзянском и Фуданьском университетах.

Надо отметить, что еще совсем недавно положение было принципиально иным: за 35 лет существования КНР (вплоть до 1984 г.) не было издано ни одной специальной достаточно серьезной работы по институализации политических партий в стране. Специалистам приходилось довольствоваться журнальными публикациями, которые при всей своей многочисленности грешили бессистемностью выбора предмета изучения (что порождало, как это ни парадоксально, довольно монотонное дублирование сюжетов), субъективистскими подходами и всеми прочими издержками «мемуарной литературы», а зачастую и недостатком должного профессионализма. В какой-то степени историографический голод утолялся двумя работами: «Общий облик китайских партий и группировок» (издана она была, правда, еще в 1946 г. в Фучжоу) и четырех-томным документальным сборником «Справочные материалы для критики среднего курса китайской буржуазии» (Пекин, 1958—1959)². Однако первая, имея в активе богатейший эмпирический материал, страдала традиционным и, на наш взгляд, трудно изживаемым недостатком всей китайской историко-философской науки — явным приматом фактографичности и комментаторства над аналитичностью, а вторая, уже в силу самого характера издания, и вовсе на анализ не претендовала. Кроме того, современные задачи обществоведения и само время требовали переосмысления указанного круга вопросов на новом уровне развития исторической науки.

Итак, в последнее время ситуация стала кардинально меняться. Возрождение после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) и заметная активизация современной плеяды демократических партий КНР, образно называемых сегодня

«восемью друзьями КПК» (Чжунгун багэ пэнью) и действующих ныне в рамках новой ипостаси патриотического единого фронта (айго тунъи чжаньсянь) в соответствии с курсом «Многопартийное сотрудничество во главе с КПК» (Чжунгун линдао ся ды додан хэцзо)³, закономерно стимулировали и интерес к генезису и эволюции их предшественниц в предыдущие десятилетия. Свидетельство тому — появление первой вообще в данной области серьезной монографии «История политических партий Китая в новую и новейшую эпохи», вышедшей под редакцией профессоров Чжу Цзяньхуа и Сунь Чуня в харбинском издательстве «Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ» в октябре 1984 г.⁴ Она подготовлена на базе двух университетов — Цзилиньского и Дунбэйского педагогических — силами солидного авторского коллектива, костяк которого составили известные в своей области ученые (помимо Чжу Цзяньхуа и Сунь Чуня, это Лэй Цзяхуан, Ма Вэйчжэн, Лю Цзинфу, Чжао Чуньи, Ли Юцин, Чэнь Жуйюнь). В предисловии авторами подчеркнута, что история становления партий для них не самоцель; «задача максимум» заключалась в том, чтобы на основе скрупулезного и по возможности аналитического исследования истории просветительских, политико-идеологических организаций, политических партий и группировок проследить тенденции и закономерности развития китайского общества и отчасти эволюцию социально-политической мысли в 1919—1949 гг. Забегая вперед, можно констатировать, что в целом авторам это удалось.

Основоположники марксизма-ленинизма неоднократно отмечали, что деление всякого общества на политические партии наиболее рельефно проявляется «во время глубоких, потрясающих всю страну кризисов»⁵. Китайская действительность начала века служит тому иллюстрацией. Ведь в цинском Китае, фактически отстававшем в конце XIX в. от наиболее развитых стран мира на целую социально-экономическую формацию, политические партии отсутствовали вплоть до последних лет правления маньчжурской династии (многочисленные тайные общества, хуэйдан, таковыми считать конечно нельзя). Но на рубеже столетий в результате знакомства с западной мыслью и институтами, по мере возникновения новых задач общественного развития, активизации процесса социального расслоения, формирования буржуазии и ее антипода Китай стал свидетелем интенсивного развития политических партий. Их прототипами можно считать организованный в 1894 г. Сунь Ятсеном и Ян Цюйюнем Союз возрождения Китая (Син Чжун хуэй) и его кратковременного союзника, а в дальнейшем идеологического и политического оппонента — Союз защиты государства (Баоохуэй), созданный в 1894 г. по инициативе Кан Ювэя и Лян Цичао и возрожденный в 1900 г. как Союз защиты императора (Баохуанхуэй) (с. 19—25)⁶. Летом 1905 г. представители революционно-демократического крыла китайской буржуазии, руководимые Сунь Ятсеном, основали в Токио новую организацию — Объединенный союз (Тунмэнхуэй), которую уже можно, правда со значительными оговорками, назвать политической партией в общепринятом значении слова. Объединенный союз, организационная структура и практическая деятельность которого еще носила «родимые пятна» традиционных заговорщических форм и методов, постепенно оформлялся в деятельную и сплоченную организацию, сыгравшую заметную роль в подготовке и осуществлении Синьхайской революции 1911 г. (с. 51—67). История Китая как история медленных ритмов, канонизированных идейно-политических стереотипов и табуированных традиций закончилась.

Небывалый (даже для Китая) размах партийная стихия приобрела в короткий период буржуазно-парламентской «оттепели» 1912—1913 гг., когда была обнародована временная Конституция Китайской Республики (март 1912 г.) и, по образному выражению китайского историка Ян Юцзюна, партии появлялись, как «молодые побеги бамбука весной», а их общее число, по приблизительным данным другого исследователя, Се Пиня, превысило три сотни (с. 80—94). Именно в этот период (в августе 1912 г.) на базе Объединенного союза и нескольких более мелких организаций Сунь Ятсеном была создана Национальная партия (Гоминьдан) (с. 85—88). Параллельно консолидировала свои силы и либеральная буржуазия: возникают Республиканская (Гунхэдан), Демократическая (Миньчжудан) и Объединенная (Тунъидан) партии, которые в мае 1913 г. по инициативе Лян Цичао объединяются под знаменами Прогрессивной партии (Цзиньбудан), впоследствии также реорганизованной и ставшей известной как Исследовательская группа (Яньцзюси) (с. 94—101). Недолговечность — общая отличительная черта создававшихся в то время политических альянсов, что было обуслов-

лено политической нестабильностью общества, ростом центробежных тенденций. Масштабное наступление реакции (роспуск парламента, принятие более чем ограниченной конституции 1914 г., усиление репрессивного произвола властей и т. п.) заставило Сунь Ятсена и его единомышленников в июне 1914 г. реорганизовать запрещенную к тому времени Национальную партию в строго конспиративную группировку — Китайскую революционную партию (Чжунхуа гэминдан). Наконец, уже на новом этапе отечественной и мировой истории, в октябре 1919 г., Сунь Ятсен создал свое последнее политическое детище — Национальную партию Китая (Чжунго гоминьдан), которой суждено было в течение долгого времени играть ведущую и крайне противоречивую роль в жизни китайского общества (с. 110—117).

Важной вехой в новейшей истории Китая стало создание коммунистической партии (Чжунго гунчаньдан). Ее образование в июле 1921 г. явилось закономерным результатом бурных революционных событий в Китае в первые два десятилетия XX в., характеризовавшихся, помимо всего прочего, широким распространением социалистических, в том числе и марксистских идей, необычайным ростом их популярности у значительной части интеллигенции. Как справедливо отмечают авторы монографии «История политических партий Китая...», большое значение для поступательного характера этого процесса имела Октябрьская революция 1917 г. в России (с. 118—128). Авторы монографии путем проблемно-хронологического построения материала, детального анализа широкого спектра неоднородных, противоречивых и нередко взаимоисключающих идейно-политических тенденций убеждают читателя, что, несмотря на казалось бы столь активную жизнь партий в Китае, процесс их становления протекал очень сложно, если не болезненно. Причиной тому — отсутствие демократических традиций, четкой классовой дифференциации в обществе (аморфная социальная структура отражалась прежде всего в политической сфере), напряженная, запутанная и молниеносно менявшаяся внутривнутриполитическая ситуация. Возникавшие в конце 10-х — начале 20-х гг. XX в. многочисленные партии и группировки начинали регрессировать чуть ли не с самого начала своего существования — частично из-за отсутствия ясных конечных целей, единства мнений в руководстве, непопулярности и компрометирующих действий их лидеров, а отчасти потому, что не могли всерьез конкурировать с гоминьданом и быстро набиравшей силу компартией. Такая незавидная судьба постигла националистические группировки, которые в большинстве своем возникали в среде китайских студенческих землячеств за границей. Единственной выжившей из всех подобных организаций была Младокитайская партия (Чжунго циньяндан). Трудно не согласиться с утверждением авторов упомянутой монографии, суть которого сводится к тому, что отнюдь не последнюю роль в процессе эволюции партий после поражения национальной революции 1925—1927 гг. сыграл такой фактор, как монопольное правление чанкайшистского гоминьдана, однопартийная диктатура которого была санкционирована двумя десятилетиями режима «политической опеки».

Советская научная литература, посвященная истории революционного процесса в Китае в новейшее время (конкретнее в 30—40-е гг. XX в.), акцентировала и акцентирует внимание на извечии истории гоминьдана и КПК, что в принципе закономерно, поскольку именно в противоборстве этих партий и руководимых ими политических и военных сил фактически решался вопрос о пути развития страны. Тем не менее если сегодня объективно оценивать исследования данного сюжета в нашем китаеведении, то при бесспорных и весьма значительных его результатах нельзя не отметить некоторых существенных упущений. Коротко говоря, их суть в несколько одностороннем подходе к многообразию китайского революционного движения, в известном упрощении и схематизации его картины, что проявляется в исключительном внимании — и это, повторим, вполне объяснимо, но отнюдь не достаточно — к истории взаимодействия лишь крупнейших сил на политической арене Китая 30—40-х гг. XX в. — гоминьдана и КПК. При этом на периферии исследовательского процесса оказывались вопросы генезиса и эволюции политических организаций, выражавших интересы более чем влиятельных «промежуточных» слоев китайского общества, ставших известными как феномен «третьей силы» в Китае.

До недавнего времени подобный подход доминировал и в историографии КНР, в которой (как, впрочем, и в советской китаеведческой и уже) отсутствовала даже устоявшаяся социально-классовая дефиниция «промежуточных» сил Китая⁷, оценка

их места и роли в антияпонской и гражданской войнах. Не давая прямого ответа на этот вопрос, авторы монографии «История политических партий Китая...» отвечают на него косвенно; в ткань повествования органично вплетены фрагментарные социальные характеристики тех общественных групп и слоев, которые составляли основу малых партий и группировок «промежуточных» сил, объединившихся в начале 40-х гг. в Демократическую лигу Китая, игравшую роль политического авангарда «третьей силы» в стране. Тем самым предоставляется возможность, суммировав и систематизировав эти рассыпанные по тексту сведения, с той или иной степенью адекватности обрисовать классовую структуру этих сил.

Как в китайской, так и советской историографии достаточно твердо (хотя, разумеется, не без некоторых разночтений и нюансов) определено, что наиболее последовательно интересы угнетенных масс, крестьянства и рабочих, сочувствовавшей социалистической перспективе интеллигенции выражали китайские сторонники марксизма, КПК. Интересы ретроградных помещичьих слоев, казенно-бюрократических элементов, консервативно-националистических настроенной верхушки буржуазии и отчасти компрадорской буржуазии отстаивались гоминьданом. Что касается «промежуточных» слоев, прежде всего либеральной интеллигенции и студенчества (разного, но в основном все-таки буржуазно-помещичьего происхождения), то они действительно находились между полярно-антагонистическими классовыми силами (и с этой точки зрения кавычки при употреблении термина «промежуточные» в принципе могут быть сняты).

Оставляя в скобках неизбежные в данном случае частности, в целом можно сказать, что «третья сила» Китая консолидировала под знаменами «среднего политического курса» (чжунцзянь лусянь)⁶ либеральную часть национальной буржуазии и буржуазно-помещичьих группировок, значительную часть но конформистского студенчества и интеллигентских кругов (издателей и журналистов, профессорско-преподавательские кадры высшей и средней школ, ученых и технократов, деятелей литературы и искусства), некоторое число оппозиционно настроенного чиновничества, удалившихся уже было от дел и по разным причинам недовольных гоминьданом политиков, отставных военных и мелкой буржуазии крупных городов.

Разумеется, эти слои численно (для Китая) были невелики. Однако их удельный вес в политической жизни и тем более в идеологических спорах, не утихавших в Китае на протяжении бурных десятилетий национально-освободительной и антияпонской борьбы, был намного выше, чем можно, казалось бы, заключить, принимая во внимание их немногочисленность. Это объясняется, с одной стороны, общей малограмотностью, идеологической инертностью и политической пассивностью многих слоев и категорий китайского населения, а с другой — неизменно повышенной идейно-политической активностью либеральных элементов и студенчества; кроме того, нельзя закрывать глаза и на такой немаловажный в данном случае фактор, как традиционное почитание и высокий социальный статус «ученого сословия» в Китае, где решения сильных мира сего, как правило (если не всегда), готовились, а зачастую и воплощались в жизнь особой прослойкой «творческих умов», которую, однако, отнюдь не всегда можно идентифицировать с господствующим классом. Иными словами, представители «третьей силы», прежде всего, конечно, ее лидеры (Чжан Лань, Чжан Цзюньмай, Чжан Дунсунь, Лян Шумин, Хуан Яньпэй, Цзэн Ци, Ли Хуан, Шэнь Цзюньжу, Чжан Боцзюнь и др.) олицетворяли тот узкий и элитарный, но весьма влиятельный слой *Litterati*, который во все времена и во всех странах, аккумулируя в себе духовный потенциал нации и имея доступ к перу и бумаге, обладал широкими возможностями направлять эволюцию мысли, формировать общественное мнение и тем самым в известной степени определять текущую политику. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что при всех своих классовых или национальных пристрастиях, личных или общественных симпатиях эти люди принадлежали по происхождению, воспитанию и образованию к социальному слою, по самой природе своей универсалистскому и основанному на духовном начале. Ставя политические проблемы на идеологическом уровне и облекая политические акты в письменную форму, либералы претендовали на положение выразителей глобальной национальной идеи.

Не останавливаясь здесь на частностях, затрагивавшихся в некоторых наших предыдущих работах⁹, ограничимся констатацией одного факта, в котором стре-

мятся убедить и убеждают читателя авторы монографии «История политических партий Китая...». Самой организацией материала и всем ходом повествования они показывают, что и в период антияпонской войны, и особенно в условиях возобновления и расширения войны гражданской в 1946—1949 гг., гоминьдан и КПК, сколько бы они ни говорили о решающей силе оружия (силе действительно в тех условиях решающей, но отнюдь не разрешающей все накопившиеся проблемы), в процессе борьбы за власть были самым непосредственным образом заинтересованы в привлечении на свою сторону деятелей «промежуточных» сил, которые фактически служили камертоном общественного мнения и без знаний, политического опыта и идеологического влияния которых достижение окончательной победы над главным политическим противником выглядело гораздо более проблематичным и сопряженным с непредсказуемыми трудностями.

Подробный и в целом аргументированный показ этой реалии внутривнутриполитической жизни китайского общества в 30—40-е гг. XX в. и представляет одно из несомненных и главных достоинств книги «История политических партий Китая...». Ее авторы, не ограничиваясь проторенными еще в 50-е гг. и накатанными в последующий период путями пристального, но в силу вышеназванных причин ограниченного исследования всех подробностей взаимоотношений гоминьдана и КПК, их детализацией в ущерб комплексному анализу исторического процесса во всем его многообразии, существенно дополняют картину, поскольку оценка идейных позиций и практической деятельности малых партий и группировок, игравших, может быть, и не решающую, но весьма активную и заметную роль в общественной жизни, придает картине, так сказать, стереоскопичность, позволяет в ином ракурсе взглянуть на политическую борьбу того времени, глубже разобраться в идеологической атмосфере, царившей в обществе в целом и внутри «промежуточных» сил, в интеллигентской среде, в частности.

В определенной степени (под несколько иным, обусловленным проблематикой, углом зрения) эти же задачи решаются и в двух других недавно вышедших крупных работах: опубликованной в том же харбинском издательстве «Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ» коллективной монографии «История политической мысли Китая в новейшую эпоху, 1919—1949» (подготовленной на базе Народного университета Китая, Дунбэйского и Пекинского педагогических университетов) и выпущенной издательством «Цзилинь жэньминь чубаньшэ» книги Люй Сичэня и Ван Иминя «История китайской философии в новейшую эпоху, 1919—1949 гг.»¹⁰ Сделаны первые, но достаточно заметные шаги на пути ликвидации «белого пятна» в историографии КНР, посвященной, пожалуй, самому драматичному периоду китайской истории.

¹⁰ См.: Туньи чжаньсянь цзибэнь чжиши (Основные сведения о едином фронте). Пекин, 1981; Чжоу Тяньду. Цзюгохуэй (Ассоциация национального спасения). Пекин, 1981; Чжоу Эньлай туньи чжаньсянь вэньсюань (Избранные произведения Чжоу Эньлая о едином фронте). Пекин, 1984; Чжунго миньчжу тунмэн лишэ вэньсянь, 1941—1949 (Материалы по истории Демократической лиги Китая, 1941—1949). Пекин, 1983—1984; Хуан Яньпэй. Башинянь лай (80 прошедших лет). Пекин, 1982; Ша Цяньли. Мань хуа Цзюгохуэй (Подробный рассказ об Ассоциации национального спасения). Пекин, 1983; Янь Ци. Чжунго нунгун миньчжу ден лишэ яньцзю: Миньчжу гэмин шици (Исследование истории Крестьянско-рабочей демократической партии Китая: Период демократической революции). Пекин, 1984; Чжунго гунчаньдан ды циньли чжанью — Дэн Яньда (Близкий боевой соратник КПК — Дэн Яньда). — «Жэньминь жибао», 26.XI.1981, Чжоу Жунчэн. Хуайнянь Чжан Боцзюнь тунчжи (Воспоминания о товарище Чжан Боцзюне). — «Туаньцзе бао», 11.I.1986; Сун Чживэнь. Ли Вэнь каньянь (Кровавые инциденты с Ли [Гунпу] и Вэнь [Идо]). — «Жэньминь жибао», 8.VIII.1983; Гоминьдан чжаокай ды «Гоминь дайбяо дахуэй» (Созванное гоминьданом «Национальное собрание»). — «Жэньминь жибао», 2.IX.1983; Цзян Канмэй, Цзян Шинун. Шилунь ди эр цы гонэй гэмин чжаньчжэн шици ды чжунцзян лай (Промежуточные группировки в период второй гражданской революционной войны). — Чжунго сяньдай ши (Новейшая история Китая). Сб. ст., вып. 10. Пекин, 1984; Цю Тин. Дэн Яньда сысян ши шэнь (Детальный анализ взглядов Дэн Яньда). — Там же, вып. 7. Пекин, 1984.

² См.: Шао Чжунъи. Чжунго данпай цюаньмао (Общий облик китайских партий и группировок). Фучжоу, 1946; Пипань Чжунго цзычаньцзеци чжунцзянь лусянь цанькао цзыляо (Справочные материалы для критики среднего курса китайской буржуазии). Т. 1—4, Пекин, 1958—1959.

³ См.: Синь шици миньчжу данпай ды лиши шэнмин (Историческая судьба демократических партий и группировок на новом этапе). — «Жэньминь жибао», 23.X.1979; Дан юй миньчжу данпай ды гуанси (Отношения КПК с демократическими партиями). — Сюеси цанькао цзыляо (Справочные материалы для изучения). Ухань, 1985; Чэн Цзыюнь. Гунчаньдан линдао ся ды додан хэцзо (Многопартийное сотрудничество во главе с КПК). — Там же; Дэнь Сяопин. Цзяньшэю Чжунго тэсэ ды шэхуэйчжуи (Строительство социализма с китайской спецификой). Изд. 2-е, доп. Пекин, 1987; Юй Ган, Юй Цзяньцзэ. Люелунь Чжунго миньчжу данпай ды лиши даолу: Сюеси «Дэнь Сяопин взъсюань» ды тихуэй (К вопросу об историческом пути демократических партий и группировок: Изучая «Избранные произведения Дэнь Сяопина»). — «Хунци», 1983, № 23; Е Дуи. Миньмэн ды лиши, синчжи хэ жэнью (История, характер и задачи Демократической лиги). — «Бэйцзин мэн сюнь». Пекин, 1983, № 8; Ли Вэйхань. Мао Цзэдун сысян чжидо ся ды Чжунго туньи чжаньсянь (Единый фронт Китая, руководимый идеями Мао Цзэдуна). — «Хунци», 1983, № 24; Туньи чжаньсянь жэньжань ши и да фабао (Единый фронт по-прежнему остается чудодейственным средством). — «Жэньминь чжэнсе бао», 28.V.1985; Чжоу Чжансинь. Вэйху аньдин туаньцзе ды чжэнчжи цзюймянь миньчжу данпай ши чжуньяо икао лилян (Демократические партии — важнейший фактор сохранения политической ситуации стабильности и сплоченности). — «Жэньминь жибао», 9.II.1987.

⁴ См.: Чжунго цзинь сянь дай чжэндан ши (История политических партий Китая в новую и новейшую эпохи). Харбин, 1984, с. 5, 11, 649.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 276.

⁶ Далее ссылки на монографию «История политических партий Китая...» даются в тексте.

⁷ Единственная известная нам попытка их первоначальной классификации была предпринята в работе В. И. Глумина. — См.: В. И. Глумин. Третья гражданская революционная война в Китае. 1946—1949. М., 1958, с. 25.

⁸ См.: подробнее: С. Р. Белоусов. Буржуазный либерализм в Китае: политическая история и идеология «третьего пути» развития (30—40-е гг. XX в.). — «Проблемы Дальнего Востока», 1985, № 2, с. 96—101.

⁹ См.: С. Р. Белоусов. Об одной разновидности китайского буржуазного национализма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 2; С. Р. Белоусов. Буржуазный либерализм в Китае..., с. 98—101.

¹⁰ См.: Чжунго сяньдай чжэнчжи сысян ши, 1919—1949 (История политической мысли Китая в новейшую эпоху, 1919—1949 гг.). Харбин, 1984; Люй Сичэнь, Ван Иминь. Чжунго сяньдай чжэсюе ши, 1919—1949 (История китайской философии в новейшую эпоху, 1919—1949 гг.), Цзилинь, 1984.

Н. ЗАДОРНОВ

О романе «Владычица морей»

В 1979 г. я закончил роман «Гонконг». После изображения событий войны 1854—1855 гг. я должен был вернуться в новой книге к деятельности моих героев, осваивающих Сибирь и Дальний Восток. Ведь впереди было Приморье, давняя цель русских на Океане.

Но к тому времени в моих руках оказались многочисленные и, на мой взгляд, интереснейшие материалы со сведениями о том, что происходило, когда Россия начинала входить в круг новых международных отношений на Тихом океане. Обстоятельства складывались так, что в результате колониальных захватов морских держав прекрасные гавани юга Приморья могли оказаться в чужих руках.

Выход России на Тихий океан перестал быть ее внутренним делом. Нельзя было не написать в новом романе о событиях в сопредельных странах. На Дальний Восток вторгались новые могущественные силы.

Пресса всего мира оставила нам об этом множество свидетельств.

Япония тогда еще не была грозной силой и входила в круг мировых держав как дитя истории, у которого все впереди, развитие которого зависело не только от природных задатков, но и от среды, в которой оно будет воспитываться.

Самой сильной, богатой и опасной державой во всем мире, в том числе и в Азии, в то время была Великобритания, уже овладевшая всей Индией и многими иными колониями.

Я постарался побывать в разных местах событий, в том числе в Гонконге, и написал роман об Англии на Дальнем Востоке тех времен. Но изображая англичан в колониях и, главное, в Китае, нельзя было умалчивать о самой этой стране, ее народе и цивилизации, ее вкладе в культуру человечества. Так писался роман «Владычица морей».

Лишь после этой книги я смог возвратиться к изображению дальнейшего освоения Дальнего Востока, к роману «Владивосток».

Порт и город на самом окончании узкого полуострова, уходящего в море, с первых дней зажил своеобразной жизнью на перекрестке морских дорог, участвуя, как и его создатели, в событиях, бушевавших в окружающем мире, и невольно пробуждая в русском обществе всей огромной страны новые интересы, открывая новые горизонты.

Справка об авторе.

Николай Павлович Задорнов родился в 1909 г. в городе Пензе, детство провел в Чите, где его отец был ветеринарным врачом, а мать — учительницей. В юности был актером, выступал в передвижных труппах в разных городах. С 1935 г. стал сотрудничать в газетах. В 1935—1937 гг. Н. Задорновым в Башкирии была написана первая повесть «Могусюмка и Гурьяныч» — о горнорабочих Приуралья (опубликована лишь в 1957 г.).

С переездом в Комсомольск-на-Амуре в 1937 г. тематика всего дальнейшего творчества Н. Задорнова связана с Дальним Востоком, его историей и развитием. Работая сначала завсудющим литературной частью театра корпуса военно-строительных частей города Комсомольск-на-Амуре, а затем корреспондентом краевого радио, Н. Задорнов активно сотрудничает как очеркист в газетах и журнале «Дальний Восток». В 1945 г. Н. Задорнов, корреспондент Хабаровского краевого отделения ТАСС, в рядах действующей армии участвовал в боях по разгрому японской Квантунской армии.

На Дальнем Востоке Н. Задорновым создано до трехсот очерков — итог многочисленных поездок и плаваний, свидетельство глубокого изучения «края нашенского», без чего было бы невозможно творчество крупного советского исторического романиста.

В 1941 г. в Хабаровске вышла первая книга перного романа Н. Задорнова «Амур-батюшка», вторая — в 1946 г. в журнале «Дальний Восток». Глубоко освоение материала, изучение газет и журналов XIX в., трудов историков, этнографов и путешественников, высказываний В. И. Ленина о русском переселенчестве в Сибирь помогли Н. Задорнову создать правдивую и яркую картину жизни первых крестьян-поселенцев, осваивавших в середине XIX в. необжитое, суровое Приамурье. Работая над романом «Амур-батюшка», Н. Задорнов собрал большой материал о жизни коренных обитателей Приамурья. В 1940 г. им была написана повесть «Мангму», которая стала первой частью романа «Далекий край». Вторая часть дилогии «Маркешкино ружье» была закончена автором в 1948 г. Тогда же Н. За-

«Старые крепкие узы»

В то время, как англичане и мы сами лишены привилегий непосредственной связи даже с наместниками Кантона... русские пользуются преимуществом держать посольство в Пекине...

...Поскольку русские не вели морской торговли с Китаем, они никогда не были заинтересованы в спорах по этому вопросу, никогда не вмешивались в них в прошлом и не вмешиваются теперь; на русских не распространяется поэтому та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгшимся в их страну с моря, смешивая их, не без основания, с пиратами-авантюристами, которые, по всей вероятности, всегда наводняли китайские берега...

Карл Маркс. Русская торговля с Китаем.
«Нью-Йорк дейли трибюн», 18 марта 1857 г.

С западных гор дуло. На улицах Пекина падал легкий снежок. Отец Палладий Кафаров шел по торговому ряду с вывесками по обеим сторонам, которые, как цветные полотенца, с росписями разных размеров, развешаны поперек движения в таком множестве, что им тесно и вся улица пестрит красками. Глаз проходящего невольно бега-ет вверх и вниз по столбцам иероглифов с именами купцов и с рекламами фирм ресторанов и обжорок: «Пир императора Дао Гуана», «Чертог семи волшебниц», «Нектар юности».

На улице полно народу, скоро новогодние праздники, придут с новолунием. Несмотря на морозец, у многих торговцев ларьки распахнуты. Покупатели берут товар, расплачиваются за празднику с долгами. Купцы, лавочники и ростовщики ходят друг к другу, все предьявляют какие-то бумажки с записями, росписями, хозяйка заглядывают в долговые книги, шелкают на больших, а покупатели на маленьких карманных счетах. Бегают опрятные мальчишки с большими иероглифами на спине, означающими названия фирм. Пекин живет обычной жизнью, хотя тревожные вести доносятся со всех концов страны.

Задорнов начал писать об адмирале Г. И. Невельском, первая книга о нем — «К океану» («Первое открытие») — вышла в 1949 г. В 1952 г. за романы «Амур-багюшка», «Далекый край» и «К океану» Н. Задорнову присуждена Государственная премия СССР.

С 1946 г. Н. Задорнов по совету А. А. Фадеева живет в Риге и продолжает трилогию о Г. И. Невельском и его сподвижниках. Писатель работает в московских и ленинградских архивах, объезжает места, где побывала экспедиция Невельского, плавает на парусных судах. В 1958 г. выходит отдельным изданием роман «Капитан Невельской». Книга «Бойна за океан» (1960) завершает цикл романов о капитане Г. И. Невельском, чья амурская экспедиция подвела итог 200-летней деятельности русских людей в Приамурье, способствовала утверждению России на Тихом океане.

Н. П. Задорнов — заслуженный деятель культуры Латвийской ССР, он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, орденом «Знак Почета», медалью «За победу над Японией», удостоен звания «Почетный строитель Комсомольска-на-Амуре».

В 1969 и 1972 гг. Н. Задорнов совершает поездки в Японию, где изучает материалы, связанные с дипломатической миссией адмирала Е. В. Путятина, открывшей новую главу в становлении России на Дальнем Востоке. Цикл романов посвящен плаванию Путятина в Японию, где рассказывается о кораблекрушении и судьбе русских моряков, оказавшихся в закрытой в ту пору для европейцев стране. Это романы «Цунами» (1973), «Симода» (1975), «Хэда» (1978). Имея самостоятельное значение, этот цикл явился частью общего замысла писателя — создать художественную летопись освоения русскими Дальнего Востока.

В настоящее время Н. Задорнов пишет новый роман, в котором продолжит рассказ о дальнейших событиях в истории края.

Л. И. ПОЛОСИНА

Палладий идет деловой частью китайского города, а неподалеку, за низкими крышами множества обычных лавок и магазинов, возвышается, напоминая о могуществе столичной власти, тучная стена с многоэтажной башней над воротами в ней.

Запретный Город с его зеркальными прудами, схваченными в эту пору льдом, с садами, дворцами: вдали — гигантский силуэт Алтаря Неба, представляющего собой компануд драгоценностей архитектуры, скульптуры и резьбы, соединенных воедино и посвященных всем силам природы и всем их повелителям-богам. Он огражден собственной стеной с каменными и фарфоровыми башнями и воротами. Императорский Город — за своей стеной, в нем живут (всегда под рукой) нужные государю чины. Маньчжурский и Китайский города — в своих стенах, и весь город в могущественной стене, по вершине широкой, как губернский проспект где-нибудь в дали России. Стена между основ из камня, сбита из глины и песка по большей части. Как земляной вал, взятый в рамы из кирпича и камня. Во всех частях города много чудес, храмов, памятных ворот, есть целая стена из фарфора, висящая, как ковер, — знаменитая. Ширма Драконов.

А ворота, сквозь которые идет движение, самый многолюдный поток, малы, узки, и сама башня велика да невзрачна. Пекин — город порядка. Много сделали за века для своего народа императоры и художники. У них, как полагает Кафоров, было две цели. Первая — пропаганда могущества династий и прочности традиций, ради чего воздвигнуты богатейшие сооружения, некоторые, вроде многочисленных памятных ворот, явно бесполезные, на взгляд европейцев. И в то же время признаешь, видя подобную бесполезность, сколь много в ней мастерства, труда и вкуса, в этих своеобразных украшениях города, произведениях искусства, выражающих целые эпохи. Вторая цель, которая преследовалась при устройстве города, — согласие и порядок, которые внушаются народу, понятие, что все перед законом равны. Повиновение требуется от всех одинаково — от князей, чиновников, военных и простого народа. Все разделены не только стенами. Чиновникам, ученым и художникам, как и философам, всем равно присвоены чиновничьи степени. Войска делятся по знаменам. Желтое знамя означает землю и подавляет воду. Желтое знамя самое почетное. В войсках желтого знамени служат и далекие потомки русских албазинцев, казаков, взятых в Китай во время войны с Россией на Амуре два века тому назад. Голубое знамя означает воду и подавляет огонь. Красное знамя означает огонь и подавляет металл. Так, все наготове, чтобы подавить друг друга и предотвратить опасности, и все соблюдают. А бунты бушуют по всему Китаю, длинноволосые повстанцы из армии уна рвутся на север, нравственность народа пала, дороги кишат разбойниками, ногие жители Пекина в нищете неопишуемой.

А базар шумит, как ни в чем не бывало. Скоро скромные улицы с каменными, глинобитными и деревянными домишками, в окошках внутрь дворов с бумагой или со стеклом, окруженные собственными низкими стенами, засияют множеством цветных фонарей, и на окнах, и на домах, и на воротах. Весь город превратится в волшебный мир, толпы китайцев весело пойдут со множеством своих детей. Некоторые дома тут с огородами, с садами, зайдешь в такой уголок, а все там как в деревне. Однако и с сельского поля внутри Пекина видятся или всемогущая, ограждающая стена, или башня о семи этажах.

У Православной духовной миссии в весьма почетной части города есть свое поле и сады, есть собственная мельница и молочный скот. Когда-то в старину здания теперешней миссии составляли Подворье, в котором принято было отводить помещения для проходящих из России в Пекин торговых караванов.

Как ни привычны духовные к стенам монастырей, семинарий и академий, но в первые годы жизни в Китае чувствуешь себя в Пекине как в тюрьме. Пекинские стены с узкими грозными воротами долго громоздились в памяти Палладия и на яву, и во сне, пока привык. Отлучки за город в редких случаях предоставляются, но члены духовной миссии стараются не злоупотреблять своей подвижностью, которая всегда тревожит китайские власти. Всяк человек должен быть при своем месте, под рукой и удобен для проверки. Архимандриты полным соблюдением всех порядков страны добились некоторой свободы для себя и для святых отцов, к ним никогда не придираются. За годы, что существует миссия, католические проповедники были изгнаны из Пекина, католический собор пустует, а в обсерватории трудятся отцы православной церкви, призна-

ны нужными здесь. С Китаем во всем требуется терпение.

Все они из поколения в поколение заняты научной деятельностью больше, чем духовной. Миссия располагает богатейшей рукописной библиотекой по всем отраслям жизни Китая, но не навязывает своей веры народу, среди которого живет, хотя члены ее во всех официальных и научных трудах и бумагах именуются миссионерами.

Кафарова заботят происходящие политические события. Они могут не только принести перемену в положение русской духовной миссии в Пекине, но нарушить весь степенный ход жизни Китая и изменить отношения его с Россией.

Англичане вцепились в южные порты Китая и лупят там по городам беспощадно. Иностранцы могут со временем начать все ломать и перестраивать по-своему во всей стране, они коснутся всех сторон жизни Китая.

Никому из русских, кроме как Палладию, не приходится так близко познавать жизнь китайцев в их же отечестве. Он — поп и как поп связан по рукам и ногам, так считается в России. В русском обществе к духовным являют большое недоверие и большие претензии, образованный класс не считает их равней, не видит в них проку для науки и развития, скорее тормоз, источник предрассудков, укрепляющий безграмотность и темноту народа. Цена нравственное влияние церкви, многие желают превращения приходских школ в светские, забывают заслуги церкви при распространении грамотности в народе за многие века, в том числе и в пору татарского ига.

В Пекине отцы миссионеры из века в век вкладывали кирпичи в самую передовую науку России, что и объяснил Пушкин нашим высокомерным умам, опубликовав свой отзыв на труды одного из предшественников архимандрита Палладия, известного теперь на весь мир Иакинфа Бичурина.

Архимандрит Палладий, идя в город, надел китайскую одежду; удобен в холодную погоду длинный стяженный халат, обшитый мехом, — и коленям тепло и легко, и духовному званию прилично. У нас смеются в обществе над всем китайским, утверждают, что неудобно, некрасиво их платье. За исключением московских и сибирских купцов, не знают у нас ничего китайского как следует. А будет время, сами европейские модники и денди оденутся в маньчжурские халаты, когда постигнут, какой чувствуюшь комфорт. Пригодится лицам всех званий и дамам всех сословий.

В халате не виден склад фигуры и осанка отца архимандрита. Но костюм и борода не могут скрыть энергии и характера.

Хилому нельзя доверять православную миссию в Китае. Палладий крепко скроен, он много ходит. Помнит заветы Бичурина, который не чурался никого из китайцев, знакомых имел во всех сословиях общества. У Палладия ноги болят немилосердно, не от немоции суставы ноют, а от ходьбы. Ждет весны, поедет к приятелю даосу принимать горячие воды. Даос живет неподалеку от Пекина, при уединенной кумирне у входа в леса и горы, как и полагается служителю веры, восхваляющей чистоту и праведность естественного начала и благотворность влияния его на человеческую душу.

Пушкин хвалил Бичурина, много способив появлению в России интереса к Китаю, который всегда считался чем-то отсталым, вроде продолжения тюркских орд. От них-де и надо отступить в России, чтобы развиваться в самостоятельную европейскую державу, что на триста лет задержано было выходцами из Азии. И сейчас полагают, что не с Китая же брать нам пример. Что у них там хорошего в Азии? У нас от них остались: кнут, алтын, базар, ясак да еще матерные слова. И терпение. Каков же сам Китай в своих корнях, в своем искусстве, произведениях ума — мы не знаем, может быть, все из-за тех разделяющих нас с ним орд, расстояний и европейских предрассудков, от которых, вон, англичане уже отказываются: и рвут Китай на части, и тут же изучают его...

А Бичурина встретили из Пекина позором, упрекали, что будучи в Православной русской духовной миссии в Пекине, унижал свое звание, бывал хмелен, разгуливал по китайской столице, одеваясь в туземное платье, бывал у кигаянок и погом перевозносил их достоинства. Много-де забот и хлопот доставлял он отечески попечительствующим русской духовной миссии китайским властям.

Отцу Иакинфу надо отдать справедливость: прошел Пекин вдоль и поперек и по Китаю поездил, пображничал с китайцами и потолковал с ними про европейские науки, шел он в своих исследованиях и верхом и низом, изучал подлинные древние рукописи, чи-

тал и современные книги, а не одну лишь единственную газету, издаваемую в китайском государстве. Он легко изучал труды мудрецов, летописцев и философов. Потом уж, находясь в России, преподавал китайский язык будущим православным миссионерам, увлекая их своими рассказами про Китай. Он открыто признавался, что вряд ли познал бы так эту великую нацию, если бы каждый день не ходил по лавкам и на базар, где у него завелось множество знакомых-простолюдинов. Многие из его поучений и рассказов запало в душу Палладия. Свеж и бодр, да небольшие еще годы, а отец Палладий Кафаров теперь сам архимандрит, возглавляет миссию в Пекине, с ее школой в имперском городке, с приходом, с паствой из потомков наших казаков, служащих теперь в Желтом Знамени и жертвующих своим животом и духом праздности в память великодушного к ним Канси. Миссия эта, как он знает из европейских газет, доставляемых в Подворье из Петербурга, как бельмо на глазу для дипломатов западных стран и повод для претензий и упреков, которые делают китайскому правительству удаленные в свое время из Пекина духовные рыцари ордена иезуитов.

Много чудес в Пекине. Для подвластных магометан есть мечеть. Чтобы народ далекого Тибета был горд своим существованием под властью Сына Неба и жил счастливо, в столице построен китайскими мастерами и художниками ламаистский храм. Тибет и Монголия осчастливлены этим чудом из чудес. Конфуцианский храм с Лестницей Духов, подобный ковру из резьбы, косо поставленному между двух лестниц... Подымайся, читай, познавай, вдохновляйся, будь образован и скромн, как сам весь этот храм, кроткий, уступающий своей отделкой Лестнице Духов, встречающей путника торжественной красотой, гораздо более богатой, чем сам храм со сдвоенными низкими входными дверьми из кедра.

С поры Иакинфа Бичурина храмы и дворцы стоят неприкосновенными, а времена переменились. Китай ввергался в международные отношения нехотя, никак не веря, что кто-то может поколебать его могущество, но уж испытывая сильные толчки извне и изнутри. Многие влиятельные сановники, опасаясь впасть в ошибки, признают неизбежность грядущих перемен. И чем сильней наседали на Китай иностранцы, тем все более искал двор Сына Неба, богдыхана (как называли его и русские), и вся верховная власть страны поддержки и советов. Палладий Кафаров не был светским сановником или дипломатом, он служитель церкви, учитель детей. В бессилье не раз обращались к нему за советом китайские вельможи, признавая архимандрита надежным другом, приверженным старым связям великих стран-соседей.

Сан архимандрита ко многому обязывает, но, живя шесть лет в Пекине и зная в совершенстве китайский язык, приобретаешь знания нецерковные. Отцы миссионеры, сами из семей мелких духовных или из горожан небольшого достатка, а бывало, что из мужиков, как Бичурин, сын сельского дьячка, пахавшего землю. Все они, прибывая в Пекин, с интересом распознавали, как живет-может простой народ в Китае. Мелкие знания эти собирались, обретали смысл и научное значение, когда бывали сведены в труды и подкреплялись выводами умных голов на досуге, когда, отслужив свой срок в Пекине, возвращались члены миссии в Россию. Там публиковались статьи и книги, составлялись учебники для молодых миссионеров. И так из поколения в поколение. Немало рукописей оставалось и в Пекине, в библиотеке духовной миссии, куда мечтал проникнуть сам Гуцлав*.

Казаки-албазинцы были природными русскими и православными, потомки их — паства духовной миссии, — сохранив веру, приняли обличье китайцев от своих матерей и бабушек. Все ходят с косами, все стали китайцами. Не раз, как казаки за царя, ходили в походы воевать за богдыхана.

С их предками ушел с Амура пожилой поп Максим Леонтьев, которого китайцы звали Леонти. Казаки унесли с собой в Пекин икону святого Николая Албазинского. Император Китая Канси принял приветливо пленных. Китайцы предоставили им под церковь один из своих храмов в Пекине. С этого все началось. Впоследствии выговорили наши дипломаты право держать для потомков русских, остаю-

* Все это было сожжено сбродом грабителей и фанатиков-реакционеров во время восстания «Ихэуань». Убиты были и некоторые потомки албазинцев. Об этом глубоко сожалели китайские ученые, революционеры и интеллигенция.

щихся преданными своей вере, Православную духовную миссию в Пекине. Что удобно было и самим императорам Китая.

...Китайцы на базаре постукивают ногами в суконных туфлях на толстых кошмовых подошвах и похаживают около своих ларьков из свежего теса, у такой легкой лавки печки нет. Одна стена поднята, ее сбитые доски подперты деревянной меркой. В этих лавчонках можно купить материй преотличных, наилучшей выделки и расцветки, не хуже чем в Чертогах Волшебной Красоты, а также всевозможные праздничные украшения к Новому году.

Кафаров зашел в магазин. Хозяин усадил его пить чай. Собрались соседи и приказчики. Как ни скудна и коротка жизнь, а простые радости доставляют много удовольствия. В этом Кафаров согласен с китайцами. Чай с мороза приятен.

Как и в европейском обществе, сначала принято осведомляться о здоровье и обменяться мнениями о пустяках. Но переглядывания хозяина с сидевшими за столом приятелями-купцами и со стоявшими приказчиками весьма многозначительны. Есть у них что рассказать своему другу и клиенту. Когда человек покупает у тебя в лавке, с ним можно поговорить откровенно, ни тебе, ни ему нет надобности выдавать друг друга. Да теперь столько всяких разговоров ходит, что на них внимания никто не обращает. Все открыто говорят между собой, что государь мол, слаб, неопытен и не может вдохнуть в своих окружающих новые силы.

— Мандат Неба, данный царствующей династии, заканчивает свой срок,— сказал хозяин,— англичане взяли Гуанчжоу!

Торговец этот славился умом и стремлением к знаниям, какие бывают и у нас в России в торговом классе среди малообразованных, но способных людей, интересы которых не умещаются в торговые заботы.

— Гуанчжоу пал! На базаре все знают. А в пекинской газете еще ничего нет об этом.

Кантон китайцы именуют исконным названием Гуанчжоу. Кафаров в разговорах с ними также.

Собравшиеся у купца соседи не делали тайны из государственных забот и неурядиц. Все знали, что Кафаров бывает в Ямыне Внешних Сношений по делам, суть которых никогда и никому не бывает известна. При этом он соблюдает молчаливость, независимость и достоинство. Так служителю церкви и должен поступать. Известно только, что он помогает правительству Китая переводить иностранные бумаги и с ним толкуют при этом. Кафарову пришлось узнать, сидя в магазине, много новостей. В Ямыне Внешних Сношений известия доходят часто позже, чем в торговые ряды.

— А вы знаете, что еще на базаре говорят? Что в Гуанчжоу англичане схватили своего врага Е, посадили его в клетку. Увезли его на корабле и сбросили вместе с клеткой в море!*

— Что же они хотят! К чему стремятся? — воскликнул молодой рослый приказчик, державший пай в деле хозяина, имевший право излагать мнение, но не смевший сесть при старших.

— Да, взяли в плен и сбросили Е в море! — горячо подтвердил нервный сухонький купчик в железных очках на востром носу. — Кто бы мог подумать! Ведь он был когда-то губернатором столичной провинции. Провинции Чжили, что означает «Непосредственно Подчиненная».

Вечером к Палладию пришел даос, приехавший в город. Пристав миссии, маньчжур Сунчжанча, наблюдавший за миссией и сдружившийся с духовными отцами, потолковал с даосом и с Палладием. Обычно Сунчжанча рассказывал Кафарову много новостей. Но последние дни приумолк. Даос тоже лишнего не говорил, он лишь защитник природы и проповедник кротости людской. Политики не касались.

В «Пекинской Газете» напечатан декрет богдыхана. Объявляется, что Е Миньжень виноват в сдаче Гуанчжоу, он неумело действовал. Не слушал своих советников, поступал самонадеянно, во всем виноват он один. Е Миньжень исключается из числа сановников, лишается всех чиновничьих степеней и наград как единственно виноватый за поражение в Гуанчжоу.

* Подлинная судьба «генерала» Е Миньжэня, как и сражение за Кантон, описаны в последующих главах романа «Владычица морей».

— Ему уже все равно! — воскликнул, прочитав газету, Сунчжанча. Маньчжур засмеялся. — Англичане утопили его...

Тяжкий груз берет себе на плечи Муравьев, желая в эту пору соединить государственные интересы России и Китая и обоюдно заложить основу для защиты друг друга и в настоящем и в будущем, подать щит соседям, в пору невзгод помочь им прикрыться. Как подымет всю эту тяжесть Муравьев? Время от времени Кафаров посылал ему письма. Это не были дипломатические донесения, но ведь для смышленного слушателя не надо много слов. Кафаров не во всем сходиллся с Николаем Николаевичем. Разница между ними есть: Муравьев заканчивал пажеский корпус, а Палладий учился в духовной семинарии. При этом схожести в них более, чем различий. Кафаров знает Китай, а Муравьев желает знать. Он нашел верное место при исполнении великого дела, которое задумал. Место верное, но бывают разногласия между духовным ученым и светским политиком. Письма Палладия подают осторожные советы.

Побывал отец Палладий у своего коллеги, академика из Управления астрономическими науками. Слушал мнение, что все идет к худшему. В Китае есть люди, известные глубиной ума и широтой суждения, могли бы переустроить государственную жизнь, но у них нет прав и нет согласия между собой. Государь, по мнению академика, ничтожен умом и нездоров. Все говорят, что Китай обречен на тяжкую долю. Всюду вспыхивают восстания. Бедные люди не могут пропитаться и губят себя вместе с семьями, бросаясь в воды канала, окружающего городские стены. При дворе все заняты интригами, тайные родовые распри многосотлетней давности занимают обитателей Запретного Города сильнее, чем война с англичанами и восстание тайпинов. Женщины оказывают влияние на государя. Иехонала*, одна из его наложниц, сама из древнего и знатного маньчжурского рода, родила недавно сына государю, единственного наследника его. Еще молодая, двадцати двух лет, неожиданно берет она заботы на себя, читает государственные бумаги, исполняет обязанности за государя, решает с ним вместе дела по донесениям из провинций и от полководцев. Подает своему властителю советы, и, видимо, некоторые разумные распоряжения и декреты исходят от нее. Надежда на Иехоналу невелика. Она все-таки женщина. В истории Китая давно не бывало, чтобы женщина возглавляла государство. Предки рода ее жили в стороне верховий реки Уссури, ближе к корейской границе, и вечно воевали с корейцами.

Сунчжанча, пристав при миссии от китайского правительства, любил поважничать и похвастаться в городе своей необычайной должностью наблюдающего при единственных западных иностранцах, живущих в Пекине. По сути же он был славный матый, как и многие обязанные служить на подобных должностях. Привык к отцу Палладию, бывал откровенен, сообщал ему, какие слухи ходят по городу, о чем говорят в обществе, не боялся раскрывать секретов, которые доводилось узнавать самому. Сунчжанча признавался, что когда Кафарова вызывают во дворец, чтобы услышать от него советы, то это не может происходить без ведома самого государя. Палладий и сам понимал, что от него есть польза двору. Происходящие события возвышают значение его, маленького человека церкви, в глазах вершителей судеб гигантского мирового государства. Палладий много знал, и о нем многое знали. Смолоду, учившись отлично, усвоил он французский и немецкий, а также английский и теперь владел этими языками одновременно с латынью, греческим и древнееврейским.

Сунчжанча зашагал по Императорскому Городу, неся портфель архимандрита Палладия с французскими словарями. Не в первый раз Кафарову приходилось садиться за переводы для правительства. На этот раз перед ним письма барона Гро, присланные из Макао, с изложением требований Франции. Упомянуто намерение содержать посольство в Пекине. Торговля во всех областях Китая. Плавание по рекам.

Письма из миссии посылались не только в Иркутск, но и в Петербург.

Александр знал о происходящих событиях из европейских газет и донесений своих послов в столицах Европы. Приходили донесения Муравьева, Путятинна и духовной миссии в Пекине. Путятин сообщал, что послал письмо богдыхану из Макао. Из Пекина писали, что при пекинском дворе получено письмо Путятинна.

За множеством забот Александр не придавал слишком большого значения китай-

* Иехонала — будущая императрица Цыси.

ским делам. Но даже малая ошибка в деле, которое только что начато и у которого должно быть будущее, недопустима, как, безусловно, не могут быть терпимы никакие промахи государственных людей России.

Горчаков послал курьера с письмом Путятину. Государь повелевал ни в коем случае не выказывать враждебности китайскому правительству.

Все представления Муравьева были утверждены, и дело опять переходило в его руки. Явно, ему на Амуре действовать удобно, он независим там от иностранных государств, и политика его чиста.

Зима морозная. Путь через Сибирь нелегок. Но дело превыше всего. Государь приказал вызвать Муравьева из Иркутска. Муравьев-Сибирский привычен к скачке по снегам в трескучие морозы.

В пекинской жизни Палладия бывали случаи, о которых он никогда и никому не проронил ни слова. Подобного не случалось еще никогда и ни с кем. Нет обычая, от которого, даже в Китае, нельзя отступить, когда бывает нужно. Палладия пригласили в старинный храм. Кафаров вошел в деревянное помещение, оно пустынно, и нет в нем никаких украшений. Храм так стар, что слышишь, как сыплется его истлевшие деревянные частицы, мельчайшие, как капли, словно внутри его идет деревянный дождь. Кафаров ждет стоя. Он предупрежден, что с ним будет говорить важный сановник. Церемоний никаких не потребуется.

Пришел китаец, ничего примечательного в лице его не было. Небольшие седые усы и головной убор без знаков отличия.

— У России с Англией война продолжается или закончена? — спросил китаец.

— Война закончена, — ответил Кафаров.

— А, тогда понятно, почему Путятин ездит всюду, куда захочет! — сказано спокойно, но смысл слов насмешлив. Впрочем, неужели при дворе не известно, что война закончилась. Быть того не может. Кафаров знает, что тут ни слова зря не говорят. Зачем Путятин там, где англичане? Кафаров сам недоволен и предвидит опасения китайцев. Ведь им может показаться в присутствии нашего посла вблизи Кантона — не там, где, по их мнению, следует ему быть, — признак опасной перемены в политике России.

— Путятин действует вместе с англичанами? — спросил китаец.

Кафаров утвердился во мнении, что с ним разговаривает Юй Чен, любимец и самый доверенный государя в Ямьне Внешних Сношений и, по сути, возглавляющий китайское правительство, хотя он и не был одним из пяти членов Высшего или Верховного Совета. Но он диктовал им свою волю. Один из немногих умов при императорском дворе, известный своими знаниями и ученостью.

Палладий ответил, что Путятин лишь присутствует там, где находятся англичане. Но не принимает участия.

— Мы договоримся обо всем на Амуре, — сказал Юй Чен. Он спросил, чего хотят иностранцы от Китая.

— Они хотят взять Китай в свои руки, — ответил Кафаров.

Сановник смолчал. Его взгляд стекленел от напряжения. Как мог быть Китай взят в чьи-то руки? Китай бывал завоеван, когда династия менялась. Но для завоевания Китая у западных иностранцев нет людей и нет сил. Как можно взять Китай в чьи-то руки, что это означает? Подобная мысль не воспринималась. Отец Палладий видел перед собой живой догмат консерватизма.

В Палате Внешних Сношений и при дворе не все так глупы, как толкует людская молва. Своим присутствием вблизи послов Англии и Франции Путятин ставит пекинское правительство в неудобное положение. Ему приходится посылать отказы, иначе невозможно поступать. Согласие на встречу с русским послом, который присылает письма из Макао, даст повод Эдджину и Гро к претензиям.

— Дела между Россией и Китаем — это внутреннее дело соседей, — сказал Юй Чен.

...Тяжкий подвиг предстоит Муравьеву — без враждебных действий выйти к удобным для России южным приморским гаваням и закрыть западным державам подступ к Китаю с севера. Он покажет, что Китай не одинок.

Мнение пекинского правительства о том, что договариваться надо на Амуре, дошло в Петербург. Александр не согласен, что посольство Путятина направлено напрасно. Россия должна всюду показывать, что действует самостоятельно и как европейская держава присутствует там, где происходят важные события, последствия кото-

рых могут коснуться ее. Он согласен с Муравьевым, что действовать надо на Амуре. Но не намерен отменять полномочия, данные Путятину. Нельзя не наблюдать за тем, что делают иностранцы в Китае. Присутствие наше там Путятин не обязан объяснять. Смысл его должен быть очевиден, объяснен желанием заключить договор. Главное же дело одновременно будет исполняться Муравьевым на Амуре.

В скором времени у Палладия состоялась еще одна встреча с Юй Ченом. Опять в разрушающемся храме, куда архимандрит прибыл в паланкине через многие ворота, заснеженные по карнизам башен.

— В верховьях малых притоков, которые впадают в большие реки, где плавают Муравьев на кораблях, находятся родовые земли предков нашего императора,— сказал Юй Чен.

Тяжкий и непреодолимый довод! Основание для отказа.

Кафаров сказал: что это родовые земли маньчжур, их прародина, известно Муравьеву.

Юй Чен помолчал, глядя взором, темным от мрака мыслей, от неразрешимых забот и горьких ударов судьбы, предвещающих конец.

— Когда-то было в истории,— сказал Юй Чен,— что государь Китая во времена династии Юань жил под охраной русской гвардии... Тогда в Пекине постоянно жили русские представители, имели свои дома. Это известно мне из наших старинных летописей. Я нашел в своей памяти уроки древности для бременной заботы дня.

Мысли Кафарова переменялись и ожили, он мог бы привести другой пример. Подобное же повторилось и при нынешней династии, когда Канси определил русских албазинцев в свою гвардию и выезжал из дворца под их охраной. Юй Чен хочет сказать, что есть прецедент, когда китайские богдыханы находились под защитой русских, не так ли? Вельми не узко судит, если приводит такое сравнение, которое не может не иметь смысла в современной дипломатии и политике, не показаться многозначительным символом. Нужный прецедент отыскан для оправдания своей политики и для подтверждения мудрости решений молодого государя. При этом неизбежна у них в империи сильная оппозиция, составленная из ярых консерваторов.

Юй Чен заключил, что Муравьеву будет дано согласие встретиться с ним на Амуре.

Что все это означает? Китай соглашается на возвращение России части земель, примыкающих к древним владениям Нуури Хач* (Нурхаци) и его рода? Так родина династии будет прикрыта от посягательств русскими землями.

Кафаров уверен, что ни единого намека на подобную перемену в политике не будет сделано в документах, которые посылаются из Пекина в Россию.

Напротив, бумаги пойдут, написанные все в том же стиле и тоне, как и всегда. Лисы китайского Трибунала Внешних Сношений, как у нас в Петербурге называется учреждение Юй Чена, будут сохранять все признаки его неуступчивости и твердости, как всегда в общении с иностранными государствами. По-прежнему будут требования к ним, чтобы исполняли обычай «коу-тоу», то есть коленипреклонения и простирания ниц, и в прямом и в переносном, всеобъемлющем смысле. Будет сохраняться китайская важность, внушая отвращение даже терпеливым российским дипломатам, среди которых есть и далекие потомки татарских ханов и мурз; у нас у самих еще крепки азиатские нравы. Герцен пишет: «Поскреби русского — обязательно найдешь татарина». Много интересного вычитывал Палладий в лондонских изданиях эмигрантов, которые пересылали духовные отцы с Руси вместе с не подлежащей цензуре почтой духовного ведомства.

Вот англичане им и показали себя за это «коу-тоу».

Ни уступки, ни намеки на уступки со стороны пекинского правительства не будут упомянуты в официальной переписке с Иркутском, где Николай Николаевич взял на себя правую и получил на то высочайшее соизволение сноситься с сопредельными государствами, минуя Петербург, так, словно сам был министром иностранных дел, а министерство уж располагалось не на берегу Невы, а вблизи Байкала. У нас не надобно для

* Так сами маньчжуры в просторечьи звали предка основателей династии Цин. Автору пришлось услышать это в 1945 г. от образованных маньчжуров города Нинань — бывшего маньчжурского города Нингута.

такой перемены обсуждений в палатах парламента. Государь повелел! И Муравьев возвысился в глазах Пекина. Он на горе власти, как у них самих гуандунский «вице-король», которого теперь сбросили в клетке в воду. Зато именно Кафарову придется писать обо всем этом в своих письмах к Муравьеву. А прямо писать нельзя. Палладий — архимандрит, а не генерал-адъютант и не тайный советник. Как писать о том, что будет противоречить официальным листам от китайского ведомства? При всем старании Кафарова избежать прямого вмешательства не в свои дела Муравьев из его писем должен угадать суть перемены в китайской политике. Как же сообщить об этом? Муравьев попам не верит. Не верит он и в бога. Может счесть все выдумкой духовных пастырей в Пекине. А надо, чтобы знал: тайпины и англичане затягивают каждые свою петлю на шею маньчжурской династии.

На другой день Кафаров по заранее присланному приглашению отправился из своего Подворья в Астрономическое управление. В обсерватории он подсоблял своему приятелю-академику переводами разных сведений из книг. Нароботались досыта. Академик устал к обеду. Он отвлекся от дела, снял очки. Для начала подали чай.

— Мы, маньчжуры, родственны русским, — сказал он, — мы оба народа северные, и Путятин мог бы это помнить, как и Муравьев. Китайцы наших дел не касаются. Но движение их на север будет остановлено. Русским позволяют войти дальше в земли наших предков, если явится угроза, — туда, где жили предки прихожан вашей церкви. Война у Албазина началась из-за пашен и грабежей на родовых землях предка Канси. Государь не мог оставаться спокойным зрителем и стал воевать по совету французских и испанских миссионеров, которые в те годы по его повелению составляли карты Китая. Их собор в Пекине закрыт уже давно. Они слишком много занимались астрономией.

При перемене блюд за обедом академик неожиданно спросил Кафарова: «Почему русские мало помнят свою «Аврору?»»

Если англичанам набила оскомину все еще продолжающаяся хвастливость русских моряков подвигами своей «Авроры» в океане в прошлую войну и победой над эскадрой Прайса на Камчатке, то китайцы, напротив, смотрели на это совсем по-другому. Им было удивительно, как русские могли забыть свои подвиги, не понимать значения своей огромной победы, величия ее.

— Ради чего вы отказываетесь от плодов такой победы? Ах, какая ошибка! Над англичанами никто и никогда не одерживал такой победы, их никто и никогда не побеждал.

Видимо, он полагал, что если русские не говорят об этом, не кичатся и даже забывают свое геройство в минувшую войну, а теперь плавают туда, где находятся англичане и ведут с ними любезные разговоры, то это недостойно великой державы. Это совершенно непонятно им. Размеры побед под Севастополем и на Камчатке не осознавались китайцами в сравнении. Они мало знали про общий ход минувшей войны. Иностранские газеты в Пекин не приходили никогда. Изредка Е присылал какую-нибудь вырезку из гонконгского еженедельника. Над переводом ее, исполненным отцами миссионерами, ломали голову высшие сановники. Севастополь был для китайцев где-то далеко. По их мнению, недалековидны русские политики, если устанавливают дружбу с англичанами у ворот Китая. Разве значение Китая стало меньше, разве можно сравнить его значение для соседнего государства со значением Англии, с которой только что была война. Обе великие страны — соседи. У них много земли.

В Подворье прибыли два чиновника из Палаты Внешних Сношений. Явились к Сунчжанче. Просили узнать у архимандрита, будут ли письма в Россию.

— Едут нарочные в Монголию и в Кяхту, передадут русские письма Муравьеву в Иркутск, — сказал отцу архимандриту пристав миссии. — Будет оказия. Кони и верблюды. Почта, как объяснили Сунчжанче, пойдет «на быстрой лошади».

С почтой миссии ездили свои люди. Были при Подворье правительственные служащие. Их возглавлял чиновник министерства иностранных дел Храбровицкий из Петербурга. У него есть особые курьеры: русские и крещеные буряты.

Подтвердились предположения Кафарова. Отечество китайцев в опасности и правительство намерено действовать. Архимандрита китайцы поторапливают, чтобы уразумел, известил Муравьева поскорей.

*Д. И. БЕЛКИН,
кандидат исторических наук*

Среди юбилейных дат этого года, знаменательных как для истории советской культуры, так и отечественного востоковедения, привлекают к себе внимание две. Речь идет о 120-летию со дня рождения А. М. Горького и 70-летию со времени организации первого в революционной России книгоиздательства «Всемирная литература» (сентябрь 1918 г.). Взаимосвязь этих двух дат позволяет вести речь о них в рамках единой статьи.

Деяние против пассивности

В молодые годы Алексей Пешков прочитал немало книг о народах и странах Востока. Они-то и заронили в его душу желание побывать в Индии и Китае. Представителей многих народностей Азии будущий писатель встречал на Нижегородской ярмарке, куда каждое лето, начиная с 1817 г., съезжались торговые гости из Персии, Турции и даже из Монголии и Китая.

В корреспонденциях о Всероссийской промышленно-художественной выставке, которые Максим Горький публиковал в 1896 г. в «Одесских новостях» и «Нижегородском листке», содержится немало сведений о посещении выставки в Нижнем Новгороде китайским канцлером Ли Хунчжаном. О Ли Хунчжане в то время писала не только российская, но и европейская пресса, и дипломаты многих государств заискивали перед ним, стремясь получить свободный доступ к богатствам феодального Китая.

К приему «китайского Бисмарка» нижегородские купцы готовились долго и усиленно, о чем можно прочитать в газетах того времени. Так, в «Нижегородском листке», где сотрудничал Горький, сообщалось: «Вице-король совсем не может, согласно требованию китайского этикета, ходить пешком — он путешествует только в паланкине»; и «для высокого гостя в настоящее время заказано особое кресло, сидя в котором он и будет при помощи своих многочисленных слуг передвигаться по выставочным отделам»¹.

Не прошел мимо этого экзотического события и молодой писатель Максим Горький. Ли Хунчжан, сообщал он в одной из корреспонденций, «прибыл вчера (то есть 27 мая ст. стиля 1896 г.— Д. Б.), но на открытии выставки и на завтраке присутствовал его младший сын. Китайскому Бисмарку были оказаны на вокзале особые почести... Ли-Хунг-Чанг (транскрипция Горького.— Д. Б.) в сопровождении генерал-майора Шелковникова прошел по фронту, с улыбкой через свои очки разглядывая загорелые лица солдат Окского батальона. При входе его в парадные комнаты вокзала его встретил городской голова барон Дельвиг.

...Китаец, подавая руку барону, сказал:

— Промышленная выставка, крупное событие в жизни России, вызвала мой приезд сюда.

Едва ли это любезный ответ. Побыв минуты три в парадных комнатах, вице-король отправился в город, где для него приготовлен роскошный дом Рукавишника на Откосе*.

* Ныне в этом здании размещен Горьковский областной исторический музей (прим. авт.)

В 12 часов китайцы без посла и его ближайшего мандарина явились на выставку, а около трех часов присоединился и сам Ли-Хунг-Чанг. В павильоне Кяхтинских чаоторговцев посольству был подан чай, а потом шампанское... Из павильона посольство отправилось смотреть подъем воздушного шара. Ли-Хунг-Чанга возят в кресле»².

В облике азиатского феодала молодой писатель увидел еще один яркий антипод своему представлению о человеческой личности.

Пройдет много лет, и в 1927 г., в трудный момент для демократических сил Китая, Горький вновь обратится на страницах эпопеи «Жизнь Клима Самгина» к «странной фигуре» Ли Хунчжана. Для Горького Ли Хунчжан оставался олицетворением старого Китая, хотя и сметенного Синьхайской революцией 1911 г., но вновь ожившего в результате реакционного блока помещичье-милитаристских сил. Своими рассуждениями, адресованными как русскому, так и европейскому читателю, Горький помогал понять сущность старого Китая, противостоящего революционным событиям 1925—1927 гг.³

«Плывущей своей походкой этот важный человек переходил из одного здания в другое, каменное лицо его было неподвижно, только чуть-чуть вздрагивали широкие ноздри монгольского носа и сокращалась брезгливая губа, но ее движение было заметно лишь потому, что шетинились серые волосы в углах рта.

— Ли-Хунг-Чанг,— шептали люди друг другу.— Ли-Хунг-Чанг.

И, почтительно кланяясь, отскакивали. На людей знаменитый человек Китая не смотрел, вещи он оглядывал на ходу и лишь перед некоторыми останавливался на секунды, на минуту, раздувал ноздри, шевелил усами» (XIX, 536)*.

Даже в самодержавной России конца XIX в., констатировал писатель, представлялась смешной та строгая значительность, которой придерживался знатный царедворец, заботливо сохраняя расстояние в два-три шага между собственной персоной и сопровождающими его лицами. Нелепой и морально несостоятельной выглядела на пороге XX столетия каждая прихоть восточного деспота, его приверженность к порядкам феодального Китая.

Летом 1900 г. внимание передовой общественности России было приковано к событиям по ту сторону Великой стены, где впервые за многие десятилетия низы взялись за оружие. Вспышки народного гнева вылились в мае 1900 г. в большое восстание. Когда освободительное движение, казалось, достигло зенита, Горький решил ехать в Китай в качестве корреспондента. Зная об аналогичном желании А. П. Чехова, он забрасывает его письмами. «Дорогой Антон Павлович! Поедьте в Китай? Как-то раз, в Ялте, Вы сказали, что поехали бы. Поедьте! Мне ужасно хочется попасть туда... Жена не очень охотно отпускает меня одного, но говорит, что была бы совершенно спокойна за меня, если бы и Вы ехали**». Едьте, дорогой Антон Павлович! Там — интересно» (XXVIII, 123).

Чехов хорошо понимал, что писателя Горького, находившегося под гласным полицейским надзором, правительство не выпустит за границу, да еще в страну, где народ восстал против деспотии. Учитывал он и пошатнувшееся состояние здоровья друга-писателя. Обстоятельства эти и определили характер ответных писем. Чехов старался успокоить Горького: «В Китай ехать уже поздно, так как, по-видимому, война подходит к концу». Вместе с тем Антон Павлович подчеркивал, что ехать в Китай он собирался не корреспондентом какой-либо газеты, а «только врачом. Военным врачом». (Как много говорят два этих слова!) «Если война затянется, то поеду», — заверял он Горького⁴.

Увлечение Горького Востоком не было похоже на увлечение российских обывателей буржуазными романами, воспевавшими колониальную экзотику. Желание побывать в странах Востока никогда не покидало писателя. Среди сотен томов, подаренных писателем в первое десятилетие нового века публичной библиотеке Нижнего Новгорода, много книг, освещающих историю стран Азии.

* В беседе с автором этой статьи в сентябре 1959 г. Екатерина Павловна Пешкова рассказывала по поводу письма, что она опасалась тогда за здоровье Алексея Максимовича и что длительная поездка в далекий Китай без повседневной медицинской помощи была для писателя крайне рискованной. Участие же Чехова, который был хорошим врачом, снимало многие опасения.

** Все ссылки в тексте на произведения М. Горького, кроме оговоренных, даются по изданию: М. Горький. Собр. соч. в 30 т. М., 1949—1955. Римские цифры обозначают том, арабские — страницы.

Знание основ философских учений народов Востока порой помогало молодому Горькому в его размышлениях о явлениях русской духовной жизни. К примеру, оно помогло ему постигнуть некоторые особенности миропонимания Льва Толстого, писателя национального «в самом истинном и всеобъемлющем значении этого понятия»⁵. Мысли М. Горького о близости различных аскетических учений Востока философии Л. Н. Толстого с ее отрицанием активного, преобразующего деяния человека, с ее призывами к «непротивлению злу насилием» нашли позднее развитие в ряде исследований советских ученых.

События русско-японской войны обострили интерес Горького к народу и культуре Японии. «Эта идиотская, несчастная, постыдная война, — писал он, — какой-то дикой кошмар». Его мнение резко противостояло официальному. Монархические газеты обвиняли писателя в том, что он «работает на японские деньги» (XXIX, 383). М. Горький сожалел, что русская пресса не сообщает «ничего хорошего» о японском народе. Противник шовинистической пропаганды, он писал Е. П. Пешковой в Нижний Новгород: «Это тупое жулье — патриоты издатели — выпускают на рынок только вещи явно недоброжелательные Японии, а объективного — ни страницы»⁶.

М. Горький много читал о Японии, ее прошлом и настоящем⁷. Характерна такая деталь: в 1905 г. в описи вещей писателя, заключенного в Петропавловскую крепость, упоминалась «История японской литературы» В. Астона, изданная в 1904 г. во Владивостоке.

Трагические события войны с Японией вскрывали — художник это отчетливо видел — гнилость и преступность российского самодержавия, его открытое пренебрежение интересами трудящихся. Позиция правящих кругов резко отличалась от настроений недовольства широких народных масс. События на Дальнем Востоке влияли на психологию и поведение многих русских крестьян. Несколько позже это нашло отражение в цикле рассказов «Жалобы». В них правдиво показаны эпизоды русско-японской войны, окопный быт под Мукденом, а главное — русские солдаты, вчерашние новгородские хлебопашцы, «которые не понимают, зачем нужно драться» с японцем (X, 216).

Герой повести «Лето» Михайло Гнедой, побывавший в японском плену, заявляет, что война — «это и есть мой поворот». Он «тайнственно говорит» о нежелании землепашцев воевать: «Я, ребята, людей этих, китайцев, японцев, близко видел — и которые воюют, и которые землю пашут... Это же настоящий рабочий народ... вовсе они и не хотят войны, потому сеют этакое особое просо» (VIII, 496—497).

В горьковских произведениях («Жалобы», «Лето» и др.) намечена тема социального прозрения русского крестьянства в ходе войны на Востоке. Писатель изображает отношение российских солдат к жителям Японии, Китая, Кореи. Далекое не все вызывает здесь одобрение Горького. Однако в поведении вчерашних землепашцев, в отличие от поведения небольшой кучки черносотенных офицеров, писатель не заметил расовой вражды к населению неведомых им прежде стран.

В годы вынужденной эмиграции на острове Капри (1906—1913) познания Горького о духовной культуре народов Востока обогащаются. Внимание писателя привлекают мусульманские и арабские памятники. В европейских газетах тех лет мелькают сообщения о готовящейся поездке Горького то на Цейлон, то в Японию, то в Каир.

Примерно с этого времени, кануна первой мировой войны, в устойчивом интересе писателя к ориентальному миру происходит смещение. Теперь его внимание больше привлекают современные события, разворачивающиеся там. Процесс этот был для Горького закономерен. И как личность, и как художник он выступал свидетелем эпохи пробуждения Азии. За годы вынужденной эмиграции (за участие в первой русской революции Горькому на родине грозил суд) писатель дважды встречался с В. И. Лениным на Капри, а затем в Париже. Общение с ним помогло глубже понять новую полосу всемирной истории, когда под влиянием событий 1905—1907 гг. в России миллионные массы Азии и Африки превращались в активных борцов против колониализма.

Когда Горький осенью 1912 г. вошел в состав редакции журнала «Современник», он стал помещать в нем материалы о Китае и Персии. В «Хронике заграничной жизни», которую он вел, можно было прочитать и отклики на выступление готтентотов против германских колонизаторов в Намибии, и на революционный подъем 1905—1908 гг. в Индии, и на создание в Японии легальной социалистической партии, и на Младотурецкую революцию 1908 г., и многое другое.

Провозглашение осенью 1911 г. Китайской республики и избрание Сунь Ятсена

ее временным президентом побудили Горького обратиться к нему с письмом. «Мы — братья по духу, товарищи по намерениям», — подчеркивал свою солидарность с революционными делами Сунь Ятсена пролетарский писатель. Он осуждал враждебные китайской революции действия российского самодержавия: «Должны ли мы, социалисты, люди искренно верующие, что весь мир может и будет жить братской мирной жизнью. — должны ли мы допускать, чтобы жадные и глупые люди способствовали развитию расовой вражды, которая может встать на пути социализма мрачной и крепкой стеною?» И, развивая мысль, писал: «Нам, социалистам, необходимо как можно чаще говорить о том, что в мире существует вражда правительств и не должно быть вражды народов, вызываемой жадностью командующих классов».

В заключение Горький просил Сунь Ятсена написать статью для журнала, чтобы «русские знакомились с возрождением Китая по рассказам честных китайцев» (XXIX, 275—276)*.

Благодаря участию Горького «Современник» напечатал в 1912 г. политические заметки выдающегося руководителя японского рабочего класса Сэн Катаямы (Катайямы). Эта публикация представляет немалый интерес для истории нашей предреволюционной печати. Она, пожалуй, впервые знакомила широкие читательские круги России с революционной мыслью современной им Японии.

В деятельности китайских и японских революционеров, столь привлекавшей пролетарского писателя, Горький видел и грядущее торжество освободительных идей на Азиатском материке, и залог преодоления препятствий, мешающих сближению Запада и Востока. Торжество идей взаимопонимания народов он связывал не только с революционной борьбой пролетариата, но и с деятельностью научной и технической интеллигенции. Забегая вперед, скажем, что писатель переоценивал ее роль в создании новых социально-справедливых форм общественной жизни. Трагические события послеоктябрьских месяцев — и в первую очередь покушение на В. И. Ленина в августе 1918 г. — побудили Горького пересмотреть место и роль интеллигенции в классовой борьбе.

Революционно настроенного художника удручало, что в деле сближения народов, необходимость которого диктовалась всем ходом развития человеческого общества, царская Россия, его родина, играла отрицательную роль, и не только в пределах своего государства. Пролетарский писатель многократно разоблачал закулисные махинации и грязные дела самодержавия в пограничных с Россией странах Востока.

В 1915 г., во время разразившейся катастрофы — мировой войны, — Горький опубликовал статью «Две души», в которой дал высокую оценку духовной энергии народов Европы и высказал резко отрицательное отношение к империалистической бойне.

Большое место в статье отведено сопоставлению двух различных, по убеждению автора, мироощущений — Востока и Запада. Однако противопоставляя «два различных мироощущения, два навыка мысли, две души»⁸, Горький не повторял английского классика Р. Киплинга, утверждавшего, будто единение Запада и Востока невозможно. Расовые предрассудки автора романов «Маугли» и «Свет погас» были принципиально чужды Горькому. Он подчеркивал: «Противопоставляя Восток Западу, отнюдь не думаю о каких-либо «метафизических сущностях» или о «расовых особенностях», которые якобы органически и нескороенимо свойственны монголу, арийцу, семиту и навеки будут враждебно разделять их»⁹. Для Горького существующее различие между мироощущением человека Запада и человека Востока — явление преходящее, временное, хотя и неизбежное исторически.

В статье «Две души» писатель стремился проследить, в чем именно сказалось влияние народов Востока на русский национальный характер. Критикуя недостаточную активность народных масс в борьбе с реакцией, с хаосом империалистической войны, Горький склонен был видеть причины этого во «влиянии на русскую психику» Востока, в близком соседстве Азии, у которой жители России восприняли «чисто восточное презрение к силе разума». «Человек Востока, — говорилось в статье, — раб

* В Китае это письмо Горького было впервые напечатано в «Синьхуа жибао» 16 июня 1938 г.

и слуга своей фантазии. Этот древний человек был творцом большинства религий, основоположником наиболее мрачной метафизики; он чувствует, но не изучает...»¹⁰.

Нельзя не признать, что в содержании статьи тесно переплелись и ориентальные впечатления молодости, и многолетний интерес к религиозно-философским памятникам прошлого, и глубоко личные переживания от разгрома царизмом первой русской революции, и, наконец, каждодневные впечатления писателя о покорности, с которой воспринимали чуждую им войну трудящиеся массы. «Человек Востока, — говорилось в статье, — ожидает вечного счастья и покоя за пределами земли, в области воображения»¹¹. Выступая против пассивного отношения к жизни, Горький желал, чтобы практически каждый из его соотечественников пребывал «вождем и хозяином своей мысли», а не подчинялся безвольно всякой силе. Он жаждал духовного роста каждого пролетария, порицал враждебное отношение крестьянских масс к достижениям европейской мысли, к активным формам жизнедеятельности. Уже первыми рассказами внушал он читателям, что отношение человека к деянию определяет его ценность на земле.

Суровую оценку писателя получили также имущие слои русского общества той поры. «Начала Востока», обезличивавшие душу, он видел здесь и в «жестокости к рабам», и в «раболепни перед владыками». И то и другое, отмечал он, «столь же свойственны российскому дворянству, как и "обломовщина"».

Дивная «мощь человека» должна быть направлена, утверждал Горький, на создание новых форм общества, а не на собственное разрушение. Пафос статьи «Две души», как и ряда других выступлений писателя, — в полной неприимости к людям с пассивным отношением к жизни, в неприемлемости им веры человека в фатальную предопределенность собственной судьбы, наслаждения от своей беспрекословной подчиненности.

Однако усматривание в русском национальном характере отрицательных качеств, якобы типичных для большинства уроженцев Востока, не было исторически верным. Горький явно преувеличивал, когда говорил о нездоровом брожении «старой русской крови, отравленной монгольским фатализмом»¹², односторонне оценивая при этом и самый мир Востока. Художник как бы оказывался во власти непролетарских взглядов и концепций, подменявших социальные категории отвлеченно национальными. В современном Горькому ориентальном мире происходили события (о них мы упоминали выше), которые корректировали отдельные высказывания писателя. Осознавая некоторые «перекося» в своих суждениях, гуманист Горький не раз уточнял и подчеркивал: «Да не будет мне приписано воинствующего и ненавистнического отношения к Востоку. Это было бы ошибкой. Я лишь против мечтательности и бездейственности — свойств, мною признанных характерными для души Востока, свойств, которые столь долго держали его в своем цепком и ослабляющем энергию плену»¹³.

Поборник дружбы народов, писатель делал все для ее скорейшего осуществления. Горький выступал против политики российского самодержавия, возбудившей в пограничных странах Азии вражду к русскому народу. Его искреннее желание — осуществить на земле великие идеи братства трудящихся — смогло найти конкретные формы лишь после Великого Октября. Недаром первым общественным начинанием Горького, получившим огромный резонанс, была организация им в Петрограде издательства «Всемирная литература».

Люди с именами европейскими

Время было очень трудное: почти полностью прекратилось производство бумаги, печатные станки требовали ремонта и запасных деталей, опытные типографские работники были мобилизованы в армию. В этих абсолютно неблагоприятных для литературы и науки условиях, когда кое-кому стало казаться, что культура в России гибнет, знаменитый писатель попытался организовать в Петрограде издательство «Всемирная литература»¹⁴. Он мечтал дать миллионам новых читателей, свободным гражданам России, умную и честную книгу. По его справедливому убеждению, книга — «наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути к его счастью и могуществу»¹⁵.

Этой мечтой — дать «рабочим для самообразования и пропаганды» ряд книг по истории русской и западных литератур, снабдить их популярными трудами о мировой

культуре — Горький делился с Лениным еще в 1911 г. в Париже, на что тот тогда ответил ему: «Подождем с издательством до лучших времен»¹⁶.

В конце 1917 г. Горький считал, что его замыслы могут быть воплощены, и он, несмотря на разруху, начал формировать в Петрограде издательство «Всемирная литература».

Постараемся быть, однако, исторически точными в нашем рассказе. Трудности с организацией издательства имели место не только в технической и экономической областях. В первой половине 1918 г. именем Максима Горького не раз прикрывались различные группировки буржуазной интеллигенции, которые требовали передать им руководство искусством, культурной жизнью страны. «В 17—18 годах мои отношения с Лениным были далеко не таковы, — признавался позднее Горький, — какими бы я хотел их видеть». (XVII, 24).

Покушение на Владимира Ильича 30 августа 1918 г. побудило писателя не только срочно поехать в Москву к близкому другу, но прежде всего пересмотреть свое отношение к некоторым сторонам революционной деятельности молодой республики, в том числе и к своему замыслу. Правильно разобраться в окружающем, полностью постичь потенциальные возможности революционных сил России и Азии писателю мешали и недавнее увлечение идеями богостроительства, и влияние философских и литературных концепций, далеких от марксизма¹⁷. Общение с Лениным, еще не оправившимся от ранения, помогло писателю осенью 1918 г. воочию увидеть колоссальный труд большевиков, сумевших «поднять народ на ноги» и указать ему «прямой путь к человеческой жизни» (XVII, 31). На этот раз грандиозный замысел Горького об организации издательства «Всемирная литература» встретил понимание и поддержку Ленина.

В самом начале сентября 1918 г. народный комиссар просвещения Луначарский и Горький подписывают договор об издании книг «Всемирной литературой» для нужд молодой республики и переводах произведений иностранных авторов начиная с конца XVIII в. Примечательно, что вопреки разрухе и бедности план Горького предусматривал выпустить в течение 3—5 лет около двух тысяч популярных брошюр и 800 томов книг¹⁸.

В октябре 1918 г. согласно постановлению ВСНХ в распоряжение издательства «Всемирная литература» была передана одна из лучших дореволюционных типографий — «Копейка», а Горький назначен ее комиссаром. Впредь все работы в типографии производились только с его разрешения и под его непосредственным контролем¹⁹.

Реализация молодой республикой Советов положений из знаменитого обращения «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» побудила Горького и его коллег пересмотреть как планы, так и структуру «Всемирной литературы». Решено было дать пролетарскому читателю не только новые и улучшенные переводы европейских и американских авторов, но также книги писателей Азии и Африки. В апреле 1919 г. в издательстве был создан Восточный отдел во главе с Коллегией экспертов. Отдел и Коллегию возглавил известный ученый, академик С. Ф. Ольденбург, давний единомышленник и друг Горького. Кроме них, в Коллегию входили В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский, А. Н. Тихонов (Серебров) — многолетний соратник Горького и близкий ему человек.

Именно через издательскую деятельность складывалось после Октября сотрудничество знаменитого писателя с большевистской партией в деле просвещения трудящихся, в деле культурного строительства.

Рост сознательности рабочих масс, которого не мог не видеть писатель, содействовал пересмотру им своих выводов. «Действительность будущего» предстала перед Горьким на интернациональном митинге, который состоялся в Петрограде 19 декабря 1918 г. Писателя обрадовало и восхитило «чувство пламенного доверия к рабочим России», которое выразили на митинге индус и кореец, перс и француз, китаец и турок. Он посвятил этому событию статью «Советская Россия и народы мира». «Россия, — писал он под свежим впечатлением увиденного, — волею истории трудную, великую передовую армию социализма, с честью и успехом выполнит эту роль и влечет за собой все народы к созданию новой жизни» (XIV, 193).

Один из основных путей «к созданию новой жизни» писатель видел в культурном строительстве, в передаче рабочему классу массы духовных сокровищ.

Книги писателей стран Востока должны были выходить, как и произведения

европейских и американских литераторов, в двух сериях: основной и народной. Основная была рассчитана на подготовленного читателя и состояла из избранных сочинений; народная серия предназначалась для широких кругов менее подготовленных читателей. В нее входили отдельные небольшие произведения зарубежной классики, наиболее легкие для чтения.

По свидетельству арабиста академика И. Ю. Крачковского, Коллегия экспертов Восточного отдела собиралась еженедельно, нередко в ее заседаниях участвовал Горький. Его мнения зачастую оказывались наиболее убедительными²⁰. В отличие от коллег Западного отдела работники Восточного испытывали недостаток в людях, знающих языки народов Азии и Африки. У «Всемирной литературы» не было средств обучать кого-либо из образованных людей переводческому мастерству. К тому же русское востоковедение, за редким исключением, не знало профессиональных литераторов. Все это создавало безмерные трудности. Только высокое понимание долга помогало, по словам академика В. М. Алексеева, первому поколению советских востоковедов с неубывающими силами идти «на штурм крепости общего невежества».

Распределение обязанностей в Коллегии экспертов Восточного отдела, по воспоминаниям Корнея Чуковского, активно сотрудничавшего в издательстве, было следующим: «Словесность чуть не каждой страны имела в этой коллегии своих представителей. Индийцы были представлены академиком Ольденбургом. Арабы — академиком Крачковским. Китайцы — академиком Алексеевым. Монголы — академиком Владимирцевым»²¹. Добавим, что некоторое время кавказская литература была представлена академиком Н. Я. Марром.

С большим удовлетворением воспринято было Горьким организационное оформление Восточного отдела. С радостью и гордостью писал он в апреле 1919 г. в Москву: «Теперь нами организовано издание «Литератур Востока», в этой работе принимают участие крупнейшие наши востоковеды, люди с именами европейскими».

Мы даем новый перевод Библии, а кроме того, тюбингенское критическое издание ее. Мы даем литературу Китая, Японии, Тибета, Монголии, Персии, арабов, Турции и т. д. вплоть до индусской, египетской и ассирийского эпоса.

Это — огромная работа, и, конечно, она хорошо поставит Советскую власть в глазах интеллигенции Западной Европы. Но еще более крупным я считаю агитационное значение «Всемирной литературы». ...Задача грандиозная, и никто еще до сей поры не брался за ее осуществление, никто в Европе»²².

В издательстве «Всемирная литература», помимо членов Восточной и Западной коллегий экспертов, работало около 300 сотрудников, переводчиков, редакторов, служащих, и это по-доброму сказывалось на темпах перевода литературных произведений. В процессе составления списков книг, предназначенных для издания в ближайшую очередь, особенно активно участвовал Горький. Основным принцип его отбора сочетал в себе как политическую, так и эстетическую доминанту: рабочие Запада, как и деятели европейской культуры, должны были увидеть и признать, по мысли Горького, что «российский пролетариат не только не варвар, а понимает интернационализм гораздо шире, чем они, культурные люди, и что он в самых гнусных условиях, какие только можно представить себе, сумел сделать в год то, до чего им давно бы пора задуматься» (XXVIII, 388).

В предисловии к каталогу «Литература Востока» буддолог С. Ф. Ольденбург, ряд десятилетий исполнявший должность постоянного секретаря Российской Академии наук, рассказывал, что в революционной стране впервые за всю историю России делается «попытка при помощи русских востоковедов приобщить в сознании русского читателя памятники Востока к мировой литературе», что отечественные востоковеды «охотно откликнулись на призыв передать понятную русскою речью замечательные и характерные произведения восточных писателей, над которыми они работали всю свою жизнь».

...Если только удастся осуществить всю программу, то мы будем вправе сказать, что русская литература обладает серией памятников восточной словесности, какой не имеет еще ни один народ»²³.

Чтобы убедиться в справедливости приведенных слов, перелистаем страницы проспекта, посвященные монгольской словесности.

Перечень произведений фольклора открывали героические поэмы, сказки, песни. Затем назывались образцы повествовательной литературы: «Сказания цикла цари Викра-

мадитья», «Роман о богине Тара», «Сказание о царице Дюрсюн Наран», «Сиддикюр: Рассказы волшебного труппа». Завершился этот раздел романом китайского происхождения «Джи Дян Хушан».

Следующий раздел посвящен был житиям буддийских святителей Монголии Ундурегена, Нэйджи-Тойна и Зая-пандишты.

Далее перечислялся письменный эпос: «Сказание о двух конях Чингисхана», «Сказание о походе Убаши-хун-тайджи», «Гесер-хан», «Сокровенная история монгольского народа», «Поучения Чингисхана» и, наконец, калмыцкая эпопея «Джангарида»²⁴.

Самое активное участие в составлении приведенного перечня монгольской словесности принимал Б. Я. Владимирцев²⁵, избранный в ту пору профессором Петроградского университета.

Грандиозная программа

Научное подвижничество членов Коллегии экспертов Восточного отдела в крайне трудные для страны и науки голодные годы гражданской войны по-своему запечатлели протоколы заседаний Коллегии, которые в разные годы вели китаец В. М. Алексеев и монголовед Б. Я. Владимирцев. Знакомство с этими документами приоткрывает и грандиозный размах культурной революции в отсталой стране, и становление принципов нового советского востоковедения, его глубокую научность и демократизм.

Первое заседание сотрудников Восточного отдела состоялось 28 апреля 1919 г. в помещении издательства (Невский проспект, 64). Заседание началось с оглашения списка сотрудников отдела, который насчитывал 45 русских востоковедов. Затем секретарь отдела В. М. Алексеев вручил каждому из присутствующих повестку на заседание 6 мая 1919 г. в Азиатском музее, которое посвящалось «вопросам, связанным с техникой научного и художественного перевода». Содержание повестки вызвало критику со стороны профессора П. К. Коковцева, усмотревшего «в подобном открытом обсуждении этого вопроса как бы посягательство на независимость и самостоятельность каждого отдельного переводчика». С этой критикой не согласились «все остальные присутствующие». Указав, что ему трудно регулярно посещать заседания, П. К. Коковцев отказался от участия в работе отдела, предложив, однако, когда потребуется, обращаться к нему частным путем как к специалисту.

Позиция П. К. Коковцева, как свидетельствует текст протокола, была подвергнута критике одним из руководителей «Всемирной литературы» А. Н. Тихоновым, обратившим внимание присутствующих на то, что возникло множество вопросов, требующих суждения не отдельных специалистов, а Востоковедной коллегии: о зачислении того или иного перевода «в основное или народное издание», «об организации студии переводчиков с восточных языков и лекций по литературам Востока, способствующим пропаганде знания и пониманию жизни и культуры восточных народов», о переводе стихотворных произведений, наконец, «об объединении интеллигенции всего мира на началах взаимного понимания и создания подлинного интеллектуального интернационала» и др.

«Коллегия явится, таким образом, посредником между Издательством, имевшим, как известно, до сих пор дело главным образом с западными литературами, и отдельными востоковедами-сотрудниками, рекомендацию которых, привлечение к делу, объединение в деятельности и пр. может взять на себя только компетентная Коллегия». «Всякое другое ведение дела», как записано в протоколе В. М. Алексеевым, будет считаться «анархическим, неуклонно идущим к случайному подбору сотрудников, личным вмешательствам и неудачным литературным выступлениям».

Первое заседание Восточного отдела завершилось сообщением А. Н. Тихонова об условиях работы сотрудников издательства²⁶.

Судя по сохранившимся протоколам, в 1919 г. состоялось 32 заседания Коллегии экспертов Восточного отдела «Всемирной литературы». Буквально каждое из этих заседаний интересно для нас решавшимися на нем проблемами, поскольку частные вопросы издательского характера в дальнейшем оборачивались принципами, формировавшими советское востоковедение.

Сошлемся на протокол от 4 июля 1919 г. На заседании Коллегии присутствовали

С. Ф. Ольденбург, Н. Ю. Крачковский, А. М. Пешков, Н. Я. Марр, В. М. Алексеев. Последний вел обстоятельную запись происходящего. Итак, запись из протокола:

«Докладывается о поступлении рукописей В. Д. Смирнова, В. И. Иохельсона, Е. Э. Бертельса, являющихся продолжением уже ранее сданных в печать. По поводу рукописи В. Д. Смирнова («Сахыб Гирей») А. М. Пешков делает устно и письменно некоторые замечания, касающиеся стиля и выбора слов, кажущихся критикой неуместным руссифицизмами (ектения, мелодия, аудиенция, августейший, ассамблея, маршрунировать авангард, эгретки, помпа, почесть, проклитика и т. д.). Из обмена мнений выясняется необходимость вместо некоторых из них, каково, например, ектеня, ввести оригинальное слово хутба; некоторые, как аудиенция, оставить, а о других сообщить автору, прося исправлений.

По поводу затронутого в прошлом заседании вопроса о некоторых излишне грубо подробностях сексуальных актов и описаний в мифах примитивных народов, положено оставлять их везде там, где автор особо наставляет, оговорив это должным образом в предисловии.

И. Ю. Крачковский докладывает о своей работе над рукописью пок [ойного] бар [она] Розена повести «О Варлааме и Иосафе». Оригинал, по-видимому, не арабского происхождения, но перевод бар. Розена сделан столь буквально и столь заботливо, что лучше всего оставить в неприкосновенности, без редактуры, хотя в таком виде повесть будет средним читателем читаться не без труда.

Н. Я. Марр сообщает о своем намерении перевести в близком будущем басню Мыхиторагоша и о больших затруднениях с переводом Шота Руставели²⁷.

Сравнительно часто в работе Восточного отдела принимали участие такие сотрудники Западного отдела, как А. А. Блок, Н. С. Гумилев, К. И. Чуковский. Примечательны материалы протоколов от 15 мая 1919 г.:

«Председатель **С. Ф. Ольденбург** оглашает текст своего французского перевода им же составленного предисловия к программе серий, Отделом намеченных. Перевод всецело одобряется. По поводу розданных копий программы (серий.— Д. Б.) предлагаются присутствующим, при редактировании целого и частей, обратить внимание на достижение большего единообразия в названиях книг.

Возбуждается вопрос о включении в число серий всемирных памятников эпиграфической литературы, являющейся для некоторых отделов, как, например, для Ирана, Китая, Индии, Кавказа, существенно важною.

...Однако большинство присутствующих думает, что даже такие вещи, как Конфуций, Коран, житие Будды, Джатака и прочее, могут войти в народную серию на равных с другими темами основаниях. Все дело в обработке материала, и если соединить ее с характером содержания, то это и определит судьбу перевода.

Н. С. Гумилев делает замечание о неполноте программы Восточного отдела (нет Рамаяны, полной Шахнамэ, Шодской поэзии абиссинцев). Председатель объясняет неполноту программы — заранее к тому же оговоренную в аллокуции — тем, что при составлении списков будущие сотрудники Отдела руководствовались исключительно соображениями наличных сил и, вообще, исполнимостью программы.

Н. Я. Марр заявляет о больших трудностях, с которыми сопряжено исполнение программы кавказских серий.

И. Ю. Крачковский предлагает направлять в Восточный отдел для суждений и отзыва те из переводов с западных языков, которые трактуют восточные темы²⁸, реальные или вымышленные. Постановлено принять предложение и сообщить об этом в Западный отдел²⁹.

Программы «Всемирной литературы» были грандиозны, а средства — явно недостаточными. М. Горький лично обращался за помощью к Ленину. Когда весной 1919 г. из-за саботажа врагов Октября издательству было отказано в бумаге, месяцами лежавшей на складах без употребления, Председатель СНК принял все меры, чтобы дело, в которое было вложено столь много энергии, не погибло. Бумага, хотя и с опозданием, была передана издательству.

Не исключено, что благодаря этой бумаге в том же 1919 г. вышел первый сборник под общим названием «Литература Востока». Ведущие специалисты «Всемирной литературы» рассказали здесь о наиболее значительных ориентальных памятниках.

Второй сборник под таким же названием появился в следующем, 1920 г. Хотя он был посвящен художественным памятникам народов Дальнего Востока.

в частности Китая и Японии, заметное место заняли в нем статьи о египетской, коптской, абиссинской и финикийской литературах.

Дабы приобщить русских стихотворцев к поэтике незнакомого им ориентального уклада, члены Коллегии с одобрения Горького организовывали студии и семинары. Интересен в этой связи отзыв, занесенный в один из протоколов о «Студии китайской поэзии» В. М. Алексеева, функционировавшей в летние месяцы 1919 г. Ее участник Н. С. Гумилев заявил, что «лекции и занятия в ней принесли свою пользу, возбуждив среди русских поэтов, на ней присутствовавших, интерес, беседы и стремление усвоить новые поэтические подходы. Желательно было бы завершить студию кратким очерком истории китайской поэзии»³⁹.

Свою грандиозную программу «Всемирная литература» планировала осуществить в течение ближайших 3—5 лет, хотя время было очень тяжелым и неблагоприятным. Зато люди, причастные к этой деятельности, оказались в своем большинстве подлинными подвижниками. Это полнее других сознавал и ценил Горький. В одном из его писем к С. Ф. Ольденбургу есть такое признание: «Я имел высокую честь вращаться около них (людей науки.— Д. Б.) в труднейшие годы, 19—20-й. Я наблюдал, с каким скромным героизмом, с каким стоическим мужеством Творцы русской науки переживали мучительные дни голода и холода, видел, как они работали, и видел, как умирали. Мои впечатления за это время сложились в чувство глубокого и почтительного восторга перед вами, герои свободной, бесстрашно исследующей мысли. Я думаю, что русскими учеными, их жизнью и работой в годы интервенции и блокады дан миру великолепный урок стоицизма и что история расскажет миру об этом страдном времени с тою же гордостью русским человеком, с какой я пишу Вам эти простые слова. В них нет преувеличения, так я чувствую» (XXIX, 441).

Напомню: книги издательства «Всемирная литература» по указанию Народного комиссариата просвещения распространялись бесплатно в сельские библиотеки, школы и клубы. Однако каждая встреча нового читателя с книгой, переведенной на русский с арабского, китайского или японского, доставлявшая Горькому и его коллегам радость и нравственное удовлетворение, обходилась в миллионы рублей, которых у Советского государства в годы гражданской войны не было. Осуществить огромный просветительский замысел было в ту пору не под силу революционной России, хотя в принципе мечта Горького была реальным отражением размаха культурной революции, которую осуществляла партия большевиков.

Буквально с каждым месяцем готовые рукописи «Всемирной литературы» возвращались из-за отсутствия бумаги. Типография все время простаивала. В 1920 г. ею было напечатано всего 28 названий, то есть чуть более 5% имевшихся в издательстве материалов. А в 1921 г. вообще не было напечатано ни одной книги.

Старания и борьба Горького за осуществление программы «Всемирной литературы» в условиях гражданской войны привели к обострению у писателя туберкулезного процесса. Потребность в серьезном лечении была столь же необходима, сколь и очевидна: кровохарканье, цинга, тромбофлебит. Больше года В. И. Ленин «с поразительным упрямством настаивал,— запишет чуть позже Горький,— чтобы я уехал из России, и меня удивляло: как он, всецело поглощенный работой, помнит о том, что кто-то где-то болеет, нуждается в отдыхе» (XVII, 40). Писатель искренне полагал, что его пребывание в туберкулезном санатории займет 4—5 месяцев. Покидая революционную Россию, он просил Ленина «поберечь это учреждение» (то есть издательство «Всемирная литература».— Д. Б.). Примечательно, что в личной библиотеке Владимира Ильича в Кремле имеются почти все книги, подготовленные Восточным отделом.

К концу 1924 г. положение издательства из-за перебоев с бумагой и отсутствия его фактического руководителя стало очень тяжелым, и оно прекратило свое существование. Однако его планы и проспекты оставались столь же привлекательны и гуманны. Частично они были осуществлены во второй половине 20-х — середине 30-х гг. издательством «Academia». Именно здесь вышли в 1929 г. сказки «1001 ночи». Работа по новому их переводу с арабского началась еще во «Всемирной литературе», и Горький не только оказывал многостороннюю поддержку этому замыслу, но сопровождал первый том своим напутствием — статьей «О сказках».

По-настоящему грандиозный горьковский замысел получил блистательное воплоще-

ние между 50-й и 60-й годовщинами Великого Октября. В течение десяти лет к читателю пришли 200 томов «Библиотеки всемирной литературы», каждый из которых был выполнен на высоком профессиональном уровне. И сегодня, как и книги самого Горького, всеобъемлющее собрание литературных памятников Запада и Востока, о котором мечтал пролетарский писатель, читают миллионы людей в нашей многонациональной стране.

¹ «Нижегородский листок», 26.V.1896.

² «Одесские новости», 4.VI.1896.

³ Подробнее об отношении Горького к событиям в Китае во второй половине 20-х — начале 30-х гг. см.: М. Е. Шнейдер. Русская классика в Китае. М., 1977.

⁴ А. П. Чехов. Полн. собр. соч. в 20 т. Т. 18. М., 1944—1951, с. 372.

⁵ М. Горький. Избранные произведения. Т. 2. М., 1946, с. 291.

⁶ Архив А. М. Горького. Т. VII. М., 1959, с. 49; там же. Т. V. 1955, с. 106.

⁷ Подробнее см.: К. Рехо. М. Горький и японская литература. М., 1965; Японские писатели о Стране Советов. Л., 1987.

⁸ М. Горький. Статьи 1905—1916 гг. Пг., 1918, с. 188.

⁹ Там же, с. 187.

¹⁰ Там же, с. 184.

¹¹ Там же, с. 186.

¹² М. Горький. Избранные произведения. Т. 2. М., 1946, с. 291.

¹³ М. Горький. Литературно-критические статьи. М., 1937, с. 138.

¹⁴ Замыслу Горького посвящен ряд исследований: А. А. Бодрова. Деятельность Восточной коллегии «Всемирной литературы» под руководством М. Горького. — В сб.: М. Горький и литературы зарубежного Востока. М., 1968, с. 281—292; А. Д. Зайдман. Литературные студии «Всемирной литературы» и «Дома искусств» (1919—1921 годы). — «Русская литература».

1973, № 1, с. 141—147; Л. М. Хлебников. Из истории Горьковских издательств: «Всемирная литература» и издательство З. И. Гржебина. — Литературное наследство. Т. 80. М., 1971, с. 668—703; Н. А. Шомракова. Издательство «Всемирная литература» (1918—1924). — Книга. Исследования и материалы. Сб. 14. М., 1967, с. 175—193 и др.

¹⁵ Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению. Вступ. статья М. Горького. Пг., 1919, с. 5.

¹⁶ В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. Изд. 3. М., 1969, с. 303.

¹⁷ Подробнее см.: Архив А. М. Горького. Т. IX; Письма к Е. П. Пешковой. М., 1966; Б. А. Бялик. Властители дум и чувств (В. И. Ленин и М. Горький). М., 1970, с. 102.

¹⁸ Л. М. Хлебников. Указ. соч., с. 670.

¹⁹ Там же, с. 677.

²⁰ Подробнее см.: И. Ю. Крачковский. Арабская литература и арабы в произведениях Горького. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. V, вып. 1, М. 1946, с. 47—50.

²¹ Корней Чуковский. Из воспоминаний. М., 1958, с. 202.

²² Горький и советская печать. — Архив А. М. Горького. Т. X, кн. 1. М., 1964, с. 8.

²³ Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению. Литература Востока. (Вступительная статья академика С. Ф. Ольденбурга). Пг., 1919, с. 5.

²⁴ Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению, с. 43.

— О характере участия Б. Я. Владимирцева в издательстве «Всемирная литература» см.: В. М. Алексеев. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982, с. 249; Д. И. Белкин. Из истории издания в Советском Союзе монгольских литературных памятников. — В сб.: Литературные связи Монголии. М., 1981, с. 383—389.

²⁵ Архив А. М. Горького при ИМЛИ АН СССР. Фонд А. Н. Тихонова, «Всемирная литература», № 242.

²⁶ Там же, № 252.

²⁷ Через некоторое время на очередном заседании И. Ю. Крачковский доложил коллегам «о поступившем к нему предложении Н. И. Лернера передать Восточному отделу библиографические карточки, касающиеся отражения Востока в русской беллетристике. Положено, принять, благодарить и сосредоточить эти карточки в руках И. Ю. Крачковского» (Архив А. М. Горького при ИМЛИ АН СССР. Фонд А. Н. Тихонова, «Всемирная литература», № 258).

²⁸ Архив А. М. Горького при ИМЛИ АН СССР. Фонд А. Н. Тихонова, «Всемирная литература», № 245.

²⁹ Там же, № 256.

XIII Всекитайский съезд
КПК — октябрь 1987 г.—
1-й пленум ЦК КПК 13-го
созыва — 2 ноября 1987 г.

На XIII съезде КПК и 1-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва были сформированы высшие партийные органы, призванные обеспечить проведение в жизнь решений съезда. При этом XIII съезд руководствовался принятым на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в августе 1980 г. «курсом на революционизацию», омоложение, повышение общеобразовательного и профессионального уровня» руководящих кадров всех ступеней¹.

Можно было бы отметить следующие характерные особенности формирования высших партийных органов КПК.

Во-первых проводился курс на обновление состава ЦК КПК. В состав ЦК КПК 13-го созыва избрано 285 чел., в том числе новых кадровых работников — 95 чел. (не считая 22 чел., переведенных из кандидатов в члены ЦК КПК; 1 чел., переведенного из членов Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины (ЦКПД КПК) в члены ЦК КПК, и 3 чел., переведенных из членов ЦК КПК в кандидаты в члены), т. е. состав ЦК КПК обновлен на 33 %, в том числе состав членов ЦК КПК — 175 чел. — обновлен на 38 чел., или 22 %; кандидатов в члены ЦК КПК — 110 чел. — на 57 чел., или 52 %².

В Политбюро и Секретариат ЦК КПК 13-го созыва избрано 21 чел. (без учета параллельных постов), в том числе новых руководящих работников — 10, т. е. состав обновлен на 47 %, в том числе в Политбюро ЦК КПК из 18 чел. — 7 новых, или 39 %; в Секретариате ЦК КПК из 6 чел. — 3 новых, или 50 %³.

Во-вторых, проводился курс на сокращение состава ЦК КПК и его руководящих органов.

По сравнению с ЦК КПК 12-го созыва состав ЦК КПК 13-го созыва уменьшился на 63 чел., или 18 % (с 348 до 285), в том числе количество членов ЦК КПК уменьшилось на 35 чел., или 17 % (с 210 до 175); количество кандидатов в члены ЦК КПК уменьшилось на 28 чел., или 20 % (со 138 до 110).

Состав Политбюро и Секретариата ЦК КПК уменьшился на 14 чел., или 40 % (с 35 до 21), в том числе количество членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК уменьшилось на 1 чел., или 17 % (с 6 до 5); состав Политбюро ЦК КПК уменьшился на 10 чел., или 36 % (с 28 до 18); состав Секретариата ЦК КПК уменьшился на 6 чел., или 50 % (с 12 до 6)⁴.

В-третьих, неуклонно проводился курс на омоложение состава ЦК КПК 13-го созыва и его руководящих органов.

Средний возраст состава ЦК КПК 13-го созыва — 55,2 года, а у прошлого состава ЦК КПК был 59,1 года, т. е. в среднем состав ЦК КПК помолодел на 3,9 года⁵. Из 285 членов и кандидатов в члены ЦК КПК 13-го созыва насчитывается моложе 55 лет — 132 чел., что означает увеличение на 39 чел. по сравнению с предыдущим составом ЦК КПК, т. е. изменение пропорции с 26,8 % до 46,3 % или рост на 19,5 %; в возрасте 56—60 лет — 96 чел., увеличение на 12 чел., т. е. изменение пропорции с 24,1 % до 33,7 % или рост на 9,6 %; в возрасте старше 61 года — 57 чел., уменьшение на 114 чел., т. е. изменение пропорции с 49,1 % до 20 % или снижение до 29,1 %⁶.

У членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 12-го созыва средний возраст был 73,8 года, а сейчас — 63,6 года.

Средний возраст состава Политбюро ЦК КПК 12-го созыва был 71 год, а сейчас — 64 года.

Средний возраст состава Секретариата ЦК КПК 12-го созыва был 63,6 года, а сейчас 58,3 года.

В целом средний возраст состава Политбюро и Секретариата ЦК КПК 12-го созыва вместе взятых, был 68,8 года, а сейчас 62,5 года, т. е. помолодел на 6,3 года. Средний возраст 10 новых членов нынешнего состава Политбюро и Секретариата ЦК КПК — 57,5 года (члены Политбюро — Ли Жуйхуань, Ли Симин, Ли Теин, Сун Пин, Цзян Цзэминь, Ян Жудай; кандидат в члены Политбюро — Дин Гуаньгэнь; члены Секретариата ЦК КПК — Жуй Синвэнь, Янь Минфу, кандидат в члены Секретариата ЦК КПК — Вэнь Цзябао).

В нынешнем составе Политбюро и Секретариата ЦК КПК возраст колеблется от 44 лет (Вэнь Цзябао, 1943 г. р.) до 80 лет (Ян Шанкунь, 1907 г. р.). Таким образом, в составе Политбюро и Секретариата ЦК КПК 13-го созыва имеются в возрасте 44 лет — 1 чел.; 51—59 лет — 7 чел.; 60—68 лет — 7 чел.; 70—73 лет — 5 чел.; 80 лет — 1 чел.

В-четвертых, проводился курс на повышение образовательного уровня состава ЦК КПК.

В новом составе ЦК КПК 209 чел. имеют образование в объеме вуза, что составляет 73,3 %. Это на 17,9 % выше образовательного уровня состава ЦК КПК 12-го созыва (55,4 %). В ЦК КПК 13-го созыва насчитывается 57 технических специалистов высшей квалификации, или 20 % состава, что на 6 % больше прошлого ЦК КПК⁹.

В составе Политбюро и Секретариата ЦК КПК 13-го созыва из 21 чел. имеют высшее образование 18 чел., или 86 %. Из них 15 чел. окончили вузы Китая. Ян Шанкунь окончил Университет трудящихся Китая в Москве (1927—1931), Ли Пэн — Московский энергетический институт (1948—1955), Ли Теин учился в Карловом университете в ЧССР (1955—1961). Цзян Цзэминь, окончивший в 1947 г. Шанхайский университет (факультет электромашиностроения), в 1955—1956 гг. стажировался на Московском автостроительном заводе им. И. А. Лихачева. 3 чел. имеют среднее образование (Янь Минфу окончил Специальную школу иностранных языков в Харбине (1949), Тянь Цзиюнь и Ян Жудай — китайские средние школы)¹⁰.

В-пятых, наметилась тенденция к уменьшению количества военных в высших партийных органах и в составе ЦК КПК.

Эта тенденция просматривается на сравнении составов Политбюро и Секретариата ЦК КПК, сформированных на пленумах ЦК партии 12 сентября 1982 г. и 2 ноября 1987 г. В составе Политбюро и Секретариата ЦК КПК 12-го созыва среди 35 чел. было 10 военных или 29 %. В составе Политбюро и Секретариата ЦК КПК 13-го созыва среди 21 чел. — 2 военных, или 9 % (Ян Шанкунь и Цинь Цзивэй).

В составе ЦК КПК 12-го созыва было военных — 75 чел., или 22 % (членов ЦК — 50 чел., кандидатов в члены ЦК — 25 чел.). В составе ЦК КПК 13-го созыва представителей Народно-освободительной армии Китая (НОАК) — 55 чел., или 19 % (членов ЦК — 32 чел., в том числе новых — 12 чел.; кандидатов в члены ЦК — 23 чел., в том числе новых — 18 чел.). Таким образом, из 95 новых кадровых работников в составе ЦК КПК 13-го созыва насчитывается 30 военных, или 31 %. И хотя обновление состава ЦК КПК почти на 1/3 произошло за счет военных¹¹, общее их количество в новом составе ЦК КПК по сравнению с прежним уменьшилось на 20 чел., или 3 %¹¹.

В-шестых, просматривается явная тенденция к увеличению административной прослойки в составе ЦК КПК 13-го созыва¹².

Представительство различных групп руководства выглядит следующим образом:

- от центрального партийного аппарата — 18 чел., или 6 %,
- от местных партийных органов — 79 чел., или 28 %,
 - всего: от партийных органов — 97 чел., или 34 %;
- от центрального государственного аппарата — 70 чел., или 25 %,
- от местных административных органов — 40 чел., или 14 %,
- руководителей крупных промышленных предприятий — 4 чел., или 1 %,
 - всего: от административных органов — 114 чел., или 40 %,
- представителей науки — 11 чел., или 4 %;

— от НОАК — 55 чел., или 19 %;

— представителей общественных организаций — 8 чел., или 3 %.

Итого: 285 чел., или 100 %

В состав ЦК КПК 13-го созыва избрано представителей национальных меньшинств КНР — 32 чел., или 11 %; женщин — 22 чел., или 8 %¹³.

В-седьмых, на XIII съезде КПК Дэн Сяопин вместе с другими ветеранами партии (Чэнь Юнем, Ли Сяньнянем, Пэн Чжэнем и др.) по их просьбе не был введен в новый состав ЦК КПК, но 1-й пленум ЦК партии утвердил его председателем Военного совета ЦК КПК, а его 1-м заместителем назначил генерального секретаря ЦК КПК, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Чжао Цзыяна; постоянным заместителем председателя Военного совета ЦК КПК был назначен Ян Шанкунь¹⁴, который позднее, на первой сессии ВСНП седьмого созыва (8 апреля 1988 г.) был избран Председателем КНР, а Дэн Сяопин¹⁵ вновь избран председателем Центрального военного совета КНР (ЦВС КНР); заместителями председателя ЦВС КНР утверждены Чжао Цзыян и Ян Шанкунь¹⁶.

В-восьмых, особенностью партийного строительства в Китае является также создание на XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.) Центральной комиссии советников КПК, членами которой было избрано 172 чел. На Всекитайской партийной конференции (сентябрь 1985 г.) из состава ЦКС КПК вышло 36 чел., дополнительно избрано 56 чел., за 5 лет умерло 33 члена ЦКС КПК, т. е. накануне XIII съезда КПК в ЦКС КПК было 159 чел. На XIII съезде КПК (ноября 1987 г.) членами ЦКС КПК избрано 200 человек¹⁷.

В состав ЦКС КПК, которая «является политическим помощником и консультантом Центрального комитета», как это записано в 22 статье Устава партии, и как бы впитывает в себя дееспособных ветеранов партии, вошло 45 (22 %) членов ЦК КПК 12-го созыва (в том числе 7 из них вышли из ЦК КПК в 1985 г.), 3 (2 %) кандидата в члены ЦК КПК 12-го созыва, 141 (70 %) член ЦКС КПК 12-го созыва, 3 (2 %) члена ЦКПД КПК 12-го созыва, 8 чел. (4 %), не входивших ранее в состав ЦК КПК, ЦКС и ЦКПД КПК. Представителей национальных меньшинств избрано в ЦКС КПК — 7 чел. (3,5 %), женщин — 1 чел. (0,5 %). Председателем ЦКС КПК назначен Чэнь Юнь, который раньше был членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, 1-м секретарем ЦКПД КПК, на XIII съезде КПК вышел из состава ЦК КПК, избран членом ЦКС КПК, на 1-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва утвержден председателем ЦКС КПК¹⁸.

На XIII съезде КПК избран также состав ЦКПД КПК в количестве 69 членов (на 63 чел. меньше состава ЦКПД КПК, избранного на XII съезде КПК в количестве 132 чел.).

В состав членов ЦКПД КПК, избранных на XIII съезде КПК, вошли 3 чел. (4 %) — члены ЦК КПК 12-го созыва, 6 чел. (9 %) — кандидаты в члены ЦК КПК 12-го созыва, 21 чел. (30 %) — члены ЦКПД КПК 12-го созыва, 39 чел. (57 %) — не входившие ранее в ЦК КПК, ЦКС и ЦКПД КПК, а также представители национальных меньшинств — 8 чел. (11 %), женщин — 8 чел. (11 %).

1-й пленум ЦК КПК 13-го созыва утвердил секретарем ЦКПД КПК — члена Политбюро, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, секретаря ЦК КПК Цяо Ши¹⁹.

Эти высшие партийные органы созданы для руководства Коммунистической партией Китая, которая, по данным агентства Синьхуа (24.X.1987), насчитывала в своих рядах на конец 1986 г. 46 011 951 чел., в том числе 2 410 831 кандидата в члены партии. В канун XII съезда КПК (сентябрь 1982 г.) в рядах КПК насчитывалось 39 657 212 чел., в том числе 1 043 831 кандидат в члены партии, т. е. численность партии увеличилась за указанные годы на 6 354 739 чел.²⁰. Среди членов партии более 1,2 млн. чел. являются техническими специалистами. В настоящее время в КПК 26,4 % (12,15 млн. чел.) имеют среднее образование против 12,8 % в 1978 г., свыше 2/3 принимаемых ежегодно в члены КПК имеют возраст моложе 35 лет²¹.

Центральные партийные руководящие органы сформированы на 1-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва (2 ноября 1987 г.) в следующем составе:

1. Политбюро ЦК КПК (18 чел.):

члены Политбюро ЦК КПК (17 чел.) — Вань Ли (1916), Ли Жуйхуань²² (1934), Ли Пэн (1928), Ли Симин (1926), Ли Теин (1936), Сун Пин (1917), Тянь Цзюнь (1929), У Сюецянь

(1921), Ху Цици (1929), Ху Яобан (1915), Цзян Цзэминь (1927), Цинь Цзивэй (1914), Цяо Ши (1924), Чжао Цзыян (1919), Ян Жудай (1926), Ян Шанкунь (1907), Яо Илин (1917); кандидат в члены Политбюро ЦК КПК (1 чел.) — Дин Гуаньгэнь (1929).

2. Члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК (5 чел.): Чжао Цзыян (1919), Ли Пэн (1928), Цяо Ши (1924), Ху Цици (1929), Яо Илин (1917).

3. Генеральный секретарь ЦК КПК — Чжао Цзыян (1919).

4. Секретариат ЦК КПК (5 чел.):

секретари (4 чел.) — Ху Цици (1929), Цяо Ши (1924), Жуй Синвэнь (1926), Янь Минфу (1931),

кандидат в секретари (1 чел.) — Вэнь Цзябао (1943).

5. Военный совет ЦК КПК (ВС ЦК КПК):

председатель Военного совета ЦК КПК — Дэн Сяопин (1904); 1-й заместитель председателя ВС ЦК КПК — Чжао Цзыян (1919); постоянный заместитель председателя ВС ЦК КПК — Ян Шанкунь (1907).

6. Центральная комиссия советников КПК:

председатели ЦКС КПК — Чэнь Юнь (1905);

заместитель председателя ЦКС КПК — Бо Ибо (1908), Сун Жэньцюн (1909);

члены Постоянного комитета ЦКС КПК (27 чел.) — Бо Ибо, Ван Пин, Ван Шоудао, Гэн Бяо, Дуань Цзюньи, Кан Шиэнь, Ли Дэшэн, Ли Иман, Лу Диньи, Лю Ланьтао, Сун Жэньцюн, Сун Шилунь, Сяо Кэ, У Сюцюань, Ху Цяому, Хуан Хуа, Хуан Чжэнь, Цзи Пэнфэй, Цзян Хуа, Чжан Айпин, Чжан Цзиньфу, Чэн Цзыхуа, Чэнь Писянь, Чэнь Силянь, Чэнь Юнь, Юй Цюли, Ян Дэчжи.

7. Центральная комиссия по проверке дисциплины КПК:

секретарь ЦКПД КПК — Цяо Ши (1924);

заместители секретаря ЦКПД КПК — Чэнь Цзолин, Ли Чжэнтин, Сяо Хунда;

члены Постоянного комитета ЦКПД КПК (8 чел.) — Ван Дэин, Го Линьсян, Ли Чжэнтин, Лю Лиин, Сяо Хунда, Фу Цзе, Цяо Ши, Чэнь Цзолин²³.

В заключение хотелось бы отметить, что сформированные на XIII съезде КПК в соответствии с «курсом на революционизацию, омоложение, повышение образовательного и профессионального уровня» новые высшие партийные органы приступили к претворению в жизнь решений XIII съезда КПК. На проходившей в марте-апреле 1988 г. первой сессии ВСНП седьмого созыва сформированы высшие законодательные и исполнительные органы государственной власти; в структуре Государственного совета КНР упразднены 12 министерств и комитетов, вместо них созданы 9 новых, в настоящее время в Госсовете насчитывается 41 министерство и комитет вместо 45 в прежнем составе Госсовета; аппарат Госсовета, насчитывающий свыше 50 тыс. служащих, сокращается на 10 тыс. человек²⁴. Намечаются первые шаги для осуществления задач реформы политической системы. Как заявил генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян в Отчетном докладе на XIII съезде КПК (25 октября 1987 г.): «Реформа политической и хозяйственной систем имеет своей целью достичь под руководством партии в условиях социалистического строя оптимального развития общественных производительных сил, полного выявления преимуществ социализма. Другими словами, мы должны в конечном счете в экономическом отношении догнать развитые капиталистические страны, в политическом отношении осуществить демократию, более высокоразвитую и действенную, чем в этих странах, выпестовать более многочисленные и квалифицированные кадры по сравнению с этими странами»²⁵.

В. И. АНТОНОВ

¹См.: Чжунхуа жэньминь гуохэго цзыляо шюцэ. 1949—1985. Пекин, 1986, с. 117.

²См.: «Жэньминь жибао», 2.XI.1987; Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (1987). Пекин, 1988, с. 182—185. (Здесь и далее подсчитано автором статьи.— В. И. А.).

³См.: «Жэньминь жибао», 3.XI.1987.

⁴См. там же, 2—3.XI.1987; Чжунхуа жэньминь гунхэго цзыляо шоуцэ. 1949—1985, с. 98—99.

⁵Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (1987), полоса обложки.

⁶См.: «Жэньминь жибао», 2—3.XI.1987; Чжунхуа жэньминь гунхэго цзыляо шоуцэ. 1949—1985, с. 98—99, 723—829; «Чжунго цинняньбао», 2.XI.1987.

⁷Чжунхуа жэньминь гунхэго цзыляо шоуцэ. 1949—1985, с. 98—99, 723—829.

⁸См. там же; см. также: «Жэньминь жибао», 2.XI.1987.

⁹См.: «Жэньминь жибао», 2—3.XI.1987; Чжунхуа жэньминь гунхэго цзыляо шоуцэ, с. 98—99, 723—829; Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (1987), с. 200—247.

¹⁰См. там же (все указанные выше издания).

¹¹См. там же.

¹²См. там же.

¹³См. там же.

¹⁴См.: «Жэньминь жибао», 3.XI.1987.

¹⁵См.: «Правда», 9.IV.1988.

¹⁶См. там же, 10.IV.1988.

¹⁷См.: Чжунхуа жэньминь гунхэго цзыляо шоуцэ, с. 99—100; «Жэньминь жибао», 2.XI.1987.

¹⁸См.: Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (1987), с. 116, 186—187, 197.

¹⁹См.: «Жэньминь жибао», 2—3.XI.1987.

²⁰См.: Китайская Народная Республика в 1982 году. М., 1986, с. 9.

²¹См.: «Правда», 9.X.1987; «Жэньминь жибао», 25.X.1987.

²²Курсивом даны фамилии новых членов руководства. В скобках указан год рождения.

²³См.: «Жэньминь жибао», 3.XI.1987.

²⁴См.: «Правда», 29.III.1988.

²⁵Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (1987), с. 45.

Под лозунгом дружбы (юбилей Общества «СССР — Япония») (1958—1988)

С. П. ХАРИН

30 лет назад, 5 июня 1958 г. в Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялось собрание представителей общественности Советского Союза, на котором было принято решение о создании Общества «СССР—Япония» (ОСЯ). Мне довелось быть на этом собрании в качестве одного из учредителей, а затем в течение многих лет работать ответственным секретарем общества и заниматься практической деятельностью в правлении. Несколько слов об обстановке и условиях, которые складывались в то время в советско-японских отношениях, причинах, побудивших к созданию ОСЯ.

СССР и Япония являются близкими соседями на Дальнем Востоке, и народы обеих стран, имеющие многовековую историю общения друг с другом, издавна питали глубокий интерес к национальным культурам. Этот интерес давал конкретные плоды. В этой связи мне вспоминается мнение известного японского балетмейстера М. Комаки, который первым после второй мировой войны, в 1946 г., поставил на японской сцене балет «Лебединое озеро». Он со знанием дела утверждает, что европейская музыкальная культура пришла в Японию через Россию, что японцы впервые познакомились с музыкальными творениями Моцарта, Бетховена, Чайковского, Римского-Корсакова, Брамса благодаря выступлениям в Японии в конце XIX — начале XX в. русских исполнителей.

Первые шаги к установлению дружественных и торговых связей со своим дальневосточным соседом — японским народом — были сделаны русскими людьми почти 300 лет назад. Школа переводчиков японского языка, например, была создана в России в 1702 г. Изучая трехвековую историю отношений между нашими государствами, совершенно ясно сознаешь, что народы наших стран пользовались взаимными выгодами, когда они жили в мире и дружбе. Но как только отношения осложнились, омрачались конфликтами, наши народы несли большие, ничем не оправданные потери, жертвы и лишения. Такая тенденция отчетливо прослеживается как в истории русско-японских, так и советско-японских отношений. Однако, несмотря на определенные приливы и отливы в отношениях, глубокий интерес народов двух стран к жизни друг друга никогда не угасал.

Милитаристско-экспансионистский курс правящих кругов Японии в 30-е гг. нынешнего века, японская агрессия в Китае, развязанная японскими милитаристами война на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии на многие годы прервали общение и обмены между народами СССР и Японии.

Стремление советского и японского народов к развитию добрососедских отношений, к укреплению научных, культурных, торгово-экономических, спортивных и других связей, к расширению обменов в этих областях с небывалой силой возродилось после второй мировой войны. Несмотря на формальное продолжение состояния войны между Японией и СССР вплоть до октября 1956 г., стремление народов двух стран к общению, к развитию обменов в первое послевоенное десятилетие отчетливо проявилось, в частности, в росте личных контактов, расширении обмена делегациями. В первой половине 50-х гг. по приглашению различных советских организаций нашу страну посетили десятки японских делегаций, в состав которых входили лица разных политических убеждений, разной социальной принадлежности.

В их числе были делегации сторонников мира, японских оппозиционных партий, парламента Японии, а также деятелей культуры, науки, профсоюзов, представителей торгово-промышленных кругов. В 1955 г., например, после состоявшейся в Хельсинки Всемирной Ассамблеи мира СССР посетила делегация сторонников мира Японии в составе 150 человек. В том же году по приглашению Верховного Совета СССР в нашей стране побывала первая делегация парламентариев Японии во главе с советником Либерально-демократической партии Т. Китакура. Делегации были предоставлены большие возможности для ознакомления с советской действительностью.

В следующем, 1956 г., в мае—июне, по приглашению советских общественных организаций СССР посетили две большие делегации видных деятелей культуры Японии, в том числе писатели Т. Исикава и С. Мурамацу, скульптор С. Хонго, актриса Х. Сугимура, кинорежиссер К. Киносита, композитор Я. Акутагава, мастер классического японского танца Т. Ханаянаги и др.

В те же годы Японии посетил ряд делегаций советской общественности: ученые, профсоюзные работники, активисты движения за мир, спортсмены, а также известные советские деятели культуры, в том числе композитор М. Блантер, скрипач Д. Ойстрах, пианист Л. Оборин, певцы А. Эйзен, А. Соленкова. Их выступления были тепло встречены японскими любителями музыки.

Говоря о стремлении советского народа к укреплению добрососедских отношений с Японией, к развитию связей в различных областях, нельзя не сказать об огромном интересе советских людей к национальной японской живописи, литературе, науке, языку, кино, театральному искусству. Как яркий пример этого в памяти встает тот большой интерес, который вызвала у советских людей выставка японской живописи, проведенная в Москве в 1956 г. Широкий положительный отклик у советских читателей вызвало издание в СССР в 50-х гг. сборников японской поэзии, произведений японских писателей Т. Симадзаки, С. Нацумэ, С. Токунага, Т. Такакура и др. С большим интересом советская общественность встретила гастроли японского кукольного театра «Авадзи».

В этой статье нет возможности, да, пожалуй, и необходимости, подробно рассказывать о всех тех контактах, которые предшествовали созданию Общества «СССР—Япония». Но реальная действительность, тот интерес, который даже в условиях отсутствия дипломатических отношений между нашими государствами взаимно питали друг к другу советские и японские люди, диктовали необходимость всяческого содействия развитию контактов и обменов между народами СССР и Японии.

Последовательный миролюбивый внешнеполитический курс Советского Союза, направленный на установление добрососедских отношений с Японией, на развитие с народом этой страны разносторонних связей и взаимовыгодного сотрудничества, с одной стороны, а с другой — возросший за послевоенное десятилетие интерес японской общественности к жизни советского народа, к развитию с Советским Союзом торгово-экономических связей, заинтересованность практически всех слоев японского населения в нормализации отношений с Советским Союзом в конечном итоге привели к подписанию в Москве 19 октября 1956 г. Совместной декларации СССР и Японии о прекращении состояния войны между двумя государствами и восстановлении дипломатических отношений. Была создана юридическая база для развития взаимовыгодных обменов и сотрудничества в различных областях. Открылись новые возможности для активизации деятельности советских и японских общественных, научных, культурных, торгово-экономических организаций и учреждений по развитию и укреплению добрососедских отношений между двумя странами.

В июне 1957 г. в Японии на базе Общества японо-советской дружбы было создано Общество «Япония—СССР», членами которого стали представители самых широких кругов японской общественности, всех политических партий Японии. Президентом общества единодушно был избран И. Хатояма — бывший премьер-министр, который в октябре 1956 г. подписал совместную декларацию. Его заместителями стали: президент рыбопромышленной компании «Нитиро Гёгё» Ц. Хиразука, тесно связанный с деловыми кругами Японии советник ЛДП Т. Китакура, видный деятель СПЯ А. Кадзэми и известный ученый С. Кая. Общество «Япония—СССР» стало действительно массовой общенациональной организацией, выступавшей за укрепление дружбы и углубление взаимопонимания между народами Японии и СССР.

В первые же годы после восстановления дипломатических отношений между двумя государствами были подписаны торговый договор, соглашение о регулярном сообщении между Находкой и Иокогамой и многие другие документы, способствовавшие укреплению деловых связей. Однако Соглашение о культурных связях не было подписано до середины 80-х годов. Если советские государственные организации прилагали соответствующие усилия для развития советско-японских обменов в области культуры и науки, то японское правительство и государственные организации были пассивными и не предпринимали никаких действий, которые могли бы способствовать расширению связей. Поэтому дело развития культурных, научных, спортивных и других обменов взяли на себя общественные организации Японии, и прежде всего Общество «Япония—СССР».

Исходя из интересов всестороннего развития связей и обменов, укрепления дружбы, углубления доверия и взаимопонимания между народами Советского Союза и Японии, группа видных деятелей советской культуры и науки, представители организаций сторонников мира, профсоюзов, пароходств и предприятий весной 1958 г. выступила с инициативой создать и в Советском Союзе общественную организацию, которая своей повседневной деятельностью способствовала бы осуществлению упомянутых выше задач. В состав инициативной группы вошли представители буквально всех кругов советского народа — государственные и общественные деятели, представители науки и культуры, средств массовой информации, промышленных предприятий, работники сельского хозяйства из различных районов Советского Союза. На состоявшемся 5 июня 1958 г. собрании учредителей Общества «СССР—Япония» присутствовало 270 человек, из них 39 человек участвовало в собрании в качестве представителей коллективных членов-учредителей. Думается, что нет необходимости перечислять все эти предприятия, учреждения, организации. Достаточно сказать, что по их списку можно изучать географию Советского Союза.

Открывая собрание, заместитель Председателя Президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) Н. А. Визжилин подчеркнул, что общество имеет целью «улучшение взаимопонимания, установление, развитие и укрепление всестороннего сотрудничества между советским и японским народами». «Широкая поддержка предложения о создании ОСЯ со стороны общественности, — сказал далее Визжилин, — является убедительным подтверждением того, что советский народ искренне стремится к улучшению взаимопонимания с японским народом и установлению хороших добрососедских отношений между нашими странами — Японией и Советским Союзом — для укрепления мира на Дальнем Востоке и во всем мире». На собрании с докладом о задачах ОСЯ выступил председатель Президиума Всесоюзной торговой палаты (сейчас ТПП СССР) М. В. Нестеров. Он же зачитал ряд телеграмм, поступивших в адрес инициативной группы от различных советских организаций.

Среди многих поднимавшихся на трибуну запомнился заведующий отделом рыбной промышленности исполкома Камчатского областного Совета депутатов трудящихся Ф. Ф. Агапов. «Советский Дальний Восток, — сказал он, — богат лесом, углем, нефтью, рыбой, пушниной, то есть тем, в чем нуждается японская промышленность. В свою очередь мы могли бы покупать у Японии машины, суда и другие товары. Мы уверены в том, что создаваемое общество сделает все от него зависящее для того, чтобы дружба и всестороннее сотрудничество между японским и советским народами росли и крепились из года в год». Сейчас, через 30 лет, можно сказать, что эти пожелания Агапова претворяются в жизнь на благо народов двух стран. Заключены взаимовыгодные соглашения и контракты по разработке леса, угля, нефти на шельфе Сахалина, рыболовному промыслу.

В принятом на собрании решении выражалась уверенность в том, что создание Общества «СССР—Япония» встретит широкую поддержку со стороны советской и японской общественности и послужит интересам обоих народов и делу мира во всем мире. В тот же день состоялось заседание правления ОСЯ, на котором было избрано руководство ОСЯ и принято решение о вступлении ОСЯ в ССОД.

Так 30 лет назад было создано Общество «СССР—Япония». В его уставе записано, что оно «объединяет в своем составе советских граждан, ставящих своей целью всестороннее развитие дружбы, доверия, взаимопонимания и сотрудничества между народами Советского Союза и Японии, укрепление мира, дружбы и солидарности на-

родов». Устав определяет и конкретные задачи ОСЯ: содействие дальнейшему развитию и укреплению добрососедских отношений, взаимопонимания, доверия, дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Японии в области культурных, научных, экономических связей, в деле поддержания и укрепления всеобщего мира; ознакомление советской общественности с историей, культурой, литературой, экономикой, бытом, общественным развитием Японии; содействие ознакомлению японской общественности с историей, культурой и жизнью советского народа, с внешней и внутренней политикой Советского государства.

Как можно видеть, ОСЯ должно проводить весьма широкий, просто громадный объем работы, чтобы более или менее успешно выполнять эти задачи, должно использовать самые различные формы деятельности и, естественно, активно и плодотворно сотрудничать с другими организациями, учреждениями, ведомствами Советского Союза, как государственными, так и общественными. Также естественно и то, что ОСЯ для успешного выполнения упомянутых выше задач должно иметь хорошие контакты и связи с различными японскими организациями, ставящими перед собой аналогичные задачи.

Какую же работу проводит ОСЯ, к каким формам, видам и методам деятельности оно прибегает, чтобы выполнить эти задачи? Их определяет устав общества, в котором говорится, что ОСЯ «поддерживает и развивает связи со всеми организациями и отдельными лицами Японии, выступающими за мир и дружбу, взаимопонимание и культурное сотрудничество между советским и японским народами». Хотелось бы обратить внимание читателей на слова «со всеми организациями и отдельными лицами в Японии». Это, пожалуй, главный принцип деятельности ОСЯ. Монополии на дружбу быть не может. Когда принимался устав, в Японии существовала лишь одна массовая общественная организация, выступавшая за дружбу с советским народом — Общество «Япония—СССР» (Ниссо кёкай). Однако в 1964-1965 гг. в нем произошёл раскол и были сформированы еще две организации: Общество японо-советских связей (Ниссо корю кёкай) и Общество японо-советской дружбы (Ниссо синдзэн кёкай); затем в том же 1965 г. создается Японская ассоциация культурных связей с зарубежными странами (Нихон тайгай бунка корю кёкай). Исходя из принципа поддержания и развития связей со всеми организациями и отдельными лицами в Японии, ОСЯ и ССОД установили связи и с новыми организациями. В Советском Союзе считают, что соперничество японских организаций в развитии сотрудничества с ОСЯ и ССОД не должно выливаться в претензии какой-либо одной из них считать себя единственно правомочной представлять японское движение за дружбу с нашей страной.

В уставе о задачах ОСЯ говорится, что оно «содействует установлению и развитию дружественных контактов между общественными, научными, культурными, молодежными, женскими организациями, представителями различных профессий, деятелями науки, культуры и искусства Советского Союза и Японии». Положения этого пункта устава удаётся успешно осуществлять благодаря тому, что в его состав входят представители буквально всех массовых общественных и профессиональных организаций и учреждений Советского Союза. ОСЯ, как определено в его руководящих документах, организует обмен литературой, периодическими изданиями, произведениями искусства, фото и другими материалами. Надо сказать, что благодаря этой работе при Обществе «Япония—СССР» создана крупнейшая в Японии библиотека советской литературы, насчитывающая около 120 тыс. томов. К сожалению, мы мало, даже слишком мало получаем литературы от своих японских партнеров и испытываем определенные трудности в нашей работе по ознакомлению советских людей с жизнью японского народа.

По уставу ОСЯ оказывает содействие развитию дружественных связей между советскими и японскими городами, активно участвует в мероприятиях, проводимых породненными городами, помогает в приеме делегаций и спецгрупп, посещающих города СССР в рамках дружественного обмена. Как у центрального правления ОСЯ, так и у его отделений в городах, а также у республиканских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами существует самое тесное сотрудничество с исполкомаами Советов народных депутатов городов, породненных с японскими. А таких городов с советской стороны 17, а с японской — 19. ОСЯ содействует проведению японскими организациями месячников японо-советской дружбы и фестивалей, организации выставок, общественных просмотров советских фильмов в Японии и японских — в СССР,

обмену делегациями с японскими дружественными организациями.

Поскольку Советский Союз посещает значительное число туристов из Японии, ОСЯ поддерживает тесные контакты с ВАО «Интурист», представители которого входят в состав правления общества. Практически для всех специализированных туристических групп из Японии (врачей, юристов, ученых-экономистов, учителей, воспитателей детских садов и др.) ОСЯ организует встречи и беседы по профессиям, знакомство с деятельностью представляющих для подобного рода групп профессиональный интерес советских предприятий и учреждений. Эти связи достаточно прочные. Префектуральные управления префектур Фукуи, Тоттори, Ямагути, Кагава, Симанэ, Исигава, например, совместно уже 17 лет подряд направляют в СССР «молодежные караваны дружбы» с числом участников от 220 до 270 человек, по 5-6 специализированных групп в каждом. В программах пребывания групп — и встречи по профессиям, и спортивные товарищеские встречи, и вечера дружбы. Или другой пример: ОСЯ и Японо-советское туристическое бюро (Ниссо туристо бюро) раз в два года направляют в СССР группы ученых — специалистов по советской экономике. Опять-таки ОСЯ организует для японских ученых встречи и беседы с советскими экономистами, посещение интересующих их предприятий, колхозов и т. п.

Кроме вышеперечисленного ОСЯ содействует изданию произведений японских авторов на языках народов СССР и произведений советских авторов на японском языке, оказывает помощь членам общества в изучении японского языка и содействует изучению русского языка в Японии путем обмена пособиями, взаимного направления педагогов-консультантов, приглашения на стажировку и организации конкурсов на лучшее знание языка.

Вот круг вопросов, который охватывает деятельность Общества «СССР — Япония». Свою работу оно ведет на основе ежегодно заключаемых программ и планов сотрудничества с многочисленными японскими организациями. Для примера можно взять программу сотрудничества ОСЯ с Японской ассоциацией культурных связей с зарубежными странами. В ее выполнении с советской стороны участвуют более 20 организаций, в том числе Министерство культуры, Академия наук СССР и др.

Разумеется, одно центральное правление ОСЯ не могло бы справиться с огромным объемом работы по удовлетворению интереса советских людей к жизни своего дальневосточного соседа и по ознакомлению людей доброй воли Японии с жизнью народов СССР. Центральное правление ОСЯ в своей деятельности опирается на широкий актив по всей стране, осуществляет сотрудничество с различными советскими организациями. За истекшие десятилетия во многих городах СССР были созданы отделения ОСЯ и в настоящее время число членов ОСЯ достигло полумиллиона.

Думаю, что нет необходимости рассказывать о конкретных мероприятиях, проведенных за 30 лет. Чтобы убедиться в том, что наше общество активно действует, достаточно будет, как мне кажется, вкратце обрисовать, что ОСЯ делало в течение прошедшего года. В советско-японских межгосударственных отношениях были и спады, и подъемы. Но характерно, что когда в межгосударственных отношениях между нашими странами — не по вине советской стороны — сгущались тучи, участники движения за дружбу как в СССР, так и в Японии, как правило, активизировали свою деятельность. Вот и теперь в противовес измышлениям об «угрозе с севера», кампании «шпиономании», последним выражением которой было инспирированное Вашингтоном так называемое «дело Тосиба кикай», выдвижению претензий на советские территории, сторонники укрепления и дальнейшего развития добрососедских отношений между двумя странами продолжают свою конструктивную плодотворную работу. Более того, простые люди в Японии начали осознавать, что «народная дипломатия» способна воздействовать на правящие круги Японии, подталкивать их на курс добрососедства с СССР. Это ободряет участников движения за дружбу и мир, ведет к активизации их усилий. Прошлый год в этом отношении был характерным. Обширной и разнообразной была программа культурного обмена. В Японию на гастроли выезжали 6 художественных коллективов, проведены кинофестиваль, различные художественные выставки, состоялись встречи и симпозиумы, посвященные 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

В Советском Союзе ОСЯ совместно с ССОД и другими организациями приняло японские хоровые и самодеятельные художественные коллективы, которые выступали в Москве и Ленинграде, Ташкенте и Киеве. Москвичи в прошлом году смогли вновь

встретиться с театром «Кабуки». Жители многих других городов страны познакомились с различными гранями японской национальной культуры: чайной церемонией, шедеврами каллиграфии и картин в стиле «укиёэ». В результате сотрудничества ОСЯ и Хоккайдоского Дома японо-советской дружбы и культуры, и между артистами балетной труппы Х. Одзава и Новосибирского академического театра оперы и балета был поставлен балетный спектакль «Вечный мир», показанный в Хабаровске и Иркутске. В прошлом году состоялись дни породненных городов, например Хиросимы и Волгограда, и многие, многие другие мероприятия.

В составе специализированных туристских групп — а их было почти 40 — СССР посетило более полутора тысяч человек.

Члены ОСЯ и японских обществ дружбы с Советским Союзом ясно осознают, что дружба может развиваться и крепнуть только в условиях мира. Поэтому большое место в работе ОСЯ занимают проводимые совместно мероприятия антивоенного, антиядерного характера. В прошлом году с 1 по 10 августа в Хабаровске, Бресте, Минске и Ленинграде состоялась очередная, шестая по счету, антивоенная встреча представителей советской и японской общественности. Главным ее мероприятием стал массовый антивоенный митинг в мемориале «Брестская крепость». С советской стороны в нем участвовало 30 тыс. человек. В этой антивоенной акции впервые приняли участие представители общественности ГДР и ПНР.

Большое значение для развития всесторонних связей, создания атмосферы доверия и взаимопонимания между народами Советского Союза и Японии, укрепления дружбы и мира на Дальнем Востоке имеют региональные встречи представителей общественности советского Дальнего Востока и острова Хоккайдо. Состоялось уже три таких встречи. Последняя проходила с 1 по 6 сентября прошлого года в Хабаровске под девизом: «За дружбу, добрососедство и сотрудничество на Дальнем Востоке».

Характерной особенностью советско-японских общественных связей, в которых ОСЯ принимает самое деятельное участие, стало развитие политического диалога между общественностью двух стран по широкому спектру советско-японских отношений. Этот политический диалог активно осуществляется не только на региональных встречах, но и на так называемых конференциях «круглого стола» представителей советской и японской общественности, проходящих под девизом «Дружба и добрососедство — единственный путь достижения мира и взаимопонимания между СССР и Японией». Эти конференции проводятся раз в два года поочередно в Токио и Москве. Состоялось уже 5 таких конференций.

Как на региональных дальневосточных встречах, так и на конференциях «круглого стола» дискуссии подчас бывают весьма жаркими и наблюдаются различия в подходах к некоторым вопросам. Однако в главном — в необходимости обеспечения мира и стабильности, всеобщей безопасности на Дальнем Востоке и в АТР, в необходимости развития всестороннего сотрудничества, углубления взаимопонимания и доверия, укрепления дружбы между народами двух стран участники этих конференций и встреч единомышленны.

Хорошие условия для достижения этих благородных целей создает социально-экономическая перестройка, происходящая в настоящее время в Советском Союзе. Она охватывает также и сферу внешних связей, в том числе культурных, научных, торгово-экономических, спортивных и других с зарубежными странами. Благодаря деятельности ОСЯ и аналогичных организаций в Японии широкие круги японской общественности начинают понимать сущность и цели происходящих в СССР преобразований, те перспективы и возможности, которые они открывают для расширения контактов и обменов между народами наших стран. И в деятельности нашего Общества имеются еще недостатки и неиспользованные резервы. Например, в движение за советско-японскую дружбу еще недостаточно активно вовлекается рабочая и студенческая молодежь, недостаточны усилия нашего Общества по налаживанию прямых контактов и обменов между советскими и японскими вузами, школами, медицинскими учреждениями, спортивными клубами. Происходящая в СССР перестройка открывает новые возможности для расширения таких связей и обменов. Члены Общества «СССР-Япония», отмечающие в нынешнем году 30-летие его создания, будут и далее делать все от них зависящее для развития и укрепления дружбы между народами наших стран.

Южная Корея: «экономическое чудо» и продолжающаяся политическая конфронтация

В. И. ОСИПОВ

Западные пропагандисты любят говорить и писать о южнокорейском «экономическом чуде». Действительно, в 80-е гг. Южная Корея заняла одно из ведущих мест среди так называемых «новых индустриальных стран». Ее экономика, ориентированная в основном на экспорт, стала в ряде отраслей настолько конкурентоспособной, что вызывает беспокойство американских и японских производителей.

Южнокорейская автомобильная промышленность, судостроение, радиоэлектроника (видеомагнитофоны и цветные телевизоры) успешно конкурируют с японскими и американскими аналогами. На протяжении последних лет Южная Корея превратилась в единственное развивающееся государство, ставшее производителем автомобилей и полупроводников мирового класса. Южнокорейские автомобили все успешнее конкурируют на рынках Северной Америки. В 1987 г. их экспорт составил 300 тыс. (в 1983 г. — всего 16 тыс.).

Производя конкурентоспособную продукцию, Южная Корея постоянно увеличивает свой экспорт. В настоящее время она превратилась в одного из крупнейших экспортеров в мире. Южнокорейский экспорт в 80-е гг. рос очень быстрыми темпами. В 1964 г. экспорт Южной Кореи составлял всего 100 млн. долл. Через 21 год — в 1985 г. — он достиг 30,2 млрд. долл., в 1987 г. — 46,9 млрд. долл., а в 1988 г. планируется увеличить его до 52 млрд. долл. Среди 500 ведущих корпораций мира, которые известны своими многомиллиардными оборотами, 10 — южнокорейских. Сеульская администрация поставила задачу к концу XX в. ввести Южную Корею в число первых десяти стран мира по объему торговли (сейчас она по этому показателю занимает 13-е место).

Прогнозы свидетельствуют о том, что в предстоящие 10—15 лет Южная Корея сохранит высокие темпы развития. К 2000 г., по оценке зарубежных экономистов, разрыв в уровнях развития Южной Кореи и Японии сократится с 12—15 до 6—9 лет, а внешнеторговый оборот приблизится к нынешнему уровню японской внешней торговли.

Промышленность Южной Кореи находится в большой зависимости от транснациональных корпораций, прежде всего японских и американских. В 1987 г. около 40 % всех иностранных капиталовложений приходилось на фирмы Японии и 30 % — на фирмы США. Япония является основным кредитором, инвеститором и торговым партнером Южной Кореи. Японский капитал имеет очень сильные позиции на юге Корейского полуострова, контролируя химическую, алюминиевую и стекольную промышленность, 80 % производства стального проката и холодильников, 50 % цементной промышленности.

Соединенные Штаты поддерживают тесные экономические связи с Южной Кореей. Достаточно сказать, что 35 % южнокорейского экспорта приходится на США. В товарообороте Соединенных Штатов Сеул занимает 7-е место, имея на протяжении последних нескольких лет активное сальдо: в 1985 г. — 4 млрд. долл., в 1986 г. — почти 8 млрд. долл., в 1987 г. — 10 млрд. долл. Министерство торговли США, исследовавшее структуру двусторонней торговли, пришло к выводу, что южнокорей-

ские автомобили, телевизоры, стальной лист, текстиль, обувь продаются по демпинговым ценам. Характерно, например, что цветные телевизоры, производимые южнокорейцами, пользуются большим спросом в США. Южная Корея имеет в Соединенных Штатах свои заводы, которые выпускают 1,8 млн. цветных телевизоров, что составляет 12 % всех потребностей США. Хронический дефицит в торговле с Южной Кореей вызывает раздражение американских законодателей. В октябре 1984 г. конгресс США ввел ограничения на импорт южнокорейских товаров — стали, цветных телевизоров, текстиля, обуви.

Торговые взаимоотношения не раз обсуждались на правительственном уровне, в том числе между Рейганом и Чон Ду Хваном. Однако стороны так и не смогли достигнуть взаимоприемлемых договоренностей. Дефицит США в торговле с Южной Кореей продолжает увеличиваться. Американские официальные лица требуют, чтобы Южная Корея «открыла» свою экономику, сняла торговые барьеры. Но Сеул не спешит удовлетворять эти требования. Южнокорейские бизнесмены утверждают, что активное сальдо в торговле с США составляет лишь 4 % общего дефицита американского торгового баланса, а на Японию приходится 35 %. «В США, — говорят южные корейцы, — мы конкурируем с японскими, а не с американскими товарами».

Новый глава сеульской администрации Ро Дэ У обещал достичь компромисса с Соединенными Штатами, призвав к соблюдению «принципа свободной торговли».

Торгово-экономические связи между Южной Кореей и Японией характеризуются стремлением Токио привязать Сеул к своей экономической структуре, перенести на Юг трудоемкие и экологически вредные производства. Во взаимной торговле с Японией Юг имеет хронический дефицит: в 1985 г. — 3 млрд. долл., в 1986 г. — 5,4 млрд. долл., в 1987 г. — 5,1 млрд. долл. С момента нормализации двусторонних отношений (1965) дефицит в торговле Южной Кореей с Японией в общей сложности составил свыше 38 млрд. долл. С японской стороны не раз давались заверения «выравнить» торговый баланс, однако все остается по-прежнему. Ро Дэ У неоднократно призывал Токио «устранить дисгармонию» в торговле, но там делают вид, что не слышат призывов из Сеула.

Экономическая зависимость Южной Кореей влечет за собой и зависимость от современных научно-экономических разработок корпораций США и Японии. В 1985 г. свыше 50 % новейших технологий было закуплено в Японии и 25 % — в США³.

Благодаря постоянному притоку иностранного капитала, главным образом из США и Японии, Южной Корее удается поддерживать сравнительно высокие темпы промышленного производства. За последние 20 лет ежегодные темпы экономического роста составляли около 8 %, а в 1987 г. — 12,2 %.

Иностранная помощь обеспечила довольно быстрый рост валового национального продукта (ВНП). В 1980 г. ВНП составил 56,5 млрд. долл., в 1987 г. — 120 млрд. долл.⁴ Однако основную часть ВНП (64 %) производят 10 ведущих компаний, и в первую очередь «Хёнде», «Дэву», «Самсон», «Лаки голд стар» и др. Эти компании охватывают производство стали, судостроение, сооружение атомных электростанций, нефтеразведку, судоходство, текстильную и деревообрабатывающую промышленность.

Устойчивыми темпами увеличивался и национальный доход: в 1984 г. — на 8,6 %, в 1985 г. — на 5,2, в 1986 г. — на 12,2, в 1987 г. — на 10,9 %. Доход на душу населения в 1986 г. составил 2300 долл., а в 1987 г. — 2850 долл. (в 1965 г. всего 120 долл.)⁵. Однако увеличение национального дохода не дает реальных сдвигов в уровне жизни трудовых слоев населения, так как он перераспределяется таким образом, что не дает реальных сдвигов в уровне жизни трудовых слоев населения. Это вынужден был косвенно признать и новый президент Ро Дэ У. «Действительно, — говорил он в 1987 г. в ходе предвыборной кампании, — прежде правительство вставало на сторону управления компаний. Но теперь оно должно встать на сторону рабочих, чтобы компенсировать жертвы, принесенные ими ради экономических достижений страны».

Существенная часть экономического потенциала Южной Кореей используется на военные цели. Милитаристские программы сеульских властей значительны. Если в 1970 г. на военные нужды выделялось чуть более 300 млн. долл., то в 1988 г. — свыше 7 млрд. долл.⁶

Военно-промышленный комплекс Южной Кореей, созданный при содействии Соеди-

ненных Штатов, в 80-е гг. настолько окреп, что стал оказывать заметное влияние на политику властей внутри страны и за рубежом. Фактически произошло сращивание военной верхушки с ведущими монополистическими объединениями. Южнокорейские концерны, по мнению военных экспертов, стали одними из крупных производителей вооружений в мире. К середине 80-х гг. Южная Корея обеспечивала за счет собственного производства 70 % потребностей в оружии и боевой технике. Значительная часть вооружения представляет собой точную копию американских образцов. В настоящее время в Южной Корее производятся танки, ракеты, военные корабли, средства связи, боеприпасы, налажена сборка вертолетов и самолетов-истребителей Ф-5А.

Южнокорейский режим приступил к экспорту боевой техники и вооружений. Так, только за пять лет, с 1975 по 1980 г., экспорт оружия, главным образом боеприпасов, составил 400 млн. долл.

По мнению западных специалистов, военный потенциал Южной Кореи уже сейчас превосходит потенциал КНДР. Лидеры южнокорейского режима и сами не скрывают этого. Так, Чон Ду Хван не раз похвалялся, что его армия является одной из «самых современных боевых сил в мире» и может «самостоятельно разгромить Север». Сеул планирует к 90-м гг. избавиться от американской зависимости в военном отношении. Министр обороны Южной Кореи Чон Хо Ен считает, что к этому времени отпадет необходимость в обеспечении южнокорейских вооруженных сил американским командованием.

Прилив иностранного капитала увеличил внешний долг Южной Кореи, который с 1982 г. (37,3 млрд. долл.) вырос к 1985 г. почти на 8 млрд. долл. В 1987 г. он сократился до 35,5 млрд. долл. По размеру задолженности Юг занимает 4 место в мире⁶. Сеул тем не менее остается платежеспособным (в 1981 г. выплачено 3,7 млрд. долл., в 1984 г. — 3,3 млрд. долл., в 1986 г. — 2,5 млрд. долл.)⁹.

Одной из главных, после иностранных, прежде всего американских и японских инъекций, причин «экономического чуда» Южной Кореи является нещадная эксплуатация рабочего класса. Продолжительность рабочей недели составляет 53 часа. 9,5 % рабочей силы, в основном женщин, занятых на предприятиях текстильной промышленности, работая в тяжелейших условиях, получают мизерную зарплату — 26 долл. в неделю (в 3 раза меньше, чем мужчины). По свидетельству американских журналистов, южные корейцы живут в «спартанских» условиях, в грязных лачугах, которые называют «ульями» (площадь семь на семь футов). Рабочие спят по трое в таких домиках. В то же время бизнесмены тратят огромные деньги на обеды в дорогих ресторанах, работают в роскошных кабинетах, напоминающих банковские дома Лондона XIX в. Правительственные чиновники, отражающие интересы крупных корпораций, не стесняясь заявляют: «В любой стране, находящейся на стадии развития, рабочим приходится идти на жертвы»¹⁰.

«Экономическое чудо» зиждется на эксплуатации дешевой рабочей силы. В Южной Кореи затраты на рабочую силу при производстве, например, одной метрической тонны стали составляют всего 32 долл., тогда как в Японии эта цифра равняется 32 долл., а в США — 164 долл. Издержки на рабочую силу в автомобильной промышленности Южной Кореи составляют всего 3 долл. в час против 18 долл. в Японии и 24 долл. в США. Южнокорейские инженеры получают в пять раз меньшую зарплату, чем их коллеги в Соединенных Штатах.

Рост южнокорейской экономики в 80-е гг. обусловлен также рядом других факторов: во-первых, низкими ценами на импортируемую нефть; во-вторых, сравнительно невысокими процентными ставками в мировом масштабе; в-третьих, слабой по отношению к японской иене валютной единицей. Южнокорейская вона весьма приблизительно привязана к мировым валютам. Когда курс доллара по отношению к иене понизился, то курс воны тоже снизился. С сентября 1985 г. вона «подешвела» приблизительно на 40 % по отношению к иене, что обеспечило Южной Корее большое преимущество над Японией на американском рынке. В результате Сеул извлек максимум выгоды, направив 40 % своего экспорта в Соединенные Штаты.

«Экономическое чудо» не принесло благополучия трудящимся. Недовольные своим материальным положением, южнокорейские рабочие все более активно становятся на путь борьбы против правительственной политики жесткой эксплуатации, требуют увеличения заработной платы, введения 48-часовой рабочей недели, равной оплаты труда

мужчин и женщин. По официальным данным, в 1982 г. состоялось 168 «диких» забастовок, в 1983 г.— 187, в 1985 г.— 265, в 1986 г.— свыше 300. Летом 1987 г. сотни тысяч рабочих транспорта, автомобильной, судостроительной и горнорудной промышленности приняли участие в стачках. По оценкам экономистов, в ходе этих выступлений хозяйству Южной Кореи был нанесен ущерб, оцениваемый в 700 млн. долл.¹¹ Движение рабочего класса за улучшение своего материального положения сопровождалось требованиями политического характера — права на создание свободных профсоюзов, демократизации общественной жизни, ликвидации диктаторского режима, вывода американских войск. Правительство жестоко подавляло выступления рабочих, громило их организации. Только в 1986 г. была запрещена деятельность 14, как объявило министерство труда, «левых рабочих организаций»¹².

Южнокорейское «экономическое чудо» во второй половине 80-х гг. столкнулось с широким антидиктаторским движением, в которое включились городская мелкая и средняя буржуазия, студенчество и религиозные круги. В 1987 г. к движению примкнула часть рабочего класса. Наиболее активно выступала против правительства Чон Ду Хвана — ставленника военной верхушки мелкая и средняя буржуазия, которая не удовлетворена тем, что, несмотря на обладание экономическими позициями, она фактически оказалась отстраненной от власти.

Летом 1987 г. борьба оппозиционных сил против правительства Чон Ду Хвана стала настолько острой, что режим оказался на грани краха. Испуганные ростом антиправительственных выступлений, власти были вынуждены пойти на попятную. Из тюрем были освобождены более полутысячи противников антинародного режима, восстановлены в правах 2300 политических деятелей. Чон Ду Хван сложил с себя полномочия лидера правящей партии, заявив, что до истечения срока своего президентства он будет занимать нейтральную позицию в вопросах мирной передачи власти. Такой поворот событий стал результатом активного вмешательства Соединенных Штатов, которые заставили Чона капитулировать, чтобы избежать катастрофы, когда антиправительственные манифестации вступили на путь прямой конфронтации с армией, следствием этого стал «дворцовый переворот»: Ро Дэ У, отставной генерал и однокашник Чона по военной академии, был определен лидером правящей Демократической партии справедливости (ДПС). Он сделал попытку отмежеваться от репрессивной политики Чон Ду Хвана, провел чистку партийного аппарата, избавился от нескольких одиозных фигур, тесно связанных с бывшим диктатором, объявил, что согласен с требованием оппозиции о прямых выборах президента. Такие действия Ро Дэ У свидетельствовали прежде всего о том, что режим оказался в настолько трудном положении, что его представители были вынуждены пойти на компромисс.

В октябре 1987 г. в Южной Корее состоялся референдум по проекту новой конституции. Абсолютное большинство участников референдума (93,1 %) высказались в поддержку проекта Основного закона, ранее одобренного национальным собранием. Главное, чего добилась оппозиция,— это прямые выборы президента.

Победа на референдуме тем не менее не привела к укреплению оппозиционных сил. Видные противники режима Ким Ен Сам и Ким Тэ Чжун не смогли договориться о едином кандидате на президентских выборах. В результате оппозиционная Объединенная демократическая партия (ОДП) раскололась. Ким Ен Сам остался лидером ОДП, Ким Тэ Чжун создал Партию мира и демократии (ПМД). На съездах своих партий они были выдвинуты кандидатами в президенты. Сложившейся ситуацией быстро воспользовался глава правящей партии Ро Дэ У, попытавшийся убедить общественность в неспособности «двух Кимов» быть лидерами национального масштаба. Его заявление о том, что Ким Ен Сам и Ким Тэ Чжун «ставят амбиции выше национальных интересов», преследовало цель дискредитировать в глазах южных корейцев «двух Кимов» и нажить себе политический капитал накануне выборов.

Всего в предвыборную борьбу включились около десятка кандидатов, но главными претендентами на пост президента являлись руководитель ДПС Ро Дэ У, лидеры оппозиции Ким Тэ Чжун и Ким Ен Сам, а также Ким Чон Пхир, бывший премьер-министр при режиме Пак Чжон Хи. Политические программы всех четырех кандидатов носили консервативный характер. Претенденты выступали за сохранение парламентаризма, капиталистической экономики, американского военного присутствия.

Предвыборная борьба в Южной Корее проходила в напряженной обстановке. Лидеры оппозиции неоднократно указывали на вероятность подтасовок итогов голосования в пользу претендента от правящей ДПС.

В атмосфере политической напряженности 16 декабря 1987 г. состоялись президентские выборы, на которых победу одержал Ро Дэ У. За него проголосовало 8 282 738 человек, или 35,9 % участвовавших в выборах избирателей. Ким Ен Сам получил соответственно 6 337 581, или 27,5 %, Ким Тэ Чжун — 6 113 581, или 26,5 %, Ким Чон Пхир — 1 823 067, или 7,9 % голосов избирателей. На результатах голосования в решающей степени сказался раскол между «двумя Кимами», который в значительной степени способствовал победе Ро Дэ У.

Исход выборов вызвал бурную реакцию в южнокорейском обществе. В 30 населенных пунктах прошли многолюдные демонстрации протеста против, как выражались противники режима, фальсификации выборов. Крупнейшие оппозиционные партии Южной Кореи выдвинули в адрес властей обвинения в подтасовке результатов президентских выборов. По утверждениям представителей оппозиции из избирательных участков было похищено свыше двух миллионов бюллетеней, что способствовало победе кандидата правящей партии. Как писала иностранная печать, даже присутствовавшие на выборах в качестве наблюдателей сотрудники аппарата конгресса США высказались за «полное и открытое расследование итогов голосования». По их словам, оно проходило в «обстановке полицейского насилия и нарушения прав человека», имели место факты подтасовки бюллетеней, а южнокорейским военнослужащим было приказано голосовать за Ро Дэ У¹³.

Понимая сложность создавшейся в результате выборов ситуации, Ро Дэ У заявил, что уйдет с поста президента, если на референдуме, который он собирается провести после годичного срока своего президентства, большинство населения выступит против его программы установления в стране «эры демократии и стабильности». Ро Дэ У призвал к «национальной гармонии» и обещал ввести в состав правительства представителей оппозиционных сил. Такой маневр был явно направлен на то, чтобы успокоить общественность и оппозицию, стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку перед парламентскими выборами, проведение которых было назначено на 26 апреля 1988 г.

Оппозиция, а точнее «два Кима», не могла не учитывать печальных для себя итогов президентских выборов, требований общественности, которая выражала свое недовольство расколом между ними. В феврале 1988 г. две основные оппозиционные партии — ОДП и ПМД — приняли решение об организационном слиянии. Такой шаг оппозиционных партий был рассчитан на достижение успеха на парламентских выборах. Однако попытки объединить оппозицию натолкнулись на давние противоречия между ее лидерами, Ким Тэ Чжун 9 марта 1988 г. заявил о невозможности объединения до выборов в парламент. Вместе с тем он предложил, чтобы обе партии выставили совместных кандидатов. Партия Ким Ен Сама отклонила это предложение, заявив, что единственным путем для объединения оппозиции является отставка Ким Тэ Чжуна. Взаимные нападки и обвинения лишь подогревали и без того сложные взаимоотношения «двух Кимов», давая Ро Дэ У и его партии возможность использовать противоречия в лагере оппозиции в целях победы на парламентских выборах.

17 марта Ким Тэ Чжун все же объявил об отставке с поста лидера ПМД. Ким Ен Сам также покинул пост председателя ОДП. Тем самым открылась возможность для объединения двух ведущих оппозиционных партий накануне парламентских выборов. Правящий режим, со своей стороны, активно готовился к выборам в парламент. Имея большинство в тогдашнем составе Национального собрания, правящая партия протасила законопроект, предусматривающий введение такой системы малых избирательных округов, которая выгодна режиму. Несмотря на резко негативное отношение оппозиции к этой затее, голосами депутатов Национального собрания от ДПС этот законопроект был принят. В соответствии с законом 224 депутата Национального собрания должны были избираться в округах, представляющих одного кандидата, народным голосованием и 75 — на основе системы пропорционального представительства, исходя из общего числа голосов, которые получит каждая партия.

Весьма примечательна и сама процедура принятия законопроекта. Заместитель

председателя Национального собрания Чан Сун Ман буквально пробрался на трибуну под защитой охранников и попросил депутатов проголосовать по законопроекту, вызвав бурю протестов в лагере оппозиции. Депутаты от правящей партии заявили, что у них нет возражений, и законопроект был принят. Законодатели от оппозиционных партий бросились к трибуне и пытались стащить с нее заместителя председателя парламента. Однако их действия были блокированы охраной.

25 февраля 1988 г. Ро Дэ У был приведен к присяге в качестве президента Южной Кореи. Инаугурационная речь нового главы южнокорейской администрации изобиловала заверениями в том, что его правительству будет уважать свободу и демократию, стремиться к обеспечению роста благосостояния населения. «Времена, когда свобода и права человека,— утверждал Ро Дэ У,— могли быть попораны во имя национальной безопасности, прошли. Период терпимого отношения к пыткам и репрессиям закончился». По решению нового президента из тюрем были освобождены более 2000 заключенных, 1500 бывших политических заключенных вновь получили право голоса. Однако, как считает оппозиция, более тысячи человек, участвовавших в борьбе за установление демократии в Южной Корее, по-прежнему остаются в тюрьме.

Новый глава южнокорейской администрации предпринял еще один шаг, чтобы отмежеваться от политики своего предшественника Чон Ду Хвана. Ро Дэ У дал указание провести расследование финансовых махинаций брата бывшего президента Чон Гюн Хвана, который возглавлял организацию по содействию развитию сельских районов Южной Кореи. В ходе расследования вскрылись новые факты, свидетельствующие о причастности других членов семьи Чон Ду Хвана к присвоению средств этой организации. Выяснилось также, что она играла роль некоего «государства в государстве» и оказывала значительное влияние на политическую жизнь Южной Кореи. Проведенное расследование махинаций ближайшего родственника бывшего президента было призвано продемонстрировать «отсутствие» связей Ро Дэ У с прежней администрацией и повысить престиж нового лидера и его партии накануне парламентских выборов. (Спустя некоторое время разразился новый скандал: тесть бывшего президента Южной Кореи Ли Гю Кван был обвинен в коррупции и попал под арест. Ведется расследование и его махинаций.)

За несколько дней до выборов в парламент Ро Дэ У, выступая перед группой специально отобранных представителей общественности, «принес извинения» за кровавое подавление народного восстания в городе Кванджу в мае 1980 г.

В целом предвыборная кампания проходила в условиях осложнения внутривнутриполитической обстановки. 3 апреля 1988 г. произошли крупные столкновения между демонстрантами и полицией в Сеуле. В течение трех часов полицейские подразделения буквально сражались с пятью тысячами студентов сеульских учебных заведений. Это была самая крупная антиправительственная демонстрация против нового президента Ро Дэ У.

Несмотря на интенсивную избирательную кампанию, партия президента Ро Дэ У потерпела на парламентских выборах поражение, завоевав всего 125 мест. Значительно упрочила позиции в Национальном собрании ПМД — 70 мест, ОДП получила 59 мест; Новодемократическая партия (лидер Ким Чон Пхир) — 35 мест. Ро Дэ У признал поражение своей партии и обещал «уважать мнение народа».

Итоги парламентских выборов показали, что режиму предстоит нелегкая борьба за «выживание». Оппозиция, завоевав большинство в парламенте, будет стремиться продемонстрировать свою силу. У оппозиции, если она сможет преодолеть острые разногласия, есть возможность оказывать заметное влияние на политику администрации Ро Дэ У. В ближайшие годы предстоит ожесточенная борьба во внутренней жизни Южной Кореи.

Сложная внутривнутриполитическая обстановка в Южной Корее накануне проведения в Сеуле Олимпийских игр не может не вызывать озабоченности участников Олимпиады. «Нормализацию» ситуации правящие круги Юга видят в дальнейшем усилении военных приготовлений. Как заявил министр обороны О Дя Бок, южнокорейская армия будет приведена в состояние повышенной готовности «в целях обеспечения мирного проведения Олимпийских игр в Сеуле». Эту акцию он мотивировал ставшим уже банальным тезисом «угрозы с Севера». Сеул и Вашингтон договорились на время Олимпийских игр дополнительно направить военные корабли и вой-

ска США в Южную Корею. В сентябре—октябре 1988 г. будут проведены учения военных кораблей США и Южной Кореи в водах, омывающих южную часть полуострова. А в марте — мае 1988 г. на юге Корейского полуострова были проведены совместные американо-южнокорейские маневры «Тим спирит». В учениях приняли участие более 200 тыс. военнослужащих США и Южной Кореи. Американский конгресс выделил 102 млн. долл. на модернизацию военных объектов США, дислоцированных в Южной Корее¹⁴. Такие действия, естественно, осложняют и без того напряженную обстановку как в Южной Корее, так и на Корейском полуострове в целом.

* * *

«Экономическое чудо» не принесло благополучия большинству населения Южной Кореи. В стране сохраняется социальная и политическая напряженность, продолжают массовые выступления трудящихся за удовлетворение своих требований — демократических прав и свобод.

Стремясь отвлечь население от антиправительственных выступлений, власти по-прежнему эксплуатируют лозунг «коммунистической угрозы с Севера», отвергают конструктивные предложения КНДР, направленные на разрядку военно-политической напряженности на Корейском полуострове. В самой Южной Корее политическая обстановка продолжает оставаться нестабильной.

¹ См.: «Правда», 19.XI.1987.

² См.: «Мировая экономика и международные отношения», 1985, № 9, с. 23.

³ См.: «Правда», 19.XI.1987.

⁴ In: Asian Studies Center Background. The Heritage Foundation, 23.VIII.1986, p. 23.

⁵ In: Industrial Development Review. Series. The Republic of Korea (United Nations Industrial Development Organization). Dislr Limited PPD, 29, 30.III.1987, p. VIII.

⁶ In: «Korea Newsreview», 3.IX.1987, p. 9.

⁷ In: «Far Eastern Economic Review», 23—29. IX.1981, p. 39—44.

⁸ In: «Korea Newsreview», 4.I.1988, p. 11; «Korea Herald», 18.XII.1985.

⁹ In: «New York Times», 6.X.1985.

¹⁰ In: «Washington Post», 11.III.1986.

¹¹ In: «Korea Herald», 6.XI.1986.

¹² Ibid., 23.XII.1986.

¹³ In: «Japan Times», 19.XII.1987.

¹⁴ См. там же, 14.II.1988.

Л. И. КУЗЬМЕНКО

В Государственном музее искусства народов Востока прошла выставка «Китайская народная картина», сформированная на основе музейных фондов. Большинство листов, представленных в экспозиции, было отреставрировано в отделе графики Всероссийского научно-реставрационного центра имени И. Э. Грабаря по методике, разработанной заслуженным работником культуры РСФСР Е. А. Костиковой. Выставке предшествовала большая научная работа, отобраны наиболее интересные произведения. В экспозиции представлено около 170 лубков, уточнены даты создания картин, техника их написания. Перевод надписей и расшифровка сюжетов были осуществлены членом-корреспондентом АН СССР Б. Л. Рифтиным. Крупнейший специалист по изучению няньхуа профессор Ван Шуцунь (КНР) подтвердил уникальный характер ряда листов.

Еще в 30—40-е гг. XIX в. известные русские ученые В. П. Васильев и О. М. Ковалевский собрали в Китае энтографическую коллекцию для музея Казанского университета. Известный ботаник В. Л. Комаров в 1896 г. привез из маньчжурской экспедиции коллекцию лубков и показал ее русскому зрителю. Но первым, кто планомерно начал изучать китайскую народную картину, был выдающийся русский синолог, академик В. М. Алексеев. Коллекцию, собранную им в нескольких экспедициях в Китай начала XX в., сейчас хранят Государственный Эрмитаж и Музей истории религии и атеизма в Ленинграде. Результатом глубоких исследований явилась его книга «Китайская народная картина» (М., 1966).

Народная ксилографическая картина — подлинно демократический вид искусства, отразивший вкусы и художественные представления самых широких слоев китайского общества. Благодаря своей дешевизне она была доступна почти каждому.

Народная картина была связана с празднованием Нового года по лунному календарю, отсюда и происходит ее китайское название — няньхуа (дословно «новогодняя картина»). Праздник Нового года совпадает в странах дальневосточного региона с наступлением весны, началом сельскохозяйственных работ. В новогодних обрядах нашел отражение дуализм восприятия мира, концепция, основанная на единстве и противоположности двух начал, сил Неба и Земли («Инь — Ян»).

Приготовление к Новому году в Китае начинались еще в конце декабря. 23-го числа 12-го месяца совершался обряд проводов бога домашнего очага Цзао-вана на небеса к Нефритовому императору Юй-ди, чтобы он мог отчитаться о делах семьи за год. Проводы сопровождалось сложными обрядами и обильными угощениями. Лубочное изображение Цзао-вана вешалось во дворе, ему мазали рот сладкой патокой, чтобы перед небесным императором он не мог сказать ничего дурного, а затем картина сжигалась, и это символизировало путешествие бога домашнего очага на небо. После этого в доме, обычно в восточном углу кухни, вывешивалась новая картина, купленная заранее. Лубки с изображением Цзао-вана обычно невелики по размерам, делались на очень тонкой дешевой бумаге, их раскраска упрощена.

На выставке можно было видеть несколько лубков с изображением Цзао-вана с супругой. В верхней части композиции нередко помещалась календарная таблица, на столе между божествами изображалась пирамидка из серебряных слитков в знак пожелания богатства семьи в Новом году. Выставлялась и ксилографическая икона с изображением самого Юй-ди с приближенными. Такие работы обычно очень тщательно подкрашиваются, нередко применяется и золотая краска. Эти листы более нарядны и дороги. Большой популярностью, особенно накануне праздника, пользовались

календари — гадательные и др. Лубки не только включались в новогодние обряды, они служили украшением жилища простых китайцев.

Ксилографические картины появляются еще в IX в. как иллюстрации к буддийским трактатам, но постепенно приобретают светский характер. Китайская ксилографическая техника использует для оттиска клише из грушевых досок с мягкой пластичной текстурой. Оттиск создавался на особой тряпичной слабопроклеенной бумаге, отличающейся предельной гигроскопичностью. Во время печати и подкрашивания некоторые краски моментально пропитывали весь лист так, что порой даже невозможно отличить лицевую сторону рисунка от обратной (это создает особые трудности при реставрации).

В каждой мастерской существовали свои приемы, свои рецепты красок, в основном растительных и минеральных. Изображения лиц персонажей прокрашивали тонкими кисточками, применяя прозрачные краски и плотные белила. Нередко употреблялись серебряная и бронзовая краски для создания особого декоративного эффекта.

В цветной гравюре использовалось несколько клише, каждое для определенной краски. Черный контур пропечатывался на листе в последнюю очередь, поэтому иногда красочный слой выходил за рамки печатного контура. А колорит лубков, созданных в технике цветной ксилографии без дополнительного подкрашивания, предельно условен и не отличается разнообразием. Такова продукция района Таохуа (Сучжоу), где раскраска велась пятью-шестью яркими открытыми тонами желтого, голубого, красного, зеленого и черного цветов.

Колорит имел и символическое значение. Например, в так называемых «траурных лубках», которые создавались в год смерти императора или наследника, преобладал черный цвет и допускалась лишь легкая подкраска лиц или отдельных деталей. На выставке экспонировался траурный лубок «На второй день Нового года по пяти дорогам везут богатства», выполненный в 20-е гг. нашего века. Художник изобразил бессмертного чиновника подлетающего к дому на самолете, из которого он бросает в дом монеты, слитки серебра и т. д. Очень интересен траурный лубок «Пять мифических государей», композиция которого включает шесть картушей различной формы, в каждом из которых заключена сцена с изображением мифических героев. В нижней правой части — мифический первопредок Фу-си, которому приписывается открытие «восьми магических триграмм» («багуа»). Лубки, которые сжигались во время обрядов, раскрашивались условно-примитивно, несколькими цветными небрежными пятнами, которые даже не совпадали с абрисом фигур и предметов.

Особой техникой и стилистикой отличаются лубки, относящиеся к шаньдунской школе. Для них характерны многофигурные композиции, в которых совмещено сразу несколько разновременных сцен на одном листе. Каждая сцена, не имеющая четких границ и переходящая одна в другую, дополняется пространственными надписями. Колорит их строится на сочетании серовато-розовых, охристых, оливковых и черных онов. Таков уникальный лубок, состоящий из двух сохранившихся листов на тему «Вновь вырезанная картина с изображением того, как Чжун Лулинь разбил Позизию Золотого Блеска». Этот сюжет представляет собой начало повествования о подвигах героев в борьбе за основание династии Тан (начало VII в.).

К уже упомянутой школе Таохуа относится ряд лубков с изображением мифологических персонажей, например Куй-сина. Он особо почитался литераторами, студентами в канун конкурсных экзаменов. В китайской мифологии Куй-син являлся помощником бога литературы Вэнь-чана, он отождествлялся с первой звездой Большой Медведицы и поэтому изображался с «ковшом Большой Медведицы» в одной руке и живописной кистью — в другой. По преданию Куй-син выдержал государственный экзамен лучше всех, но император, узнав о его безобразном демоническом облике, отказал ему в аудиенции. В отчаянии Куй-син бросился в море, но его подобрала и вынесла на берег гигантская фантастическая рыба «ао» (несколько напоминающая дракона). На картине Куй-син изображен стоящим на «ао».

Лубок на тему «Радостный праздник Дуаньян» также выполнен в мастерских Таохуа. Сюжет отражает известный праздник начала лета, который совпадал с днем летнего солнцестояния и отмечался 5-го числа 5-го месяца по лунному календарю. В этот день на реке проводились состязания «драконовых лодок». На лубке изображен огромный корабль с носовой частью в виде дракона. На корабле расположены различные мифологические персонажи. Этот сюжет был чрезвычайно популярен в

китайском изобразительном искусстве, в частности использовался в росписи фарфора. На выставке экспонировались парные вазы из музейного собрания с изображением гонок «драконовых лодок» периода Гуанский (1875—1908).

Для стилистики лубка периода позднего средневековья, несмотря на различные региональные отличия, характерны определенные общие видовые черты: упрощенный, броский язык, предельно яркий колорит (иногда с более разработанными градациями, иногда основанный на комбинации четырех-пяти красок). Лубок связан с традиционной дальневосточной живописью и заимствовал некоторые ее принципы (фрагментарность композиции, сочетание изящной линии контура с подкраской, введение в живописную часть каллиграфического текста). В искусстве народной картины одновременно и разрушались строгие академические каноны, и проявлялись свои «лубочные» закономерности. Фигуры и предметы первого и второго планов могли быть одинаковой величины, иногда же использовались элементы перспективного сокращения (под влиянием европейской живописи). Нередко при моделировке фигур художники несколько смещали акцентировку в проработке элементов. Отсюда — изменение пропорций, примитивизация черт. В то же время некоторые детали, наоборот, тщательно прописывались, и мы видим чрезмерно большие глаза, удлинненные пальчики красавиц, неестественно маленькие ножки, яркие губы сердечком — словом все то, что соотносилось с массовыми представлениями о красоте.

Тематика народной картины весьма многообразна. Наряду с религиозными лубками можно назвать символично-благопожелательные, литературно-просветительные, назидательные. Благопожелательный подтекст присутствовал обязательно всюду.

Некоторые наиболее распространенные благопожелания представляют зашифрованные изобразительные ребусы, основанные на специфике языка и иероглифической китайской письменности. В композиции включались стилизованные иероглифы, на фоне которых размещались изобразительные сюжеты. Очень распространенной была формула «фу, лу, шоу» («счастье, карьера, долголетие»), где иероглифы, соответствующие этим понятиям, дополнялись атрибутами божеств. Своеобразная картина, созданная в мастерских Тяньцзиня, посвящена двенадцатилетнему циклу. Каждый иероглиф переплетается с изображением соответствующего данному циклу животного с всадником. Сочетание лотоса и пухлых малышей образует формулу «пусть постоянно рождаются сыновья», поскольку слово «лотос» («лянь») является омонимом к слову «постоянно». Распространенный сюжет «Мальчик с карпом» расшифровывается как пожелание иметь «ученых сыновей».

Большой раздел в коллекции музея представляют литературно-театральные лубки. Так как большинство пьес являлось инсценировками знаменитых классических романов и новелл, то литературные и театральные лубки объединяются общим названием. Только на сюжеты романа Ло Гуаньчжуна (1330—1400) «Троецарствие» в Пекинской опере игралось более 120 различных пьес. На выставке были представлены следующие работы на темы «Троецарствия», повествующего о начале междоусобиц трех царств — Вэй, У и Шу (III в.): «Склон Чаньбэньпо в уезде Даньян» (гл. 41, 42), «Смотрини жениха в Храме Сладкой Росы» (это работа выполнена мастером Ван Шаотянем в печатне Ваньцинхэ в Тяньцзине), «Башня Желтого Журавля», «Лю Бэй вторично приглашает Чжугэ Ляна на службу».

Имеется в музейном собрании несколько чрезвычайно редких лубков-афиш. Одна из них изображает сцену из 95-й главы «Троецарствия» («Потеря Цветина»). Эта афиша выполнена в технике цветной ксилографии в мастерской Таохуа.

Нельзя не упомянуть об иллюстрациях к роману Цао Сюэциня «Сон в Красном тереме» («Хунлоумэн»), где рассказывается история богатой семьи Цзя, дается описание их усадьбы, утонченного досуга ее обитателей. Основной линией романа является любовь юноши Бао Юйя к своей двоюродной сестре Линь Дайюй. Лирические сцены с этими персонажами часто воспроизводились в лубках мастерских Янлюнцин, для стилистики которых характерны многофигурные композиции с изящными фигурами, сочетание оттиска и обильной подкраски от руки, разработанный колорит. Картина «Беседка Логосового Аромата» является уникальной (в Китае подобные экземпляры утеряны). На ней изображен Бао Юй, который с цветами дикой сливы направляется в беседку с поэтичным названием, чтобы поздравить Линь Дайюй с Новым годом. Интересно отметить, что прежде этот лубок хранился в виде двух отдельных фрагментов. Реставраторы умело соединили их, даже не оставив поперечного шва.

Также чрезвычайно изыскан по колориту лубок на тему «Хунлоумэн» — «Беседка Тростник-под-Снегом», в котором повествуется о том, как накануне Нового года молодые члены семьи Цзя устраивают поэтические состязания на тему зимнего пейзажа и сочиняют загадки к Новому году.

Литературно-театральные лубки бывают довольно многословны, с изображением пейзажа или интерьера с подробным перечислением деталей. Это своеобразные иллюстрации к произведениям. Но некоторые няньхуа непосредственно отражают определенную театральную сцену с условными декорациями.

Китайская опера характеризуется целым рядом особенностей. В ее постановках соединяется пантомима, акробатические элементы, танцевальные движения, речь и пение. Сцена оформлялась предельно лаконично — ставился стол или несколько стульев, которые могли заменить самые разнообразные предметы — городскую стену, холм, повозку императора и т. д. Герои играли в театральных костюмах и в условном гриме. Цвета которого символизировали характер героя и даже его сценическую судьбу. Специфика сценографии повлияла и на стилистику театрального лубка. Обычно в центре листа размещалось несколько фигур в предельно выразительных позах с экспрессивной жестикуляцией. Это как бы застывшие кульминационные сцены театральных пьес. На выставке были показаны картины в подобной стилистической манере, например «Гора Изумрудная Ширма» (по роману Ши Найяня «Речные заводи», гл. 43—45), «Огненная палица» (из цикла пьес о полководцах из рода Ян). Композиция последней отличается повышенной экспрессией.

В музее хранится уникальный лубок с изображением сцены из пьесы Ван Шифу «Западный флигель» (начало XVI в.). Сцена называется «Студент Чжан забредает в храм». Этот эпизод повествует о встрече студента Чжана и девушки Цуй Инъин в окрестностях буддийского храма, о их любви. Каждая из четырех фигур (студент, Инъин, ее служанка и буддийский монах) предельно выразительна и дана в сложном ракурсе.

Популярны в народном лубке сцены из романа У Чэньэня «Путешествие на Запад» (XVI в.), где главным героем является Царь Обезьян — Сунь Укун. На выставке был представлен уникальный лубок на тему 55-й главы романа «Пещера Лютни», в которой рассказывается о том, как монах Сюань-цзан по дороге в Индию был похищен оборотнем, принявшим облик красавицы, чтобы обольстить святого и помешать путешествию за буддийскими текстами. Сунь Укун, вступив в борьбу с оборотнем, победил его.

В XIX в. распространяется жанр городского «судебного романа», сюжеты которого широко иллюстрировались народной картиной. К числу таких относятся «истории, разобранные судьей Ши». Большой цикл включает в себя судебные казусы, решенные розорливым правителем города Кайфэна Бао Чжэном (или Бао-гуном) в XI в. Сцена из узыкальной драмы о Бао Чжэне отражена в лубке «Быт колесницу государыни». Лубок рассказывает, как император послал этого мудрого чиновника в местность Чэньчжоу, где свирепствовал голод, для раздачи зерна и расследования преступления Ма Луна, брата императрицы. Младшая сестра Ма Луна села в колесницу императрицы и попыталась задержать Бао Чжэна, а затем оклеветать его. Бао Чжэн намеренно поехал по императорской дороге и стал бить колесницу государыни, чтобы его сочли безумным и привели к императору, где он рассказал бы о преступлении Ма Луна. Сцена строится симметрично. Справа — две фигуры в одинаковых, ритмически повторяющихся позах (Ма Пу, вероятно брат Ма Луна, и сановник Ван Чао). Слева — сестра Ма Луна в «императорской» повозке, которую изображает стул, позади повозки стоит слуга. Фигура Бао Чжэна выделена композиционно, она помещена в центре. Халат на чиновнике черный с белым орнаментом. Сам Бао Чжэн изображен в каноническом черно-белом гриме, который является символом неподкупности и прозорливости (так как он умеет «отличить белое от черного»).

Большой раздел представляют няньхуа на темы мифов, легенд и преданий. Среди них лубок «Легенда о Белой Змее», в котором соединяется сразу несколько сцен. В известных мастерских Тяньцзиня был создан лубок «Полная картина единения на Небесной реке» на сюжет легенды о Волопасе и Ткачихе. Такие картины делались специально к празднику 7-го дня 7-го месяца, когда по преданию на мосту из сорок, перекинутом через Небесную реку — Млечный путь,— встречаются звезды Волопас и Ткачиха (Вега и Альтаир).

Самыми редкими являются няньхуа из серии «Божества — покровители двенадцати цветов». В нашем собрании четыре работы из этой серии. Они выполнены в Янлюцине в мастерской Айчжучжай («Кабинет Любящего Бамбук»). Знаменитая красавица Люйчжу (Зеленая Жемчужина), жившая в III в., после своей трагической гибели становится повелительницей коричневых цветов в народном пантеоне (лубок «Люйчжу — богиня-повелительница коричневых цветов»). Второй лубок из этой серии называется «Ян Юйхуань — богиня-покровительница цветов абрикоса», посвящен известной красавице, фаворитке Сюань-цзуна (712—756). После смерти она была обожествлена и признана покровительницей абрикосовых цветов. Оба лубка отличаются особенно изящной росписью, дополняющей оттиски.

В лубках отражалась повседневная жизнь китайского народа, исторические события, черты нового, которые проникали в Китай, события, связанные с восстанием «Ихэтуань» («Разгром ломбарда»). Популярны были лубки назидательного характера в духе конфуцианской традиции, например «Великодушные золовки», «Хлопоты земледельца» и др.

Значение народной китайской ксилографической картины в культуре страны поистине огромно. Она сохранила стойкие традиции, своеобразный символично-поэтический язык. Будучи демократическим видом искусства, народная картина приобщала самые широкие слои к литературно-письменной традиции, к древней истории Китая, несла просветительские функции, отражала художественные представления китайского народа.

Легендарный монастырь, или традиции ушу

А. А. ДОЛИН,
кандидат филологических наук

От автора

В нашей стране и за рубежом неуклонно растет интерес к философии, религии, литературе Китая и Японии, запечатлевшим код традиции древней, все еще не до конца изученной цивилизации. И может быть, самую большую загадку представляет тот пласт культурного наследия Востока, который ныне принято именовать классическими воинскими искусствами — ушу.

В жизни средневекового Китая воинские искусства занимали столь же значительное место, как и живопись, каллиграфия, музыка. Подобно поэзии или аранжировке цветов, воинские искусства рассматривались как манифестация мирового Пути—Дао, как область приложения физических, психических и нравственных усилий человека. Для многих тысяч мастеров, избравших ушу делом своей жизни, радение на поприще ратного ремесла становилось универсальным средством самопознания и путем самосовершенствования. В ушу нашли применение открытия даосских врачевателей и алхимиков, бонииков и психологов, заповеди буддийских патриархов и уроки выдающихся стратегов.

В незапамятные времена учение ушу разделилось на две большие ветви: даосскую, из которой произросли школы так называемого «внутреннего», или «мягкого», направления (тайцзицюань, ба гуа, син и), и буддийскую, ведущую происхождение от чаньского монастыря Шаолинь. С течением веков школы дробились и умножались, приходили новые мастера, появлялись новые арсеналы приемов, но неизменно конечной целью занятий ушу оставалось духовное восхождение человека.

На Западе первые представления об ушу (кунфу) сформировались лет двадцать назад — в первую очередь под влиянием рекламных фильмов с участием Брюса Ли. С тех пор боевики-кунфу, в основном гонконгского производства, успели заполнить экраны Америки, Европы, Азии и Австралии, а на книжный рынок было сброшено неимоверное количество самой разнообразной, большей частью крайне изкопробной, литературы по ушу.

В КНР еще сравнительно недавно предпринимались попытки задушить традиции ушу, но они разбились о стойкое сопротивление народных масс. Ныне воинские искусства объявлены национальным спортом (гошу)*. Считается, что из них устранены мистические начала и по возможности изъяты опасные боевые разделы. В стране регулярно проводятся районные и всекитайские чемпионаты ушу, которые находят широкое отражение в прессе. По разным оценкам, от ста пятидесяти до двухсот миллионов китайцев всех возрастов занимаются различными видами ушу (разумеется, на различных уровнях сложности).

Все больше внимания уделяет ушу китайское кино и телевидение. Документальные и учебные фильмы по ушу служат для КНР предметом экспорта, как и «боевики» собственного производства, такие, как киноэпопея «Монастырь Шаолинь», завоевавшая всемирное признание.

* О медицинском и спортивном аспектах гимнастики ушу см: Л. В. Щелкина, А. Г. Щелкин. О восточной физической культуре. — «Проблемы Дальнего Востока». 1986, № 4.

Академия воинских искусств

Из глубины веков пути развития ушу как искусства борьбы и науки жизни тянутся к стенам легендарного монастыря Шаолинь, слава которого в течение многих веков гремела по всему Востоку. О Шаолине сохранилось столько преданий, что их с лихвой хватило бы на увлекательную книгу, хотя в ней далеко не всегда удалось бы отличить правду от вымысла. Более трехсот шестидесяти современных школ китайского искусства рукопашного боя (цюаньшу) ведут происхождение от шаолиньского кулачного боя (шаолинь-сы-цюань), и каждая считает себя истинной преемницей традиций былых обитателей знаменитого монастыря. О Шаолине считают своим долгом упомянуть все авторы книг по теории и практике воинских искусств, хотя мало кому известна подлинная история Шаолиня и населявших его монахов-воителей*.

Монастырь Шаолинь, существующий и поныне в провинции Хэнань на севере Китая, по праву считается колыбелью «академических» воинских искусств «внешнего» стиля, одного из двух важнейших направлений ушу. Долгое время считалось, что Шаолинь уникален. Однако есть монастырь под названием Шаолинь в провинции Фуцзянь, неподалеку от города Гуанчжоу. Он был построен в середине VIII в., спустя столетия после окончания строительства первого Шаолиня в Хэнане. Оба монастыря поддерживали тесные связи. Известно, например, что в эпоху Мин (1368—1644) монах Ифа, выходец из северного Шаолиня, стал настоятелем южного филиала. Монахи фуцзяньского Шаолиня не раз участвовали в отражении набегов японских пиратов, а в конце XVII в. сражались на стороне знаменитого военачальника и морского разбойника Коксинга (Чжэн Чэньгуна) против маньчжурских завоевателей. Впоследствии монастырь был разрушен маньчжурами, и на его месте выросла новая обитель — Дуншань.

Третий монастырь под названием Шаолинь расположен также в Северном Китае, в провинции Хэбэй, на берегу озера Хунлун. Он был построен при династии Юань, в 1341 г. Есть все основания предполагать, что это был еще один филиал «центрального» Шаолиня. В провинциях Гуандун и Сычуань есть еще два небольших монастыря, носящих название Шаолинь и служивших в свое время прибежищем воинственных монахов. Может быть, и это еще не все. Не стоит забывать, что в средние века слава Шаолиня вышла далеко за пределы Среднего царства, что привело к созданию в Корее монастырей Салин, во Вьетнаме — Тхеулам, на Окинаве — Сёрин. Имя и традиции Шаолиня прочно укоренились. И все же своей немеркнущей славой Шаолинь обязан тому, первому монастырю.

В Северном Китае, к западу от древней столицы Лоян, раскинулся горный массив Хаошань. В смутные времена Троецарствия в начале III в. там нашла убежище группа буддийских монахов. Поселившись на неприступной горе Сун, они приступили к строительству монастыря-крепости, который должен был защитить братию от войск враждующих феодалов и свирепых разбойничьих банд, наводивших округу. Построив с помощью крестьян храм, обнесенный массивной каменной стеной, монахи засадили вершину горы молодыми сосенками, которые со временем стали надежным укрытием от ветров. Монастырь получил название Шаолинь — Молодой Лес.

По приглашению настоятеля Чжоу Цзина, задавшегося целью всеми доступными средствами обеспечить безопасность обители, в Шаолинь для обучения охраны прибыли два мастера воинских искусств Гунь Сувэй и Хэн Гайчжан. Спустя некоторое время братия уже имела свое небольшое, но действенное воинское формирование.

Ширились земельные владения монастыря, росли его богатства. Когда большая шайка разбойников в чаянии легкой наживы напала на Шаолинь, монахи не только отразили штурм, но и погнали нападавших до самого их логова, захватив богатую добычу. Слухи о горной твердыне, осененной благодатью, поползли по Поднебесной.

Автор благодарит А. Е. Тараса за предоставленные материалы по истории Шаолиня, частично использованные в этой работе.

В конце IV — начале V в. вся территория Северного Китая была занята кочевниками сяньби и тоба, которые, впрочем, быстро ассимилировались, перенимая ханьские (то есть собственно китайские) нравы, обычаи, верования и методы администрирования. В V в. Шаолинь был уже главным буддийским центром государства Северная Вэй. Старое здание было перестроено, монахам созданы все условия для занятий воинскими искусствами. Послушниками монастыря становились отпрыски знатных семейств. По указу императора, посетившего в 426 г. Шаолинь, были возведены новые фортификационные сооружения. Кроме того, император распорядился оставить в монастыре гарнизон для охраны, что сказалось на дальнейшей судьбе общины. Отныне монахам не нужно было дено и ношно нести караульную службу, изнурять себя разучиванием сложных приемов рукопашного боя. Погрузившись в глубины религиозной догмы, они надолго отошли от практики ушу. Почти на столет традиции монастырского рукопашного боя были преданы забвению.

Возрождение славы Шаолиня легенда связывает с именем сурового подвижника и неутомимого проповедника Бодхидхармы (по-китайски Дамо, от санскритского Дхарма). Сын индийского раджи, адепт буддийской секты йогачара, Бодхидхарма с небольшой группой единомышленников прибыл в Китай в 520 г. Не найдя общего языка с правителем государства Северная Вэй, которого он вознамерился наставить на путь истинный, индийский миссионер удалился в Шаолинь, где и прожил долгие годы в добровольном затворничестве. Девять лет, как повествует легенда, он провел под сводами грота в созерцании каменной стены, занятый процессом самопознания. Достигнув просветления, Бодхидхарма стал основателем и Первым патриархом Чань-буддизма.

Однако Первый патриарх не был сторонником пассивной аскезы. Идею о превращении монашеской схимы в упорную, направленную тренировку тела и духа он позаимствовал из индийской йоги, но перед глазами у него были и живые примеры даосских мудрецов, посвятивших весь свой век изучению тайн человеческого тела в надежде добиться бессмертия. К тому же существовали весьма веские причины, побуждавшие монахов овладеть искусством самопознания.

Во времена Бодхидхармы дороги Востока кишели странствующими монахами, которые жили в основном на подаяния и собирали порой на свои личные нужды или на нужды храма немалые суммы денег. Эти ревнители учения Будды становились легкой добычей разбойников, солдатских патрулей, а то и просто двух-трех хулиганов из ближайшей деревни. Монаху с плоской для милостыни, в которой бренчали связки медных или серебряных монет, было так же небезопасно передвигаться по дорогам Поднебесной, как старателю с мешками золотого песка где-нибудь в глухих районах Клондайка.

Разбойники, вооруженные мечом, топором или обыкновенной дубиной, нападали на одиноких путников, грабили, а при малейшем сопротивлении убивали. Если купеческие караваны обычно хорошо охранялись и безопасность их в значительной мере обеспечивалась усилиями местной администрации, то монахам надеяться было не на кого. Разбойники вообще предпочитали иметь дело с безобидными бритоголовыми пастырями, нежели со строптивыми мирянами, среди которых мог оказаться какой-нибудь непобедимый фехтовальщик или борец. Со временем, однако, положение изменилось, и многие грабители готовы были скорее встретиться с отрядом солдат, чем с одним из питомцев Шаолиня.

Изошренная система психофизического тренинга, зародившаяся в лоне Чань-буддизма, призвана была мобилизовать скрытые ресурсы человеческого организма и даровать шаолиньским монахам невиданное ранее могущество.

Конечная цель практики Чань, как и в других мистических учениях Востока и Запада, определяется постижением самого себя и слиянием с абсолютным. Однако если в ортодоксальном буддизме праведник, постигший высшую истину, разрывает цепь земных перерождений и входит в нирвану, в обитель невыразимого блаженства, то Чань призывает к другому. Достигнув посредством медитации или под действием внешнего стимула внезапного интуитивного прозрения, человек не выпадает из реальной жизни, но лишь приобретает иное видение реальности. Осознав свое место в мире, постигнув единство всего сущего, относительность добра и зла, человек обретает душевное равновесие и покой, поколебать который не в силах никакие бури и грозы. Считая, что законы жизни постигнуты, просветленный адепт Чань

отказывается от мысли об изменении этих законов: его заботит лишь правильное следование естественному ходу вещей. Когда ученик спросил чаньского наставника, в чем смысл великого Дао, тот ответил: «В повседневном здравом смысле. Когда голоден, ем, когда устал, сплю». «Но разве не все люди делают так же?» — спросил ученик. «Нет, — отвечал наставник, — большинство никогда не присутствуют в том, что они делают».

Итак, Чань призывает ощущать, переживать каждое мгновение земного бытия, воспринимать все окружающее как проявление «сущности Будды».

Предпосылкой к верному пониманию и ощущению мира служит очищение духа-разума (синь) от поверхностного жизненного опыта, плодов работы интеллекта и построенной формальной логики. На передний план здесь выступает интуитивное познание. Благодаря Недеянию (принцип, заимствованный из философии даосизма) человек избегает ненужных действий, которые могут замутить чистоту духа-разума, и таким образом приходит к состоянию антиразума (у-синь). В таком состоянии дух-разум, освобожденный от парализующих его привычных клише и пред-рассудков мышления, становится предельно восприимчив. Человек, соответственно, способен дать адекватную мгновенную реакцию на любую неожиданность — например, на внезапное нападение. Именно эта особенность психотренинга Чань и по сей день привлекает к нему мастеров воинских искусств.

Психотехника Чань содержит множество замысловатых методик перестройки интеллектуальной, духовной, а также и телесной структуры человеческого организма: темы для размышления над внешне алогичными ситуациями; диалоги с наставником, стимулирующие действия наподобие шокотерапии. Все они направлены на пробуждение высшего разума, иррационального прозрения. Символическим прообразом такого прозрения служит эпизод из жития Будды Шакьямуни. Когда Будда однажды молча показал ученикам цветок, никто не понял его. Лишь старец Маха-Кашьяпа ответил улыбкой: он понял, что Будда своим жестом хотел обозначить передачу учения «от сердца к сердцу». Истина, согласно теории Чань, всегда вне слов, ее невозможно передать в книге, ибо, пользуясь выражением Лаоцзы, «знающий не говорит, говорящий не знает».

Потому и наставник не читает проповедей ученикам, а лишь стремится направить их собственный разум на путь очищения и прозрения.

Впрочем, в чаньских монастырях, конечно, изучались и классические сутры буддийского канона, и тщательно записанные поучения патриархов, и трактаты по воинским искусствам. Книжное знание не отрицалось в целом — отрицалась лишь его решающая роль в достижении прозрения. Путь к прозрению в философии Чань лежит через Созерцание и Действие. Созерцание природы, людей и себя самого. Действие... Оно может быть любого характера: поэзия, живопись, скульптура, каллиграфия, садоводство, воинские искусства. Важно лишь чтобы осознание своего Пути было достигнуто интуитивным прозрением и сохраняло силу на весь срок человеческой жизни.

Чань-буддизм выработал принципы естественной саморегуляции, позволяющей человеку спонтанно выбрать оптимальный вариант действия — в смертельном поединке или в банальной жизненной коллизии. Чаньский психофизический тренинг направлен на стопроцентную мобилизацию возможностей человеческого мозга, на резкое обострение всех пяти чувств, на улучшение таких психических процессов, как память, образные представления, мышление. Как и в даосизме, который вошел органической составной частью в культуру Чань, целью всей чаньской практики является пробуждение естественного начала в человеке, снятие многочисленных психических стопоров, привнесенных цивилизацией.

Патриархи Чань упорно отрицали трудности на пути к прозрению, утверждая, что оно доступно всякому, кто искренне верит в свою «природу Будды», доверяет естеству и следует его велениям. Как говорил один из основоположников чань-буддизма, «человек, который зрит свою истинную природу, свободен всегда и везде, в любой ситуации... Он действует в соответствии с ситуацией и отвечает в соответствии с вопросом».

Многие чаньские авторитеты не признавали необходимости медитации или иных видов специального тренинга для достижения прозрения, другие настаивали на по-

добном тренинге. Практиковали же его, вероятно, все без исключения, хотя и в различных формах.

Психофизический тренинг был единственным реальным путем к осуществлению конкретных задач человеческой деятельности, на которую проецировалась чаньская философия жизни и которая, безусловно, требовала силы воли, твердости характера, способности принимать правильные решения. А поэтому одного лишь метафизического «прорыва» в область бессознательного ради достижения блаженной эйфории для адепта Чань было явно недостаточно. Если любой человек в чаньской образной системе выступает художником собственной жизни, то такой художник должен иметь хорошую профессиональную подготовку, иначе картина его останется жалким дилетантством.

Задачи чаньского психотренинга сводятся к осознанию Великой пустоты, достижению состояния отрешенности, к слиянию с мирозданием, к постижению нераздельности, недualности бытия и относительности субъективных оценок, к взаимопроникновению субъекта (человека) и объекта, на который направлено его размышление или действие.

В ушу, например, понятие нерасчлененности субъекта и объекта играет важнейшую роль. Своего противника боец воспринимает как часть и дополнение самого себя, как женское начало *инь*, не существующее без мужского начала *ян*. При помощи специальной психотехники он подстраивается к действиям противника-партнера, используя каждый его промах, замечая все уязвимые места, подобно воде, заполняющей каждую выемку в камне.

То же сознание нерасчлененности, достигнутое путем самовнушения, позволяет мастерам воинских искусств совершать сверхчеловеческие на первый взгляд деяния. «Дух рассекает камни», — гласит девиз, извлеченный из старинной китайской легенды. В незапамятные времена жил некий лучник. Днем и ночью он упражнялся в стрельбе из лука и снискал славу великого стрелка. Однажды темной осенней ночью мастер, как всегда, тренировался в своем искусстве посреди безмолвия горного леса. Внезапно на утесе шевельнулась тень, и в лунном свете мелькнул силуэт замершего перед прыжком тигра. Мастер мгновенно наложил стрелу и спустил тетиву, метаясь тигру в голову. Лес по-прежнему молчал. Мастер вернулся домой, а на следующий день отправился за шкурой, но тигра не нашел. Присмотревшись, он увидел свою стрелу, глубоко вонзившуюся в каменную толщу утеса. Тигра не было, стрелку лишь показалось, что во тьме прячется хищник, но его дух, все его жизненные силы, вся энергия сосредоточились на острие стрелы, которая пронзила камень, словно глаз зверя.

Искусство концентрации, мобилизации воли и жизненной энергии, разработанное теоретиками даосской йоги и чаньскими патриархами, стало незаменимым подспорьем для мастеров ушу.

На протяжении VI—IX вв. центром обучения военно-прикладному искусству цюаньшу оставалась монастырская школа Шаолиня, имевшая филиалы при нескольких чаньских храмах в разных частях страны. Преемники Бодхидхармы непрерывно совершенствовали познания, полученные от первого патриарха не только в области философской теории, но и в области боевой практики. Из любительской гимнастики с оборонительным уклоном упражнения ушу превратились в особого вида профессиональный спорт. В жизни монашеской общины все больше внимания уделялось вопросам укрепления тела, направленного на очищение духа: скоростно-силовой подготовке, общей закалке организма, тщательной отработке приемов.

Уже во времена Бодхидхармы, как свидетельствуют китайские историки, в Шаолине появились профессиональные преподаватели воинских искусств, среди которых выделяется мастер Дяо. Несколько позже, в начале VII в., близ монастыря поселился чаньский отшельник Юаньгуй, которому, по преданию, удалось обратить в буддизм духа—покровителя горы Суншань. Юаньгуй также практиковал борьбу без оружия.

После исхода Бодхидхармы в 529 г. монастырь Шаолинь продолжал благоденствовать. Учение Чань завоевывало все больше сторонников среди придворной знати и простого народа. Толпы послушников устремлялись в святую обитель не без тайной надежды овладеть, помимо книжной премудрости, секретами рукопаш-

ного боя. Среди новообращенных оказался и бывший предводитель отряда наемников Мэн Чжан по прозвищу Рыжий Лис. Решив пересидеть за крепкими стенами смутные времена, он усердно изучал сутры и столь же усердно орудовал кулаками, завоевывая авторитет. Вскоре брат Мэн был избран настоятелем, что принесло Шаолиню немало выгод.

Ненасытный Мэн Чжан сумел убедить монахов, что залог процветания монастыря в его богатстве. Отряды монахов и монастырских стражей не только взымали с крестьян тяжкие налоги, но и брали огромные пошлины с проезжих купцов, заставляли окрестных феодалов жертвовать крупные суммы на алтарь Будды. За тридцать лет правления Мэн Чжана сокровищница монастыря значительно пополнилась, а моральные устои его обитателей заметно пошатнулись. Впрочем, тот же Мэн Чжан, стремившийся не допустить в общину чужаков, ввел строжайшую систему приема послушников. Он же установил жесткую иерархическую систему подчинения младших старшим не только в процессе обучения, но и во всех житейских делах.

Не желая ни в чем зависеть от светских властей, Мэн Чжан со временем отказался от помощи солдат гарнизона и сформировал ударный отряд из монастырской братии. Памятуя о своем военном прошлом, он успешно обходил буддийский запрет на пролитие крови.

Приняв на себя обязанности защищать от разбойников жителей окрестных селений (получая за труды немалую мзду), питомцы Шаолиня уничтожили все окрестные шайки и установили свои порядки. Они добились от властей разрешения взимать с крестьян налоги и недоимки, сдавая в казну лишь малую толику полученного.

Однако внутри монастыря не все было благополучно. Борьба за престиж привела к расколу на две враждующие группировки. В 612 г. одна фракция вынуждена была покинуть монастырь, и подосланные ею лазутчики подожгли сокровищницу. Согласно легенде, погибло множество драгоценных тканей, свитков, рукописей, но все реликвии, относившиеся к Бодхидхарме, уцелели. Окончательно уверовав в то, что Шаолинь осенен благодатью свыше, народ не скупился на жертвования. К этому периоду относится и создание знаменитых фресок с изображением монахов, занимающихся кулачным боем, которые можно и поныне видеть в одном из залов Шаолиня.

Любопытно, что на фресках среди борющихся монахов встречаются не китайские этнические типы — с удлиненными носами и темной кожей. Так, согласно канону, принято было изображать индийцев. Вероятно, художники увековечили память первых наставников ушу, пришедших в монастырь вместе с Бодхидхармой.

Необыкновенные способности воспитанников Шаолиня нашли достойное применение на поле брани. Основатель династии Тан (618—907) император Гаоцзу, прослышав о мастерах Шаолиня, решил воспользоваться их помощью в борьбе с претендентами на престол. Он обратился к настоятелю с просьбой предоставить отряд монахов в распоряжение действующей армии. Несмотря на формальное запрещение носить оружие и проливать кровь ближнего, монахам, видимо, было полезно и приятно выказать лояльность законному государю столь благородным способом. Монастырская дружина численностью около ста человек присоединилась к императорской гвардии и отправилась в поход против самозванца Ван Шичуна. В период кампании, продолжавшейся несколько месяцев и окончившейся полной победой танского императора, войны в рясах, появляясь на самых опасных участках, вклинивались в ряды вражеской пехоты и прокладывали путь главным силам. Вооруженные лишь тяжелыми деревянными или железными посохами, дружинники Шаолиня были непобедимы в рукопашном бою. Силою, мужеством и презрением к смерти удваивали их силы. После воцарения новой династии слава о школе воинских искусств Шаолиня гремела по всему Китаю, но секреты ушу по-прежнему оставались достоянием избранных.

Составленный в те годы трактат по искусству кулачного боя «Цюаньцзин» хранился под семью замками за стенами монастыря. К сожалению, этот уникальный труд погиб во время пожара.

Три сына императора Гаоцзу были направлены на обучение в Шаолинь, где им предстояло совершенствоваться в воинских искусствах. Утвердившись на троне,

Гаоцзу еще раз прибегнул к помощи шаолиньских мастеров ушу. После многолетних войн Северный Китай, и в частности провинция Хэнань, страдал от засилья разбойничьих шайк и разного рода мародеров из демобилизованных солдат. Император призвал трех монахов Чжи Цао, Хуэй Яна и Тан Суна, наиболее отличившихся в период борьбы за престол, и поручил им с братией очистить окрестности от бандитов. Задание было выполнено быстро и без потерь, что способствовало укреплению репутации монастыря. Второй танский император Тайцзун (627—650), оценив заслуги монахов, пожаловал обители солидные земельные угодья. Шаолинь процветал. Тайное искусство рукопашного боя (цюаньшу) совершенствовалось год от года, приобретая все новых и новых адептов.

В так называемый период Хоу эпохи Тан (705—907) шаолиньский мастер Цзэ Хунбэй разработал своеобразный «обманный стиль», который предусматривал разного рода маневры, отвлекающие противника, — финты и трюки. Впоследствии тактика «финта» в монастырском ушу стала одним из краеугольных камней.

Что же придавало своеобразие шаолиньскому искусству рукопашного боя? Прежде всего, наиболее рациональное использование ударов, блоков, захватов и уходов в движении по прямой, а также в скручивании и сгибании корпуса, рук и ног. Всем известно, например, что на согнутой руке можно удержать больший вес, чем на вытянутой, что рычагом можно почти без усилий поднять бревно, что на блоке можно подтянуть тяжесть, намного превышающую ваш собственный вес. С размаху можно пробить рукой или ногой, скажем, лист фанеры, а без размаха — нельзя. Все эти самоочевидные факты были подвергнуты тщательному анализу, приложены к боевой практике и систематизированы, превратившись в грозное оружие. Бодхидхарма и его последователи не изобрели поначалу новой техники — они лишь попытались совместить известные приемы с философией Чань. Так, отвергая всякую агрессию, они учили вначале парировать удар противника и лишь затем наносить решающий ответный удар. Однако, в отличие от христианского непротivления, чаньская «защитная» позиция в бою не означала отказа от схватки. Наоборот, она давала возможность духовно и физически сконцентрироваться, выявить слабые места нападающего, принять наиболее надежную стойку, вовремя сманеврировать. Наступательный потенциал, которым ушу располагало в избытке, как и оборонительным, приводился в действие лишь по мере надобности, постепенно.

Очень важным аспектом монастырской практики ушу было установление глубокой личностной вневербальной связи между наставником и учениками, воспитание духа товарищества и взаимного уважения. В повседневных занятиях создавалась как бы имитация пограничной ситуации (реального боя), когда каждый должен был уметь постоять за себя и поддержать в трудную минуту товарища.

Бодхидхарма не был профессиональным наставником воинских искусств и, вероятно, владел приемами рукопашного боя лишь в той степени, которая считалась необходимой и достаточной для благовоспитанного сына раджи. Тем не менее можно предположить, что ученикам, полным дилетантам в этой области, познания патриарха в военном деле представлялись ошеломляющими. Нет ничего удивительного в том, что им нравилось чередовать унылые часы сидячей медитации (цзо чань) с более насыщенным времяпрепровождением. Совершенствование в силе и ловкости как путь к самопознанию и достижению «просветления» для здоровых молодых людей, составивших поначалу ядро шаолиньской общины, являлось одновременно путем к самоутверждению, а через посредство личного опыта — и путем к утверждению нового учения. Это, конечно, не означает, что монахи, прошедшие соответствующий курс подготовки, при каждом удобном случае, подобно раблезианскому Брату Жану, хватались за посох и избивали неприятеля, приговаривая: «Сдавайся-то ты сдавайся, а богу душу отдавай!» Но ощущение силы, физического и морального превосходства над любым реальным или предполагаемым противником, бесспорно, придавало воспитанникам Шаолиня уверенность во всех своих действиях.

На первых порах обитатели Шаолиня обучались восемнадцати элементарным приемам, составляющим минимальный комплекс самообороны. За последующие четырнадцать веков в китайском искусстве кулачного боя было разработано несколько тысяч комбинаций приемов. Многие из них зародились в лоне школы Шаолинь, но упражнения Бодхидхармы всегда оставались неотъемлемой частью программы обучения. В них, насколько можно судить по современной школе Бодхидхармы

(Дамо цюань), нашли законченное воплощение характерные особенности боевой практики Чань: концентрация — расслабление, контроль дыхания, плавность и незаметность переходов, повышенная координация движений, неослабный контроль за маневром противника, точность выполнения приема, следование специфическому ритму боя.

Введенный Бодхидхармой комплекс ушу назывался «Восемнадцать движений рук архатов», поскольку именно в таких исходных положениях были запечатлены в скульптуре и фресках Индии канонические изображения архатов буддийского пантеона. Как гласит предание, Бодхидхарма ввел и специфическую разминочную гимнастику, изложив суть ее в трактате «Об изменениях в мышцах и сухожилиях» («Ицзиньцзин»). Этот курс также включал восемнадцать основных упражнений и был рассчитан исключительно на повышение общего жизненного тонуса монахов.

Трудно сказать наверняка, почему Бодхидхарма ограничился восемнадцатью приемами, не раскрыв перед учениками всех тайн хорошо известного ему индийского рукопашного боя. Правда, может быть, больше он и сам не знал, но, скорее всего, мудрый патриарх опасался давать столь действенное оружие людям, лишь недавно приобщившимся к Чань. Возможно, он считал восемнадцать (две счастливых девятки, впоследствии составившие число канонических воинских искусств) вполне подходящим количеством приемов для начинающих, которое уже может гарантировать победу в столкновении с неискушенным мирянином. Не исключено, что здесь заложен и более глубокий смысл: учитывая креативное начало Чань, Бодхидхарма дал своим последователям стимул для дальнейших поисков, указав верное направление. Главное в том, что разработанная им система самообороны открыто противопоставила невооруженного человека вооруженному; тренированность, быстроту реакции и способность к мгновенной концентрации — физической мощи и умению орудовать мечом и копьем. В стенах Шаолиня этой «науке выживания» предстояло достигнуть новых высот, чтобы затем послужить народу, борющемуся против иноземных захватчиков.

Не говоря уже о специфике привнесенных Бодхидхармой приемов, отличия монастырской системы самообороны от светской были продиктованы рядом обстоятельств. Солдат или военачальник (а искусство кулачного боя уже с эпохи Хань в упрощенных формах практиковалось в семьях потомственных военных) почти всегда могли воспользоваться мечом, пикой, секирой, кевцом, шестопером и т. п. В бою ставка делалась главным образом на владение оружием, причем чаще всего какой-либо определенной разновидностью, например копьем с крюком или алебардой. Кулаки и пальцы могли пригодиться лишь в самом крайнем случае. Между тем монаху волей-неволей приходилось рассчитывать только на крепость рук да силу молитвы. Уставом буддийской общины монаху разрешалось иметь в личном распоряжении восемнадцать (две счастливые девятки!) предметов, в том числе плоскую для подаяния, четки, трут и прочие совершенно непригодные для боевых действий вещицы. Правда, были в этом списке посох и нож, которые, конечно, не возбранялось пускать в ход при самозащите, но преимущество перед мирянином могло дать только виртуозное владение своим телом, отличная реакция, четкая постановка удара и блока.

Принципы военной подготовки монахов основывались на результатах сверхчеловеческих по трудности упражнений, позволявших надеяться, что боец всегда сумеет отразить выпад противника и нанести смертельный ответный удар рукой или ногой. Вот почему школе Шаолиня, в отличие от светской школы кулачного боя, получавшей все более широкое распространение в армии, были свойственны прежде всего жесткость и прямолнейность движений в сочетании с предельной резкостью. Не исключался, однако, и уход с линии атаки, хотя варианты такого ухода были весьма ограниченны, если сравнивать их с практикой позднейших школ и направлений. Как правило, при уклонении от удара нога передвигалась по прямой линии в сторону, а бьющую руку нападающего встречал жесткий блок.

В Шаолине поощрялась практика ближнего боя, причем наряду с ударами отработывались и различные виды захвата кисти руки с последующим воздействием на болевые точки. В единоборстве с сильным противником большей весомой категории умело захваченный мизинец мог скорее принести победу, чем несколько серьезных ударов руками и ногами. Впоследствии в рамках монастырской школы был

разработан целый комплекс приемов, рассчитанных на захват руки.

На протяжении VI—IX вв., пока обитателям Шаолиня удавалось держать в тайне наиболее существенные элементы своего искусства, монастырская система самообороны успешно развивалась, обогащаясь за счет различных нововведений. В основном такие модификации являлись результатом изучения животного мира. Например, использование рук уже не ограничивалось ударом кулака, но включало также удары пальцами в положении птичьей лапы и резкое сжатие участков кожи (особенно в районе лица). Эта техника, возникшая в лоне школы Шаолиня, получила название «Орлиные когти» по аналогии с манерой сокола убивать свою жертву, вонзая в нее когти и разрывая, терзая тело.

* * *

Первые патриархи Шаолиня разработали монастырский устав, который затем на протяжении веков неукоснительно соблюдался в чаньских общинах. Монахи вставали в пять часов утра и в любое время года проводили два часа в медитации на открытом воздухе. Несколько наставников с бамбуковыми палками в руках ходили между рядами и ударами по плечу будили нерадивых, начинавших дремать. Вслед за медитацией шла разминка и выполнение комплекса гимнастических упражнений. Большое внимание уделялось водным процедурам и массажу. То и другое производилось в специальных павильонах.

После легкого завтрака несколько часов отводилось теоретическим занятиям: чтению сутр, религиозно-философским диспутам, практике чаньских диалогов и др.

Рукопашный бой, занимавший важное место в жизни обитателей Шаолиня, рассматривался как продолжение религиозной практики, своего рода активная медитация, ведущая к «прозрению». Через посредство строго обусловленных комплексов движений, подчиненных требованиям ритуала, перед внутренним взором монаха должно было открыться взаимодействие сил *инь* и *ян*, дающих жизненный импульс всему сущему. Для чаньского монаха было немыслимо овладение тайнами буддизма без психофизического тренинга, формирующего личность человека, его тело, дух, разум.

Занятия цюаньшу проходили во внутреннем дворе монастыря, либо под огромным двускатным навесом, прикрывавшим площадку для медитации, либо вокруг этого места. Вся братия выстраивалась рядами в определенном порядке, соответствовавшем семи рангам старшинства. Перед строем становился главный наставник воинских искусств, а рядом с ним четыре помощника, старших шифу. Ученики и учителя склонялись в ритуальном поклоне. В символическом приветствии левая ладонь, отождествляемая с охватывающей силой *инь*, накрывала правый кулак, воплощение проникающей силы *ян*. Произнеся магические заклинания-мантры, приступали к повторению знакомых приемов и разучиванию новых. Движения, объединенные в короткие «связки» и обширные комплексы (тао), выполнялись дружно и слаженно.

В полдень шли обедать в трапезную. В рационе преобладали рис, соя, кунжут, овощи, а также всевозможные полезные корни и травы. Некоторые блюда из овощей готовили так искусно, что по вкусу, запаху и внешнему виду они почти не отличались от мясных. Считалось, что вегетарианская диета не только позволяет свято соблюдать заповеди Будды, но и способствует очищению организма от шлаков, созданию идеального «сосуда» для циркуляции биоэнергии.

После краткого отдыха продолжались занятия цюаньшу, но теперь вся братия разделялась на три группы: новичков, старых мастеров и «опоясанных вервием» (символической толстой веревкой, характерным атрибутом шаолиньского монаха). Новички усердно осваивали базисные стойки и приемы, затрачивая порой месяцы и даже годы на шлифовку одного-единственного движения. Лишь спустя три года они допускались к работе с партнером в «свободном спарринге».

Обучение воинским искусствам в Шаолине зиждилось на пяти принципах, составивших впоследствии фундамент всех школ ушу:

- 1) постепенно наращивать нагрузки, не допуская срывов и травм;
- 2) заниматься усердно и непрерывно в течение всей жизни;

- 3) соблюдать умеренность в пище и не есть мяса, воздерживаться от алкоголя и распутства;
- 4) при любых обстоятельствах соблюдать спокойствие и невозмутимость, памятуя о единстве жизни и смерти;
- 5) соблюдать ритуал и следовать установленным традициям.

«Опоясанные вервием» занимались группами по четыре человека под руководством «старших братьев» — опытных наставников шифу. Они разучивали сложные комбинации приемов, применяя в схватке различные способы нападения и защиты. Старые мастера совершенствовались под присмотром главного наставника. Для них объектом изучения были «точечные касания», секретные методы дыхания и контроля «жизненной энергии» (ци).

Под вечер три группы снова объединялись, чтобы продемонстрировать друг другу и «старшим братьям» свои достижения. Ежедневная «проверка успеваемости» позволяла наставникам судить об успехах и недостатках каждого. При этом излишняя самоуверенность и бахвальство жестоко карались: вызвав хвастуна перед строем, наставник легко доказывал ему кулаком несовершенство его познаний. Личный пример в обучении решал все. Учитель, потерпев поражение в схватке с учеником, хотя и сохранял престиж, но по отношению к данному ученику уже не мог считаться учителем. Этика Шаолиня предписывала мастеру до глубокой старости оставаться в форме и уметь противопоставить опыт и силу духа боевому азарту молодых. Не случайно в истории монастыря как символ активного долголетия и непревзойденного мастерства осталось имя патриарха Линьво. Почтенный старец сумел одолеть в поединке тридцать шифу подряд, не получив ни единого удара.

Поскольку схватки проводились в полную силу, без всяких скидок на «учебные» упражнения, монахи часто получали тяжелые травмы и должны были сами лечить поверженных собратьев. Помимо традиционного медицинского канона, в их распоряжении были секретные приемы реанимации, связанные с системой «точного касания». Как и способы поражения уязвимых точек на теле, подобные приемы держались в глубочайшей тайне, порождая в народе легенды о сверхъестественных способностях шаолиньских лекарей, причастившихся к святым святым Чань-буддизма.

Вечерние часы в монастыре обычно отводились медитации, философским беседам и диспутам, но молодым не возбранялось продолжать тренировки до поздней ночи.

Различия в той или иной шаолиньских школах нередко объяснялись наметившимся к концу VII в. расколом секты Чань на северное и южное направления.

Обособление южной ветви Чань связано с именем Шестого патриарха Хуэйинэна (637—713). Его жизнь и деятельность подробно освещаются во многих источниках и окружены множеством романтических легенд. Для нас, однако, важно лишь то, что Хуэйинэн в своей «Алтарной сутре», подытожившей пространные устные наставления, сделал еще больший акцент на естественности, верности изначальной природе, отрицании книжной премудрости и необходимости какого-либо особого усилия во имя прозрения: «Тот, кто воплощает состояние саньмэй, делает это повсюду: ходит ли он, стоит, сидит или рассуждает о чем-нибудь — все это есть постоянное претворение прямоты сердца».

Длительная упорная медитация и разучивание упражнений ушу в учении южного Чань утратили свое первоначальное назначение, перестали считаться единственным путем к прозрению. В то же время последователи Хуэйинэна культивировали другие методы постижения сути вещей и собственного «я». Наставники Чань южной ветви использовали, помимо словесного поучения-парадокса, и непосредственный, вневербальный способ. Нередко для стимуляции прозрения использовался неожиданный удар палкой или зуботычина в ответ на самый невинный вопрос. Новшества преподавания философских наук нашли отражение и в монастырском ушу, где акцент переносился на умение ориентироваться в неожиданной ситуации, четко реагировать на всякий внешний раздражитель, действовать в темноте по звуку.

Чаньский патриарх Умэнь (род. 1183 г.), составитель и комментатор знаменитого сборника классических парадоксальных диалогов VII—XIII вв., приводит в пояснение такого метода весьма колоритное стихотворение:

Если ты чаньского мастера встретил в пути,
Слов понапрасну не трать, но и молча не вздумай пройти —
Дай ему в челюсть, и пусть объяснится кулак.
Истинный мастер поймет, а иной обойдется и так!

Практика замены слова действием, причем действием провокационного, агрессивного, хотя бы по форме, характера, наложила отпечаток на всю дальнейшую историю монастырского ушу.

Различия северного и южного стилей во многом были обусловлены и этнопсихологическими особенностями населения. Не зря замечательный исследователь китайского национального характера Линь Ютан отмечает, что «люди в Хэнане известны воинскими доблестями и собачьим упорством. Шаолинские мастера кулачного боя, повстанческие вожак и полководцы, становившиеся впоследствии императорами, — все эти герои средневековых авантурных романов ведут происхождение от рослых, крепких, жизнелюбивых и непритязательных северян. Между тем к югу от Янцзы исторически сформировался другой тип китайца — утонченного и изнеженного, хитрого и изворотливого в делах, трусливого на войне, готового кататься по земле и кричать «мама!» прежде, чем опустится занесенный кулак».

Видимо, чаньским наставникам в южных районах, и прежде всего в филиале Шаолиня в провинции Фуцзянь, поневоле приходилось прибегать к иным методам, нежели палочная дисциплина и доходящий до умопомрачения тренинг. Для того чтобы воспитать из юных послушников настоящих бойцов, нужно было приложить немало усилий и изобретательности.

Повсюду в Поднебесной, на юге и на севере, на востоке и западе, Чань-буддизм победно шествовал по городам и весям, привлекая все новых и новых адептов, утверждая учение Бодхидхармы в веках. Казалось, ничто не может помешать этому триумфальному маршу, ничто не может остановить притока посвященных, владеющих сокровищами духа и тела — тайным искусством ушу. С гордостью писал в «Песне прозрения» Сюаньчао, любимый ученик Шестого патриарха:

Раздается львиный рык учения о бесстрашии —
При этих звуках разрывается от ужаса мозг мелкого зверя,
И даже слон мчитя прочь, позабыв о своем достоинстве.
Лишь небесный дракон внимает им, преисполнившись радости.

Однако в конце эпохи Тан для буддизма в Китае наступили тяжелые времена. В 851 г. вспыхнуло восстание солдат и крестьян в Сычуани, в 852 г. — в Хунани. То были первые предвестники великой крестьянской войны 874—901 гг. Подавляя народные волнения, правительство обрушило удар и на буддийское духовенство, считавшееся одним из источников смуты. В течение нескольких последующих лет в стране было разрушено и сожжено 4500 больших буддийских монастырей и около сорока тысяч храмов. Не избежал общей участи и Шаолинь со всеми своими филиалами. Монахи, на время изгнания из обители, вынуждены были искать убежища среди мирян. Опасаясь преследований, многие из них сменили рясу на крестьянское платье или воинские доспехи. Гонения на буддизм вскоре прекратились, но Шаолинь уже не был прежней блестящей академией воинских искусств. Лишь несколько старых членов общины пытались поддержать угасающую традицию и сберечь секреты школы. Вырвавшись за монастырские стены, ушу все глубже проникало в жизнь народа, приобретая принципиально новый, светский характер.

(Продолжение следует)

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Изучение экономической теории социализма в Китае

Линь Цзыли. Экономическая теория социализма (об экономической реформе в Китае), т. 1, «Цзинцизи кэсюэ чубаньшэ», 1985, 477 с.

В самом конце 1985 г. в Китае был издан первый из трех томов большой исследовательской работы, посвященной изучению теории социалистической экономики с учетом особенностей проводимой в Китае реформы экономической системы. Эта книга написана для практических работников и ученых, занимающихся теорией реформы, и представляет собой аналитические материалы по социалистической экономике с использованием первых результатов экономической реформы в Китае.

По мнению автора рецензируемой работы, конец 70-х — начало 80-х гг. XX в. стали великим переломом в истории Китая, попыткой преодолеть влияние «левацких» ошибок, временем, когда китайский народ вступил на путь социалистической модернизации и реформы экономической системы (Предисловие, с. 1). В ходе модернизации возник целый ряд новых проблем, которые требуют теоретического осмысления. В целях практического осуществления реформы ее теория должна носить творческий характер.

Автор отмечает, что за 100 лет после смерти К. Маркса в мире произошли очень большие изменения, было несколько технических революций. По сравнению с той эпохой, в которую жили основоположники марксизма, значительно возрос уровень развития общественных производительных сил, а социализм из научной теории превратился в общественную практику.

В предисловии утверждается мысль о том, что для изучения сущности и законов социалистической экономики необходимо исходить из практической деятельности. По мнению автора, самым важным в марксистской теории является то, что она представляет собой методологию познания современной со-

циально-экономической жизни. В связи с этим приводится известное положение из письма Ф. Энгельса В. Зомбарту: «Но все миропонимание... Маркса — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования»¹.

Принципиальный подход автора книги заключается в том, что в области теории следует отбросить традиционные представления, не соответствующие действительности, и, используя методологию марксизма, создать научную систему, отвечающую реальной действительности, то есть разработать экономическую теорию социализма. Основой таких исследований служит практика социализма в разных странах, насчитывающая несколько десятилетий, а также опыт реформы в Китае в последние годы (Предисловие, с. 3).

Автор книги еще в начале 50-х гг. вел исследования теории и практики социализма. После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва в связи с необходимостью теоретического осмысления практики реформы и разработки цельной экономической теории социализма он активизировал эту деятельность.

Основная часть работы написана с 1979 г. по 1985 г. В первый том вошли его работы, написанные с 1979 по 1982 гг. включительно. Материалы основаны на результатах шести обследований, продолжавшихся в течение трех лет, а также на анализе различных источников. Со второй половины 1979 г. по первую половину 1981 г. автор изучал эксперимент, связанный с расширением самостоятельности предприятий в провинциях Сычуань, Аньхуэй и Чжэцзян, а также ход реформы в провинциях Гуандун и Фуцзянь, в Гуанси-Чжуанском автономном районе и в Шанхае.

Учитывая то, что реформа началась с сельского хозяйства, автор в 1981 г. переместил центр тяжести своих исследований на экономическую реформу в деревне. Он занимался изучением реформы в деревне в Нинся-Хуэйском автономном районе, в провинциях Юньнань, Гуйчжоу, Хубэй, Аньхуэй, Шаньси, Гуандун, Цзянсу и в г. Шанхае, а также работал в провинциях Хэйлунцзян, Ляонин, Хэбэй, Шэньси, Шаньдун, Чжэцзян, Хунань и Сычуань. Как видим, территориальный охват реформы автором был достаточно широк, анализ проблем и выводы основаны на большом и разнообразном фактическом материале.

С 1984 г. внимание автора переместилось на изучение проблем макроэкономики, а с 1985 г. — проблем социалистического рынка и макрорегулирования. В обследованиях вместе с автором в разное время участвовали Ма Ланьжуй, У Сян, Чэнь Цзиньюй, Цзо Фан, Дай Чэн, Чжан Чжаньган и др.

То, что работа представляет собой в основном анализ практического материала, нашло свое отражение в содержании первого тома. Структурно замысел автора отражен

в четырех крупных частях, которые охватывают все главы книги: «Введение», «Теория форм социалистической экономики», «Теория социалистической микроэкономики», «Теория социалистической макроэкономики».

Во введении изложены методологические вопросы, связанные с категорией труда (цель труда, проблема пропорционального распределения труда в обществе, диалектика производительных сил и производственных отношений), способом производства, стоимостью как центральным вопросом экономической теории и экономической практики и др.

На основе этих фундаментальных понятий построен анализ отдельных элементов социалистической экономики. Так, например, формам социалистической экономики и ее законам посвящена специальная глава. Автор рассматривает социалистическую экономику как особую форму товарной экономики (с. 28), показывая, что развитие общества от натурального хозяйства к товарной экономике является естественно-историческим процессом и что в общественном развитии нельзя перескочить через развитую товарную экономику. Он исследует механизм возникновения и развития товарной экономики (с. 33—36) и приходит к выводу, что полное развитие социалистической товарной экономики является исторической необходимостью для Китая (с. 36).

К проблеме поиска форм социалистической экономики автор обращается и в других главах работы. Так, в главе, поднимающей некоторые теоретические вопросы, возникшие в ходе экономической практики Китая, он пишет, что модернизация народного хозяйства нуждается в адекватной экономической форме (с. 121), что модернизацию можно успешно осуществить только при наличии рациональной экономической структуры (с. 124).

В главе, посвященной проблемам реформы экономической системы, автор рассматривает проблему экономической формы с учетом уровня развития производительных сил Китая и поднимает важный методологический вопрос о том, каким образом объективно и целостно определить уровень развития производительных сил в Китае в настоящее время (с. 157).

Для того чтобы острее поставить проблему поиска экономической формы, адекватной китайской действительности, Линь Цзыли посвящает специальную главу взаимосвязи и взаимодействию социалистической товарной экономики и закона стоимости, анализируя взаимное влияние закона стоимости, закона пропорционального распределения общественного труда и планирования (с. 66—82), определяя историческую роль конкуренции и закона стоимости (с. 82—90).

Раскрывая сущность реформы экономической системы в Китае, автор приходит к выводу, что в настоящее время уровень производительных сил Китая довольно низок, различается по районам, поэтому для нераз-

витой товарной экономики КНР наиболее подходящей экономической формой является сосуществование различных экономических форм при господстве общенародной и коллективной собственности (с. 159).

Проблема поиска адекватной экономической формы тесно связана с совершенствованием производственной структуры. Автор обращает внимание на то, что в современном развитии индустриального общества наблюдается непрерывный рост некоторых отраслей нематериального производства, являющийся следствием развития материального производства. Эти отрасли в свою очередь стимулируют материальное производство. Анализ роли этих отраслей, по мнению автора, является важной перспективной задачей наряду с изучением возможностей оптимального сочетания крупных, средних и мелких предприятий и рационального территориального размещения отраслей.

Значительное место отведено в рецензируемой работе вопросам микроэкономики. Автор занимался изучением эксперимента, связанного с расширением самостоятельности предприятий в провинциях Сычуань, Аньхуэй и Чжэцзян, и в отдельной главе он рассматривает изменения экономических отношений в ходе этого эксперимента, возникающие противоречия между новыми экономическими отношениями и старой хозяйственной системой (с. 92—111). В этой главе содержится интересный анализ большого фактического материала и личных наблюдений автора, а также представлены теоретические обобщения основных проблем, возникших в ходе этого эксперимента, и обоснована необходимость их дальнейшей глубокой проработки. К числу таких проблем относятся: взаимосвязь упорядочения и реформы, связь экономической реформы и стабильности в области политики, проблема рабочей силы при социализме, проблема кадров в условиях реформы, проблема цен.

Решение проблем микроэкономики, по мнению автора, будет во многом зависеть от того, удастся ли мобилизовать трудовую активность трудящихся. В одной из глав рассматривается ход обсуждения на тему «Как мобилизовать активность рабочих и служащих», проведенного газетой «Гунжэнь жибао», с комментариями и анализом автора рецензируемой книги. По его мнению, эту проблему следует изучать, начиная с производственных отношений и вплоть до общественных отношений в целом (с. 141). Автор приходит к выводу, что между предприятиями необходимо установить и развивать отношения эквивалентного обмена товарами (с. 144), а внутри предприятий следует осуществлять принцип распределения по труду (с. 148). Вместе с тем развивается тезис о том, что для решения этой проблемы необходимо урегулирование и совершенствование политической надстройки, так как трудящиеся КНР являются гражданами социалистическо-

го государства, и от того, в какой степени они могут пользоваться своими демократическими правами, в значительной степени зависит их трудовой энтузиазм (с. 152).

Вопросу реформы системы труда посвящена отдельная глава. Экономическая реформа, по мнению автора, направлена на ликвидацию уравниловки в форме «единого котла», а это непосредственно связано с реформой системы труда. Автор рассматривает вопрос соединения трудящегося со средствами производства, теорию совместного труда и его практику, раскрывая недостатки существовавшей долгое время в Китае системы труда, которая способствовала возникновению идеологии «единого котла» (с. 378). Линь Цзыли приходит к выводу, что при социализме должно существовать рациональное перемещение рабочей силы, а также возможность выбора. Поясняя свою мысль, он отмечает, что производственная единица должна иметь определенное право нанять работников, а отдельные лица — право быть нанятыми. С другой стороны, если человек не нужен, производственная единица имеет право отказать ему, а отдельные лица могут быть уволенными (с. 386—387). С этой точки зрения анализируется роль компаний трудовых услуг, которые в будущем, по мнению автора, станут более необходимыми и могут получить большое развитие (с. 390).

Автор останавливается на проблеме обеспечения занятости, анализирует причины появления значительного числа лиц, ожидающих работу, и утверждает, что это представляет собой нормальное и к тому же необходимое явление в социалистической экономике (с. 135). Данное утверждение автора достаточно дискуссионно.

С реформой системы труда тесно связана реформа системы заработной платы. Автор исследует сущность заработной платы, недостатки нынешней системы оплаты труда в Китае и направления реформы в данной области. Он считает, что разъяснение теории этого вопроса позволит преодолеть уравниловку в оплате труда, даст возможность обосновать необходимость существования дифференцированной зарплаты разных людей (с. 415). Однако автор предостерегает от упрощенного подхода к решению этого вопроса.

Вопросы оживления деятельности на микроуровне анализируются автором в главе, посвященной проведению экономического упорядочения и реформы в провинциях Гуандун, Фуцзянь, в Гуанси-Чжуанском автономном районе и в Шанхае, где внедрялись многообразные формы хозяйственного подряда и проходила испытание система ответственности за прибыли и убытки, а также в трех главах, связанных с исследованием экономических отношений системы подворной подрядной ответственности. В этих главах раскрывается сущность подворного подряда, его формы, различные точки зрения о подворных заданиях, система подрядных объединений.

Четвертая группа проблем посвящена теории макроэкономики. Линь Цзыли отмечает, что любое общество сталкивается с проблемой пропорционального распределения общественного труда, которое может быть прямым и косвенным. Под прямым распределением понимаются сознательно регулируемые пропорции, а под косвенным — стихийно регулируемые. Прямое распределение труда осуществляется в масштабах всего общества, где экономическим субъектом выступает все общество. А косвенным распределением труда выступает рыночное регулирование, в основе которого лежит действие закона стоимости. При капитализме механизмом регулирования является рынок и создается классическое рыночное регулирование.

По мнению Линь Цзыли, особенностью социалистической товарной экономики является одновременное существование рыночного и планового регулирования. Самым трудным вопросом, по мнению автора, является взаимодействие этих двух элементов в целях реализации возможности постоянного сознательного поддержания пропорций в условиях социалистической товарной экономики (с. 165).

Линь Цзыли считает, что проблему регулирования невозможно оторвать от закона пропорционального распределения общественного труда, который тесно связан с общественным спросом. А общественный спрос, по убеждению автора, лежит в основе теории регулирования, поэтому изучение вопроса следует начинать именно с изучения общественного спроса (с. 179—180).

В свете разработки теории макрорегулирования автор исследует классическое рыночное регулирование и полное плановое регулирование, связь упорядочения и реформ, проводимых в Китае, структуру потребностей и общественную форму их удовлетворения, некоторые основные пропорции народного хозяйства и их взаимосвязь, случаи нарушения пропорциональности и способы ее восстановления.

На наш взгляд, одной из наиболее важных проблем, которая поднимается в рецензируемой работе, является взаимосвязь планового и рыночного регулирования, так как именно анализ взаимодействия плана и рынка является в настоящее время одной из главных задач исследователей экономической теории социализма в разных социалистических странах. Линь Цзыли отмечает, что современное понимание плановой экономики не совсем совпадает с классической теорией марксизма. Маркс говорил о прямом распределении труда в рамках всего общества, об отсутствии товарно-денежных отношений и понятия стоимости. Нынешняя практика социализма свидетельствует о том, что невозможно в корне ликвидировать товарное производство и деньги. При социализме рабочая сила не является товаром, считает автор, однако продукты труда в виде средств производства или предметов потребления по-преж-

нему являются товарами. Работники в масштабах всего общества имеют общие интересы, но вместе с тем существуют многочисленные противоположные групповые и индивидуальные интересы. Из этого следует, что общество в состоянии сознательно контролировать экономическую деятельность, однако этот контроль не может существовать в форме прямого распределения труда в масштабах всего общества, а должен осуществляться через товарно-денежные отношения. Поэтому, по мнению автора, социалистическая экономика — это плановая экономика, в которой существует товарное производство и обмен товарами, или, другими словами, плановая товарная экономика (с. 341).

Автор убежден, что возникновение взаимодействия планового и рыночного регулирования, а также его развитие представляют собой неизбежную тенденцию нормального функционирования социалистической товарной экономики (с. 185). Раскрывая конкретные формы их взаимодействия, автор считает, что государство осуществляет директивное планирование производства небольшого числа важнейших видов продукции или хозяйственных единиц, а некоторые виды продукции в промышленности и торговле, различные услуги, продукция, поступающая на городские и сельские рынки, могут реализовываться относительно свободно в рамках существующего законодательства, испытывая минимальное непосредственное воздействие государственного планирования (с. 186).

В вопросе взаимодействия планового и рыночного регулирования главным, по мнению автора, является регулирование пропорций общественного производства. Это регулирование осуществляется через сознательное под-

держание баланса интересов в различных областях хозяйственной деятельности. Вместе с тем требуется регулирование функций, то есть регулирование доходов, которое не связано непосредственно с производственными пропорциями и направлено на координацию интересов между людьми. Связь макро- и микрорегулирования, полагает Линь Цзыли, должна осуществляться с помощью различных экономических рычагов. Он последовательно раскрывает роль таких экономических рычагов, как цены, налоги, кредит и зарплата. Поиски в области макро- и микрорегулирования впоследствии нашли свое воплощение в формуле «государственное регулирование рынка, рыночное ориентирование предприятий», закрепленной XIII съездом КПК осенью 1987 г. В рамках разработки теории макрорегулирования автор раскрывает содержание и формы планирования, вспомогательную роль рыночного регулирования, экономические функции центра и местных органов, разделение прав между ними.

Помимо основного текста, в первом томе имеется также приложение, в которое вошли теоретическая статья о методологических вопросах политэкономии социализма, написанная автором в 1957 г., а также тезисы по вопросу производственных отношений и собственности, написанные в 1961 г.

И. А. БАЛЮК

Трудный путь преобразований

Воронин А. С. Когда зацвел лотос. М., Издательство политической литературы, 1987, 287 с.

Среди обилия книг о Вьетнаме, выпущенных в СССР в последние годы, явно выделяется рецензируемая монография А. С. Воронина. Отрадно, что после публикации книг с описанием Вьетнама «на марше», появление которых в свое время было объяснимо и в известной мере закономерно, выходят книги-раздумья, со строгой и объективной оценкой происходящего в стране в наши дни.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. т. 39, с. 352.

Книга вышла в свет в переломный момент жизни Вьетнама, когда после VI съезда КПВ началась ломка сложившегося стиля руководства, происходит обновление в жизни общества, утверждается гласность. Известно, что съезд вскрыл ошибки в стратегии переходного периода. Желание форсировать строительство социализма привело в действительности к откату назад, к застойным явлениям, особенно опасным в стране с многоукладной, отсталой экономикой. Поэтому главное внимание уделено автором анализу стратегии переходного периода в СРВ, специфике процесса строительства социализма в духе решений VI съезда. А. С. Воронин рассказал простым, понятным языком о том, какие трудности встретились на начальном этапе социалистического строительства. В 70-е гг. казалось, что КПВ на IV съезде нашла верный путь строительства социализма, однако унаследованные от прошлого и вновь проявившиеся проблемы были столь сложными, а последствия допущенных ошибок столь серьезными, что на VI

съезде была предложена принципиально новая модель социально-экономической стратегии, направленной на преодоление торможения. В книге убедительно показаны новые подходы КПВ к проблеме собственности, различным экономическим укладам: вместо «силового нажима» на несоциалистические формы теперь идет поиск разумного взаимодействия с ними. Интересно описан опыт СРВ по применению семейного подряда в сельском хозяйстве, созданию кооперативных, акционерных объединений в промышленности, по использованию смешанных кооперативно-индивидуальных форм трудовой деятельности и пр.

Вьетнам одним из первых среди стран социализма начал внедрять в промышленности систему самофинансирования и самоокупаемости государственных предприятий и одним из первых испытал на себе некоторые издержки нового курса на развитие товарной экономики: рост розничных цен, неконтролируемая деятельность частного и пр.

Отмечая похвальное стремление автора аналитически подойти к происходящим во Вьетнаме социально-экономическим процессам, все-таки заметим, что приверженность к старому стилю дает себя знать: А. С. Воронин не избежал во многих разделах в целом интересной книги сухого, фрагментарного изложения директивных указаний, постановлений, голубого описательства.

Это касается и анализа «души» перестройки — реформы системы управления во Вьетнаме. Желание втиснуть как можно больше информации, данных, цифр и фактов помешало автору полнее раскрыть специфику нынешнего этапа экономической реформы, объяснить, в чем состоит суть программы нормализации экономики на 80-е гг. От многого Вьетнаму сейчас приходится отказываться, многое из опыта других стран переосмыслить с позиций опыта собственного. И вот этого-то в книге явно не хватает. Возьмем, например, основное звено вьетнамской экономики — сельское хозяйство. Сейчас приходится признать, что здесь мало что изменилось, несмотря на все предпринимаемые меры. Темпы роста в последние 2—3 года замедлились, производство продовольствия на душу населения не растет. В 1987 г. произошло сокращение производства зерна по сравнению с 1986 г. на 400 тыс. т (общее производство продовольствия в 1987 г. составило 17,8 млн. т, на 1990 г. запланирован уровень в 20—21 млн. т). По-прежнему мало направляется в сельское хозяйство капитальных вложений, возросли ножицы цен, слабо стимулируется труд кооператоров, взятых подряд. Семейный подряд на селе, не подкрепленный развитой материально-технической базой, изживает свои преимущества перед малопроизводительным кооперативным трудом. Не преодолены сложившиеся стереотипы относительно приоритетного ускорения индустриализации за счет выкачивания ресурсов из сельского хозяйства. Все эти проблемы заслуживали более углуб-

ленного подхода с позиций сегодняшнего дня.

Каким вступит Вьетнам в XXI век? «Этот вопрос,— пишет А. С. Воронин,— в той или иной форме неизменно обсуждается на страницах вьетнамской печати, возникает в беседах с друзьями, позиция которых на этот счет однозначна: Вьетнам может и должен стать мощным, процветающим социалистическим государством» (с. 139). Это перспектива, для превращения которой в реальность вьетнамскому народу предстоит сделать немало. Вьетнам стоит сейчас перед необходимостью выбора оптимальной структурной политики с соответствующей ей и нынешнему уровню обобществления системы управления. В книге в целом убедительно раскрыты ресурсы Вьетнама, которые могут быть пущены в хозяйственный оборот, позволяют определить место СРВ в международном социалистическом разделении труда. Сложность состоит в том, что эти ресурсы пока слабо изучены, а экономическая и научно-техническая стратегия до конца столетия еще не определена. То, каким вступит Вьетнам в XXI век, во многом зависит от усилий самого народа, от взвешенной, продуманной внешнеэкономической стратегии СРВ.

«Мощный фактор ускорения» — так назва на автором глава, посвященная научно-техническому прогрессу. Это один из наиболее интересных разделов книги, в котором показаны большие достижения в процессе формирования современного научно-технического потенциала Вьетнама. В отличие от экономического сотрудничества со странами СЭВ, которое во Вьетнаме сейчас признано малоэффективным, в области НТП страны социализма, взаимодействуя в основном на безвозмездной основе, сумели помочь вывести Вьетнам на передовой уровень знаний в области естественных и ряда общественных наук. Вьетнам стал активным участником Комплексной программы научно-технического прогресса.

Культурная революция — большое завоевание вьетнамского народа. В книге А. С. Воронина она всесторонне исследуется как составная часть долговременной национальной политики. Напомним, что Вьетнам — многонациональное государство, где на сравнительно небольшой территории проживает 60 народностей и этнических групп. Сложность просветительской работы состоит в культурной отсталости национальных меньшинств и народностей, населяющих Вьетнам, а также в том, что приходится преодолевать не только собственные трудности, но отражать навязываемую СРВ подрывную «психологическую войну». Поэтому достижения социализма должны быть наглядными. Для трудящихся они заключаются и в достаточном уровне удовлетворения первоочередных жизненных потребностей в жилье, питании, свободе, Человеческий фактор, обеспечение свободы личности и свободы вероисповедания поставлены во главу угла вьетнамской стратегии пе-

рехода к социализму. Усиливавшиеся в 60—70-х гг. трудности не могли не сказаться на общественных настроениях — у определенной прослойки населения пошатнулась вера в социализм. Поэтому очень важна для Вьетнама интернациональная помощь в скорейшей ликвидации этих трудностей, в выводе 60-миллионной страны на путь становления «мощного, процветающего социалистического государства». «Краеугольным камнем внешней политики СРВ,— отмечает автор,— вьетнамские коммунисты называют сотрудничество с Советским Союзом. Эти отношения являют собой яркий образец пролетарского интернационализма в действии» (с. 251).

Советско-вьетнамские отношения наполняются все более глубоким содержанием. Никогда еще не были так многогранны и объемны связи СРВ с СССР. Наши народы объединяет общий курс на перестрой-

ку и обновление, желание сделать связи эффективнее, взаимопольнее и взаимовыгоднее. Этому помогает схожесть экономических реформ, новые, более эффективные формы внешнеэкономического взаимодействия, построенные на прямых связях. Постоянными стали контакты на высшем уровне. СССР и СРВ приступили к долговременной координации экономической политики и сотрудничества.

Когда же зашел лотос? Видимо, автор имел в виду то время, когда вьетнамский народ, полный надежд и веры в счастливую жизнь, в возможность пройти трудный путь преобразований, приступил к строительству социализма в объединенном Вьетнаме.

М. Е. ТРИГУБЕНКО,
кандидат экономических наук

Книга поэтических шедевров

Строки любви и печали. Стихи китайских поэтов. Перевод, предисловие и примечания М. Басманова. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», М., 1986, 143 с.

Во все времена пером стихотворцев водила потребность поведать историю своего сердца, высказаться о своем чувстве — радостном или гибельном. Любовь к избраннице высекала искру вдохновения, и в огне вспыхнувшего пламени рождались шедевры любовной лирики. В ней находила отражение эмоциональная жизнь поэта, и она читалась как летопись его сердечных драм и увлечений. Стоит обратиться к творчеству корифеев европейской поэзии, чтобы убедиться в этом. Катулл и Петрарка, Ронсар и Гёте, Байрон и Пушкин вдохновлялись любовью к реально существующей женщине. И вся их любовная лирика, говоря словами А. Блока, — дневник, написанный стихами. Тема любви в творчестве европейских поэтов была вечной темой в ее земном, человеческом аспекте, хотя в разные эпохи и выражалась по-разному.

А какое место занимала любовная лирика на Востоке? К его духовному наследию, вызывающему сегодня у нас живой и острый интерес, относится классическая литература, в том числе лирическая поэзия, творчество таких мастеров, как арабы Рабио и Нувас, персы Хайам и Хафиз, иранец Джами, индийцы Дехлени и Видьяпати, японцы Аривару Нарихара и

Оно-но Комати, тибетец Цаньян Джамцо (шестой Далай-лама) и др.

В этом ряду не обойтись без представителей великой китайской литературы. Но была ли ей присуща любовная лирика?

Один из немногих, кто посвящает сегодня свое творчество переводам из китайской классики,— Михаил Басманов. Путь, избранный им, нелегкий, вернее сказать многотрудный, но благодарный — приобщать советского читателя к сокровищам китайской поэзии былых времен, делать их достоянием нашей духовной культуры. Его последняя работа такого рода — небольшая по объему книга «Строки любви и печали», вышедшая под редакцией Л. З. Эйдлина.

Если идти по пути типологического изучения и соотносить китайскую классическую поэзию с мировым литературным процессом, то непременно обнаружится сходство, общие, присущие любовной лирике Запада и Востока закономерности. Как писал Б. Роулэнд, «взаимно освещая друг друга, произведения делают зримыми скрытые грани соответствующих культур»¹. Но, как это ни странно, еще сравнительно недавно китайской поэзии вообще отказывали в наличии любовной темы, а если и признавали ее присутствие, то с оговоркой, что при столкновении с европейской поэзией она выглядит слишком бледно, чтобы соперничать с царившим в той культуре любовью. Больше того, о китайской поэзии писали, как о «сурово молчащей в той области, которая составляет почти исключительную пищу европейской лире,— в области страстной любви мужчины к женщине»². Вопрос этот требует пояснения. Ответ на него мы находим у Л. З. Эйдлина. Он писал, что интимные чувства в лирике народа, у которого внешняя сдержанность стала чертой национального характера и выражается соответственно, «не позволяет бурного выражения чувств, обращенных к любимой»³. Интимность в поэзии прежде

всего была отдана мужской дружбе, во многом занявшей то место, какое в европейской поэзии уделено любви. Конечно, здесь имело значение и традиционное отношение к женщине. Ведь любовь осуждалась еще Конфуцием, требовавшим от женщины лишь подчинения и изрекшего, что «невсестество есть ее достоинство».

Униженное социальное положение китайской женщины, обусловленная этим ее интеллектуальная неразвитость, делали невозможным духовную близость с ней для мужчины. В то же время дружба между мужчинами являлась величайшей социальной и личной ценностью и, как в Древней Греции, говоря словами Аристотеля, «самым необходимым для жизни», когда главное — в обмене духовными ценностями. В такой дружбе видели высшую форму человеческого общения. И только в аристократической среде можно было встретить достойную собеседницу. Чаше всего это были так называемые домашние гетеры (цзя цзи), получившие хорошее воспитание и владеющие многими искусствами. Существовала и другая категория гетер — дворцовых (гун цзи) и гетер для чиновников (гуань цзи), а также гарнизонных, или лагерных (ин цзи)⁴. Со временем, примерно со второй половины IX в., зародился институт так называемых частных гетер (сы цзи), иначе говоря, публичных домов.

Кем, в сущности, как не гетерой была знаменитая Ян гуйфэй (гуйфэй — наложница второго класса, настоящее ее имя Ян Юйхуань). Эта возлюбленная танского владыки прославлена в поэме Бо Цзюйи, кстати сказать, прекрасном образце стихов о любви. О ней же слагал вирши и воздал ей хвалу Синь Цици, как, впрочем, и другие мастера поэзии, живописи, театра. Или несравненная Чжао Фэйянь, гетера и плусунья, ставшая императрицей, о чем упоминает Ли Бо в «Песне обиженной красавицы». В другом своем стихотворении он пишет о бесподобной Си Ши, из-за любви к которой князь забросил дела и лишился престола. К числу дворцовых гетер принадлежала и Ван Чжаоцзюнь (Минфэй) — знаменитая красавица, прекрасная музыкантша, воспета в стихах Оуян Сю (XI в.), женщина с трагической судьбой. Впрочем, такой бывала участь многих образованных женщин, среди которых встречались и служительницы муз. Гетеры ценились за владение искусством беседы, за мастерство музицирования, танца, пения, но, пожалуй, главное — за умение слагать стихи на заданные рифмы в компании ценителей поэзии. Из этой среды, как правило, необремененных семейными узами и высокообразованных женщин, вышло немало талантливых поэтесс.

Тридцать пять из них собрал под одной обложкой своей книги М. Басманов. Только тридцать пять — в то время как в сборнике, изданном в Пекине в 1983 г., представлено двести пятьдесят шесть поэтесс, творивших с III в. до н. э. по XX в. включительно. На перевод всех их не хватило бы, наверное,

и целой жизни.

Переводчик отобрал наиболее, на его взгляд, яркие имена, и мы получили возможность насладиться прекрасным искусством — стихами о горькой женской участи, о страданиях в разлуке и о радости встречи, о скорби за судьбу своей отчизны. Но прежде всего — о любви, о праве женщины на взаимное чувство и уважение.

Раскрывая перед нами многообразные эпизоды «биографии сердца», авторы стихов тем самым как бы опровергают представление о том, что в китайской поэзии любовная тема отсутствует вообще, либо находится где-то на втором плане.

К слову сказать, и китайские древние памятники подтверждают, что любовные мотивы издревле занимали большое место в китайской литературе. Разве «Книга песен» — это не собрание прежде всего любовных песен? А такой памятник, как «Чуские строфы»? Он тоже состоит в основном из любовных гимнов и песнопений. Или, возьмем, песни «Музыкальной палаты» («Юэфу»), большей частью посвященные, как писал Чжэн Чжэнью, теме любви юношей и девушек — «в них одно настроение — настроение жаркой страсти в пору цветущей весны». И нельзя в связи с этим не согласиться со словами о том, что на протяжении почти двух тысяч лет тема любви присутствует в китайской поэзии столь же отчетливо, как и другие темы, а может быть, не только присутствует, но и главенствует⁵.

В книге «Строки любви и печали» захватывают стихи поэтессы Хуа Жуй (X в.) — певицы любви и неги, представительницы именно такой «придворной поэзии». В годы лихолетья и тяжелых испытаний, выпавших на долю ее родины (княжества Шу), она оказалась пленницей завоевателя, но осталась верна своему любимому, нашла в себе мужество отвергнуть домогательства самого сунского правителя. Тем не менее ее влияние на него было настолько велико, что придворные поспешили извиниться от поэтессы, умертвив ее.

Исторические хроники донесли до нас сведения и о печальной судьбе другой поэтессы, чьи стихи представлены в книге, — о Янь Жуй (XI в.). По навету философа-конфуцианца ее обвинили в безнравственности, посадили в тюрьму и били плетью. Воплем отчаяния и тоски звучат строки: «Уйти в конце концов, уйти мне надо, жить невозможно так, как я жила». И прав М. Басманов, отмечая в предисловии к книге, что большинство стихов, созданных китайскими поэтессами, — это заклинание, это мольба, выражающие наблевшие чувства и сокровенные мысли. Добавим, что это еще и высокая поэзия, обжигающая горячей страстью, способной, по словам китайского литературоведа Су Чжидэ, «расплавить даже каменное и железное сердце».

Следует пояснить, что излюбленным жанром китайских поэтесс, в том числе и тех, чьи стихи собраны в этой книге, был песенный

жанр *цы*. Наибольшее развитие он получил в X—XIII вв. Стихотворения этого жанра писались на мотив (мелодику) какой-либо популярной в народе песни или на новую, специально сочиненную мелодику и исполнялись в сопровождении музыкальных инструментов. Различные мелодии определяли размер и ритмический рисунок стиха, чередование коротких и длинных строк, наличие зачинов и повторов и т. д. Отсюда исключительное разнообразие стихов жанра *цы*, их выразительность и эмоциональность.

Надо ли говорить, что все это создает дополнительные трудности (помимо прочтения самого текста) для переводчика, воздвигая перед ним помимо языковой еще одну трудно преодолимую преграду.

В жанре *цы* писала, в частности, такая и по сей день очень популярная поэтесса, как Ли Цинчжао (XI в.), автор знаменитого сборника «Строфы из граненой яшмы». И ее современница Чжу Шучжэн — поэтесса печальной судьбы. И многострадальная Тань Вань (XII в.), жена известного поэта Лу Ю. И жившая много веков спустя, при династии Мин, Чэнь Исю. И уже совсем близкая нам по времени У Цзао (XIX в.), испытавшая многие тяготы и лишения. И, наконец, Цю Цзинь — революционерка, борец за права женщин, чья жизнь оборвалась в начале нашего века под топором палача.

Если не все они, то большинство принадлежали к имущему классу, получили хорошее воспитание, были образованны и в равной мере владели искусством музицирования и стихосложения. Пожалуй, единственное исключение среди представленных в книге поэтесс составляет Хэ Шуанци (XVIII в.) — «феноменальное явление в литературе феодального Китая». Она вышла из крестьянской среды, однако ей удалось самообразовать себя. На деньги, заработанные рукоделием, она покупала книги и много читала. Можно лишь

удивляться, что в таких условиях сельская девушка, обремененная тяжелым крестьянским трудом, могла создавать высокохудожественные произведения, отличающиеся оптимизмом, глубиной мысли и мастерством.

В заключение надо заметить, что успешный перевод стихов, создававшихся на протяжении веков, невозможен без знания исторических, биографических и этнографических реалий, без глубокого проникновения в эпоху, в обстоятельства жизни и творчества авторов. Предисловие и комментарии М. Басманова говорят о том, что им проделана большая исследовательская работа. В сочетании с талантом переводчика, владеющего китайским языком и работающего без подстрочника, это привело к успешному результату — перед нами книга поистине поэтических шедевров.

Р. С. БЕЛОУСОВ

Культура Японии: традиции и современность

Япония: культура и общество в эпоху научно-технической революции. Сборник статей. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1985. 318 с.

Рецензируемый труд представляет собой обширный сборник статей, подго-

¹ Б. Роулэнд. Искусство Запада и Востока. Пер. с англ. М., 1958, с. 5.

² В. М. Алексеев. Стихотворения в прозе поэта Ли Бо, воспевающие природу.— ЗВОРАО. Т. XX. Спб., 1911, с. 3.

³ Л. З. Эйдлин. Китайская литература. Краткий очерк. М., 1962, с. 43.

⁴ Цзаоцзуань. Изречения китайских писателей. IX—XIX вв. М., 1975, с. 118.

⁵ Б. Б. Панов. Тема любви в китайской поэзии.— «Народы Азии и Африки», 1974, №3, с. 108—113.

товленный авторитетным авторским коллективом. Основной замысел труда — проанализировать ведущие тенденции социокультурной жизни Японии на протяжении четверти века начиная с середины 50-х гг. Национальная культурная традиция рассматривается здесь в сложном взаимодействии с научно-технической революцией.

Первая и наиболее объемная статья (автор — Ю. И. Березина) посвящена выявлению особенностей и социальных последствий научно-технического прогресса в Японии. На большом фактическом материале показаны значительные изменения в экономике страны, превратившие ее в ведущую капиталистическую державу с высочайшим уровнем

автоматизации и кибернетизации производства. Страна восходящего солнца дает немало примеров эффективной адаптации к нынешним условиям производства, рынка, научно-технической деятельности. Многие в японском опыте хозяйствования отражает объективные потребности роста производительных сил индустриально развитой страны. За последние двадцать лет Япония совершила мощный научно-технический скачок, ориентируясь в основном на гражданское производство. Заимствование зарубежных достижений не превратилось в заимствование чужих рецептов и методов их реализации. Автор верно подчеркивает, что «японское чудо» невозможно рассматривать в отрыве от общего социально-культурного контекста, национальной специфики и традиций. Ориентация на собственные культурные традиции, стимулирование нематериальной мотивации труда, активизация человеческого фактора — все это обеспечило высокий уровень экономического развития страны.

Совершенно резонно отмечается, что основой основ, точкой отсчета любого движения и в социальной сфере, и в экономике остаются люди, миллионы обыкновенных японцев, руками которых в конечном счете и была построена современная Япония. Публикуются данные, свидетельствующие о высокоинтенсивном изматывающем труде, о самой продолжительной среди индустриально развитых стран рабочей неделе, вошедших в систему сверхурочных, мизерных отпусков и т. д. Автор обстоятельно анализирует динамику социального состава занятого населения, сдвиги в социально-классовой структуре, особенности формирования армии безработных в Японии. Однако эта в целом содержательная статья выглядит несколько перегруженной цифровыми данными и недостаточно органично связанной с проблематикой последующих разделов сборника. Она стоит как бы обособленно.

Известно, что национальная культура Японии является одним из основных факторов успеха страны в конкурентной борьбе с Западом, в реализации экономического могущества. Поэтому значительный интерес представляет анализ типологии японской культуры. В связи с этим в рецензируемом сборнике раскрывается сущность теорий «Нихондзин рон» и «Нихон бунка рон», в которых

обосновывается оригинальность образа мышления и поведения японцев, самобытность их национальной культуры. Большинство западных и японских ученых признают характерной особенностью японской культуры как на поведенческом, так и на мировоззренческом уровне ориентацию на эмпирический контекст и ситуацию, на сферу непосредственного опыта в их постоянном движении и изменении. Время и пространство воспринимаются как реальные процессы и состояния, в которых первенствующее значение придается понятиям «здесь» и «сейчас». В отличие от западного индивидуализма важной этической ценностью японской культуры предстает установка на общественные и групповые нормы поведения, умение соответствовать месту и ситуации. Основными нормативными компонентами социального поведения выступают: принадлежность к референтной группе, ориентация на зависимость, забота о занятии собственного места, взаимность (с. 50).

Характеристика феномена японской национальной культуры включает в себя особенности мышления и мировосприятия. В этом процессе существенное значение отводится способности целостного (холистского) восприятия действительности, предпочтению конкретного анализа абстрактному, локального глобальному.

Современная новейшая концепция, получившая в Японии название «контекстуализм» («кандзинсюги»), ключевое значение придает трактовке роли личности как субъекта культуры. Если еще совсем недавно главные акценты в интерпретации характерного для японской культуры типа личности приходились на ее зависимость и отсутствие у нее самостоятельности в принятии решений, то сегодня упор делают на другие качества, подчеркивая прежде всего такие черты, как эластичность, гибкость и оперативность. Для объяснения экономических достижений Японии и ее конкурентных успехов была предложена новая модель культурно обусловленной идентичности личности. Именно эта модель призвана теоретически обосновать высокий уровень трудовой мотивации японцев, представить этот тип идентичности другим странам как «оригинальный мягкий товар в области социальной технологии».

В сборнике довольно четко показана буржуазно-классовая направленность

концепций японской культуры, стремление теоретиков представить буржуазные культурные ценности и идеалы в качестве общенациональных, рассматривать культурные традиции вне законов взаимодействия базиса и надстройки (с. 54—56). Выявлена методологическая несостоятельность модели японской культуры как статичной целостности, не связанной с общими историко-культурными тенденциями человечества. Подчеркивается, что тезис о культуре как национальной общности, единой для всех классов, слоев и групп, явно противоречит реальной жизни современной Японии, которая характеризуется многочисленными классовыми и социальными конфликтами. Конечно, сама по себе проблема японской культуры как формы выражения духовного и поведенческого опыта исторически сложившейся национальной общности имеет принципиальное значение. Ее глубокое изучение важно для понимания как прошлого, так и настоящего и будущего Японии.

Специальный раздел посвящен вопросам распространения культуры в обществе. Здесь предпринята плодотворная попытка оценить социальную роль системы средств массовой коммуникации, способность ее удерживать население страны в рамках господствующей идеологии и культуры. Автор статьи Б. Фирсов особый акцент делает на телевидении, которое, как известно, активно вторгается в жизнь любого современного общества, японского в том числе. На базе обширных конкретных данных высвечиваются существенные особенности японской системы телевидения: всеохватность, круглосуточный режим передач, превращение образа жизни японской семьи в телецентричный. Телевизионное изображение с нарастающим ритмом вторгается в повседневную жизнь японцев, превращается в неустранимый элемент среды.

Значительное внимание уделено анализу структуры телевизионных программ. Отмечается, что содержание большинства из них носит развлекательный характер, ориентировано на стандарты буржуазной массовой культуры. В статье содержится вполне аргументированный вывод о том, что важнейшая функция всей системы массовой коммуникации заключается в постоянной, ежедневной идеологической обработке аудитории. Телевидение в данном случае следует воспринимать не как «пассивный» ретранс-

лятор аудиовизуальной информации, но как существенную часть информационно-пропагандистского комплекса буржуазного государства. С помощью ТВ пропагандируются и внедряются в массовое сознание многосложные сочетания знаний, духовных ценностей и социальных норм, отражающих мировоззрение и интересы правящих классов Японии. Курс на усиление японо-американского военного и экономического союза, открыто провозглашаемый и демонстрируемый нынешним правительством, естественно, приводит к резкой политизации деятельности средств массовой информации (с. 65).

Интерес представляет японский опыт применения новой техники в области средств массовой информации. Речь идет о разработке и создании видеoinформационных систем, способных в режиме диалога обслуживать самый широкий спектр культурно-информационных потребностей, расширить сферу социального общения и коллективного пользования. В основе этих и других научно-технических инноваций лежит социально-философская концепция информационного общества. Главная идея ее заключается в том, чтобы с помощью развития разветвленной системы информации свести на нет социально-классовые противоречия общества. По нашему мнению, следовало более подробно остановиться на критике ключевых постулатов концепции информационного общества, получившей за последнее время широкое распространение не только в Японии, но и в других развитых странах капитализма.

Важное место отведено выявлению существенных тенденций развития общественного сознания современной Японии. Заслуживают внимания соображения об историко-географических и социальных причинах распространения и устойчивости стереотипов мышления и поведения, о сочетании восточных традиций и культурных ценностей Запада. Резонно отмечается, что многие действующие стереотипы вроде «монолитности нации», «семьи-клана» восходят к японской мифологии и синтоистской религии. Показаны современные методы внедрения стереотипов, приемы манипулирования сознанием рядовых японцев в целях стабилизации и консолидации различных социальных групп, усиления эксплуатации труда. Верно подчеркива-

ется особая роль стереотипов «промышленного сознания» («киге исики»), «духа любви к компании» как средств воздействия на экономический рост, а также тенденцию переноса патерналистских принципов из сферы деятельности корпораций на государственный уровень. «Проецируя патриархально-семейные отношения на более высокий общественный уровень, политическая элита Японии пытается представить народ страны в виде единой семьи, пропагандирует классовый мир» (с. 117). В статье приводятся реальные факты, убедительно свидетельствующие о растущей девальвации многих традиционных стереотипов, о серьезных сдвигах в общественном сознании Японии в сторону реализма и политической трезвости.

Структура общественного сознания Страны восходящего солнца носит сложный, многоуровневый характер. Одним из ее важных элементов выступает национальная синтоистская религия. В своей статье Г. Светлов, опираясь на личные наблюдения, размышляет о специфике синто, ее социальной сущности, роли в общественной жизни страны, необычайной стойкости религиозных верований японцев. В частности, довольно четко выявлена тенденция политизации религии, использование правящей либерально-демократической партией в своей деятельности синтоистских духовных ценностей, восстановление старинных храмов-святилищ в целях оживления националистических и милитаристских настроений.

В духовной жизни Японии большое место занимают обычай, обряды, праздники и другие национальные традиции. В специальном разделе рассматривается их генезис и воспитательно-идеологическая направленность. На основе обширного конкретного материала авторы приходят к убедительному заключению: «Для Японии характерно сосуществование, взаимопроникновение традиционных устоев, опирающихся на многолетний (а иногда и многовековой) опыт, и новых направлений, вызванных к жизни изменившимися условиями существования» (с. 149). Заметим, что, к сожалению, материал этого раздела в известной мере повторяет содержание предыдущего.

В сборнике рассматриваются проблемы развития японской литературы и

искусства. В. Гришина анализирует творчество группы писателей, получивших наименование «третьи новые». В их произведениях, написанных в реалистической манере, большое внимание уделяется «мелким темам», например неустойчивости семейных связей, бытовым раздорам. Острые социальные мотивы нашли образное отражение в повестях и романах писателей «поколения обращенных в себя». Пристальный литературоведческий разбор конкретных произведений дает возможность выявить их антивоенную направленность, пафос критики реалий современного японского буржуазного общества, порождающего дегуманизацию, отчуждение, распад личности.

Почему так быстро проросли на японской почве семена западной научной фантастики? Почему так быстро окрепло и начало плодоносить древо японской научно-фантастической литературы? На эти вопросы пытается дать квалифицированный ответ в своей статье Г. Дуткина. Наряду с усилением популярности фантастики в японской современной литературе специалисты отмечают подлинный бум произведений, ориентированных на документированность материала. Считается, что подобная тенденция обусловлена традиционными чертами японской словесности: склонностью к детализации, информационной перегруженности, датированности.

Богата и разнообразна жизнь театра и кино современной Японии. Авторы квалифицированно обсуждают вопросы освоения западной драматургии и развития национальных особенностей, сохраняемых со времен средневековья. Речь идет прежде всего о театрах Но, Кабуки, Бунраку. Верно отмечается, что в театральном процессе происходит взаимное проникновение традиционного и современного, а истоки расцвета театра усматриваются в редкостной познавательской активности японцев. Ведется содержательный разговор о сегодняшнем творческом уровне, меняющемся художественном языке, актерах и ролях. Однако специальная театроведческая информация несколько заслонила ответы на вопросы о том, как же театр своими образными средствами отражает острые и болезненные проблемы нынешней Японии. В этом плане гораздо основательнее, на наш взгляд, анализиру-

ется социальная проблематика в области японского кинематографа. Этому посвящена статья Н. Генса «Бросившие вызов» (японские кинорежиссеры 60—70-х гг.). В ней убедительно показано, что центральной проблемой новой режиссуры стал человек сегодняшней Японии, его отчаянный поиск идеалов демократии и гуманизма. Но ситуация в кино складывается довольно сложно и противоречиво. Анализ фильмов убеждает в том, что многие социальные мотивы и жизненный материал оказались подхваченными коммерческим кинематографом, который с ловкостью манипулятора стал приспособлять их к своим собственным целям (с. 304—306).

Рамки рецензии не позволяют в полной мере рассмотреть содержание всех статей сборника, хотя некоторые из них заслуживают обстоятельного и специального разбора; скажем, важные проблемы урбанизации и архитектуры Японии квалифицированно исследуются в статьях В. Глазычева и Г. Навлицкой. Авторы дают глубокий социологический анализ теоретических принципов, методов и средств градостроительства, достижений и национальных особенностей японской архитектуры. Особое внимание уделено выяснению социальных последствий широкого внедрения электронной технологии и автоматизации в жилищном

строительстве и территориальном расселении. Правильно отмечается, что будущность капиталистического города (технополиса) предполагает заданность программы жизни и деятельности человека, обеспечение безупречного функционирования рабочей силы.

Конечно, не все стороны общественной жизни современной Японии оказались достаточно освещенными, выявленными. Это и понятно, ибо даже в обширном сборнике статей трудно дать ее всестороннюю картину. Однако, говоря о духовной культуре Японии, следовало, на наш взгляд, посвятить специальную статью тенденциям развития философии как формы общественного сознания. Известно, что К. Маркс рассматривал философию как квинтэссенцию духовной жизни общества.

В заключение скажем, что рецензируемый сборник отличается информативной насыщенностью, в нем представлена широкая панорама развития общества и культуры Японии в условиях научно-технического прогресса. Анализ актуальных социокультурных проблем осуществлен на высоком научном уровне. Этот серьезный труд вызывает большой интерес не только у специалистов, но и у широкого круга читателей.

А. И. САМСИН,
кандидат философских наук

Вопросы экономической эффективности производства в КНР

Юй Гуанъюань. Об экономической эффективности социалистического производства (Юй Гуанъюань. Лунь шэжуэйчжун шэичань чжун ды цзинци сяого). Пекин, «Жэньминь чубаньшэ», 1984, 297 с. (на кит. яз.)

Книга видного китайского экономиста, члена Центральной комиссии советников КПК Юй Гуанъюаня представляет собой сборник статей, написан-

ных за период 1959—1983 гг. Тематически они объединяются под общим заглавием — экономическая эффективность социалистического производства. Данная проблема, как известно, является главной стратегической целью реформы, проводимой в КНР. Задача «осуществлять поступательное развитие с высокой эффективностью» выдвигается в КНР в качестве первоочередной для седьмой пятилетки (1986—1990)¹. В китайской печати развернута широкая дискуссия по поводу политэкономического содержания, теоретического обеспечения поиска конкретных путей и методов стимулирования эффективности социалистического производства.

В книге Юй Гуанъюаня ставится важный вопрос — создание науки об экономической эффективности. Автор показывает место науки об экономической эффективности в системе теоре-

тических и отраслевых экономических наук.

Сборник содержит 14 статей, расположенных в хронологическом порядке и отражающих эволюцию научных взглядов и интересов автора.

В книге имеется несколько определенных экономической эффективности, выступающей главным предметом исследования. Сам термин «экономическая эффективность» («цзинци сяои») получил широкое распространение в КНР после четвертой сессии ВСНП пятого созыва (с. 255)². До этого употреблялся другой термин, переводящийся как «экономический эффект» («цзинци сяого»)³. Оба термина переведены с английского языка (соответственно «economic effectiveness», «economic results») (с. 259). На первый взгляд этимологические особенности терминов не имеют сколько-нибудь важного значения, но в действительности категории эффекта и эффективности различаются как результат и результат, соотношенный с затратами.

В ранних работах Юй Гуаньюаня экономическая эффективность социалистического производства определяется как соотношение полученной потребительной стоимости к затраченному на ее производство труду (с. 18). Несколько позже он утверждает, что экономическая эффективность представляет собой оценку степени экономии использованного или затраченного труда в практической целенаправленной деятельности (с. 68). При дальнейшем изучении проблемы автор конкретизирует определение экономической эффективности как оценку степени экономии использованного или затраченного труда в практической деятельности по созданию потребительных стоимостей определенного количества (с. 78). Сделанный, казалось бы, небольшой шаг очень важен, так как им устанавливается возможность количественного определения эффективности, выступающей теперь не просто как соизмерение абстрактных затрат живого труда, а в единстве с произведенным продуктом, в котором овеществлен этот труд.

В методологии исследования экономической эффективности автор не всегда последователен, что, по-видимому, может объясняться общей неразработанностью многих аспектов политэкономии социализма в 50-е гг., причем упрек

относится и к советской политэкономической науке. Характеризуя процесс социалистического производства, Юй Гуаньюань показывает коренные различия между антагонистическими формациями и социализмом по основной цели производства. Целью социалистического производства является максимально полное удовлетворение общественных потребностей, тогда как в предшествующих формациях она состояла в присвоении господствующими классами прибавочной стоимости, создаваемой трудом крестьян-единоличников, ремесленников и других мелких производителей (при феодализме) и наемных рабочих (при капитализме). Выясняя цель производства, автор обходит рассмотрение основного экономического закона. Тем не менее он правильно видит главную особенность социализма в экономии неоправданных растрат труда, ликвидации безработицы и низкого уровня жизни трудящихся масс (с. 3—5).

В ряде статей, включенных в сборник, понятие эффективности получает дальнейшее развитие. Экономическая эффективность капиталистического и социалистического способов производства различается по своим критериям. Если при капитализме эффективность определяется нормой прибыли, то при социализме она выражает отношение полученной потребительной стоимости к затраченному на ее производство труду. На первый взгляд, отмечает автор, может показаться, что эффективность при социализме тождественна производительности труда. В действительности (и это показано в книге) экономическая эффективность представляет собой комплексный, синтетический показатель. Вследствие обособленности производителей и отсутствия обобществленного в масштабе общества хозяйства при капитализме невозможно говорить об экономической эффективности в целом. Социалистическое производство носит общественный характер, и это позволяет исследовать социально-экономическую эффективность общественного производства (с. 18—19).

Важной проблемой современной экономической науки выступает проблема количественного анализа экономической эффективности. В книге представлены математические модели и методы ее расчета (например, эффективности капиталовложений). Комплексный харак-

тер эффективности раскрывается через связь потребления живого и овеществленного труда. Автор в этой связи предлагает ввести категорию продуктивности затрат труда (лаодун сяохаоды чаньпиньлюй) (с. 94—96).

В изучении эффективности необходимо выделять индивидуальную и общественную экономическую эффективность⁴. Под индивидуальной эффективностью понимается эффективность производства отдельной отрасли, региона, работника. Индивидуальная эффективность основывается на общественной эффективности, иными словами, общественная эффективность отражает среднюю индивидуальную эффективность всего общества при производстве какой-либо продукции.

Автор останавливается на выявлении роли товарно-денежных инструментов, применяемых при осуществлении хозяйственного расчета и планового управления народным хозяйством, — себестоимости, прибыли и других экономических форм. По его мнению, себестоимость производства формируется из средней суммы цен потребленных средств производства, заработной платы трудящихся, прочих производственных и финансовых расходов (налоговые отчисления и т. п.). Экономическое содержание прибыли заключается в положительном сальдо, остающемся после реализации продукции за вычетом ее себестоимости. Прибыль социалистических предприятий не есть превращенная форма m (прибавочной стоимости)⁵ в учении К. Маркса о стоимостном составе общественного продукта ($C + V + m$), а есть лишь часть m , другая же часть m входит в себестоимость в виде налоговых процентов (с. 145).

В работах, завершенных в конце 70-х — начале 80-х гг., Юй Гуаньюань углубляет высказанные им ранее идеи. Это отражено в статьях «Экономическая эффективность и экономия времени», «Поговорим о теоретических вопросах социалистической экономической эффективности». В последней статье автор, в частности, вновь обращается к природе эффективности при капитализме и социализме, определяемой сущностью общественного строя. Он фактически признает необходимость при социализме товарно-денежных отношений. Это является важным методологическим шагом, особенно если учесть активную

дискуссию между так называемыми «товарниками» и «нетоварниками» в китайских экономических кругах. Свой тезис автор объясняет наличием товарного обмена между предприятиями, заработной платы в денежной форме, денежной покупки сырья, а также других расходов на производственные помещения, оборудование и т. п. Кроме того, все фонды предприятий (коллективного благосостояния, премиальный, расширения производства) также формируются за счет прибыли после реализации товаров. Новый подход проявляется также в утверждении получения чистого дохода в качестве главной цели хозяйственной деятельности предприятия (с. 208).

Весьма актуальна постановка вопроса о взаимосвязи повышения экономической эффективности и проблемы занятости в Китае. В настоящий момент эти два фактора находятся в резком противоречии друг с другом, так как при повышении эффективности производства повышается производительность труда и сокращается потребность в рабочей силе. Для Китая с его сложной демографической ситуацией требуется создание новых рабочих мест либо развитие трудоемкого производства, способного поглотить излишек трудоспособного населения. Юй Гуаньюань решает проблему чисто «логическим», умозрительным путем, выстраивая следующую причинно-следственную цепочку: занятость зависит от достаточного количества средств производства для их соединения с рабочей силой и предметов потребления для воспроизводства рабочей силы. Повышение общественной эффективности обеспечивает эти два условия. Следовательно, эффективность способствует полной занятости (с. 218).

Весьма важно, что в книге затрагиваются общие вопросы науки об экономической эффективности и определяется ее место в системе экономических дисциплин. Автор предлагает классификацию экономических наук. Он подразделяет их на теоретические (среди которых главное место занимает политэкономия) и прикладные, на макро- и микроэкономические науки, на науки о народном хозяйстве в целом и отраслевые. В теоретических науках, помимо политэкономии, изучающей преимущественно производственные отношения, хотя и в единстве с производительными силами, представлены другие дисциплины, выделяющие производительные силы в качестве

предмета исследования. Наука об экономической эффективности главным образом относится к наукам о производительных силах (с. 232—235). В то же время она выступает и как прикладная наука, направленная на решение вопросов реальной действительности и содержащая технику расчетов и анализа.

По вопросу о классификации экономической эффективности Юй Гуаньюань заявляет, что все отрасли материального производства можно подразделить на три части: «собирающую» промышленность, включающую добычу полезных ископаемых, а также получение продуктов природы без их переработки; сельское хозяйство в широком смысле слова, включающее растениеводство, лесоводство, животноводство, рыбоводство, шелководство, микробиологию; обрабатывающую промышленность.

Эффективность в каждом подразделении материального производства имеет свои характерные особенности. Добывающая промышленность лишь косвенно потребляет топливно-энергетические и сырьевые ресурсы и отличается высокой трудоемкостью. Сельское хозяйство испытывает большую зависимость от природных условий. И даже обрабатывающая промышленность ощущает влияние определенных природных условий (с. 251—253).

В статье «Как хозяйственно-технические работники могут содействовать осуществлению грандиозной стратегической цели, поставленной XII съездом КПК» автор касается практических задач, поставленных перед наукой. Они были сформулированы в Отчетном докладе ЦК КПК XII съезду партии. В течение ближайших 20 лет (с 1981 г. до конца нынешнего столетия) общей целью экономического строительства Китая при условии неуклонного повышения экономической эффективности является приложение всех сил к тому, чтобы увеличить валовую продукцию промышленности и сельского хозяйства в четыре раза, а именно с 710 млрд. юаней в 1980 г. примерно до 2 трлн. 800 млрд. юаней к 2000 г.⁶

Определенный интерес может представлять обширный материал об экономических показателях, применяемых в статистике многих стран для анализа результатов общественного производства, в частности о содержании валового

внутреннего продукта (ВВП) и валового национального продукта (ВНП). ВВП исчисляется с учетом национального производства и иностранных инвестиций в стране, но без учета инвестиций государства за рубежом. ВНП исчисляется с учетом инвестиций государства за рубежом, но без учета иностранных инвестиций в стране. Если зарубежные инвестиции государства превышают объем иностранных инвестиций в его национальную экономику, то ВНП превышает ВВП, и наоборот (с. 262). В КНР в настоящее время используется показатель валовой стоимости промышленности и сельского хозяйства, заимствованный некогда, по утверждению Юй Гуаньюаня, из советской науки. Он не всегда удобен при сопоставлениях со статистикой других стран, в том числе и с СССР. Одним из наиболее полно отражающих динамику экономического развития показателей выступает национальный доход, представляющий собой чистый доход материального производства или вновь созданную стоимость. Валовая продукция промышленности и сельского хозяйства не включает стоимости производства таких важных отраслей народного хозяйства, как транспорт, строительство, торговля (с. 263). Более того, формула из суммы валовой продукции отдельных предприятий, отраслей, дающий показатель содержания возможности повторного счета, искажающего реальные результаты производства.

Рецензируемая книга является важным трудом, отражающим различные этапы становления экономической мысли в КНР.

С. Г. ДЕМЕНТЬЕВ

¹ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1986, № 9, с. 3.

² Проходила с 30 ноября по 13 декабря 1981 г.

³ Он же оставлен в названии книги, первоначально опубликованной в 1978 г.

⁴ В советской экономической науке принято выделять хозяйственную и народнохозяйственную эффективность.

⁵ При социализме прибавочная стоимость отсутствует, а имеет место прибавочный продукт.

⁶ См.: Чжунго гунчаньдан ди шиэр цюаньго дайбяо дахуэй вэньцзянь хуэйбянь (Сборник документов XII съезда КПК). Пекин, 1981, с. 17—18.

Два курса, две политики

СССР и Япония. М., «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1987, 428 с.

Впервые в отечественной исторической науке сделана попытка, и сразу скажем — успешная, комплексно рассмотреть практически все аспекты отношений между СССР и Японией с момента рождения Советской России и до наших дней. Выходившие у нас ранее книги о советско-японских отношениях или охватывали лишь отдельный период их развития, или освещали узкую тему, или представляли собой сборники статей по отдельным проблемам. Характерным даже для лучших из подобных сборников, например «СССР—Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений», было отсутствие сквозного исторического анализа.

Этап за этапом, период за периодом в рецензируемой монографии анализируется столкновение на Дальнем Востоке двух политических курсов, двух подходов к решению международных проблем. На основе документальных материалов, воспоминаний очевидцев и участников событий показано постоянное стремление советского руководства к установлению дружественных, добрососедских отношений между двумя странами, к стабилизации обстановки на Дальнем Востоке, поддержка этого курса всем советским народом. Стремление Советского Союза к дружбе и добрососедству с Японией, как убедительно показано в монографии, никогда не носило конъюнктурного характера. Это была принципиальная политика. «Так уж распорядилась история,— говорится во введении,— что народам наших стран предстоит всегда жить рядом. А это значит — жить в мире, в согласии и добрососедстве. Иного пути нет и не может быть» (с. 13). На этой основе строилась вся советская политика в отношении Японии, и все позитивные сдвиги в развитии советско-японских отношений за прошедшие десятилетия были результатом мирных усилий в первую очередь советской дипломатии.

С другой стороны, курс правящих кругов Японии в большинстве случаев трудно назвать конструктивным, добрососедским. В первые годы после победы Октябрьской революции японский империализм пытался использовать слабость молодой Советской России для установления своего господства в Приморье и на всем Дальнем Востоке путем прямой военной интервенции. Официальные японские историки умалчивают об этом этапе истории отношений между двумя странами. Наш народ смог отстаивать свои права, но, как указывается в монографии, ущерб от японской интервенции, по подсчетам Наркомфина СССР, составил в ценах 1945 г. 61 892 023,5 тыс. руб. (с. 49).

Взгляды политического руководства Японии на Советский Союз как на объект экспансии не изменились и после установления дипломатических отношений. Японская буржуазия, делается обоснованный вывод в монографии, «более определено, чем буржуазия других стран, делала ставку на войну, на новый передел мира» (с. 106). Советские дипломаты вели настойчивую борьбу за сохранение мира на Дальнем Востоке, но неоднократные предложения Советского Союза заключить пакт о ненападении отклонялись японской стороной под надуманными предлогами. Сторонники агрессивного антисоветского курса преобладали в Японии и выступали «против любой формы сближения с СССР или даже развития экономических связей» (с. 95). Жестоко подавлялось малейшее проявление интереса к СССР среди населения Японии, и в начале 30-х гг. все общества дружественных связей с Советским Союзом из-за гонений и репрессий властей были вынуждены прекратить свою деятельность (с. 105).

Правящие круги Японии готовились к агрессии. «Задача японской политики — это решительный разрыв с Советской Россией. Вся дипломатическая деятельность должна быть направлена на эту цель», — давал рекомендации министру иностранных дел Японии влиятельный государственный деятель и дипломат Т. Сиратори (с. 131).

Советско-японский пакт о ненападении, делается вывод в монографии, мог бы явиться серьезным фактором стабилизации международной обстановки на Дальнем Востоке. Однако это не входило в планы Токио. Более того, «не проходило

ни одного месяца без того, чтобы в советских газетах не появилось два-три, а иногда и восемь-девять сообщений о нарушениях японской стороной нормальных взаимоотношений и вынужденных заявлений и протестов со стороны Советского правительства» (с. 141). Очень скоро от мелких провокаций Япония перешла к тщательно спланированным крупным военным акциям, таким, как у озера Ханка в 1936 г., у озера Хасан в 1938 г., а затем и полномасштабным боевым действиям в районе реки Халхин-Гол в Монголии. Это были попытки проверить военной силой твердость Советского Союза.

Японские милитаристы, несмотря на поражения в этих конфликтах, не оставляли своих аннексионистских планов, а японские дипломаты все еще пытались говорить «языком угроз» (с. 153). Однако провал вооруженных провокаций заставил правящие круги Японии осознать опасность и бесперспективность военных операций против СССР. Именно после событий у реки Халхин-Гол, делается совершенно обоснованный вывод в монографии, «довольно определенно обозначилось южное направление японской экспансии» (с. 171).

Авторов следует, видимо, упрекнуть в том, что в большинстве случаев вина за антисоветские военные провокации слишком прямо возлагается на милитаристские круги. Создается впечатление, что только военщина мешала развитию дружественных отношений между двумя странами. Однако следует учитывать, что японский милитаризм сам во многом был продуктом господствовавших в высших эшелонах власти страны взглядов. Монография раскрывает генезис милитаризма в Японии предвоенных лет. «Японский капитализм вырос на трех войнах, которые оказались для него на редкость удачными. Отсюда широко распространено в господствующих классах убеждение, что Япония в войнах «везет». Это еще больше увеличивало агрессивность Японии и ее готовность искать разрешения своих проблем с помощью оружия» (с. 106).

Тщательно анализируются в монографии перипетии борьбы в японском руководстве при решении вопроса о выборе стратегического направления развития экспансии — север или юг (с. 207). В соответствии с классическим каноном восточного военного искусства (первый

удар наносить по слабому противнику) северное направление рассматривалось вначале как предпочтительное. Однако разгром японских отборных частей в ходе боевых действий у реки Халхин-Гол показал, что Советский Союз нельзя рассматривать как «слабого противника» и трудно рассчитывать на успех в крупномасштабной войне с ним. С другой стороны, в это время резко изменилась обстановка в Европе. Союзник Японии — гитлеровская Германия одержала ряд крупных побед, и для Японии открывалась реальная возможность захватить колонии Англии и Франции в Азии. В этих условиях японское руководство приняло решение нанести основной удар на юге, а на севере поддерживать статус-кво. С этих позиций следует рассматривать и то, что в начале 1941 г. японская сторона наконец «откликнулась» на неоднократные предложения Советского Союза о заключении пакта о нейтралитете. Однако, как сейчас стало совершенно ясно, речь шла лишь об отсрочке агрессии против СССР.

Для всей монографии характерно рассмотрение советско-японских отношений не как изолированного двустороннего процесса, а как составного элемента развития общей обстановки в мире. Особенно это важно при анализе событий в годы второй мировой войны. С точки зрения методики такой подход наиболее правильный. Ведь и Япония и Германия, будучи союзниками, согласовывали свои стратегические планы, учитывали в них действия партнера по блоку. Характерно, что Гитлер, о чем упоминается в монографии, на первоначальном этапе не настаивал на вступлении Японии в войну против СССР. Это объясняется тем, что он рассчитывал на полный успех плана «Барбаросса». Исходя из этого, и японские милитаристы захват советских территорий предусматривали «малой кровью», после того, как гитлеровская Германия одержит победу над СССР в Европе. Но этим планам не суждено было сбыться. Коалиция фашистских государств-агрессоров потерпела полный крах.

В послевоенные годы политика СССР на Дальнем Востоке осталась неизменной и была направлена на укрепление мира и стабильности в регионе. Совершенно другие цели преследовали Соединенные Штаты, стремившиеся использовать общую победу стран антифа-

шистской коалиции для усиления своих позиций в регионе. В этих целях в годы американской оккупации Япония была превращена в главный плацдарм американской военщины на Дальнем Востоке. Формирование политического курса Японии в отношении СССР происходило под влиянием сложного, подчас противоречивого взаимодействия комплекса внутренних и международных факторов. «Третьи силы» постоянно вставали на пути развития советско-японских отношений, но особенно это характерно для послевоенного периода, когда такой силой стали США.

Советская дипломатия в сложных условиях оккупации Японии американскими войсками использовала все имевшиеся в ее руках средства и возможности для выполнения международных соглашений о демилитаризации и демократизации Японии. Принципиальная позиция Советского Союза, как показано в монографии, обеспечила реализацию ряда демократических реформ в Японии, оказала существенную помощь демократическим силам страны в борьбе за прогрессивные преобразования в годы американской оккупации. Однако и в наши дни сохраняется зависимость внешнеполитического курса Японии от политики США. Характерной чертой японской послевоенной дипломатии стала тенденция рассматривать любые внешнеполитические вопросы с точки зрения их воздействия на отношения с США, констатируется в монографии (с. 278).

Несколько слов конкретно о монографии. Это коллективный труд, но при чтении практически не замечаешь разницы в стиле или манере изложения, в чем большая заслуга редакционной коллегии. Работа рассчитана на советских читателей, однако постоянно как бы подразумеваются оппоненты. Моногра-

фия дает аргументированный отпор японским и американским историкам и политикам, преднамеренными искажениями фактов пытающимся оправдать военных преступников, милитаризм, более того, стремящимся в наши дни обострить отношения между народами в своекорыстных интересах, например разглаживанием по поводу некоего «нерешенного территориального вопроса».

Можно с уверенностью сказать, что монография станет настольной справочной книгой советских японоведов. Она насыщена ссылками на документы, исследования советских и зарубежных авторов. Многие из документов вводятся в научный оборот впервые. Книга представляет большой интерес и для практических работников, она поможет им легче ориентироваться в вопросах советско-японских отношений.

Монография, как подчеркивается в обращении к читателям, написана исходя «из твердого убеждения, что давнее и горячее стремление советской общественности к добрососедству и дружбе с японским народом рано или поздно встретит должное понимание не только японской прогрессивной, миролюбивой общественности, но и правящих кругов этой страны» (с. 13). «Близкий сосед дороже дальнего родственника», — учит японская пословица, приведенная в монографии. Можно сказать, что в соответствии с ней строилась и строится вся политика СССР в отношении Японии. Однако, на наш взгляд, нет необходимости искать в реальной политической жизни «родственников» и «соседей», а тем более оценивать, кто из них дороже. Более важно, чтобы и между «родственниками», и между «соседями» были мир и согласие, уважение и взаимопонимание.

Н. П. ПЕТРОВИЧЕВ

30—31 марта 1988 г. Институтом Дальнего Востока АН СССР и Всесоюзной ассоциацией китаеведов была проведена научная конференция «XIII съезд КПК и проблемы строительства социализма в КНР», в работе которой приняли участие также ученые Института экономики мировой социалистической системы АН СССР и других институтов и учреждений Москвы, Ленинграда, Алма-Аты и Хабаровска. Конференцию открыл заместитель директора Института Дальнего Востока АН СССР доктор исторических наук Ю. М. Галенович.

Ряд докладов был посвящен анализу теоретических проблем строительства социализма в Китае, обсуждавшихся на XIII съезде КПК. Заместитель директора Института Дальнего Востока АН СССР кандидат экономических наук А. П. Морозов в своем выступлении подчеркнул, что теоретической основой осуществляемых экономических преобразований в Китае является принятая XIII съездом КПК концепция «начального этапа социализма».

Согласно этой концепции, социалистическое общество на начальном этапе своего развития, продолжительность которого для Китая определена по меньшей мере в сто лет, является обществом многоукладной экономики при ведущей роли общественного сектора. Считается, что и социалистическое производство по своему характеру является товарным, и товарно-денежные отношения представляют собой необходимый и важнейший элемент системы производственных отношений. В рамках начального этапа социализма допускается существование несоциалистических форм и укладов хозяйствования, наемный труд в известных пределах, нетрудовые доходы и так далее. Перестройка социально-экономической структуры общества в соответствии с этой концепцией неизбежно затрагивает всю систему отношений и требует создания принципиально нового механизма регулирования экономики.

Переходный период к социализму, согласно этой концепции, завершается обеспечением господствующих позиций общественной формы собственности на основные средства производства (в Китае это практически произошло в 1956 г.). На этой базе начинают действовать экономические законы социализма, и далее социализм развивается на своей собственной основе, открывая начальную стадию своего развития. Таким образом, в отличие от существующих ныне теорий за рамки переходного периода выносятся задача создания материально-технической базы социализма, она ставится главной целью его начального этапа.

Поскольку социализм на его начальном этапе предполагает наличие многоукладной экономики, основанной на господстве общественной формы собственности на средства производства, он характеризуется гораздо более сложной социально-классовой структурой, что также предполагает наличие длительных классовых противоречий, хотя уже в начальной стадии социализма они отходят на второй план. Что касается системы распределения, то на начальной стадии она характеризуется социальной неоднородностью; распределение по труду становится ее преобладающей формой, но допускается возможность нетрудовых доходов, регулируемых определенными юридическими нормами. Нынешнюю стадию развития общества называют в КНР начальной стадией социализма еще и потому, что для нее все еще характерны укоренившиеся феодальные пережитки.

Таким образом, концепция начального этапа социализма придает особое значение влиянию на его природу национальной специфики, а также исходной базы перехода к строительству социализма. Очевидно, что такое расширительное толкование понятия «построение социализма», плюралистического по своему социальному характеру, как общества «плановой товарной экономики» открывает большие возможности

для проведения широкомасштабных экономических, политических и социальных экспериментов.

В теоретическом отношении новая концепция, которая вобрала и обобщила конкретную практику развития социализма в Китае, еще недостаточно отработана и оставляет открытым ряд фундаментальных вопросов политической экономии социализма и общей теории научного коммунизма (место и роль переходного периода, критерии социализма и его различных этапов, социально-классовая структура начального этапа социализма и т. д.).

По мнению докладчика, концепция начального этапа социализма, включающая в себя элементы ленинской теории некапиталистического пути развития обществ, не прошедших капиталистическую стадию развития, может представить интерес для развивающихся стран, поскольку эта теория значительно «приближает» к ним социализм по времени и открывает новые возможности в области революционных социальных преобразований на относительно низкой стадии социально-экономического и политического развития.

Теория начального этапа социализма, подчеркнул докладчик, по существу представляет собой новую концепцию социализма. Эта концепция заставляет нас на новом витке познания вернуться и проанализировать заново смысл таких фундаментальных понятий, как переходный период, способ производства, социализм.

Кандидат философских наук В. Ф. Феокистов отметил в своем докладе, что китайские обществоведы начали курс на реформы с разработки вопросов методологии и это сыграло положительную роль. Концепция начального этапа социализма, изложенная в докладе Чжао Цзыяна, по мнению автора, не полностью укладывается в известную концепцию переходного периода. Главное ее отличие — включение в социалистический этап развития многоукладной экономики, которую, казалось бы, должен преодолеть переходный период, а также перенос социалистической индустриализации и культурной революции в фазу начального этапа социализма. Данная концепция допускает также существование частного и государственно-капиталистического укладов в период социализма и связанную с этим эксплуатацию. Наконец, оплата по труду признана не единственным, а только основным принципом распределительных отношений на начальном этапе социализма. В отчетном докладе съезду КПК дано убедительное объяснение этим новациям: экономическая отсталость страны, слабое развитие производительных сил, что обуславливает соответствующие формы собственности и хозяйствования.

Более сложным, считает автор, представляется объяснение социалистического характера китайского общества на основе учета лишь социально-политической структуры и господствующей идеологии без учета экономического и культурного критериев. Китайские теоретики, по мнению докладчика, выделили три критерия вступления страны в этап социализма — утверждение общественной формы собственности, политической власти трудящихся, господство идеологии марксизма-ленинизма, а решение экономических и культурных проблем перенесли в начальный этап социализма. Этот теоретический вывод основывается на реалиях Китая, подчеркнул автор. Главный критерий такой периодизации — необходимость приведения производственных отношений в соответствие с уровнем развития производительных сил. Автор считает, что эта новая имеет значение не только для Китая, но и для других стран Азии, избравших социалистическую перспективу развития.

Автор указал на раскованность теоретической мысли в КНР, стремление творчески поставить и решить сложные проблемы строительства социализма.

Доклад профессора Е. А. Коновалова был посвящен вопросу о соотношении плана и рынка. По мнению докладчика, на XIII съезде была подтверждена концепция социалистической плановой товарной экономики, в основе которой лежит «государственное регулирование рынка и рыночное ориентирование предприятий». В данной формулировке сделан шаг вперед по сравнению с прежними взглядами на соотношение плана и рынка, когда главным выступало плановое регулирование, а рыночное регулирование считалось вспомогательным. В соответствии с данной концепцией определяющим моментом функционирования экономики рассматривается рынок, рыночные отношения, которые корректируются и направляются при помощи планового государственного регулирования.

Формирование рынка осуществляется на базе функционирования многочисленных, относительно самостоятельных товаропроизводителей, которые в своих производственных программах максимально учитывают реальный спрос и предложения на их продукцию. В функции государства входит определение важнейших народно-хозяйственных пропорций (накопление и потребление, баланс совокупного спроса и предложения, внешнеэкономическая деятельность и другие). Регулятором общественного производства выступает в этой схеме закон стоимости, в то время как плановое регулирование является лишь методом и формой контроля над макроэкономическими процессами. Считается, что качественные характеристики товарного производства меняются под влиянием развития производительных сил, но не в зависимости от социальной оболочки, не в рамках производственных отношений, которые складываются в той или иной стране. Таким образом, социалистическое товарное производство, по мнению китайских теоретиков, является неизбежным моментом для всех социалистических стран на различных этапах их развития.

В действительности государственное регулирование экономики в нынешних условиях КНР осуществляется не только в идеальной форме косвенного регулирования с помощью экономических рычагов (цены, налоги, проценты), но в огромной степени еще и с помощью административных рычагов. Это проявляется, в частности, в практике договорной системы между государством и крестьянскими дворами. Поначалу договорная система рассматривалась как добровольная и косвенная форма воздействия государства на экономику отдельных дворов, а крестьяне как юридические лица в договоре. Однако виду изменившейся ситуации в сельскохозяйственном производстве эти договоры все более становились односторонними, по которым крестьянин в основном нес определенные обязательства, скажем, о сдаче зерна, а формы изъятия излишков по установленным ценам носили зачастую принудительный характер.

Самостоятельность предприятий в городской экономике также до сих пор не является всеобъемлющей. Она ограничивается разветвленной системой налогов и отчислений в бюджет. При этом крупные современные предприятия по-прежнему имеют директивный характер плана, большую самостоятельность в разработке производственных программ приобрели мелкие предприятия государственного и коллективного секторов, особенно миллионы сельских предприятий.

Тем самым предложенная на XIII съезде КПК концепция социалистического планового товарного хозяйства пока выступает в качестве модели, является перспективной целью, а в действительности система экономики КНР представлена одновременно несколькими слоями, в одних из которых преобладают элементы рынка и косвенного регулирования со стороны государства, а в других — традиционные формы директивного планирования и государственного снабжения ресурсами. Переход от старой модели к новой, по мнению китайских экономистов, займет довольно продолжительный период.

Доктор экономических наук Э. П. Пивоварова остановилась на новом подходе в КНР к вопросу о соотношении производительных сил и производственных отношений — с акцентом на развитии производительных сил. Автор подчеркнула, что сущностная характеристика социализма проистекает из социальной защищенности трудящихся, которая, безусловно, может быть достигнута лишь на базе высокого уровня развития производства, хотя и не автоматически следует за ним. Докладчик высказала мнение, что сохранение сущности социализма опирается на систему мероприятий, призванных использовать плоды экономического прогресса таким образом, чтобы это действительно отвечало коренным интересам трудового народа.

Автор остановилась на таких способах развития производительных сил, как снижение уровня обобществления производства и развитие многообразных по формам собственности типов хозяйств, сделав акцент на потребности перехода от разделения права собственности и права хозяйствования к разделению самого права собственности, с тем чтобы превратить предприятия в действительных товаропроизводителей, несущих ответственность как за прибыли, так и за убытки. В этой связи автор остановилась на рассмотрении подхода в КНР к использованию акционерной формы деятельности, которая все шире используется и, по прогнозам некоторых китайских ученых, лет через 15 в руках частных лиц будут находиться акции примерно половины промышленных предприятий страны. Автор высказала мнение, что при оценке

использования при социализме таких способов достижения социально-экономического прогресса, как развитие индивидуального и частного хозяйства, акционерных форм, надо исходить из реальности, заключающейся в том, что, помимо альтернативы «экономический прогресс через дифференциацию и конкуренцию» или «застой при недооценке того и другого», пока не найден (ни в КНР, ни где-либо в социалистическом мире) иной путь, по крайней мере такой, который не был бы теоретической абстракцией. А потому важнейшей задачей в ходе преобразований является отыскание меры в использовании новых форм, типов и способов хозяйствования, с тем чтобы в общей сложности поставить трудящегося человека в лучшие условия существования. Ибо сущность социализма именно в этом и заключается.

Кандидат исторических наук В. Я. Портяков (ИЭМСС АН СССР) в докладе на тему «Некоторые аспекты теории начального этапа социализма в КНР» затронул проблему международного значения теории начального этапа социализма. Будучи основанной на анализе уроков опыта социалистического строительства не только в самой КНР, но и в других странах, прежде всего в Советском Союзе, эта теория является заметным вкладом в развернувшийся ныне интернациональный процесс борьбы с догматизмом, левачеством в социалистическом строительстве, в переосмыслении проблемы этапов и допустимого инструментария такого строительства.

В политическом плане теория начального этапа социализма дает возможность, по крайней мере в принципе, положить конец тому явно ненормальному положению, когда активные организаторы и проводники реформы воспринимались значительной частью населения едва ли не как сторонники поворота к капитализму, и, наоборот, антиреформистские, консервативные, догматические силы выступали под знаменем и лозунгами защиты социализма.

В экономическом плане чрезвычайно важно обращение к критерию уровня развития производительных сил как к основному показателю этапа социалистического строительства. Долгие годы преимущества социализма нередко односторонне выискивались в сфере производственных отношений, идеологии, тогда как все более остро вставал вопрос о способности социализма эффективно ответить на вызов научно-технической революции, быть притягательным для значительной части населения несоциалистического мира. Теория начального этапа социализма свидетельствует также о глубоком осознании несовместимости социализма с бедностью.

В идеологическом плане теория начального этапа социализма означает очищение представлений о социализме от ряда глубоко укоренившихся, но на деле чуждых ему утопических и догматических «наносов» и «добавлений». В их числе — взгляды, согласно которым чем «чище», «однороднее» общественная собственность, чем равномернее распределение, чем централизованнее управление, тем выше степень их «социалистичности», то есть соответствия критериям социализма. С другой стороны, теория начального этапа социализма объясняет и обосновывает необходимость использования не только специфически социалистических средств и методов, но и «нейтральных» экономических рычагов, содействующих и соответствующих процессу социалистического обобществления производства. Ряд китайских ученых считает, что к такого рода рычагам относятся не только цены, налоги, кредиты, но и рыночный механизм, планирование, многоукладность, товарное производство, коль скоро не они сами по себе, а только господствующие формы собственности и распределения определяют основные экономические особенности общества. Отсюда делается и вывод о необходимости самого активного использования опыта капиталистических стран в развитии товарного хозяйства и крупного общественного производства — ведь Китаю на этапе социализма приходится доделывать и решать многое из того, что в других странах было реализовано на этапе капитализма.

В. Я. Портяков отметил, что в Китае уже с конца 70-х годов ставится, изучается и решается ряд вопросов экономической и политической жизни общества, которые у нас перестали быть «запретной зоной» только в последние два-три года. Это, например, детальная (и, надо сказать, весьма деликатная) научная оценка и характеристика так называемой «сталинской модели социализма», анализ взглядов Н. И. Бухарина, подробный сравнительный анализ отличий в теории и методах социалистического строительства на различных этапах в различных странах.

Теория начального этапа социализма убедительно свидетельствует, что сторонники реформ в Китае и Советском Союзе могут и должны быть союзниками в деле

творческого развития марксизма-ленинизма в соответствии с новыми условиями и новой практикой.

Доктор экономических наук Л. И. Молодцова (ИЭМСС АН СССР) высказала мнение, что с 1986 г. в экономической науке Китая закрепляется идея комплексного и поэтапного проведения хозяйственной реформы с упором на три звена — макроэкономический контроль государства, наличие регулируемого сверху социалистического рынка и широкая самостоятельность предприятий. По каждому из этих направлений были достигнуты определенные результаты — низовые хозяйственные звенья обрели некоторую свободу в отношении планирования своей деятельности, закупки сырья и реализации готовой продукции, внутренних структурных перестроек, наконец, у них появились собственные денежные средства. Однако многие из провозглашенных прав предприятий остались только на бумаге.

Хозяйственная практика толкала к необходимости дифференцированного подхода к разным типам предприятий. В этих условиях активизировались усилия с целью внедрения подрядной системы, которая начала вводиться на предприятиях еще в 1981 г., но затем была отеснена на второй план другими мероприятиями, в частности введением системы налогообложения.

Назначение подряда состоит в том, чтобы, обеспечив определенный уровень доходов госбюджета, заинтересовать предприятия в ускорении роста производства, уменьшить бремя лучше работающих предприятий, дать им свободу маневра. Однако этими преимуществами могут воспользоваться только организации, располагающие большими резервами производства. Предприятия отраслей, работающих в напряженном ритме, сталкиваются со значительными трудностями. Для низкорентабельных предприятий степень риска очень велика.

Подряд по существу возвращает к существовавшей до введения налогов системе нормативного деления прибыли, но возвращает уже на новой основе — при значительно большей хозяйственной самостоятельности предприятий и ее юридическом закреплении.

Подчеркивая переходный характер системы подрядной ответственности от прямого административного к косвенному экономическому управлению, китайские экономисты ставят вопрос о необходимости ее совершенствования и затем вытеснения более эффективными методами хозяйствования. Задачей самого ближайшего будущего является упрощение подрядной системы и ограничение чрезмерного многообразия ее форм. Затем должно последовать ослабление административного контроля, расширение сферы хозяйственной самостоятельности предприятий. Предприятия будут выходить из вертикальной и горизонтальной системы подчинения и заключать контракты с инвестиционными компаниями. Одновременно предполагается совершенствование налоговой системы.

Кандидат экономических наук И. Н. Коркунов выступил с докладом о стратегии социально-экономического развития Китая, как она была представлена на XIII съезде КПК. Рассказав о трех этапах стратегического плана, которые выделены в отчетном докладе съезду, докладчик отметил главную трудность дальнейшего развития сельского хозяйства — парцеллярность крестьянских хозяйств и необходимость внедрения современной агротехники, а также роль иностранных инвестиций в решении задач экономического развития страны.

Кандидат экономических наук Е. Ф. Селиванова в своем выступлении подчеркнула, что проблема народонаселения в Китае впервые была поставлена на партийном съезде и названа одной из важнейших, определяющих успех дела модернизации народного хозяйства страны. XIII съезд КПК объявил, что усиление контроля над численностью населения является первостепенной задачей партии, государства, всего народа.

Особенностью народонаселения Китая, указывалось на съезде партии, является усиление передвижения населения, прежде всего как результат оттока сельской рабочей силы не только в города, но и в многочисленные поселки городского типа. На базе сельских предприятий образовалось за последние несколько лет свыше 8 тысяч поселков с общим населением около 90 млн. человек. Идет процесс своего рода сельской урбанизации.

Кандидат экономических наук А. В. Островский показал влияние экономической реформы на социальную структуру китайского общества, отметив серьезные измене-

ния в низовых хозяйственных ячейках, особенно в связи с развитием коллективного и индивидуального секторов, а также с появлением секторов, связанных с привлечением иностранного капитала. Произошли благоприятные изменения в положении классов, в распределении прав и интересов. Значительно возрос отряд рабочего класса, прежде всего за счет коллективного сектора. Подворный подряд оказал существенное влияние на социальную структуру крестьянства. Все более активное участие крестьян вне сферы сельскохозяйственного производства ведет к складыванию «промежуточных» социальных слоев в сельской местности. Это, считает автор, определяет основные сдвиги в классовой структуре китайского общества 80-х годов.

Заметного роста интеллигенции пока не наблюдается. Реформа не оказала серьезного влияния на количественный состав кадровых работников, если в деревне он существенно сократился за счет введения подряда, то в городе, напротив, возрос.

Автор отметил серьезное повышение социальной мобильности в обществе, важным фактором при этом является получение профессионального образования. Это прежде всего относится к рабочему классу. Происходит постепенный отход от системы наследования рабочих мест, вводится система найма на предприятия по конкурсу, система профессионального обучения до поступления на предприятие. Произошел переход от централизованного распределения рабочей силы к самостоятельному трудоустройству.

У трудящихся расширились возможности сменить место жительства, работы или учебы.

Кандидат экономических наук **З. А. Муромцева** проанализировала концепцию модернизации народного хозяйства КНР. Она отметила известную преемственность нынешних планов и путей экономического возрождения Китая с планами Сунь Ятсена, которые также предполагали как всеобщую мобилизацию внутренних резервов общества, так и широкое использование иностранного капитала.

В современной концепции модернизации ставится три основных задачи — повышение экономической эффективности производства, производительности труда и качества продукции. Все мероприятия хозяйственной реформы направлены прежде всего на развитие производительных сил. За восемь лет (1979—1986) в техническую реконструкцию предприятий вложено средств в 1,7 раза больше, чем в предшествующие 26 лет. Благодаря этому свыше трети продукции 8012 наиболее важных предприятий по качеству достигло мирового уровня.

Автор рассмотрела объемы и формы использования иностранного капитала, а также отметила зависимость модернизации промышленности от развития сельского хозяйства.

Кандидат исторических наук **Н. Х. Ахметшин** (ИСАА при МГУ) остановился на факторах, способствующих осуществлению в стране реформы экономической и политической системы, а также на факторах, оказывающих негативное воздействие на эти процессы. К числу первых автор отнес выработку КПК глобальной программы перемен в экономической и политической жизни общества, которая объединила широкие слои населения страны. По его мнению, система семейного подряда, частных и индивидуальных предприятий, кооперативов отвечает традиционной предприимчивости народа, его умению торговать. Другим важным фактором является серьезное отношение руководства КПК к кадрам, его высокие требования к их идейно-политическому и профессиональному уровню. Наконец, главный противник реформ — бюрократический аппарат, считает автор, значительно сдал свои позиции в последние годы.

К негативным факторам реформы автор отнес тенденцию «равнения во всем на звонкую монету», восприятие некоторыми людьми демократии как вседозволенности, что проявилось, в частности, в студенческих демонстрациях конца 1986 — начала 1987 г., а также в националистических выступлениях в сентябре-октябре 1987 г. и марте 1988 г. в Тибете.

Как показал XIII съезд КПК, нынешнее руководство видит трудности и намерено твердо преодолевать их, развертывая хозяйственную реформу и создание социалистической политической системы с высокоразвитой демократией, совершенным законопорядком.

Кандидат исторических наук **К. В. Кукушкин** проанализировал проблемы партийного строительства между XII и XIII съездами КПК. Он отметил, что в 1983—1987 гг.

в КПК проводились серьезные мероприятия по упорядочению партии, которые способствовали укреплению идейного, политического и организационного единства ее рядов. Вместе с тем на XIII съезде КПК подчеркивалась необходимость продолжения этой работы, указывалось, что она должна вестись постоянно и систематически, а не в виде кампаний.

В идеологическом отношении, отмечалось на XIII съезде КПК, сохраняются влияние феодальных и буржуазных взглядов, сила привычек мелких производителей, что порождает различного рода правые и «левые» тенденции, мешающие социалистическому строительству. Учитывая, что «левые» тенденции укоренились глубоко и остаются препятствием на пути реформ, борьба с ними будет еще долго оставаться главной задачей партии.

В организационном отношении, указывалось на съезде, необходимо сосредоточить внимание на качественной стороне кадрового вопроса. В 1986 г. из 46,1 млн. членов партии только 17 % составляли рабочие, 41 % — крестьяне, 42 % — инженерно-технический персонал и кадры партийного и государственного аппарата. В ходе трехлетнего упорядочения партии было исключено 152 тыс. человек и около 600 тысяч получило различные партийные взыскания.

Усиление партийного руководства партии связывалось на съезде с необходимостью разграничения функций партийных и государственных органов. Отмечалось, что ЦК КПК должен разрабатывать стратегические установки по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики, экономики и национальной обороны, выдвигать кандидатуры на руководящие посты в органы верховной государственной власти, осуществлять политическое руководство во всех областях работы. Главные функции местных парткомов должны заключаться в обеспечении выполнения на местах указаний Госсовета КНР, рекомендовать кадры для назначения на основные посты в местных правительственных органах. Парторганизации на предприятиях должны гарантировать и контролировать их работу, оказывать поддержку директорам и управляющим, которые несут полную ответственность за деятельность предприятия.

Считается, что разграничение функций, усиливая эффективность работы партийного и государственного аппарата, направлено на преодоление бюрократизма, использования служебного положения в корыстных целях и других проявлений порочного стиля.

При осуществлении омоложения руководящего состава в настоящее время упор делается на центральные органы ЦК, Политбюро ЦК, а также провинциальные и городские партийные комитеты.

Намечено ввести систему государственных служащих, создать обстановку состязательности, проводя конкурсы на вакантные должности, экзамены и квалификационные проверки, выдвижение кадров с помощью демократических выборов.

Съезд предложил оздоровить порядок коллективного руководства и демократического централизма в партии: Постоянный комитет Политбюро регулярно докладывает Политбюро о своей работе, а Политбюро — пленуму ЦК партии, увеличивает число ежегодно созываемых пленумов ЦК, установлены правила работы и порядок созыва заседаний по вопросам партийной жизни Политбюро, Постоянного комитета Политбюро и Секретариата ЦК.

Съезд призвал решительно изгонять из рядов партии разложившиеся элементы, подрывающие дело партии и народа.

Выступление кандидата исторических наук И. В. Васильева было посвящено особенностям подготовки документов XIII съезда КПК, прежде всего обобщению девятилетнего опыта реформ и их теоретического обоснования. В Китае отмечалось, что эти проблемы разрабатывались с гораздо более широким привлечением коммунистов, ученых и других слоев общественности. Практически по всем важным вопросам реформ велись дискуссии в научной литературе, готовились научные обоснования, проводились эксперименты. Так, проект Отчетного доклада ЦК КПК XIII съезду многократно обсуждался на разных уровнях структуры партийного руководства, и его пятый вариант был разослан примерно пяти тысячам членов партии — уже избранным делегатам съезда, членам ЦК, кандидатам в члены ЦК, членам постоянных комитетов парткомов провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, больших военных округов НОАК. В августе 1987 г. группа по подготовке

проекта доклада провела недельное совещание. Работа велась в четырех группах по 100 человек в каждой, было высказано около 1000 предложений.

Седьмой пленум ЦК КПК в октябре 1987 г. единогласно одобрил шестой вариант отчетного доклада. Часть доклада, посвященная вопросу разграничения функций партийных и государственных органов, была опубликована в печати.

На съезде после широкого обсуждения в 33 делегатских группах в доклад было внесено свыше 130 поправок и после доработки докладом секретариатом съезда он был единодушно принят. В целом Отчетный доклад ЦК КПК XIII съезду основан на демократических началах и воплотил коллективную волю и разум подавляющей части партии и широких слоев народа.

В. И. Антонов в своем выступлении отметил некоторые особенности формирования высших партийных органов на XIII съезде КПК — курс на обновление, сокращение и омоложение, а также на повышение образовательного уровня состава ЦК КПК и его руководящих органов.

Кандидат юридических наук К. А. Егоров посвятил свой доклад проблемам реформы политической системы КНР. Он указал, что на XIII съезде КПК эта проблема рассматривалась как важное условие ускорения социально-экономического развития и дальнейшего углубления социалистических преобразований. Реформа должна поднять роль КПК как политического руководителя общества, предполагается разграничить функции партийного, государственного и хозяйственного руководства, совершенствовать демократические формы политической жизни (общественный контроль, развертывание диалогов и консультаций), укреплять режим законности и т. д.

Доклад доктора исторических наук Л. С. Переломова был посвящен анализу соотношения элементов традиционного и современного подходов в современной политической культуре Китая, в обыденном сознании народа. По мнению автора, тезис о необходимости «раскрепощения сознания» означает необходимость освободиться от схем, насаждавшихся в Китае с 1957 по 1976 гг., в частности от положения о том, будто социализм непременно предполагает в экономике только крупные хозяйства, основанные на общественной собственности. Синтез традиционного (ведение хозяйства в форме семейного подряда) и современного (коллективная форма собственности) и дал положительный результат в развитии китайской деревни.

Автор считает, что выражение «сяо кан шуйпин» следует понимать шире и глубже, нежели как «достижение уровня средней зажиточности». Это выражение взято из «Лицзи» и может означать для китайского народа тот важный факт, что КПК как бы взяла перед историей и нацией обязательство воплотить к 2000 году многовековую мечту народа, зафиксированную в этом историческом памятнике времен начала нашей эры, — «достижение уровня общества малого благоденствия». Следовательно, и здесь мы имеем дело с синтезом традиционного и современного подходов к осмыслению, в частности задач второго этапа развития народного хозяйства Китая, о котором говорилось в отчетном докладе ЦК КПК XIII съезду.

Доктор филологических наук В. Ф. Сорокин отметил, что в документах съезда сохраняются общие установки по вопросам культуры, выдержанные в духе решений 6-го пленума ЦК КПК 12-го созыва. В отчетном докладе подчеркнута необходимость «всемерного создания духовной культуры на базе марксизма, «интенсивного создания культурных условий, благоприятных для осуществления модернизации», необходимость отпора феодально-буржуазным взглядам и повышения энтузиазма и творческой инициативы народа. Отмечается, что в области строительства духовной культуры произошли важные сдвиги и что дело народного образования, культуры, искусства, издательского дела «находится в состоянии процветания».

Соглашаясь с этой оценкой, китайские деятели культуры в своих откликах на решения съезда поддерживают выраженные партийными инстанциями намерения создать «здоровую систему консультаций и диалога в обществе», говорят о необходимости реформировать структуру руководства литературой и искусством, освободиться от администрирования в этой области. Теперь у работников культуры есть общая идейная основа — теория начального этапа социализма, а также марксистская эстетика. В то же время раздаются предостережения от суженного понимания «реформ» — только относительно тематики художественных произведений. Речь должна идти о том, чтобы художники своими творениями двигали вперед реформы и сами

были их активными участниками. Как показывает художественная практика последних лет, успешное осуществление этой задачи не является легким делом.

Как известно, продолжал докладчик, начало прошлого года было отмечено студенческими волнениями, за которыми последовала борьба против «поветрия буржуазной либерализации», затронувшая ряд деятелей культуры. Китайская печать указывала, что в этой связи ряд печатных органов и исполнительских коллективов стали проявлять излишнюю осторожность в отношении произведений «на злобу дня» или экспериментального характера. Но это, очевидно, было временное явление. И выступления руководящих деятелей, и художественное творчество последних месяцев говорят о том, что курс «ста цветов», обеспечивающий разнообразие тематики и форм произведений литературы и искусства, остается в целом неизменным.

Кандидат исторических наук С. Н. Гончаров в своем докладе остановился на изменениях во внешнеполитической концепции руководства КНР*.

На пленарных заседаниях и заседаниях секций были обсуждены многие другие аспекты социально-экономической, политической и партийной жизни, которые затрагивались на XIII съезде КПК.

Закрывая конференцию, директор Института Дальнего Востока АН СССР доктор философских наук М. Л. Титаренко подчеркнул, что в научной конференции по итогам XIII съезда КПК, проходившей в течение двух дней, активное участие приняли не только научные сотрудники ИДВ АН СССР, но и ученые и практические работники других институтов и учреждений Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Хабаровска. С содержательными докладами и выступлениями по отдельным вопросам выступило более 60 ученых.

Мы рассчитывали, что в ходе этой конференции будет сделан еще один крупный шаг в деле всестороннего, углубленного и объективного изучения крупных, общественно значимых научных и практических проблем социалистического строительства в Китае. Объективная научная оценка существенного вклада, который внес XIII съезд КПК в теорию и практику строительства социализма в специфических условиях такой огромной и в прошлом отсталой страны, как Китай, — задача исключительной исторической важности.

Говоря о международном значении XIII съезда в теоретическом и практическом плане, М. Л. Титаренко подчеркнул, что многие проблемы, обсуждавшиеся на форуме китайских коммунистов, перекликаются с теми вопросами, которые активно дискутируются в международном коммунистическом движении и являются важной частью самопознания и самосовершенствования социализма. В этом смысле подходы китайских коммунистов близки и понятны коммунистам Советского Союза и других социалистических стран, занятых решением задач ускорения социально-экономического развития своих стран, коренной перестройки хозяйственного механизма социализма, очищения его от всего отжившего, застойного, коренной перестройки в духе подлинно социалистической демократии всех аспектов и составных частей политической системы социалистического государства, решительного преодоления элементов отчуждения народа в сфере власти и производства, всемерного вовлечения его в процесс выработки и принятия важных решений во всех областях жизни общества. Словом, главный смысл происходящих революционных процессов в социалистических странах заключается в том, чтобы отбросить все чуждое социализму и утвердить подлинное народовластие, чтобы каждый гражданин социалистического государства действительно обрел чувство хозяина своей страны и получил возможность всестороннего развития.

В подходе XIII съезда КПК к решению вопросов перестройки деятельности партии, в руководстве социалистическим строительством мы видим перекличку идей с XXVII съездом КПСС. Это — взаимообусловленный, комплексный процесс коренной перестройки экономической и политической системы социализма в духе расширения

* См. статью автора в этом номере журнала.

демократии, выработки такого механизма саморегуляции социалистической демократии, который бы предотвращал внутренние сбои и попытки определенных социальных групп в тех или иных условиях подчинить политический механизм социалистической власти и демократии своим групповым или личным интересам.

Это прежде всего — самокритичный и реалистичный анализ достигнутых народом под руководством партии успехов в строительстве новой жизни, тех трудностей, которые существовали и существуют, тех ошибок и упущений, которые были допущены в ходе этого строительства. Суровый реализм и взыскательная самокритика позволили китайским коммунистам преодолеть поветрие левачества и трезво оценить достигнутый обществом уровень как начальный этап социализма.

Это — акцент на перестройку, на рост ответственности партии за решение общегосударственных, общенациональных задач при максимальном повышении роли и ответственности государственных органов власти, ответственности и роли хозяйственных руководителей в центре и на местах за решение и выполнение практических проблем, относящихся к их компетенции, на всемерное развитие инициативы трудящихся масс. В этом, в частности, смысл разделения функций партийных, государственных и хозяйственных органов всех ступеней, как важной составной части реформы политической системы с целью искоренения бюрократизма, развития демократии при одновременном повышении личной ответственности каждого работника за выполнение поставленных перед ним задач.

Наконец, это — четко и ясно выраженное стремление проводить миролюбивую политику, органическая связь проблем развития социализма и сохранения мира. Хотя проблемы международной политики, если судить по опубликованным документам, затрагивались на съезде весьма скупно, но в отчетном докладе ЦК КПК XIII съезду со всей определенностью была подчеркнута заинтересованность Китая в сохранении благоприятной мирной обстановки и готовность КНР поддерживать отношения со всеми странами на принципах мирного сосуществования.

Некоторые товарищи утверждают, что чрезмерная открытость и гласность в критике недостатков периода застоя у нас, равно как и во времена засилия левачества в «культурной революции» в Китае, дает аргументы противникам социализма, подрывает авторитет мирового социализма. Такие высказывания неверны, опровергаются самой жизнью. Еще основоположники научного социализма указывали, что самокритика коммунистов — свидетельство их силы и способности к самообновлению, готовности, решимости и способности идти дальше и дальше по намеченному пути, преодолевая ошибки и заблуждения. Что же касается элементов «чрезмерности» тех или иных критических статей, то это лишь частности, неизбежные в таком большом и сложном деле.

В период революционных переломов и перестройки бывает трудно избежать тех или иных крайностей в выступлениях и действиях. Но главное — в росте политической активности, сознательности широких масс трудящихся, в приобщении их к политике. Главное — в сломе десятилетиями насаждавшегося западной пропагандой стереотипа социалистических стран как обществ с «железным» или «бамбуковым» занавесом, обществ якобы недемократических и «закрытых». Имевшиеся в прошлом нарушения социалистической демократии и у нас в СССР и в Китае действительно давали противникам социализма аргументы против нас. Процесс очищения идеалов и истинного образа социализма от всего, что чуждо ему, укрепляет позиции социализма, разоружает наших идеологических противников. Социализм — единственная альтернатива капитализму, в этом — одна из причин все возрастающего интереса широкой общественности западных стран к процессам перестройки и реформам в СССР и Китае.

Большое научное и практическое значение имеет разработка теории начального этапа социализма в Китае. Съезд очертил главные контуры этой теории. Советские ученые выступают за совместное углубленное обсуждение с китайскими коллегами этой крайне важной проблемы. Что касается дискуссии, возникшей на нашей конференции по поводу того, является ли концепция начального этапа социализма принципиально новой теорией социализма или же творческим развитием ленинского учения о строительстве социализма в отсталых в прошлом странах, не прошедших развитую стадию капитализма, М. Л. Титаренко высказал следующую точку зрения. При анализе этой теории необходимо строго придерживаться фактов и конкретно-исторического подхода, учитывать особенности социально-экономического развития Китая,

влияние традиций на политическую культуру страны, а также серьезно исследовать трактовку этой теории в официальных документах КПК и работах китайских ученых. С учетом этого, подчеркнул оратор, теория начального этапа социализма есть развитие марксистской теории строительства социализма, это начальный период развития этой общественной формации на собственной основе, когда завершается выполнение основных задач переходного периода. Имеющиеся факты не дают оснований рассматривать теорию начального этапа социализма вне концепции социалистического плюрализма или как некую новую концепцию социализма. Нельзя не учитывать содержащуюся в документах XIII съезда КПК оценку этой теории именно как теории строительства социализма с китайской спецификой, теории, не противоречащей общему международному опыту и, говоря ленинскими словами, «цельному социализму», а уточняющей его формулировки применительно к Китаю.

В трактовке теории строительства социализма с китайской спецификой на XIII съезде КПК, по мнению автора, важно то, что строительство социализма в Китае увязывается не только с осуществлением политики широких внешних связей со всеми зарубежными странами, но и с необходимостью изучения опыта строительства и реформ в других социалистических странах.

М. Л. Титаренко высказал мысль, что общий подход к проблемам строительства социализма в Китае, проведения реформ экономической и политической систем, подчеркнутая в документах XIII съезда КПК готовность Китая на деле содействовать проведению в жизнь политики мира и развития, разоружения и ликвидации ядерного оружия, будут, несомненно, способствовать процессу улучшения отношений Китая с зарубежными странами, включая Советский Союз.

Директор ИДВ АН СССР М. Л. Титаренко выразил уверенность, что советские китаеведы будут и впредь прилагать усилия для развития научных контактов и сотрудничества с китайскими учеными-обществоведами, и это будет реальным вкладом в налаживание практического механизма взаимного обмена опытом социалистического строительства в наших странах.

* * *

Как председатель Всесоюзной ассоциации китаеведов и директор ИДВ АН СССР Титаренко М. Л. остановился затем на вопросах перестройки советского китаеведения. Он отметил, что по этому кругу проблем обстоятельный обмен мнениями состоится в ноябре на предстоящем Всесоюзном собрании ассоциации. В предварительном порядке следует подчеркнуть, что решения XXVII съезда КПСС и февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС повелительно требуют от нас, ученых общественных наук, повернуться лицом к жизни, отрешиться от старых стереотипов, творчески, с позиций нового мышления изучать наиболее острые проблемы теории и практики. Немало таких проблем и в советском китаеведении.

Прежде всего необходимо полностью преодолеть инерцию прошлого периода взаимоотношений между СССР и КНР, открыто, непредубежденно и углубленно изучать богатейшую многовековую культуру этой страны, шире знакомить с ней советскую общественность, но главное, изучая историю китайской революции, опыт и уроки социалистического строительства, реформы в области экономики и политики, надо выявлять полезный опыт, идеи, продуктивные подходы к решению сложных задач развития, которые могут обогатить нашу теорию и практику, могут помочь эффективнее проводить перестройку в нашей стране.

Было подчеркнуто, что перед учеными ИДВ АН СССР, всем советским китаеведением стоит задача более глубокого и всестороннего изучения не только современного Китая, но и его новейшей истории. Такого рода исследования имеют большое научное и политическое значение, они будут служить делу укрепления сотрудничества с китайскими учеными, а также дружбы между нашими странами и народами.

Научная дискуссия в ИДВ по проблемам экономической реформы в Китае

6 апреля 1988 г. Ученым советом Института Дальнего Востока АН СССР была организована научная дискуссия на тему «Реформа экономической системы в КНР и ее проблемы». В этом диспуте приняли участие ведущие ученые Института Дальнего Востока, других академических институтов — Института экономики, востоковедения, Института экономики мировой социалистической системы, Центрального экономико-математического института, Института мировой экономики и международных отношений, ИНИОН, а также ГКНТ, МИД СССР и различные ведомства.

Диспут открыл директор ИДВ АН СССР, доктор философских наук, председатель Ученого совета Института М. Л. Титаренко, который во вступительном слове подчеркнул, что тема дискуссии имеет важное не только теоретическое, но и практическое значение. Обмен мнениями между учеными будет способствовать более глубокому пониманию многих аспектов затронутой проблемы.

С основным докладом о реформе экономической системы в КНР и ее проблемах выступил кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ И. Н. Наумов.

Докладчик отметил, что последние годы почти весь социалистический мир вступил в период экономических реформ, направленных на совершенствование систем управления народным хозяйством. С конца 1978 г. в этот процесс активно включилась КНР. Было отмечено много общего не только в причинах, которые вызвали необходимость реформ в социалистических странах (например, высокая степень централизации управления народным хозяйством, недостаточно гибкое использование товарно-денежных отношений, замедление научно-технического прогресса, снижение темпов роста и др.), а также и в конечных целях реформ: ускорение научно-технического прогресса, повышение эффективности производства, переход к преимущественно экономическим методам управления и т. п.

Вместе с тем, И. Н. Наумов показал и большие различия в социально-экономическом содержании реформ, в конкретных формах и методах их осуществления, что зависит от разнообразия условий социалистических стран.

В докладе были отмечены важнейшие проблемы осуществляющихся в КНР экономических реформ: 1) социально-экономическая и политическая ситуация в КНР привели к объективной необходимости проведения реформ; 2) основные направления проводимых реформ и их историческое место; 3) некоторые итоги первого этапа реформ; 4) возникшие проблемы и перспективы их преодоления.

Докладчик подчеркнул, что сложившиеся ранее отношения собственности в КНР вызваны перескакиванием в обобществлении средств производства через целые этапы развития общества. В связи с этим возникла необходимость проведения крупномасштабных преобразований в отношениях собственности, перехода от одноукладной экономики к многоукладной. Произошел демонтаж народных коммун в деревне, сняты ограничения с ведения подсобных хозяйств, быстро развиваются индивидуально-частное предпринимательство и кооперативный сектор в городской экономике, предпринимаются меры по реформе управления государственными предприятиями.

Одним из направлений экономической реформы в КНР после 1978 г. стал переход к концепции социалистического планово-товарного производства, развитие рыночной экономики и рыночного регулирования. В условиях господства мелкого производства, атомизированной структуры народного хозяйства и довольно слабого обобществления процесса производства, утверждает докладчик, роль стихийных рыночных отношений

объективно еще велика. В докладе приводятся данные по развитию системы рынков в Китае, включая рынки предметов потребления, средств производства, рабочей силы, ценных бумаг, научно-технических открытий и т. п.

Комплекс мер в ходе реформ был направлен на оздоровление социально-политической атмосферы в китайском обществе. Активнее стали внедряться стимулирующие формы оплаты труда. Не располагая материальными и финансовыми ресурсами, правительство после 1978 г. встало на путь дефицитного (инфляционного) финансирования роста денежных доходов населения. Во избежание финансовых потрясений проводится ряд крупных мер по наращиванию производства разнообразных потребительских товаров.

Благодаря проведенным мероприятиям в конце 70-х — начале 80-х гг. в КНР удалось предотвратить острейший экономический, социальный и политический кризис. Более стабильными стали темпы роста, были ослаблены некоторые диспропорции, значительно ускорился НТП, улучшилось материальное положение трудящихся.

Последняя часть доклада И. Н. Наумова была посвящена анализу проблем, возникших в ходе проведения экономических реформ в КНР. Переход в деревне на семейный подряд, с одной стороны, стимулировал трудовую активность крестьян, с другой — привел к невиданному распылению трудовых, материальных и финансовых ресурсов, обрабатываемого земельного фонда. После 1981 г. стали сокращаться вложения средств в сельскохозяйственное производство, снизились темпы ирригационного строительства, ускорилось разрушение уже построенных ирригационных систем и т. д., что привело к замедлению роста сельскохозяйственного производства.

Предоставление большей финансовой самостоятельности предприятиям — очередная экономическая проблема в КНР. Номинально в 1986 г. на предприятия должно было оставаться 42 % прибыли, а фактически оставалось 8—14 %, что вело к подрыву идеи перехода на полный хозрасчет, самокупаемость и самофинансирование. С аналогичными трудностями сталкивается образование рынков средств производства вследствие острого дефицита на оборудование и материалы. Главным методом материального обеспечения предприятий продолжает оставаться государственное фондирование, которое осуществляется последовательно на нескольких уровнях: государственном, провинциальном, окружном, уездном. Медленнее, чем предполагалось, реализуется идея сокращения директивного планирования и расширения сферы направляющего и рыночного регулирования.

Наиболее уязвимым в реформах является высокий рост цен как на продукты питания, так и на средства производства. Для населения КНР, привыкшего в целом к довольно стабильным ценам, это не совсем обычное явление. Со вступлением Китая в полосу реформ инфляция превратилась в их неотступного спутника. В докладе были раскрыты причины усиления дисбаланса между спросом и предложением в китайской экономике после 1978 г.

В настоящее время, отметил докладчик, в КНР сложилась своеобразная ситуация: с одной стороны, в результате проводимых реформ значительно оживилась экономическая жизнь, ускорились темпы НТП, меняется структура производства, усиливается роль экономических рычагов в управлении народным хозяйством, с другой — осуществление важных мероприятий постоянно наталкивается на мощные препятствия, в результате чего прогресс реформы тормозится из-за низкого в целом уровня производства материальных благ на душу населения, огромного дефицита экономики, гигантского избыточного населения, относительно узкой природной базы сельскохозяйственного производства.

В заключение И. Н. Наумов остановился на некоторых аспектах изучения и обмена опытом проведения экономических реформ в КНР и Советском Союзе.

В развернувшейся далее дискуссии по докладу выступавшие затронули целый ряд вопросов, представляющих как теоретический, так и практический интерес.

М. Л. Титаренко констатировал, что, по-видимому, экономическую реформу в КНР можно рассматривать и в плане самосовершенствования социализма. Реформа продиктована определенной исторической стадией социально-экономического развития Китая, — сказал он. Этот вопрос безусловно требует более тщательного изучения, как и вопрос о том, каким образом экономическая реформа в КНР увязывается с нынешним этапом социализма. Было высказано пожелание более подробно затронуть

в ходе дискуссии именно те вопросы экономической реформы в Китае, которые не получили еще должного обоснования.

Г. Н. Яценко (старший научный сотрудник ИДВ, кандидат исторических наук) не согласился с формулировкой докладчика о натуральном характере китайской экономики до реформы, поскольку имел место и обмен, и в определенной степени развивались товарно-денежные отношения. Кроме того, нельзя категорически утверждать, что снят лозунг «опоры на собственные силы», о чем также говорилось в докладе. Это — неточность. Другое дело, что Китай отказался от самоизоляции. Выступавший отметил также, что неправильно называть организацию свободных рынков прогрессивным явлением. Точнее было бы сказать, что образование свободных рынков позволило приблизиться к налаживанию снабжения через рынок. В Китае социализм носит реальный характер и по существу и по форме. Он также отметил, что в целом докладчик несомненно внес свой творческий вклад в изучение данной проблемы.

А. П. Морозов (зам. директора ИДВ, кандидат экономических наук) подчеркнул, что китайская реформа в теоретическом и практическом плане достигла тех рубежей, на которые ранее уже вышли социалистические страны, Советский Союз, а в ряде аспектов пошла дальше. В стране формируется новый хозяйственный механизм, сущность которого была определена на XIII съезде КПК формулой: «Государственное регулирование рынка и рыночное ориентирование предприятий», зависящий от характера взаимоотношений плана и рынка, централизованного народного хозяйства и товарно-денежных отношений.

Дискуссии идут вокруг количественных пропорций, и степень продвижения реформы измеряется уменьшением количества спускаемых сверху директивных начал. Концепция нового хозяйственного механизма сводится к тому, что социалистическая экономика должна быть на 100 % плановой, то есть регулируемой централизованно, и на 100 % регулируемой законами рынка. Но это может быть возможным только в условиях, когда планирование станет по преимуществу косвенным, индикативным, а не директивным.

Значительный интерес представляет китайская концепция «начальной стадии социализма», по которой социализм должен как в теории, так и на практике, вбирать в себя всю полноту действительности, а не исходить из заранее заготовленных схем. Китайские ученые предлагают определять социализм, исходя из новых критериев и принципов. В чем смысл замены капитализма социализмом? В создании лучших условий для развития производительных сил и в использовании его достижений на благо человека. Поэтому очень важен исторический подход к пониманию социализма как более прогрессивного строя. Многоукладность китайской экономики при главенствующем положении общественной собственности позволяет направить развитие производительных сил на удовлетворение интересов всего общества — таков критерий китайских ученых. Китайская концепция начальной стадии социализма вполне может иметь основание.

В. Ф. Феоктистов (зав. отделом ИДВ, кандидат философских наук) отметил многоплановость доклада, в котором поставлены многие важнейшие вопросы путей и методов строительства социализма в Китае. В то же время, по его мнению, недостаточно четко сформулировано само определение реформы в Китае. Китайские ученые считают ее движущей силой развития китайского общества, строящего социализм. Это формулировка нуждается в уточнении. Экономическая реформа, считает В. Ф. Феоктистов, есть способ разрешения, «снятия» существующих в Китае противоречий между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений. Именно в этом качестве реформа оказывает свое воздействие на производительные силы общества, стимулирует их развитие, а через них — развитие всего общества.

Серьезного внимания, с его точки зрения, заслуживает одобренная XIII съездом КПК концепция начальной стадии социализма в Китае, особенно ее идея о разделении понятий «вступление в полосу социализма» и «построение социализма». Эта концепция исходит из реальных условий Китая, из достигнутого уровня строительства социалистического общества, и, в известной степени, из новых критериев переходного периода и периода строящегося социализма. Ряд задач, которые ранее относились к переходному периоду (создание материально-технической базы социализма, подлинная куль-

турная революция и др.), китайские товарищи перенесли — с учетом опыта своей страны — на период начальной стадии социализма. Здесь есть над чем поразмыслить с точки зрения периодизации строительства социализма и критериев его завершения в странах типа Китая.

Э. П. Пивоварова (главный научный сотрудник ИДВ, доктор экономических наук) подхватила, что к оценке новых явлений в экономической жизни Китая нельзя подходить со старыми критериями, например определять завершенность переходного периода на основании лишь осуществленных преобразований в области собственности, по преобладанию ее социалистических форм. Тем более, что «начальная стадия социализма», определенная сегодня в КНР, подразумевает развитие многонациональной хозяйственной структуры. Очевидно, что продолжительность этого этапа (до середины следующего столетия) связана с теми выводами, которые сделаны китайскими учеными из практики социалистического строительства, а именно: решить задачи создания «цивилизованности» (о чем в свое время говорил В. И. Ленин) в стране, вышедшей из недр полуколониального и полуфеодалного общества, где и сегодня наряду с современным производством существует примитивное, кустарное производство и ручной труд, а четверть населения остается неграмотной, невозможно в рамках переходного периода, определяемого даже тремя-четырьмя пятилетками. Для этого нужна продолжительная работа в течение всей «начальной стадии социализма». По сути дела на этот период в КНР приходится та работа по подъему производительных сил, без которой социализма быть не может и которую в иных случаях выполнил капитализм (развитие товарного хозяйства, использование различных форм хозяйственной деятельности, допущение наемного труда и т. д.). Качественные отличия этой работы в КНР на «начальной стадии социализма» видятся в доминирующих позициях общественной собственности и распределения по труду, в макроконтроле государства.

Что касается семейного подряда и его потенциалов, он, по мнению выступавшей, еще не исчерпал себя и пока можно не тревожиться о продовольственной проблеме в стране. Параллельно будут отыскиваться, вероятно, и новые формы интенсификации производства.

Б. З. Мильнер (заведующий отделом Института экономики, доктор экономических наук) положительно отозвался о работе по изучению перестройки системы управления в Китае, которой занимается ИДВ и за которой экономисты внимательно следят. Во-первых, отметил он, хозяйственная реформа в Китае затрагивает политическую, экономическую и социальную сферы. Во-вторых, как и другие социалистические страны, Китай может послужить своего рода лабораторией, где отработывается механизм реформы. Многие проблемы, над которыми сейчас работают советские экономисты, требуют более глубокого изучения опыта КНР. Вокруг чего идут споры в СССР, по каким аспектам перестройки? К ним относятся: перестройка планирования и прежде всего вопрос о государственном заказе, введение экономических нормативов, оптовая торговля средствами производства, формирование социалистического рынка, самоуправление в трудовых коллективах, организационная структура всего народного хозяйства. Было бы полезно более подробно разработать эти вопросы. Институт экономики рассчитывает на совместные исследования в содружестве с ИДВ.

Можно было бы, добавил **М. Л. Титаренко**, претворить в жизнь идею о проведении совместно с китайскими коллегами научных конференций, осуществить общими силами сравнительный анализ реформ в КНР и СССР.

В. Я. Портяков (заведующий сектором ИЭМСС, кандидат исторических наук) подчеркнул необходимость четкого разделения между институтами тематик исследования реформ КНР. Назрела необходимость изучения практики создания в Китае рынков средств производства (Шицзячжуанский метод), кредитных рынков — институтам АН СССР нужна общая программа изучения китайских реформ.

Выступавший предложил более планомерно освещать основные направления китайской реформы на страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Существует много споров о современном этапе реформ в Китае. Зам. директора института экономики АОН Китая Юй Цзуюо подчеркнул, что реформу в Китае нельзя рассматривать изолированно от общего развития экономики.

Касаясь хозяйственного механизма КНР, В. Я. Портяков обратил внимание на то,

что Чжао Цзыян на XIII съезде КПК акцентировал внимание на реформе политической структуры, без которой невозможна синхронизация стратегии реформ.

Относительно семейного подряда. Сейчас реальная жизнь рождает формы кооперации, о которых раньше вопрос не стоял, например организация кооперативов денежной взаимопомощи («Хэцзо цыцзиньхуэй»).

А. М. Круглов (старший научный сотрудник ИДВ, кандидат экономических наук) выразил несогласие с тем, чтобы главное содержание реформы сводить к «коренным изменениям в системе собственности». Речь, скорее, должна идти об изменениях в структуре собственности, о тенденции к взаимному проникновению различных форм собственности. Широкое развитие сдачи предприятий в подряд или аренду — это не столько изменения в системе собственности, сколько создание новых форм хозяйствования. В этой связи выступающий высказался против упрощенного подхода к характеристике семейного подряда, как противопоставления коллективному хозяйствованию, которое существовало до ликвидации народных коммун. Одним из реальных процессов в сегодняшней китайской деревне — наряду с бурным развитием сельской промышленности, поглощающей избыточную рабочую силу из сельского хозяйства является концентрация земли (отошедших от сельскохозяйственного труда), по выражению китайской печати, у «умельцев». Практически происходит создание групп совместного подряда, концентрация земли в руках коллективов («ляньхэти») кооперативного (паевого) типа, то есть это уже качественно отличный от периода народных коммун процесс «коллективизации», базирующийся на имущественной основе. Выступающему кажется неправильным характеризовать переход от коммун (бригад) к крестьянским дворам в качестве основных хозяйственных единиц как к индивидуальному хозяйствованию.

Что касается «теоретической новизны» вопроса о допущении многоукладности народного хозяйства в переходный к социализму период, то, по мнению выступавшего, необходимо использовать известные работы В. И. Ленина о возможности и объективной необходимости НЭПа, а также форм госкапитализма как вспомогательных средств, своего рода промежуточных звеньев в социалистическом строительстве в странах с преобладающим сельским населением и отсталой экономикой.

А. В. Островский (старший научный сотрудник ИДВ, кандидат экономических наук) отметил полезность научной дискуссии. По его мнению, экономическая реформа в Китае представляет собой попытку создать новый хозяйственный механизм, который способствовал бы более полному проявлению закона стоимости. Изменения с начала 80-х гг. происходили по следующим направлениям: во-первых, планирование. В Китае отказались от жесткой централизации. Однако на предприятиях госсектора кардинальных сдвигов не произошло. Имеется еще большое количество директивных указаний. В коллективном секторе их осталось 1-2 пункта. Во-вторых, экономические нормативы. Для крупных государственных предприятий они остаются жесткими (подходный налог, регулирующий налог, отчисления от прибыли), для коллективных предприятий нормативы более свободные. В третьих, оптовая торговля средствами производства. В основном пока ею охвачены индивидуальные и частные предприятия. В-четвертых, самоуправление. Это — один из ключевых вопросов. На практике самоуправление осуществляется главным образом через собрания представителей рабочих и служащих (СПРС) и проявляется по-разному. На одних предприятиях произошел переход к самоуправлению через СПРС, на других эти собрания действуют лишь формально. В-пятых, изменение организационной структуры. В городах в отдельных случаях, например, в Чанчжоу удалось добиться осуществления комплексной реформы. Каковы социальные последствия проводимой реформы? Какие изменения происходят в структуре собственности? Воссозданы классы и социальные группы, существовавшие еще в 50-х гг. В ходе реформы Китай стал уходить от уравниловки. В китайской экономике происходят огромные сдвиги. Более динамично стала трансформироваться структура китайского общества.

Подводя итоги научной дискуссии, директор ИДВ **М. Л. Титаренко** отметил, что учеными были поставлены многие вопросы, которые требуют конкретных решений и предложил также провести дискуссию на тему «Реформа отношений собственности в КНР».

Б. К. ЧИЖОВ

Всесоюзная ассоциация китаеведов пополнилась новым региональным органом. 18 апреля 1988 г. в Киеве состоялась учредительная конференция Украинского отделения ВАКИТ. Республиканская научно-общественная организация объединяет в своих рядах ученых-китаеведов, общественных деятелей, преподавателей, переводчиков, работников средств массовой информации Украины.

Китаеведение на Украине, имеющее давние традиции, в последние годы получило заметное развитие, связанное с расширением научных, производственных и культурных связей между КНР и Украинской ССР. Деятельность отделения ориентирована на дальнейшее развитие китаеведения на Украине, пропаганду среди широкой общественности исторического и культурного наследия китайского народа, успехов КНР в строительстве социализма.

Украинское отделение ВАКИТ имеет тесные связи с Обществом украинско-китайской дружбы, сотрудничает с украинскими востоковедами. В республике накоплен немалый опыт перевода на украинский язык классической китайской литературы, произведений современных авторов.

На учредительной конференции присутствовало свыше 40 человек — ученых, преподавателей, сотрудников практических организаций. Были заслушаны выступления академика АН УССР В. М. Русановского, доктора исторических наук А. Ф. Черникова, кандидата исторических наук В. В. Седнева и ряда других участников. Была подчеркнута необходимость дальнейшего развития китаеведения в республике, углубления научных исследований, активизации лекционной пропаганды, расширения издания переводной и научно-публицистической литературы. Состоялись выборы бюро правления Украинского отделения ВАКИТ. Председателем бюро избран кандидат исторических наук В. В. Седнев, секретарем — А. З. Гончарук.

Значительную помощь в подготовке и проведении конференции, создании организационных и методических основ Украинского отделения оказали правление и секретариат ВАКИТ. На конференции присутствовал и выступил с докладом член президиума правления ВАКИТ, доктор филологических наук В. Ф. Сорокин.

Викторина «Что я знаю о Китае!»

Интерес к истории, традициям и современности Китая растет не только среди специалистов, но и среди молодежи. Для углубления их знаний о КНР в Москве 15 апреля 1988 г. прошел 2-й тур викторины «Что я знаю о Китае?», в котором встретились команды интернатов с преподаванием китайского языка №№ 11 и 14.

1-й тур проходил в мае — апреле прошлого года и определил победителей внутри интернатов.

Шефы из ИДВ АН СССР постарались сделать викторину интересной и полезной для школьников, подготовили конкурсные вопросы, читали лекции о Китае с показом слайдов. Конкурсные вопросы касались всех сторон жизни Китая — династийной истории, культуры и литературы, истории революционного движения экономической реформы. Целый ряд вопросов был посвящен XIII съезду КПК и намеченной съездом экономической и политической программе.

Конкурс, проходивший оживленно и неформально, захватил не только команды интернатов, но и всех присутствующих в просторном зале интерната № 11, команда которого и стала победителем. Всем участникам конкурса были вручены призы.

Памяти Ясу Катаямы

Смерть вырвала из наших рядов Ясу Катаяму — товарища, друга, коллегу. Трудно примириться с мыслью, что мы уже не увидим эту скромную, обаятельную женщину.

Ясу Катаяма — дочь одного из основателей коммунистической партии Японии, видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения Сэн Катаямы, — прожила долгую и насыщенную жизнь, став живой нитью, связывающей советскую общественность с демократической общественностью Японии.

Для нас, комсомольцев конца 20-х — начала 30-х гг., имена видных деятелей братских партий Коммунистического Интернационала были именами, зовущими к интернационализму, поднимающими на активную комсомольскую и трудовую деятельность. И среди них было имя Сэн Катаямы (1856—1933), члена Президиума ИККИ, человека много сделавшего для распространения марксизма-ленинизма в Японии и в других странах. Прах Сэн Катаямы захоронен в Кремлевской стене.

И вот теперь отец и дочь — японцы, постоянно думавшие о далекой родине и отдававшие все, что в их силах делу взаимопонимания между нашими народами, — будут покоиться на московской земле, которая стала для них второй родиной.

Я познакомился с Ясу Катаямой в начале 60-х гг., затем последовало сотрудничество в Обществе «СССР — Япония». Ясу Катаяма была верной помощницей отца в его политической деятельности и заботливым другом в житейских делах. Будучи подростком Ясу эмигрировала в США, где встретилась с отцом и стала помогать ему. Там она вносила свой посильный, скромный вклад в раздвигающееся американское социалистическое движение. Участвовала в благотворительных концертах, изготовляла на продажу кустарные изделия, а вырученные средства передавала в партийную кассу. Это способствовало выработке у Ясу понимания целей партийной работы отца, ее собственного мировоззрения. Ясу Катаяма впитала идеи отца, веру в справедливость рабочего дела и пронесла их через всю жизнь. В 1931 г. она приехала в Москву. И здесь, в меру своих способностей и сил, она помогала отцу, возглавлявшему японскую группу в Коминтерне и выполнявшему ответственную работу члена ИККИ. После смерти отца в 1933 г. Ясу осталась в Москве одна. Можно только представить, какие чувства испытывала одинокая молодая женщина, не знающая языка, не знакомая с укладом, обычаями страны, где она очутилась. Всю заботу о Ясу взяли на себя советские люди. Огромное влияние на ее дальнейшую судьбу оказала Н. К. Крупская. Она посоветовала Ясу прежде всего «повариться в рабочем котле», получить закалку, проникнуться духом энтузиазма первых пятилеток. Ясу пошла работать на часовой завод, где освоила профессию, стала заниматься русским языком. Ясу часто рассказывала, какую помощь ей оказывали русские рабочие, какой дружный был коллектив, в котором она впервые почувствовала товарищескую поддержку. «Незабываемое время», — вспоминала она, улыбаясь.

Затем Н. К. Крупская посоветовала Ясу воспользоваться знаниями иностранных языков. Ясу стала работать в библиотеке иностранной литературы, однако истинное призвание обнаружилось у Ясу на преподавательской работе, захватившей ее полностью. Она оказалась прирожденным методистом, чутко улавливающим необходимость различного подхода к студентам в зависимости от их подготовки, индивидуальных особенностей, характера. Известен вклад Ясу Катаямы в методологию изучения восточных языков. Она является одним из авторов первого советского учебника японского языка. Ей принадлежит разработка системы разговорной практики, связанной с курсом последовательного освоения теоретических основ японского языка. Ясу Катаяма непрерывно работала над поисками новой методики преподавания разговорной речи. Ее уроки японской разговорной речи, иероглифики были всегда глубоко продуманы и оставляли глубокий след в сознании слушателей. Ценность ее уроков состояла и в умелом сочетании филологического обучения со знакомством слушателей с культурой японского народа, фольклором, бытом. Она с увлечением разыгрывала маленькие сценки из японской жизни. При всей своей тактичности, вежливости Ясу Катаяма была требовательна и строга, не терпела неаккуратности и уж тем более лени. Прошли десятки лет и умудренные

жизнью люди с тихой грустью и улыбками вспоминают как им «попадало», как приходилось краснеть перед милой даже в гневе Ясу.

Через «мастерскую» Ясу Катаямы прошло несколько поколений советских японоведов. Она преподавала в Институте востоковедения им. Нариманова, в Научно-исследовательском институте востоковедения, в Институте стран Азии и Африки при МГУ, в Институте внешней торговли. И везде, где бы ни работала Ясу, ее вспоминают с уважением и почтением. Ее ученики стали крупнейшими востоковедами, известными и у нас в стране, и за рубежом. Многие из них удостоены высоких ученых степеней и званий, заняты на ответственной работе в государственном и партийном аппарате.

Но Ясу была не только педагогом. В грозные дни Великой отечественной войны она работала в советском радиовещании диктором на Японию. Будучи одним из первых дикторов-японцев, она помогла донести до японских людей истинный характер освободительной борьбы советского народа и его армии, правду о положении на фронтах и о борьбе партизан в тылу фашистских захватчиков. В деловом отношении ее отличали высокий профессионализм и требовательность к себе и окружающим.

Окидывая взором жизненный путь Ясу Катаямы мы высоко оцениваем ее вклад в установление и развитие взаимопонимания и дружбы между советским и японским народами. Это было ее жизненным кредо.

Следует подчеркнуть, что она умела найти общий язык с представителями самых широких слоев общественности Японии, заинтересованными в установлении дружественных отношений с Советским Союзом. Это и прогрессивные деятели литературы и искусства, науки, и реалистически мыслящие государственные и политические деятели, и представители делового мира, заинтересованные в развитии экономических связей с СССР, и т. п.

С 1958 г., с момента создания Общества «СССР — Япония» Ясу Катаяма была бессменным заместителем председателя его центрального правления.

Она активно участвовала как у нас в стране, так и в Японии в крупных и важных политических, экономических и культурных мероприятиях, направленных на установление и развитие советско-японских связей.

Деятельность Ясу Катаямы была исключительно эффективна при установлении и развитии связей с различными демократическими организациями Японии. Особое внимание Ясу уделяла работе в женской комиссии Общества «СССР — Япония». Ни одно мероприятие комиссии не обходилось без участия Ясу и уже тем более встречи и беседы с японскими женщинами, проходившие в трогательной и волнующей атмосфере. Неразрывная связь с общественными организациями, теплые личные контакты способствовали взаимопониманию и доверию.

Во всем этом огромную роль сыграли высокие личные качества Ясу, которые отмечаются как советскими, так и японскими людьми: доброжелательность, внимательность, простота, откровенность, жизнерадостность, сочувствие чужому горю, доброта, умение слушать и понимать собеседника. С ней можно было всегда поделиться своими заботами; она всегда была готова разделить ваше горе, дать совет и помочь морально, а если в ее возможностях, то и материально. О ее доброте знали все, она от души делилась всем, что имела. Несомненно, это был человек большой внутренней культуры, обаяния, теплоты.

Для посещавших Советский Союз японцев, независимо от их взглядов, стало как бы само собой разумеющимся встретиться с Ясу Катаямой. И для них всегда у нее была открыта душа и дом. Она не жалела сердечной теплоты. Люди это понимали и тянулись к ней, желали новых встреч, переписывались с ней. Мне неоднократно приходилось присутствовать при встречах Ясу с отдельными японцами, делегациями и туристическими группами из Японии в Доме дружбы с народами зарубежных стран. Это были волнующие встречи.

Ясу тонко чувствовала аудиторию, ее настроение и умело вела беседу, используя примеры, доказательства из собственной жизни, советской и японской действительности.

Взаимопонимание, поддержка личных контактов немыслима без переписки. Личная переписка Ясу Катаямы огромна. Тысячи писем хранятся в ее архиве, и в каждом

письме сердечный разговор со своим собеседником. Переписка Ясу дополняет ее общественный и личный портрет.

Не случайно упомянуто и об открытости дома Ясу. Кто только ни посетил ее квартиру — японские общественные деятели, научные работники, студенты, туристы, дети, приезжающие в советские пионерские лагеря. Неподдельное радушие, уважительность, приподнятое настроение всегда господствовали на этих встречах. И даже, если Ясу нездоровилось, она никогда не подавала вида. Неизменная улыбка на лице и поклоны. Все пришедшие желанны — таков был девиз в квартире в Чапаевском переулке. Смех и шутки соединялись с обсуждением серьезных вопросов международной и внутренней жизни. И, само собой разумеется, Ясу не могла отпустить гостя без сувенира, причем стремилась, чтобы сувенир был памятен, носил в себе частичку духа общения или напоминал о культуре, быте советского народа.

Не случайна та искренняя скорбь, проявленная японской демократической общественностью в связи со смертью Ясу Катаямы. Было много телефонных звонков, телеграмм. Среди них — от Центрального правления Общества «Япония — СССР», от федерации и отделений Общества японо-советской дружбы, от Общества японо-советских связей, от Японского женского совета, от Рабочего университета. Свои глубокие соболезнования выразили коллеги Ясу, связанные с ней десятилетиями дружбы, виднейший деятель КПЯ почетный председатель ЦК партии Сандзо Носака, активный проводник советско-японской дружбы на острове Хоккайдо Ясабура Сибано, председатель правления Общества японо-советских связей Аки Накати, советник Общества «Япония — СССР» Мураити Хория, бывший председатель правления Общества «Япония — СССР» Кэйта Хидзиката и др.

Через все соболезнования проходит главная мысль: мы никогда не забудем ее вклад в укрепление и развитие советско-японской дружбы. С этим нельзя не согласиться. Ясу Катаяма этим жила. Поступили телеграммы и от отдельных японских граждан, трогательные по своей сердечности. Так, У. Омото пишет: «Сожалею о ее смерти. Она была мне как мать».

На траурное прощание пришли члены Центрального правления Общества «СССР — Япония», его активисты, бывшие ученики Ясу Катаямы, японцы, проживающие в Москве, японские студенты.

После похорон Ясу пришедшие японские студенты, обучающиеся в Москве, спели ее любимые песни.

Трудовая и общественная деятельность Ясу Катаямы высоко оценивалась Советским правительством. Она была награждена орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы Народов, медалями. Президиум ССОД вручил ей Почетный знак «За вклад в дело дружбы». Об отношении к Ясу Советского государства говорит и факт установления ей персональной пенсии союзного значения.

Рассматривая ретроспективно жизнь Ясу Катаямы можно определенно сказать, что она была верна идеям своего отца-коммуниста. Ее смерть — тяжкая утрата не только для Общества «СССР — Япония», но и для всего дела взаимопонимания и дружбы между народами Советского Союза и Японии.

Время быстротечно. Ушли люди, стоявшие у истоков послевоенных отношений между нашими странами, заложившие основы развития дружеских отношений между советской и японской общественностью: Е. М. Жуков, М. В. Нестеров, К. М. Попов. Среди них была и Ясу Катаяма. Приходит новое поколение, которому предстоит укреплять сделанное в иных, более сложных условиях.

В одном из своих стихотворений Иван Бунин писал, что из глубины веков на мировом погосте звучат лишь письма. Так оставим и мы скромные строчки о нашем товарище, коллеге, друге в надежде, что жизнь и деятельность Ясу Катаямы — человека верного своему идеалу и цели, с высокими моральными и этическими качествами — послужит примером идущим поколениям.

*А. М. ШАРКОВ,
доктор экономических наук,
профессор,
член Центрального правления
Общества «СССР — Япония»*

ПОПРАВКА

В ж-ле «ПДВ» № 3 1988 г. русск. яз. на стр. 164 в строке 6-ой сверху
вместо слова СОИ читать ПРО

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1988, № 4, 256 с.
Технический редактор *Ерохова Т.*

Сдано в набор 16.05.88. Подписано в печать 16.06.88. А 04639. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литер. Усл. печ. л. 19,5. Уч. издат. л. 21,36.
Усл. кр.-отт. 30,6. Изд. № 43442. Тираж 10 632 экз. Заказ 1204. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного
комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. 119817, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический
комбинат В/О «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской области

**Читайте в ближайших номерах
нашего журнала:**

Портовые города Китая в открытой политике КНР

Реформа образования в Китае

По Тибету: природа, история, обычаи и традиции